СТОЛѢТІЕ

СОБСТВЕННОЙ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

КАНЦЕЛЯРІИ.

Съ ВЫСОЧАЙШАГО соизволенія,

составилъ

приватъ-доцентъ В. Н. Строевъ.

XV-25.141
Всесоюзная Книжная Палата

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Государственная Типографія.
1912.

Печатать

Ответ. секретарь Ефимова

Николай

Александръ

Тип. Т. Голике и А. Вильборгъ 1874.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Царствованіе Императора Александра I.

ГЛАВА 1-я.

Краткій очеркъ учрежденій, предшествовавшихъ по значенію Собственной Его Величества Канцеляріи. Общее значеніе ея во время управленія графа А. А. Аракчеева.

Въ наши дни, когда начальникъ всякаго болѣе или менѣе значительнаго установленія имѣетъ свою канцелярію, трудно себѣ представить, что, еще не болѣе какъ сто лѣтъ тому назадъ, Глава обширнѣйшаго въ Европѣ государства не имѣлъ Своей Собственной Канцеляріи.

Чтобы найти разгадку этого явленія, необходимо бросить бѣглый взглядъ на существовавшія до вступленія на Престолъ Императора Александра I учрежденія, которыя играли, до извѣстной степени, роль того установленія, которое впослѣдствіи именовалось Собственной Его Величества Канцеляріей.

Изъ Московскихъ Государей такого рода учрежденіе создалъ первымъ Царь Алексѣй Михайловичъ, такъ какъ при Немъ, вслѣдствіе роста новыхъ государственныхъ потребностей, задачи управленія замѣтно расширились. Основанное Имъ учрежденіе называлось Приказомъ Тайныхъ Дѣлъ. Приказъ этотъ долгое время неосновательно считался чѣмъ то въ родѣ позднѣйшей Тайной Канцеляріи.

Знаменитый Шлецеръ даже писалъ: «Царь Алексій Михайловичъ собственно отбилъ у всѣхъ охоту къ лѣтописанію учрежденіемъ Тайной Канцеляріи, этой политической инквизиціи, толико же безчеловѣчной, какъ и бывшій Вестфальскій тайный судъ или Гиспанская церковная инквизиція».[1] Но въ настоящее время большая часть книгъ и столбцовъ Приказа Тайныхъ Дѣлъ напечатана и не оставляетъ сомнѣнія относительно истиннаго значенія этого учрежденія; они наполнены распоряженіями по дворцовому хозяйству. Кромѣ того, здѣсь находится масса черновыхъ указовъ и писемъ Царя, писанныхъ частью Имъ собственноручно, частью дьяками Приказа. Входящія дѣла состоятъ преимущественно изъ отписокъ воеводъ, челобитныхъ, извѣтовъ и т. д. Такимъ образомъ Приказъ Тайныхъ Дѣлъ имѣлъ въ сущности значеніе Личной Канцеляріи Монарха и въ то же время учрежденія, завѣдывавшаго дворцовымъ хозяйствомъ. Названіе Приказъ Тайныхъ Дѣлъ указывало на особенно интимный характеръ его, на особую близость его къ Государю.

При Императорѣ Петрѣ Великомъ, учрежденіе, соотвѣтствовавшее Приказу Тайныхъ Дѣлъ, носило уже иностранное названіе Кабинета Его Величества, по примѣру сходныхъ учрежденій при западныхъ Государяхъ. Лица, стоявшія во главѣ Кабинета, назывались Кабинетъ-Секретарями. Вотъ какъ Кабинетъ-Секретарь Макаровъ исчислялъ предметы вѣдѣнія своего учрежденія послѣ смерти Великаго Преобразователя: «кореспонденція со всѣми російскими министрами и агентами, обрѣтающимися при чюжестранныхъ дворѣхъ, и щеты отъ нихъ присылаются немалые; кореспонденція со всѣми російскими губернаторами, вице-губернаторами и протчими управителями, а наипаче изъ Гиляни и изъ крѣпости Святого Креста; челобитныхъ въ Кабинетъ входитъ не менши того, какъ и къ рекетмейстеру, по которымъ бываютъ немалыя справки; съ сенатомъ, съ синодомъ и съ протчими колегіями,

[1] «Несторъ. Русскія лѣтописи на древле-славенскомъ языкѣ, сличенныя, переведенныя и объясненныя А. Л. Шлецеромъ.» Часть 1-я. Перевелъ съ нѣмецкаго Дмитрій Языковъ. С.-Петербургъ, 1809 года. «Введеніе въ древнюю русскую исторію вообще».

канцеляріями и канторами по разнымъ дѣламъ предложенія, сношенія и справки; особливыя строеніи, которыя изъ Кабинета, въ Ригѣ, въ Ревелѣ, въ Рогервикѣ, въ Дубкахъ, которымъ присылаются репорты, а наипаче щеты немалые; также петергофскимъ и стрѣлинскимъ строеніямъ щеты для свидѣтелства въ Кабинетъ же присылаются; расходъ мелочной придворной всякой, въ томъ числѣ: 1) содержаніе придворныхъ служителей жалованьемъ, платьемъ и протчимъ; 2) расходъ же по токарнѣ (Царской), по партикулярнымъ судамъ немалой всякимъ покупкамъ; 3) именинникамъ, поздравляющикамъ, славельщикамъ; 4) посылающимся въ разныя мѣста куріерамъ; 5) переводъ чрезъ векселя за море на обрѣтающихся тамъ учениковъ и за покупныя за моремъ огородныя деревья, сѣмена и за протчія вещи, и щипорамъ (шкиперамъ) за провозъ заплата; 6) за объявленіе монструмовъ и на родины родильницамъ и бабкамъ и другіе тому подобные мелочные расходы, которыхъ всѣхъ подробно описать не мочно; вновь выѣзжіе изъ Англіи, Голандіи и Франціи мастеровые люди дачею жалованья, снабденіемъ матріаловъ, принадлежащихъ къ ихъ работамъ... Борисъ Нероновъ съ огородными всякими дѣлами, съ мастеровыми людьми, съ садовниками и звѣровщиками; о полковыхъ дѣлахъ табели и прочіе вѣдомости; гисторія или журналъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государя Императора...».[1] Такимъ образомъ Кабинетъ-Секретарь былъ: 1) лицомъ, завѣдывавшимъ дворцовымъ хозяйствомъ и 2) управлявшимъ Личною Канцеляріею Монарха.

Кабинетъ Петра Великаго былъ упраздненъ въ царствованіе Императора Петра II и возстановленъ только Императрицей Елисаветой, желавшей слѣдовать примѣру своего Великаго Родителя. При ней во главѣ Кабинета былъ поставленъ петровскій ветеранъ Иванъ Антоновичъ Черкасовъ, который объявлялъ волю Государыни всѣмъ учрежденіямъ, принималъ и докладывалъ Ей всѣ бумаги, поступавшія на Высочайшее Имя, писалъ на нихъ отвѣты и т. д., но наряду съ этимъ завѣдывалъ и всѣмъ дворцовымъ хозяйствомъ. Благодаря этому

[1] Гос. арх., IX разр., II отд., кн. 94, лл. 7—9.

получалось странное смѣшеніе важныхъ государственныхъ дѣлъ съ мелкими хозяйственнаго обихода, на что и обратила вниманіе Императрица Екатерина II. Въ самомъ началѣ Ея царствованія изъ Кабинета Ея Величества были выдѣлены «собственныя Ея Величества дѣла». Въ «Петербургскихъ вѣдомостяхъ» 2 мая 1763 года значится: «Минувшаго апрѣля 1 числа Ея Императорское Величество, даннымъ Правительствующему Сенату Высочайшимъ Своимъ указомъ, Всемилостивѣйше приказать соизволила дѣйствительному статскому совѣтнику Григорію Теплову быть при Ея Величествѣ у отправляемыхъ Ея Величествомъ собственныхъ дѣлъ».

Управленіе собственными Ея Величества дѣлами получило затѣмъ характеръ коллегіальный: въ концѣ славнаго царствованія ихъ вѣдали три лица: П. И. Турчаниновъ, А. М. Грибовскій и Д. П. Трощинскій;[1] у каждаго изъ послѣднихъ была своя канцелярія, но дѣла они вели сообща. Какъ раньше (до 1794 года) Кабинетъ Его Величества, такъ теперь канцеляріи этихъ лицъ помѣщались во дворцѣ, служившемъ въ данное время Императорскою резиденціею.

Со вступленіемъ на Престолъ Императора Павла, не любившаго вообще дробленія должностей, учрежденіе это пріобрѣтаетъ снова единоличный характеръ. «Для управленія собственными Своими дѣлами и канцеляріею», пишетъ современникъ: «избралъ Онъ господина Трощинскаго, человѣка славящагося... хорошимъ своимъ характеромъ и бывшаго въ милости и первымъ секретаремъ и докладчикомъ у покойной Императрицы. Сего человѣка, пожаловавъ чиномъ и украсивъ орденомъ, снабдилъ Онъ 4.000 рублями на канцелярію, и учредилъ, чтобъ былъ онъ предъ Нимъ всякій день и составлялъ одного только докладчика... Говорили и писали около сего времени, что при Государѣ только два человѣка, Безбородко (Вице-Канцлеръ) и Трощинскій; одинъ министръ, а другой—секретарь; и что всѣ другіе докладчики замолчали».[2] Однако эта Канцелярія оффиціально называлась не Собствен-

[1] Адресъ-Календарь Россійскій за 1796 г., стр. 12.

[2] «Русскій архивъ», 1864 г., стр. 639 и 640.

ной Его Величества, а Канцеляріей тайнаго совѣтника Трощинскаго.[1] Какъ свидѣтельствуютъ находящіяся въ Государственномъ архивѣ дѣла, къ Трощинскому поступали сообщенія о ходѣ дѣлъ отъ всѣхъ учрежденій, не исключая Сената, и онъ доводилъ ихъ до свѣдѣнія Государя; онъ же составлялъ проекты рескриптовъ и указовъ Императора, наводилъ справки по челобитнымъ, поданнымъ на Высочайшее Имя, записывалъ резолюціи на нихъ Государя, объявлялъ ихъ просителямъ и т. д. Такимъ образомъ положеніе Трощинскаго при Императорѣ Павлѣ близко напоминаетъ положеніе Аракчеева при Императорѣ Александрѣ I.

Послѣ основанія Министерствъ Канцелярія Трощинскаго была упразднена, а самъ Трощинскій былъ назначенъ Министромъ Удѣловъ. Каждый Министръ докладывалъ Государю по своимъ дѣламъ, и въ первые годы царствованія Императора Александра I Государь обходился безъ особой Своей Канцеляріи. Собственная Его Императорскаго Величества Канцелярія возникаетъ снова въ началѣ военныхъ дѣйствій 1812 года. Указа объ ея основаніи не сохранилось, что объясняется, быть можетъ, неоффиціальнымъ на первыхъ порахъ, совершенно, такъ сказать, интимнымъ положеніемъ этого учрежденія. За все царствованіе Императора Александра I ни одного указа о Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи не внесено въ Полное Собраніе Законовъ, равно какъ въ оффиціальные календари не вносился ея личный составъ. Можно установить только, что Собственная Его Величества Канцелярія существовала нѣкоторое время негласно, до того времени, когда ей было присвоено понынѣ существующее наименованіе. Повидимому, послѣ паденія Сперанскаго,[2] мастерскимъ перомъ котораго очень любилъ пользоваться Государь, Его указы и рескрипты началъ заготовлять Аракчеевъ. Въ своихъ автобіографическихъ замѣткахъ онъ пишетъ: «съ онаго числа (17 іюня 1812 года),

---

[1] Гос. арх., X разр., № 493, часть XVII. Дѣла, бывшія въ производствѣ у Д. П. Трощинскаго (1793—1798 гг.), л. 103.

[2] 17 марта 1812 года.

вся Французская война шла черезъ мои руки, всѣ тайныя донесенія и собственноручныя повелѣнія Государя Императора».[1] О возникновеніи особаго для этой цѣли учрежденія имѣется свидѣтельство человѣка, который былъ ближайшимъ сотрудникомъ Аракчеева,—В. Р. Марченко. Послѣдняго Аракчеевъ зналъ по службѣ въ Военномъ Министерствѣ. Въ указанное время онъ былъ Томскимъ Гражданскимъ Губернаторомъ и былъ вызванъ Государемъ изъ Сибири при самомъ возникновеніи Собственной Его Величества Канцеляріи. «Представившись Государю», пишетъ онъ, «удостоился я лестнаго отзыва на счетъ службы моей и разговора о дѣлахъ иркутскихъ; заключеніе же состояло въ томъ: «Я выписалъ тебя въ помощь графу Алексѣю Андреевичу (Аракчееву). Теперь у насъ дѣла много; трудись съ нимъ». 3 ноября, для умноженія содержанія моего, зачисленъ я въ Государственный Совѣтъ помощникомъ статсъ-секретаря, что прибавило 3.000 р. жалованья. Работы, дѣйствительно, столько было, что ночи лишь оставались мнѣ для отдыха. Въ одинъ день оканчивались вступавшія бумаги; по нѣскольку курьеровъ пріѣзжало изъ арміи и отъѣзжало въ сутки. Бумагъ вступало и по военной части, и по министерствамъ множество, въ томъ числѣ на иностранныхъ языкахъ; а помощниковъ у меня было только два: Танѣевъ (больше для переводовъ) и Немировскій, да три человѣка писцовъ кантонистовъ. Неутомимое усердіе вознаградило, однако, недостатокъ въ людяхъ. Государь также изволилъ множество писать бумагъ собственноручныхъ; черновой указъ, какъ бы измаранъ ни былъ, въ томъ самомъ видѣ посылаемъ былъ Его Величеству, перемарывался и опять отправляемъ былъ къ подписанію. Отъ сего тысячи бумагъ во время войны писаны моею рукою, прямо набѣло, чтобы не останавливаться перепискою. Такъ прошло время до 6 декабря 1812 года, когда, безъ дальнихъ пріуготовленій, изволилъ Государь отправиться къ арміи, въ Вильно. *7-го числа ночью отправилась и канцелярія, получившая съ сей минуты названіе Собственной Его Императорскаго Величества*».[2] Такимъ образомъ несомнѣнно одно, а именно, что Соб-

[1] «Русскій архивъ», 1866 г., кн. 6, стр. 925 и 926.

[2] «Русская старина», 1896 г., кн. 3., стр. 497.

ственная Его Императорскаго Величества Канцелярія была сформирована во второй половинѣ 1812 года.

Ближайшіе сотрудники графа Аракчеева—В. Р. Марченко и А. С. Танѣевъ первое время числились на службѣ по Государственному Совѣту, а не по Собственной Его Величества Канцеляріи, какъ самостоятельному учрежденію. Такому неоффиціальному характеру учрежденія соотвѣтствовало и его мѣстопребываніе: оно помѣщалось въ домѣ графа Аракчеева, гдѣ и оставалось до самаго конца царствованія Императора Александра I. При смѣтѣ по перестройкѣ квартиры графа Аракчеева въ 1817 году имѣется записка «о передѣлкѣ Государевой Канцеляріи въ домѣ графа Алексѣя Андреевича». Точно также въ одной изъ послѣднихъ главъ «Образованія Собственной Его Величества Канцеляріи» (1818 г.), именно въ «Наставленіи Дѣжурному Дѣлопроизводителю» (по черновой редакціи «Офицеру»), значится: «Дѣжурный Дѣлопроизводитель наблюдаетъ, дабы всѣ имѣющіе надобность до хозяина дома входили на опредѣленное крыльцо у часовыхъ, и ожидали не въ канцеляріи, а у дежурнаго Адъютанта въ его комнатѣ или въ большомъ кабинетѣ». Слѣдовательно не Аракчеевъ имѣлъ казенную квартиру въ Собственной Его Величества Канцеляріи, а наоборотъ послѣдняя помѣщалась въ его квартирѣ.[1]

Первоначально, Собственная Его Величества Канцелярія была, повидимому, учреждена главнымъ образомъ для военныхъ дѣлъ. Въ формулярѣ В. Р. Марченко прямо значится: «по прибытіи въ С.-Петер-

---

[1] О мѣстѣ нахожденія дома графа Аракчеева содержится указаніе въ слѣдующемъ письмѣ къ нему П. Коновницына отъ 3 марта 1817 г.: «Во исполненіе Высочайшаго повелѣнія, объявленнаго мнѣ Вашимъ Сіятельствомъ № 41-й, я сообщилъ Г. Инспектору всей Артиллеріи, дабы каменный домъ, состоящій противу занимаемаго Вашимъ Сіятельствомъ, принадлежащій Артиллерійскому Департаменту, Литейной части въ 4-мъ кварталѣ подъ № 500, гдѣ нынѣ квартируетъ Полковникъ Тизенгаузенъ, сданъ былъ находящемуся при Вашемъ Сіятельствѣ Надворному Совѣтнику Немировскому, а Инженерному Департаменту предписалъ, по присоединеніи онаго дома къ занимаемому Вами, Милостивый Государь, имѣть его въ своемъ вѣденіи для поправки и заготовленія дровъ на общихъ правилахъ, какъ оный Департаментъ имѣетъ сію обязанность по всѣмъ прочимъ казеннымъ строеніямъ Военнаго Департамента». Этотъ домъ находился на углу Кирочной и Литейнаго проспекта.

бургъ Высочайше повелѣно заняться дѣлами Собственной Его Величества Канцеляріи, *составленной по случаю тогдашняго военнаго времени*». И дѣйствительно до 1815 года гражданскихъ дѣлъ въ Собственной Его Величества Канцеляріи попадается не особенно много. Входящими дѣлами этого времени являются почти исключительно рапорты командировъ различныхъ частей войска, которымъ Высочайшія повелѣнія объявлялъ Аракчеевъ. Значительная часть послѣднихъ напечатана Дубровинымъ въ «Сборникѣ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива Собственной Его Величества Канцеляріи». На рапортахъ обыкновенно встрѣчаются помѣтки рукою Аракчеева, «получено тогда-то», «доложено такого-то числа», «писано» или «объявлено такого-то числа»; нѣкоторыя изъ этихъ бумагъ адресованы Аракчееву, но, повидимому, всѣ докладывались Государю, такъ какъ и на адресованныхъ Аракчееву встрѣчаются помѣтки его рукой: «Государь изволилъ читать». Донесенія Гражданскихъ Губернаторовъ касаются главнымъ образомъ безопасности ввѣренныхъ имъ губерній. По нимъ можно судить, какъ внимательно относился Государь ко всему, что касалось войны. Вотъ, напримѣръ, донесеніе Псковского Гражданскаго Губернатора князя Шаховского отъ 11 сентября 1812 года: «Стремясь къ точнѣйшему исполненію Священнѣйшей Воли Вашего Императорскаго Величества, обращая по всемѣстно и окрестъ границъ Всемилостивѣйше ввѣренной мнѣ Губерніи неусыпное вниманіе и употребляя все возможное къ собиранію достовѣрныхъ слуховъ о движеніяхъ непріятеля и безопасности моихъ предѣловъ, имѣю счастіе всеподданнѣйше донести, что до сего времяни во всѣхъ подвѣдомыхъ мнѣ мѣстахъ по принятымъ строгимъ мѣрамъ, сохраняется вездѣ тишина, спокойствіе и благосостояніе жителей. Но дошедшія до меня слухи и извѣстія о городахъ и уѣздахъ внѣ Псковской Губерніи, къ границамъ оной прилѣгающихъ, и о прочихъ дѣйствіяхъ, могущихъ возродить безпокойство и вредить пограничнымъ городамъ Псковской Губерніи и дѣлать подрывъ въ продовольствіи войскъ Вашего Императорскаго Величества, мною нынѣ достаточно и безостановочно довольствуемыхъ, не осмѣливаясь обре-

менить Ваше Императорское Величество пространнымъ чтеніемъ моихъ донесеній, представилъ обо всѣмъ томъ съ симъ нарочнопосланнымъ къ Г.Г. Министру Полиціи и Главнокомандующему въ С.-Петербургѣ для всеподданнѣйшаго донесенія Вашему Императорскому Величеству, пославъ къ нимъ въ спискахъ и отношеніи мои на сіи предмѣты къ корпусному Командиру Генералъ-лейтенанту Графу Витгенштейну, съ нарочнымъ же сего дня отправленныя». На оборотѣ бумаги рукою Императора Александра I написано карандашомъ графу Аракчееву: «Пошли къ Министру Полиціи потребовать сіи донесенія и прочтя, если не терпитъ времени, то сего дня, а если терпитъ до завтрѣ, при свиданіи со мною извести меня». Рукою Аракчеева написано: «Вытребованы были оныя бумаги, представлены Государю, и Витгенштейну объявлено Высочайшее повеленіе 17 сентября за № 89, а бумаги возвращены М. Полиціи Балашеву 17 сентября при запискѣ подъ № 90».[1] Тотъ же Губернаторъ пишетъ графу Аракчееву отъ 12 октября того же года: «Государь Императоръ Высочайшимъ рескриптомъ Своимъ на имя мое отъ 29-го прошедшаго августа соизволилъ повелѣть: «съ неупустительнымъ строжайшимъ вниманіемъ наблюдая движеніе непріятеля на предѣлы ввѣренной управленію моему Губерніи и обо всемъ доходящемъ вѣрно до моего свѣдѣнія, доносить Его Императорскому Величеству со всевозможною поспѣшностію», и прочее. Во исполненіе сей Высокомонаршей воли учредивъ по всемѣстно строгія наблюденія, содержалъ я повозможности всю связь порядка и устройства, и одинъ довольствовалъ корпусъ войскъ Господина Генералъ-лейтенанта Графа Витгенштейна всеми потребностями, что и понынѣ исполняю. Вчерашній же день чиновникъ, отряженный мною къ Ригской границѣ, увѣдомилъ меня о дошедшихъ къ нему слухахъ, будто бы непріятельскія войски, неизвѣстно въ какомъ количествѣ, вошли въ Крейсбургъ, почему тужъ самую минуту послалъ я нарочнаго чиновника съ наставленіемъ, дабы, слѣдуя до самой Двины, будѣ возможно, и узнавъ о всемъ достовѣрно, доставилъ бы

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц. (на отд. листѣ, номера нѣтъ).

ко мнѣ самовѣрнѣйшія о томъ извѣстія. А сего дня поутру въ 10-ть часовъ съ нарочнымъ курьеромъ съ другой стороны Торопецкій городничей Челищевъ рапортомъ доноситъ мнѣ о движеніи непріятеля отъ Смоленска къ границамъ ввѣренной мнѣ Губерніи, о чемъ извѣщенъ онъ отъ командующаго Главною партіею Полковника Дибича 1-го. Для лучшаго усмотренія Вашего Сіятельства имѣю честь представить при семъ съ обѣихъ тѣхъ бумагъ точныя списки, а равно и съ моихъ по онымъ здѣланныхъ распоряженій и предписаній, чтеніемъ коихъ не осмѣливаясь обремѣнить Государя Императора, имѣю счастіе донести Его Императорскому Величеству о сихъ произшествіяхъ рапортомъ, который у сего препроводить честь имѣю, надписавъ оной, какъ сіе мне повелѣно, въ собственныя руки, и ожидать буду дальнѣйшихъ повелѣній».[1] Такой же характеръ имѣютъ и большинство донесеній Губернаторовъ въ указанное время.

Въ 1813 и въ 1814 годахъ главными предметами переписки по Собственной Его Величества Канцеляріи являются:

1) Содержаніе и размѣщеніе французскихъ плѣнныхъ. Рапорты различныхъ Губернаторовъ объ этомъ составляютъ цѣлые томы въ архивѣ Собственной Его Величества Канцеляріи; къ Аракчееву поступаютъ всѣ просьбы объ улучшеніи ихъ участи (напримѣръ, письмо полковника прусской службы фонъ-Шеллера къ графу Аракчееву отъ 7/19 іюля 1813 года о грубомъ обращеніи съ однимъ плѣннымъ офицеромъ, письма матери плѣннаго адъютанта генерала Пелетье Казимира Цвана, графини Малиновской о сынѣ и множество другихъ); всѣ резолюціи Государя объ этомъ написаны рукою Аракчеева. Онъ же объявляетъ Министру Полиціи Высочайшія повелѣнія, разрѣшавшія эти просьбы. Отъ 21 февраля 1813 года въ дѣлахъ Канцеляріи находится записка, озаглавленная: «Имена пленныхъ Польскихъ чиновниковъ, которые просятъ Всемилостивѣйшего позволенія возвратиться въ свои дома: генералъ *Конопка*, находится въ С.-Петербургѣ, адъютантъ его *Иванъ-Гьлудъ*, въ Екатеринославской губерніи, генералъ *Василевскій*—

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц. (на отд. листѣ, номера нѣтъ).

въ Тамбовѣ, полковникъ *Стоковскій*—въ Ригѣ, капитанъ *Бржезинскій*—въ Вильнѣ». На этой запискѣ рукой Аракчеева написана резолюція: «Высочайше повелено всехъ поляковъ пленныхъ освободить изъ Россіи въ ихъ отечество.—21 февраля».[1] 5 мая, того же года, Аракчеевъ пишетъ Немировскому: «Государь приказалъ зделать немедленно на французскомъ языкѣ списокъ всемъ прускимъ пленнымъ офицерамъ для короля, съ означеніемъ гдѣ кто находится, а о нижнихъ чинахъ ведомость по Губерньямъ, что и прошу приказать поскорее зделать и доставить ко мнѣ».[2] Точно также Собственная Его Величества Канцелярія заботится объ отправляющихся за границу плѣнныхъ и о снабженіи ихъ всѣмъ нужнымъ. Донесенія объ этомъ поступаютъ на имя Аракчеева, но онъ посылаетъ ответы на нихъ отъ Имени Государя.

2) Расквартированіе армій и укомплектованіе ихъ новыми силами. Въ дѣлахъ Собственной Его Величества Канцеляріи находятся вѣдомости о нужныхъ вещахъ для вновь комплектуемыхъ полковъ, донесенія объ этомъ Генералъ-кригсъ-коммиссара Татищева, черновые проекты указовъ, касающихся новыхъ рекрутскихъ наборовъ и т. д., и

3) Наведеніе справокъ о семействахъ, пострадавшихъ во время войны. Сюда относится, напримѣръ, переписка со смоленскими властями о помѣщикахъ, разстрѣлянныхъ въ Смоленскѣ французами.

Послѣ 1815 года кругъ дѣлъ, входящихъ въ Собственную Его Величества Канцелярію и исходящихъ изъ нея, чрезвычайно расширяется. Выше было указано на то, какъ тѣсно учрежденіе, о коемъ идетъ рѣчь, было связано съ личностью человѣка, стоявшаго во главѣ его, въ домѣ котораго оно даже помѣщалось. Аракчеевъ, какъ извѣстно, былъ не только Управляющимъ Собственною Его Величества Канцеляріей, но и исполнялъ цѣлый рядъ другихъ обязанностей. Даже частной перепиской его завѣдывалъ чиновникъ Канцеляріи, а поэтому неудивительно, если въ Собственной Его Величества Канцеляріи онъ сосредоточилъ въ это время завѣдываніе всѣми дѣлами, во главѣ

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц. (на отд. листѣ, номера нѣтъ).

[2] Тамъ же (на отд. листѣ, номера нѣтъ).

которыхъ былъ поставленъ: 1) какъ Предсѣдатель Департамента Военныхъ Дѣлъ Государственнаго Совѣта (съ 1810 г.), 2) какъ лицо, въ особенности руководившее устройствомъ военныхъ поселеній (съ того же года), 3) какъ Докладывающій по дѣламъ, такъ называемаго, «Комитета 18 августа 1814 г. для вспомоществованія неимущимъ изувѣченнымъ генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ» (со дня его открытія)[1] и въ особенности 4) какъ «Имѣющій надзоръ и докладъ по дѣламъ Комитета Министровъ» (съ 24 декабря 1815 г.). Съ 24 декабря 1815 г. по 26 августа 1818 г. дѣлами Комитета управлялъ со званіемъ Статсъ-Секретаря тотъ же самый Марченко, который состоялъ и въ Собственной Его Величества Канцеляріи, а поэтому естественно, что Канцелярія Комитета Министровъ почти слилась съ Собственной Его Величества.

Первыми ближайшими сотрудниками Аракчеева по перепискѣ Собственной Его Величества Канцеляріи какъ по военнымъ, такъ и по гражданскимъ дѣламъ въ указанное время были Марченко и Танѣевъ, а съ 10 декабря 1815 г., кромѣ того, военные совѣтники: И. Ѳ. Самбурскій и А. И. Персидскій. Подробности объ этихъ лицахъ помѣщены въ концѣ этой части. Съ 18 августа 1816 г. въ распоряженіе Аракчеева былъ откомандированъ изъ упраздненной Канцеляріи Принца Ольденбургскаго наиболѣе способный чиновникъ П. И. Егоровъ. Кромѣ того въ 1817 г. въ Собственную Его Величества Канцелярію были зачислены еще два чиновника Демидовъ и Вепрейскій, которые впрочемъ скоро покинули ее. Остальной штатъ Канцеляріи въ это время состоялъ изъ двухъ адъютантовъ графа Аракчеева, доктора статскаго совѣтника К. Х. Даллера, «канцелярскаго служителя офицерскаго чина», трехъ военныхъ писарей, курьера и сторожа.[2] Правильнаго распредѣленія дѣлъ между чиновниками, повидимому, еще не было. Всѣ болѣе или менѣе важныя бумаги писаны начерно

[1] Полн. Собр. Зак., собраніе первое, № 25642.

[2] Отношеніе Аракчеева къ гр. Тормасову отъ 5 іюля 1817 г., о назначеніи комнатъ въ Москвѣ чиновникамъ, состоящимъ при Собственной Его Величества Канцеляріи.

Егоровымъ или Танѣевымъ, а исправлены Марченко или самимъ Аракчеевымъ.

Послѣ 1815 года входящими дѣлами въ Собственную Его Величества Канцелярію являются представленія и рапорты Главныхъ Начальниковъ всѣхъ отдѣльныхъ частей какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ, восходящіе на Высочайшее усмотрѣніе. Обыкновенно бумаги эти Государь передаетъ Аракчееву, который помѣчаетъ: «получено отъ Государя такого-то числа»; онъ же записываетъ Высочайшія резолюціи и объявляетъ Высочайшіе указы. Такъ, напримѣръ, 3 января 1816 года онъ пишетъ Министру Народнаго Просвѣщенія графу Разумовскому: «Его Императорское Величество, прочитавъ письмо Вашего Сіятельства отъ 17 іюня 1815 года о проэктѣ извѣстнаго Абе Николая,[1] предполагающаго устроить новое училище въ Одессѣ безъ всякихъ со стороны казны издержекъ, Высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ возвратить къ Вашему Сіятельству проэктъ сей съ планами для перевода на россійскій языкъ и съ тѣмъ, чтобы послѣ представили Вы оный въ Комитетъ Г. Г. Министровъ, объявивъ то лицо, которое жертвуетъ на сіе заведеніе собственнымъ капиталомъ и на какихъ условіяхъ пожертвованіе сіе дѣлается, дабы оба предмѣта нераздѣльно могли быть разсмотрѣны и рѣшены Комитетомъ Г.Г. Министровъ».[2] 14 января онъ пишетъ Морскому Министру: «Его Императорское Величество желая имѣть свѣдѣніе, сколько по Морскому Министерству, включая и Государственную Адмиралтействъ-коллегію съ ея экспедиціями, находится къ 19 генваря сего года на лицо, какихъ именно чиновниковъ и сколько издерживается суммы, Высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ, препроводить къ Вашему Высокопревосходительству копіи съ трехъ вѣдомостей, доставленныхъ отъ военнаго департамента, съ тѣмъ, дабы Вы, Милостивый Государь, приказали сообразно онымъ составить таковыя вѣдомости по ввѣренному Вамъ Министерству и препроводили оныя ко мнѣ для поднесенія Его Величеству,

[1] Николь, аббатъ, основатель Ришельевскаго лицея (1758—1835 г.).

[2] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 15, «Исходящій журн. отношеніямъ по гражд. части 1816 года», л. 2.

обще съ штатами тѣхъ мѣстъ».[1] 29 числа слѣдующаго мѣсяца онъ пишетъ Министру Юстиціи «Государь Императоръ желая имѣть вѣдомость о недоимкахъ по послѣднему откупу съ 1811 по 1815 годъ съ означеніемъ кому именно принадлежатъ залоги, повелѣть мнѣ соизволилъ сообщить Вашему Высокопревосходительству, дабы въ Правительствующемъ Сенатѣ или въ откупномъ комитетѣ составлена была, какъ наиноспѣшнѣе, вѣдомость по прилагаемой формѣ, которую прошу покорнѣйше сообщить мнѣ для поднесенія Его Величеству».[2] Такія отношенія становятся съ указаннаго времени обычнымъ явленіемъ: не только Генералъ-Губернаторы, но и Гражданскіе Губернаторы, сносятся съ Собственной Его Величества Канцеляріей при Аракчеевѣ помимо Министра Полиціи и Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Въ этомъ сказалось указанное Середонинымъ въ исторіи Комитета Министровъ стремленіе Императора Александра I и Аракчеева усилить самостоятельность мѣстныхъ властей. Аракчеевъ объявляетъ имъ непосредственно волю Государя, и они пишутъ непосредственно на Высочайшее Имя. Такъ 6 сентября 1817 г. Кіевскій Гражданскій Губернаторъ пишетъ непосредственно Государю Императору о происшедшемъ въ его губерніи страшномъ пожарѣ; точно также Минскій Губернаторъ представляетъ 2 сентября 1817 г. непосредственно въ Собственную Его Величества Канцелярію всеподданнѣйшую записку о различныхъ непорядкахъ въ его губерніи; противъ одного пункта, гдѣ говорится объ обременительности военныхъ постоевъ, помѣчено рукою Марченко: «по сей статьѣ исполненіе сдѣлано начальникомъ Главнаго Штаба Его Величества»; противъ двухъ другихъ пунктовъ помѣчено рукою Аракчеева: «прочіе два пункта Высочайше повелѣно препроводить въ Комитетъ Г. Г. Министровъ, 2 Октября», а рукой Марченко: «выписка отправлена къ князю П. В. Лопухину (Предсѣдателю Комитета Министровъ) при запискѣ 3 Октября».[3] Во всѣхъ прочихъ случаяхъ Арак-

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 15, «Исходящій журн. отношеніямъ по гражд. части 1816 года», лл. 15 об. и 16.

[2] Тамъ же, л. 52.

[3] Тамъ же, № 37, л. 147.

чеевъ старается строго держаться обыкновеннаго порядка теченія дѣлъ. Такъ, напримѣръ, 29 марта 1816 г. онъ пишетъ Члену Государственнаго Совѣта Попову: «Возвращая доставленную при почтеннѣйшемъ отношеніи Вашего Высокопревосходительства отъ 28 Марта записку о настоящемъ положеніи счетной по заграничнымъ расходамъ комиссіи и о способахъ къ скорѣйшему ея занятій окончанію, честь имѣю сообщить, вслѣдствіе словеснаго объясненія нашего, что, не управляя особенно никакою частью, я не въ правѣ докладывать по симъ бумагамъ Его Величеству, но полагаю, какъ и прежде, что Вашему Высокопревосходительству, какъ члену Государственнаго Совѣта, удобнѣе взнести мнѣніе Ваше въ Государственный Совѣтъ или по сношеніи съ Г. Военнымъ Министромъ предоставить ему испрашивать дальнѣйшихъ Высочайшихъ повелѣній».[1] Такіе же отвѣты онъ давалъ и многимъ другимъ вліятельнымъ лицамъ.

Какъ выше сказано, дѣла Комитета Министровъ докладывалъ Государю Аракчеевъ. Изъ находящихся въ архивѣ Собственной Его Величества Канцеляріи дѣлъ Государственнаго Совѣта за 1816 и 1817 гг. видно, что и всѣ доклады по дѣламъ Совѣта шли черезъ Собственную Его Величества Канцелярію: Государственный Секретарь Оленинъ препровождалъ ихъ къ Аракчееву, а резолюціи записывались рукою Аракчеева. Такой порядокъ поднесенія Государю дѣлъ Государственнаго Совѣта подтверждается слѣдующею запискою Аракчеева къ Статсъ-Секретарю Оленину отъ 25 февраля 1819 г.: «Графъ Аракчеевъ, свидѣтельствуя почтеніе Его Превосходительству Алексѣю Николаевичу Оленину, проситъ, по Высочайшей волѣ доставить къ нему неисключительно (безъ исключенія) всѣ готовыя къ Высочайшему утвержденію мнѣнія Государственнаго Совѣта, *дабы оныя въ семъ видѣ хранились въ Собственной Его Величества Канцеляріи и были всегда готовы къ поднесенію въ докладъ Его Величеству*».[2] Обыкно-

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 15, «Исходящій журн. отношеніямъ по гражд. части 1816 года», л. 62 об.

[2] Тамъ же, № 77, «Исходящій журн. объявл. Высоч. повелѣніямъ и отношеніямъ по гражд. части 1819 года», л. 77 об.

венно Государственному Совѣту объявлялось Высочайшее повелѣніе, а подлинники мнѣній оставались въ архивѣ Собственной Его Величества Канцеляріи.

Даже Членамъ Августѣйшаго Дома графъ Аракчеевъ объявляетъ Высочайшія повелѣнія, какъ, напримѣръ, 26 января 1816 г. Наслѣднику Цесаревичу: «Его Императорскому Величеству угодно, дабы отставного лейбъ-гвардіи изъ Семеновскаго полка штабсъ-капитана Евграфа Захарова 11-ти лѣтній сынъ опредѣленъ былъ въ Императорскій Военно-сиротскій домъ въ число кадетъ, о чемъ имѣю честь донести Вашему Императорскому Высочеству».[1] Сама Вдовствующая Государыня испрашиваетъ Высочайшія повелѣнія по Своему Вѣдомству чрезъ Аракчеева.[2] Въ 1816 г., какъ видно изъ журнала Канцеляріи за этотъ годъ, впервые начинаютъ поступать въ нее всѣ представленія къ наградамъ и повышеніямъ, что впослѣдствіи, спустя много лѣтъ, сдѣлалось одной изъ главныхъ отраслей дѣятельности Перваго Отдѣленія названной Канцеляріи. Такимъ образомъ, говоря языкомъ Сперанскаго, въ этомъ учрежденіи объединяются въ то время «всѣ стихіи державнаго права, соединяющіяся въ лицѣ Русскаго Государя».

Марченко, многимъ обязанный Аракчееву, но раздѣлявшій къ нему чувства современниковъ, пишетъ: «Помаленьку началъ графъ Аракчеевъ все прибирать къ себѣ, отвѣчая, однако, всякому, что онъ никакой отдѣльной части не имѣетъ и займется однимъ поселеніемъ войскъ. Дѣла совѣтскія рѣшительно къ нему поступали, министрамъ назначено столько предметовъ, по коимъ входили бы они въ Комитетъ съ представленіями, что инымъ ничего не оставалось къ личному докладу Государю; наконецъ принялся было и за Кикина, но тотъ отгрызся».[3] Вѣроятно, результатомъ этого столкновенія Аракчеева съ Статсъ-Секретаремъ Комиссіи Прошеній, на Высочайшее Имя приносимыхъ, П. А.

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 15, «Исходящій журн. отношеніямъ по гражд. части 1816 года», л. 16 об.

[2] Тамъ же, лл. 335, 347.

[3] «Русская старина», 1896 г., кн. 4, стр. 19 и 20.

Кикинымъ, и явилась записка, сохранившаяся въ черновой редакціи и вложенная въ черновой проектъ «Образованія Собственной Его Величества Канцеляріи». Записка эта писана рукой Егорова и исправлена Муравьевымъ; цѣль ея разграничить компетенціи Собственной Его Величества Канцеляріи и Комиссіи Прошеній; въ концѣ ея находится замѣтка рукою Танѣева: «согласно съ приказаніемъ Вашего Превосходительства, я прочитывалъ внимательно сію бумагу, и какъ Вамъ угодно было знать мое мнѣніе, то я, найдя только въ одномъ мѣстѣ надобность откровенно изъясниться, осмѣлился мысль мою изложить на особомъ листочкѣ противъ того періода, до котораго она относится». Замѣчаніе Танѣева сводится къ слѣдующему: «Противъ періода, означеннаго мною знакомъ NB, осмѣливаюсь объяснить слѣдующее: если допустить *статсъ*-секретарямъ [1] распечатывать просьбы и дѣлать изъ нихъ извлеченія, то все блистательное основаніе... всеобщей безопасности само собою сокрушится. Въ Россіи доступъ къ Государю единственно состоитъ только въ томъ, что самъ Государь просьбу распечатаетъ и прочтетъ; слѣдовательно я покоенъ и безопасенъ. Найдетъ Онъ просьбу мою недѣльною?—Бросаетъ, и я благоговѣю къ Его волѣ; дѣльной,—даетъ надлежащее движеніе. Съ допущеніемъ секретарямъ распечатывать просьбы умы взволнуются. Кого увѣришь, что просьба оставлена безъ уваженія Государемъ, а не брошена секретарями? Сіе подастъ только поводъ къ сумнѣніямъ и жалобамъ, что просьба не дошла, что сокрыто заключающееся въ ней обстоятельство, или представлено въ иномъ видѣ и т. п.»

О кругѣ дѣятельности Собственной Его Величества Канцеляріи въ этой запискѣ говорится такъ: «Собственная Его Величества Канцелярія не есть присутственное мѣсто. Внѣ состава другихъ государственныхъ учрежденій она существуетъ для производства дѣлъ, стекающихся къ непосредственному самого Государя Императора усмотрѣнію и разрѣшенію, и дѣла въ нее поступаютъ единственно отъ Его Величества, или не иначе, какъ съ Высочайшаго соизволенія чрезъ Управляющаго

[1] «Статсъ» вставлено карандашомъ рукой Муравьева.

ею Статсъ-Секретаря. Есть ли возможность опредѣлить принадлежности Самодержавной Монаршей воли? Потому и нѣтъ возможности опредѣлить дѣла и порядокъ Собственной Его Величества Канцеляріи».

Съ переходомъ 26 августа 1818 года Статсъ-Секретаря Марченко на службу въ Департаментъ Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ Государственнаго Совѣта, по управленію дѣлами Комитета Министровъ его смѣнилъ И. П. Колосовъ, а по Собственной Его Величества Канцеляріи—Н. Н. Муравьевъ. Такимъ образомъ тѣсная связь между Собственной Его Величества Канцеляріей и Канцеляріей Комитета Министровъ въ значительной степени стала слабѣе. Въ это время графъ Аракчеевъ часто былъ боленъ, а вслѣдствіе этого принужденъ былъ отсутствовать, и вмѣсто него долженъ былъ управлять дѣлами Собственной Его Величества Канцеляріи сравнительно еще молодой Муравьевъ. При такихъ условіяхъ учрежденіе это не могло оставаться долѣе въ прежнемъ неопредѣленномъ положеніи, а поэтому въ томъ же 1818 году было составлено «Образованіе Собственной Его Величества Канцеляріи». Оно дошло до нашего времени въ двухъ редакціяхъ: черновой и чистовой. Первая имѣетъ 13 главъ, а вторая—11, но особенную важность имѣютъ первыя семь главъ, общія обѣимъ, которыя опредѣляютъ значеніе, компетенцію и штатъ учрежденія. Первая глава обнимаетъ «общія положенія», которыя сводятся къ слѣдующему: «§ 1. Для производства дѣлъ, стекающихся къ непосредственному самого Государя Императора усмотрѣнію и разрѣшенію, существуетъ Собственная Его Величества Канцелярія. § 2. Собственная Его Величества Канцелярія поручается вѣдѣнію Государственнаго Чиновника, по избранію Государя Императора». Управляетъ Канцеляріей по назначенію Государя одинъ Статсъ-Секретарь, который въ случаѣ отсутствія «Государственнаго Чиновника» замѣняетъ его. Отъ послѣдняго Статсъ-Секретарь находится въ полной зависимости, точно такъ же, какъ всѣ служащіе Канцеляріи отъ Статсъ-Секретаря. Особенное значеніе имѣетъ вторая глава: «предметы занятій Собственной Его Величества Канцеляріи». Изъ этой главы усматривается подраздѣленіе ея на разряды. «§ 8. Разрядъ гражданскихъ дѣлъ имѣетъ два отдѣленія. § 9. Пред-

меты перваго отдѣленія сего разряда суть: Дѣла, поступающія изъ Государственнаго Совѣта и переписка по онымъ. Дѣла, поступающія изъ Комитета Министровъ и переписка по онымъ. Дѣла, поступающія по заведеніямъ, находящимся подъ начальствомъ Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Опредѣленіе и увольненіе чиновниковъ Собственной Его Величества Канцеляріи. § 10. Предметы второго отдѣленія суть: Переписка съ Министрами и по Вѣдомству Путей Сообщенія. Переписка съ Военными Генералъ-Губернаторами. Переписка съ Военными Губернаторами и Генералъ-Губернаторами. Переписка съ Гражданскими Губернаторами, Градоначальниками и другими гражданскими чиновниками и переписка по просьбамъ, на Высочайшее имя въ собственныя руки присланнымъ. Переписка съ Коммисіею прошеній. § 11. Разрядъ военныхъ дѣлъ имѣетъ три отдѣленія. § 12. Первое отдѣленіе сего разряда вѣдаетъ переписку съ Начальникомъ Главнаго Штаба Его Величества, по тѣмъ военнымъ дѣламъ, кои благоугодно Государю Императору отдавать для производства, или для соображенія въ Собственную Его Величества Канцелярію. § 13. Второе отдѣленіе производитъ переписку по дѣламъ, получаемымъ отъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ: Цесаревича Константина Павловича. Николая Павловича Генералъ-Инспектора Инженеровъ. Михаила Павловича Генералъ-Фельдцейгмейстера. Отъ Морского Министра и отъ Комитета объ изувѣченныхъ воинахъ. § 14. Къ третьему отдѣленію принадлежитъ составленіе проектовъ новыхъ уставовъ, учрежденій и положеній, кои собственно Его Величествомъ признаются полезными вновь къ введенію».

Распредѣленіе по отдѣленіямъ личнаго состава видно изъ записки Н. Н. Муравьева, утвержденной Аракчеевымъ 2 октября 1817 года. Но, просматривая гражданскія и военныя дѣла предшествующаго года, можно убѣдиться, что раздѣленіе это фактически установилось уже раньше. Первымъ отдѣленіемъ по гражданскому разряду завѣдывалъ камеръ-юнкеръ Танѣевъ; помощникомъ его былъ коллежскій ассесоръ Ханыковъ, смѣнившій въ должности Танѣева, когда тотъ получилъ званіе помощника Статсъ-Секретаря (21 января 1820 г.).

Вторымъ отдѣленіемъ завѣдывалъ надворный совѣтникъ Мордвиновъ, а помощникомъ у него былъ чиновникъ 9-го класса Комаровъ. Всѣми тремя отдѣленіями военнаго разряда завѣдывалъ П. И. Егоровъ, а его помощникомъ былъ унтеръ-цейхвахтеръ 12-го класса Леоновъ. Кромѣ того былъ особый чиновникъ для «партикулярной» переписки графа Аракчеева—Ефимовъ, который тѣмъ не менѣе числился по Собственной Его Величества Канцеляріи. Въ этомъ также сказался своеобразный характеръ учрежденія, постоянно оттѣняемый Аракчеевымъ. Журналъ входящихъ и исходящихъ дѣлъ велъ титулярный совѣтникъ Сырневъ (онъ же завѣдывалъ и архивомъ), а отправленіемъ корреспонденціи завѣдывалъ титулярный совѣтникъ Дружининъ. Помощникомъ Сырнева былъ губернскій секретарь Субботинъ.[1]

Главы третья и четвертая касаются внутренняго распорядка дѣлъ въ Канцеляріи. Пятая глава такъ опредѣляетъ порядокъ дѣйствій учрежденія: «§ 39. Какъ дѣйствія Собственной Его Величества Канцеляріи опредѣляются единственно Высочайшею волею Государя Императора и дѣла въ нее вступаютъ неиначе, какъ по Высочайшему Его Величества соизволенію, то вообще всѣ вступившія въ сію Канцелярію дѣла вносятся въ докладъ Его Величеству. § 40. Дѣла въ Собственную Его Величества Канцелярію вступаютъ въ слѣдующихъ видахъ: 1) Дѣла съ Высочайшими приказаніями, отъ Его Величества получаемыя, чтобъ произвесть по нимъ исполненіе. 2) Дѣла, отдаваемыя Его Величествомъ для сдѣланія изъ нихъ выписокъ или собранія нужныхъ по онымъ справокъ. 3) Мнѣнія и Меморіи Государственнаго Совѣта. 4) Меморіи Комитета Министровъ. 5) Отвѣты отъ разныхъ мѣстъ и лицъ, полученные на сдѣланные имъ, по волѣ Государя, вопросы. 6) Дѣла, присылаемыя отъ Министровъ и прочихъ Государственныхъ Чиновниковъ... для представленія Его Величеству къ свѣдѣнію, или для поднесенія къ Высочайшему подписанію. 7) Новыя уставы, учрежденія и положенія, составляемыя подъ непосредственнымъ руководствомъ

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 59, «Распредѣленіе дѣлъ и чиновниковъ С. Е. В. Канцеляріи, 3 октября 1817 года».

и по замѣчаніямъ Государя Императора къ Собственному Его Величества исправленію или утвержденію. § 41. Всѣ сіи дѣла докладываются Государю Императору Государственнымъ Чиновникомъ, въ случаѣ же его болѣзни или отсутствія, Статсъ-Секретаремъ». Такимъ образомъ предметы вѣдѣнія Собственной Его Величества Канцеляріи сводились: 1) къ докладу Государю по дѣламъ почти всѣхъ Вѣдомствъ, 2) къ наведенію справокъ по тѣмъ дѣламъ, по которымъ приказывалъ Государь, и наконецъ, 3) чрезъ нее восходили къ Государю вырабатываемыя подъ непосредственнымъ Его руководствомъ законоположенія.

Дальнѣйшія задачи Канцеляріи по опредѣленію того же источника сводятся къ слѣдующему: 1, изготовленіе проектовъ Именныхъ указовъ и поднесеніе ихъ къ Высочайшему Его Величества подписанію; 2, объявленіе кому слѣдуетъ отъ «Государственнаго Чиновника», или Статсъ-Секретаря, Высочайшей воли, по сдѣланнымъ Его Величествомъ приказаніямъ, или замѣчаніямъ; 3, препровожденіе по Высочайшему Его Величества приказанію самаго дѣла въ Государственный Совѣтъ, въ Комитетъ Министровъ, въ Комиссію Прошеній, или къ Министру, до коего оно принадлежитъ... (§ 49). Между указами въ «Образованіи Собственной Его Величества Канцеляріи» различаются: «указы по дѣламъ обыкновеннымъ и по дѣламъ особеннымъ»: «§ 63. Проекты указовъ по дѣламъ обыкновеннымъ, какъ-то: о производствѣ въ чины, о награжденіи орденами и проч., приготовляются Начальниками тѣхъ отдѣленій Собственной Его Величества Канцеляріи, къ коимъ они принадлежатъ по раздѣленію дѣлъ, и по изготовленіи представляются Статсъ-Секретарю... § 66. Проекты указовъ по дѣламъ особеннымъ, или по такимъ предметамъ, коимъ не было бы еще примѣра въ журналахъ Собственной Его Величества Канцеляріи, приготовляетъ Статсъ-Секретарь своею рукою и представляетъ ихъ въ семъ видѣ Государственному Чиновнику. § 67. Проекты указовъ сего рода представляются Государю Императору на собственное Его Величества разсмотрѣніе и исправленіе». Въ седьмой главѣ говорится, что въ отсутствіи «Государственнаго Чиновника» все управленіе Собственной Его Величества Канцеляріи возлагается на Статсъ-Секретаря.

15 января 1820 года послѣдовало распоряженіе графа А. А. Аракчеева о томъ, чтобы дѣла, касающіяся военныхъ поселеній, которыми онъ въ это время главнымъ образомъ занимался, совсѣмъ не поступали въ соотвѣтствующее отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи; такимъ образомъ они были изъяты изъ вѣдѣнія послѣдней.

Съ 1820 года Аракчеевъ все менѣе занимается дѣлами Канцеляріи и передаетъ затѣмъ управленіе этимъ учрежденіемъ Н. Н. Муравьеву. Въ предписаніи его послѣднему отъ 22 апрѣля 1822 года сказано: «По разстроенному моему здоровью, въ чемъ я могу на самихъ васъ, Милостивый Государь, сослаться, Его Императорское Величество изволилъ меня уволить отъ занятія дѣлами по Собственной Его Величества Канцеляріи и возложить управленіе оными по всѣмъ частямъ на Ваше Превосходительство, какъ Статсъ-Секретаря Его Императорскаго Величества, съ тѣмъ, чтобы вы, Милостивый Государь, производили переписку съ объявленіемъ и Высочайшихъ повелѣній, не относясь ни о чемъ ко мнѣ и не присылая никакихъ вообще дѣлъ къ моему свѣдѣнію... По образу моей жизни и вѣрному служенію Всемилостивѣйшему Государю Императору я и въ собственной моей перепискѣ не только съ знакомыми, но даже и съ родными, не имѣю такихъ секретовъ, кои бы не могли быть извѣстны всякому доброму русскому христіанину; а какъ въ числѣ ихъ я почитаю и васъ, Милостивый Государь, то и прошу покорно всѣ безъ изъятія, даже и съ надписью въ собственныя руки, письма, присылаемыя на имя мое, распечатывать и естьли въ нихъ найдете какія просьбы или увѣдомленія, до безпорядковъ службы Его Императорскаго Величества касающіяся, то поступать съ ними по вашему разсужденію; а затѣмъ, касающіяся собственно до моихъ домашнихъ дѣлъ приказать, запечатавъ въ пакетъ, отсылать ко мнѣ въ Грузино въ собственныя руки, чѣмъ одолжите пребывающаго къ вамъ съ истиннымъ почтеніемъ и проч.».[1]

Значеніе Собственной Его Величества Канцеляріи въ указанное время (въ 1822—25 годахъ) опредѣляетъ записка, составленная

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 117, «Исходящій журн. объявл. Высоч. повелѣніямъ по гражд. части 1822 года», 3-я часть, лл. 121 об., 122 и об.

Н. Н. Муравьевымъ послѣ кончины Императора Александра I для представленія Цесаревичу Константину Павловичу, который, какъ ожидали, вступитъ на престолъ; записка эта гласитъ: «По волѣ Всевышняго Творца прекратились драгоцѣнные дни Августѣйшаго брата Вашего Императорскаго Величества, Александра Павловича,—и я спѣшу повергнуть къ стопамъ Вашего Величества мое всеподданнѣйшее, усерднѣйшее служеніе, принеся въ томъ сего числа мою Вашему Императорскому Величеству вѣрноподданническую присягу. Вашему Императорскому Величеству уже извѣстно, что я, за болѣзнію и отсутствіемъ въ Новгородъ генерала отъ артиллеріи графа Аракчеева, имѣю на себѣ обязанность управлять дѣлами Собственной Вашего Величества Канцеляріи. По Высочайшей волѣ въ ней стекались дѣла: Высочайшихъ Особъ Императорской фамиліи, Государственнаго Совѣта, Комитета Министровъ, Главнаго управленія путей сообщенія, Комитетовъ: на войнѣ изувѣченныхъ, Высочайше учрежденнаго 18 августа 1814 года,—и призрѣнія заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ,[1] нѣкоторыя особенныя дѣла и, наконецъ, дѣла духовныя. Съ каждымъ отсюда еженедѣльно отходившимъ фельдъегеремъ... я представлялъ Его Величеству нужнѣйшія изъ вышеупомянутыхъ дѣлъ, и въ особенности дѣла Комитета Министровъ, какъ содержащія предметы текущаго времени. Дѣла Государственнаго Совѣта статсъ-секретарь Олениинъ прямо отъ себя представлялъ Его Величеству, но обратно онѣ получались уже чрезъ Собственную Его Величества Канцелярію».[2] Подъ «нѣкоторыми особенными дѣлами» графъ Аракчеевъ и Муравьевъ обыкновенно разумѣли тѣ, о которыхъ будетъ упомянуто во второй главѣ.

Такъ было до вступленія на Престолъ Императора Николая I, когда послѣдовалъ слѣдующій Высочайшій указъ графу Аракчееву отъ 20 декабря 1825 года:

«Графъ Алексѣй Андреевичъ! присылаю къ Вамъ черновую записку двухъ Моихъ къ Вамъ отношеній на счетъ перевода Канцеляріи Соб-

[1] Учрежденъ 21 февраля 1823 года (Полн. Собр. Зак., собраніе первое, № 29326); докладывать по дѣламъ его долженъ былъ также графъ Аракчеевъ.

[2] Гос. арх., III разр., № 42.

ственной Моей *въ Мое непосредственное завѣдываніе* и объ увольненіи Васъ отъ завѣдыванія Канцеляріей Комитета Министровъ. Я ожидаю отъ Васъ Вашихъ на оную замѣчаній вмѣстѣ съ возвращеніемъ ко Мнѣ оной. Я желаю симъ исполнить долгъ Мой и удовлетворить справедливому желанію Вашему».

«НИКОЛАЙ».[1]

Такимъ образомъ Государь принялъ Собственную Его Величества Канцелярію въ Свое непосредственное вѣдѣніе, а завѣдываніе ею естественно сосредоточилось въ рукахъ Статсъ-Секретаря.

[1] «Собственноручные рескрипты покойнаго Государя Императора Отца и Благодѣтеля Александра I къ его подданному графу Аракчееву», приложеніе: рескрипты Императора Николая I стр. 85—86. (Экз. Собственной Его Величества Библіотеки).

ГЛАВА 2-я.

Особыя дѣла, входившія въ вѣдомство Собственной Его Величества Канцеляріи.

Аракчееву постоянно приходилось объяснять частнымъ лицамъ, что Собственная Его Величества Канцелярія совсѣмъ не есть учрежденіе для принятія прошеній, на Высочайшее Имя приносимыхъ. Такъ, напримѣръ, въ письмѣ томскому первой гильдіи купцу Шумилову, отъ 17 ноября 1816 года, онъ проситъ послѣдняго, «чтобы онъ адресовался къ Г. Статсъ-Секретарю Кикину, а къ нему болѣе не относился, ибо онъ не управляетъ никакимъ Министерствомъ и не имѣетъ права докладывать Его Императорскому Величеству по просьбамъ».[1]

Исключеніе изъ этого правила составляли просьбы семействъ героевъ 1812 года, которыя, обыкновенно, шли чрезъ Аракчеева и Собственную Его Величества Канцелярію. Примѣромъ можетъ служить письмо Аракчеева отъ 6 сентября 1816 года, въ которомъ онъ пишетъ вдовѣ извѣстнаго генерала Тучкова: «Прозьба Ваша исполнена мною прежде, нежели имѣлъ я честь получить письмо Вашего Превосходительства. Непосредственно послѣ личнаго объясненія съ Вами, Милостивая Государыня! я докладывалъ Государю Императору, и Его Величество съ удовольствіемъ приказалъ сына Вашего опредѣлить въ Па-

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 15, «Исходящій журн. отношеніямъ по гражд. части 1816 года», л. 310.

жескій корпусъ, увидѣвъ его между тѣмъ на Алексинской переправѣ. Для окончанія сего дѣла нужно мнѣ увѣдомленіе Ваше объ имяни и лѣтахъ его. Представить его въ корпусъ зависѣть будетъ отъ Васъ, когда достигнетъ онъ возраста, въ который тамъ должно продолжать науки, а между тѣмъ Вы уже можете сшить ему пажескій мундиръ. Другая прозьба Ваша о пособіи съ равнымъ благоволеніемъ принята Государемъ Императоромъ. — Его Величество поручилъ мнѣ просить Васъ, Милостивая Государыня, чтобъ Вы письменно изъяснили нужды свои Его Величеству и письмо Ваше доставили ко мнѣ, для представленія на Высочайшее усмотрѣніе».[1] Точно также въ томъ же году Аракчеевъ принимаетъ прошеніе Маріи Дохтуровой. Онъ находилъ возможнымъ докладывать Государю просьбы, даже изложенныя въ частныхъ письмахъ, адресованныхъ на его имя разными заслуженными ветеранами и ихъ семействами, какъ, напримѣръ, вдовы полковника Банина, служившаго въ Гатчинскихъ полкахъ Императора Павла I, которой по его докладу была назначена пенсія въ 600 рублей (9 февраля 1816 г.). Въ такихъ случаяхъ онъ всегда наводилъ самыя тщательныя справки черезъ своего любимца А. С. Танѣева или же военнаго совѣтника Самбурскаго.

Бывали даже случаи, когда, отсылая отъ себя прошеніе военнослужащаго, какъ неподлежащее его вѣдѣнію, онъ все-таки докладывалъ о немъ Государю, и Государь оказывалъ просителю милость. Такъ въ запискѣ 9 февраля того же года онъ пишетъ: «дошедшее ко мнѣ письмо и прошеніе на Высочайшее Вашего Императорскаго Величества Имя жительствующей въ Новѣгородѣ вдовы подпоручицы Феклы Кобылиной я, по непринадлежности до меня, возвратилъ къ ней обратно чрезъ Новгородскаго Гражданскаго Губернатора. При отправленіи письма сего я не оставилъ, однакожъ, безъ замѣчанія, что мужъ ея, прослужа болѣе 40-ка лѣтъ, раненъ былъ въ сраженіи, и что просительница 80-ти лѣтъ, лишенная владѣнія руки, ноги и зрѣнія и будучи

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 15, «Исходящій журн. отношеніямъ по гражд. части 1816 года», лл. 228 об. и 229.

безо всякаго состоянія, испрашиваетъ на уплату долга, простирающагося до 300-тъ рублей и на пропитаніе, Монаршаго Вашего Императорскаго вспомоществованія. Убѣждаясь подтвержденіемъ Новгородскаго Губернатора о престарѣлыхъ лѣтахъ, болѣзненномъ и самомъ бѣднѣйшемъ ея состояніи и засвидѣтельствованіемъ его, что она по истинѣ заслуживаетъ милосерднаго Вашего Величества вниманія и сострадая о столь жалостномъ ея положеніи, я все сіе, купно съ прошеніемъ ея, осмѣливаюсь повергнуть на Высочайшее Вашего Императорскаго Величества благоусмотрѣніе».[1] На этой запискѣ рукой Аракчеева записано: «Государь изволилъ пожаловать триста пятдесятъ рублей».

Во время путешествій Государя въ 1817—18 г.г. прошенія принималъ В. Р. Марченко. Въ проектѣ инструкціи ему, составленномъ графомъ Аракчеевымъ, это мотивировалось такъ: «Во время Высочайшаго пребыванія Его Императорскаго Величества въ губерніяхъ, множество людей является съ просьбами большею частью недѣльными... Принимать всѣ просьбы безъ разбора и отсылать въ коммисію, конечно, есть средство легчайшее, но съ одной стороны коммисія обременена ими будетъ и проситель останется въ неизвѣстности, а съ другой прибѣгающіе въ самой крайности къ Монаршему престолу вовсе лишатся надежды на пособіе».[2]

Во всѣхъ прочихъ случаяхъ присланныя на Высочайшее Имя прошенія Собственная Его Величества Канцелярія отсылала въ Комиссію Прошеній, къ Статсъ-Секретарю Кикину. Тѣмъ не менѣе дѣлопроизводство по значительной части прошеній, на Высочайшее Имя приносимыхъ, велось чрезъ Собственную Его Величества Канцелярію. Прежде всего, сюда входили просьбы, адресованныя въ собственныя Его Величества руки, которыя, какъ упомянуто въ запискѣ Муравьева объ отношеніи Собственной Его Величества Канцеляріи къ Комиссіи Прошеній, по вскрытіи раздѣлялись: «а) на тайныя, или съ особенно

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 35, л. 235.

[2] «Сборникъ Историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Выпускъ 5, изданъ подъ редакціею Н. Дубровина, СПБ. 1892», стр. 196.

важными донесеніями, жалобами или прозьбами, или отъ уважительныхъ лицъ; b) на обыкновенныя или даже въ собственныя руки не слѣдовавшія». Перваго рода прошенія передавались для дѣлопроизводства по нимъ въ Собственную Его Величества Канцелярію, а вторыя отсылались въ Комиссію Прошеній; Комиссія чрезъ Статсъ-Секретаря докладывала Государю: «a) о жалобахъ и доносахъ на высшія лицы, начиная съ Губернаторовъ; b) по всѣмъ доносамъ весьма важныхъ предметовъ заключающимъ; c) о дѣлахъ, поступившихъ въ Комиссію, но особенной тайнѣ подлежащихъ, не включая однако дѣла объ ассигнаціяхъ, контробандѣ и похищеніи казенной собственности, кои отправлять прямо по принадлежности; d) по тѣмъ дѣламъ вообще, кои по мнѣнію Комиссіи по важности своей, или по обстоятельствамъ, или для приличія требуютъ быть доведенными предварительно до Высочайшаго свѣденія, не умножая таковыя представленія безъ точной надобности; e) по случаямъ, гдѣ судьба человѣка отягощена сверхъ мѣры и дѣло относится до Высочайшаго милосердія; f) регистры по просьбамъ о единовремянныхъ выдачахъ изъ милосердія; g) по дѣламъ, никакого отлагательства не терпящимъ, буде требуютъ Высочайшаго рѣшенія, естьли, впрочемъ, случится могутъ».[1]

Однако для дальнѣйшихъ справокъ Государь нерѣдко передавалъ и такого рода прошенія въ Собственную Его Величества Канцелярію. Въ дѣлахъ Канцеляріи этого времени находится немало прошеній, подходящихъ подъ всѣ указанныя категоріи, переданныхъ въ нее Государемъ. На всѣхъ ихъ значится помѣтка рукой Аракчеева: «получено отъ Государя такого-то числа»; по нимъ Собственная Его Величества Канцелярія наводила справки и составляла записки для окончательнаго доклада.

Для примѣра можно привести нѣсколько случаевъ: 2 апрѣля 1817 года было получено Аракчеевымъ отъ Государя прошеніе въ «Собственныя Его Величества руки» отъ надворнаго совѣтника Нау-

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., «Проектъ образованія С. Е. В. Канц.» (черновой).

мова на бывшаго Министра Юстиціи Д. П. Трощинскаго, якобы оклеветавшаго Наумова передъ Государемъ. Въ этомъ прошеніи Наумовъ писалъ: «Вашему Императорскому Величеству благоугодно было поручить мнѣ управленіе Домомъ Практическаго Правовѣдѣнія, и я старался отъ искренности души моей оправдать святость души Вашей и славу Вашего Царствованія, облегчая участь притѣсненныхъ безкорыстною работою моею. Человѣкъ для того живетъ на земли, чтобъ оставить примѣръ поведенія своего для блага другихъ—и вѣра обѣщаетъ ему въ дѣлахъ искренности къ подобному себѣ награжденіе отъ Творца въ новой жизни за гробомъ. Государь! больно христіянину и вѣрноподданному видѣть своего Государя очерненнымъ въ исторіи именемъ тирана».[1] При этомъ прошеніи находятся сдѣланныя Собственной Его Величества Канцеляріей справки о личности Наумова и объ его дѣлѣ съ его оправданіями и съ запиской его о своей службѣ. Нѣкоторыя возраженія Наумова отличаются смѣлостью и даже дерзостью. Такъ, напримѣръ, въ запискѣ оберъ-полиціймейстера говорится: «Министръ Юстиціи присовокупилъ, что естьлибъ Наумовъ, оставивъ свои ни съчѣмъ несообразныя предположенія, такъ называемаго имъ, открытаго адвокатства, рѣшился подчинить себя правиламъ службы, то, судя по его способностямъ, онъ могъбы быть весьма полезнымъ чиновникомъ». На это Наумовъ возражалъ: «Трощинскій не понимаетъ важности открытаго адвокатства, ибо правосудіе далеко отъ его сердца и разума, по его образу жизни».[2] На основаніи этихъ данныхъ Собственною Его Величества Канцеляріею была составлена записка: «Надворный Совѣтникъ Наумовъ съ Высочайшаго дозволенія учредилъ въ 1812-мъ году домъ Практическаго Правовѣдѣнія, въ которомъ молодые люди приготовлялись бы къ стряпчеству. Но, отступивъ отъ цѣли сей, принялъ на себя разборъ рѣшенныхъ дѣлъ; ему начали подавать прозьбы, онъ требуетъ справокъ и новаго разбора дѣламъ, однихъ просителей обращаетъ къ Министру Юстиціи съ

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 35, л. 831 об.
[2] Тамъ же, л. 833.

такими прозьбами, которыхъ безъ нарушенія закона удовлетворить нельзя; другимъ выдаетъ свидѣтельства, что они и послѣ отказа могутъ приносить на Высочайшее имя прозьбы; третьихъ ласкаетъ, что дѣла ихъ помѣщены въ отчетѣ, поднесенномъ Вашему Величеству, которымъ не долженъ и не имѣетъ онъ права обремѣнять Ваше Величество. Отчоты же свои и донесенія наполняетъ дерзкими разсужденіями. Комитетъ положилъ обязать Наумова подпискою, что онъ не только не будетъ принимать прозьбъ, но и уничтожаетъ домъ практическаго правовѣдѣнія, и объявивъ о томъ въ публичныхъ вѣдомостяхъ,—таковое распоряженіе доводитъ до Высочайшаго свѣдѣнія». Приведенное выше мнѣніе Министра Юстиціи оказывалось гораздо снисходительнѣе. На этой запискѣ рукою Аракчеева написано: «Государь читалъ и повелѣлъ объявить указъ, что онъ утверждаетъ мненіе Министра Юстиціи—5 февраля 1816 г.».

Аракчеевъ, обыкновенно, не ограничивался одной перепиской по данному дѣлу, а посылалъ кого-нибудь изъ своихъ чиновниковъ, пользовавшихся его довѣріемъ, для того, чтобы переговорить лично съ просителемъ и съ другими лицами, причастными къ дѣлу. Для примѣра можно указать на интересное, въ бытовомъ отношеніи, дѣло губернскаго секретаря Застольскаго. Прошеніе его, полученное Аракчеевымъ отъ Государя 15 августа 1817 г., было слѣдующаго содержанія: «Всеавгустѣйшій Монархъ, Всемилостивѣйшій Государь! До Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества манифеста, 1814 г. августа 30 дня состоявшагося, находился я около десяти лѣтъ и послѣ онаго манифеста по сіе время нахожусъ Могилевской Губерніи въ уѣздномъ городѣ Климовичахъ безъ ответа и суда и не по Высочайшей воли въ заключеніи подъ строгимъ наблюденіемъ, безъ определенной для меня дневной пищи по присвоенному мнѣ сумашествію единственно для того, чтобъ я болѣе не продолжалъ службы Вашего Императорскаго Величества въ 3-мъ Сената Департаментѣ, а потому припадаю къ Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества стопамъ и всеподданнѣйше прошу освободить мѣня отъ заключенія съ оставленіемъ мѣня, попрежнему, въ Сенатѣ съ удовлетвореніемъ слѣдуемымъ

жалованьемъ, съ зачисленіемъ всехъ моихъ изнуреній за продолженіе службы, съ возвращеніемъ всего заграбленнаго у мѣня».[1] Аракчеевъ по Высочайшему повелѣнію спрашивалъ Министра Юстиціи, за что былъ уволенъ изъ Сената и содержался въ домѣ умалишенныхъ этотъ чиновникъ. Со стороны Министра Юстиціи послѣдовалъ ответъ 28 сентября 1817 г. о томъ, что Застольскій былъ уволенъ изъ Сената за незаконное сообщеніе копій съ рѣшеній на просьбы, а затѣмъ заключенъ въ домъ умалишенныхъ вслѣдствіе составленія дерзкихъ доносовъ и прошеній на Высочайшее Имя такого нелѣпаго содержанія, что они заставили усомниться въ его нормальномъ умственномъ состояніи. Наконецъ онъ былъ высланъ по Высочайшему повелѣнію подъ полицейскій надзоръ въ Могилевскую губернію, откуда бѣжалъ два раза, и разъ проживалъ по бумагамъ своего брата. Аракчеевъ поручилъ повидать просителя одному изъ чиновниковъ Канцеляріи, который и донесъ слѣдующее: «по почтѣннейшему препорученію, возложеннаго (?) на меня отъ Вашего Сіятельства, узналъ я лично Губернскаго Секретаря Застольскаго, которой живетъ въ Г. Климовичахъ съ запрещеніемъ выѣзжать изъ онаго. Часа съ два занимался я съ нимъ разговоромъ и нашелъ, что онъ совершѣнно въ полномъ разумѣ и нимало непохожъ на сумашедшаго; сіе было ему присвоено токмо по безъ покойному характеру и почастымъ его неосновательнымъ наразныхъ людей доносамъ къ Государю Императору, зачто и отрешенъ отъ должности Секретаря 3-го Сената Департамента. Съ 1809-го года онъ находится въ Климовичахъ, въ крайней бѣдности, и кормится помощію сострадательныхъ помещиковъ и другихъ людей».[2] На основаніи этихъ данныхъ былъ составленъ докладъ на Высочайшее Имя, на который послѣдовала Высочайшая резолюція,—«оставить безъ уваженія».

Точно также въ 1818 году, по поводу прошенія, направленнаго въ собственныя Его Величества руки маіоромъ Депрерадовичемъ съ жалобою на то, что онъ взятъ незаконно подъ опеку и что его жена

---

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 36, л. 598.

[2] Тамъ же, л. 606.

и опекуны расточаютъ его состояніе, чиновникъ канцеляріи Мордвиновъ, по порученію статсъ-секретаря Н. Н. Муравьева, видѣлся съ двоюроднымъ братомъ просителя генералъ-лейтенантомъ Депрерадовичемъ, что можно заключить изъ его записки, въ которой говорится: «Генералъ-Лейтенантъ Депрерадовичъ отозвался, что проситель есть точно ему двоюродный братъ и когда служилъ съ нимъ вмѣстѣ, то былъ на счету хорошаго Офицера. Не видавъ его тридцать лѣтъ, не можетъ онъ ничего сказать насчетъ теперешняго его положенія и относительно упоминаемаго дѣла, которое вовсе ему неизвѣстно; а знаетъ только, что Маіоръ Депрерадовичъ, дѣйствительно, боленъ. Получивъ нынѣ отъ него письмо одинаковаго содержанія со всеподданнѣйшею его просьбой, Генералъ-Лейтенантъ Депрерадовичъ писалъ въ Екатеринославскую Губернію и просилъ, дабы его объ обстоятельствахъ сего дѣла увѣдомили».[1] На этой запискѣ собственноручная помѣтка Аракчеева: «писать къ Г. Витту (графу, генералу отъ кавалеріи), послать довереннаго офицера узнать подробнее о семъ деле и меня ему Г. Витту уведомить 24 октября 1818 г.». На основаніи всѣхъ собранныхъ свѣдѣній была составлена, какъ обыкновенно, Статсъ-Секретаремъ записка, которая по Высочайшему повелѣнію внесена въ Комитетъ Министровъ.

Особенно интересно дѣло Собственной Его Величества Канцеляріи по прошенію въ собственныя Его Величества руки казачки Бирюковой о ея сынѣ, обвинявшемся въ оскорбленіи Величества. О немъ имѣется составленная въ Собственной Его Величества Канцеляріи надворнымъ совѣтникомъ Мордвиновымъ записка слѣдующаго содержанія: «изъ увѣдомленія по сему дѣлу Курскаго Гражданскаго Губернатора, видно, что Бирюковъ, имѣющій отъ роду 18 лѣтъ, будучи сидѣльцомъ питейнаго дома, требовалъ съ одного діакона излишнія деньги за вино, и когда тотъ діаконъ давалъ ему указную цѣну, говоря, что такая установлена самимъ Государемъ Императоромъ, то Бирюковъ началъ бранить діакона непристойными словами, касаясь и

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 71, л. 181.

6

Государственному Совету.

Статс-Секретарю Маренку, пожелавшему находиться въ семь званіи въ Департаменте Гражданскихъ и Духовныхъ Делъ.

Обер. П. Арсеньев

Царское Село
20 августа
1819

имени Вашего Величества,—что за таковой поступокъ Бирюковъ приговоренъ Курской Уголовной Палатой къ наказанію кнутомъ и къ ссылкѣ въ каторжную работу, и что дѣло сіе представлено въ Правительствующій Сенатъ, гдѣ, какъ увѣдомляетъ Департаментъ Министерства Юстиціи, по оному рѣшеніе уже послѣдовало и изготовляется всеподданнѣйшій докладъ, который въ скоромъ времяни представленъ будетъ Министру Юстиціи».[1] На докладѣ Государю Статсъ-Секретаря Н. Н. Муравьева 24 января 1822 года послѣдовала Высочайшая резолюція «простить». Такими прошеніями, справками по нимъ и записками о нихъ наполненъ архивъ Собственной Его Величества Канцеляріи за описываемое время; на одни изъ нихъ воспослѣдовали Высочайшія резолюціи, другія же, по Высочайшему повелѣнію, были внесены въ Комитетъ Министровъ.

Собственная Его Величества Канцелярія также собирала справки и по прошеніямъ, полученнымъ отъ Государя, которыя поступали на Высочайшее Имя изъ Комиссіи Прошеній, какъ указано выше. Такъ, напримѣръ, Аракчеевъ пишетъ Статсъ-Секретарю Кикину 31 іюля 1822 г.: «Для производства находящагося въ Собственной Его Величества Канцеляріи дѣла, по волѣ Государя Императора, нужно мнѣ имѣть производство дѣла въ Коммисіи прошеній объ усыновленіи незаконно-рожденныхъ дѣтей горнаго заводчика Баташева,—и я покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство оное ко мнѣ доставить».[2]

Императоръ Александръ I былъ очень доступенъ просителямъ, а поэтому неудивительно, что количество прошеній на Высочайшее Имя, Ему подаваемыхъ, возрастало и возрастало. «Просить Государя сдѣлалось, такъ сказать, промысломъ», говорится въ цитированной уже выше запискѣ о Собственной Его Величества Канцеляріи. 2 января 1819 года послѣдовалъ Именной указъ Управляющему Министерствомъ

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 101, л. 442.

[2] Тамъ же, № 117, «Исходящій журн. объявл. Высоч. повелѣніямъ по гражд. части 1822 года», л. 174.

Полиціи, генералу-отъ-инфантеріи графу Вязмитинову: «Я узнаю, что Полиціи во время Моихъ путешествій чрезъ мѣста ихъ вѣдомства воспрещаютъ подаванію прошеній ко Мнѣ въ собственныя руки. Таковое дѣйствіе Полиціи, въ нѣкоторой мѣрѣ удаляющее отъ Моего свѣденія нужды жителей обозрѣваемыхъ Мною частей Государства, никогда не могло быть согласнымъ съ Моимъ желаніемъ. По сему поручаю Вамъ повсемѣстно и строго предписать Полиціямъ, чтобы онѣ отнюдь не возбраняли подаванію ко Мнѣ прошеній въ собственныя руки, но единственно наблюдали, чтобы дѣлалось сіе съ должною обстоятельствамъ пристойностію».[1]

Во время Высочайшихъ путешествій въ 1819—1825 г.г. принятіе прошеній на Высочайшее Имя было сосредоточено въ рукахъ Н. Н. Муравьева послѣ слѣдующаго отношенія къ нему Начальника Главнаго Штаба 29 іюля 1819 г.: «Начальникъ Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества, свидѣтельствуя свое почтеніе господину статсъ-секретарю Муравьеву, по волѣ Государя Императора, имѣетъ честь препроводить при семъ прошенія, поданныя Его Величеству дорогою и здѣсь въ Архангельскѣ, присовокупляя, что онъ имѣетъ повелѣніе и впредь препровождать къ Его Превосходительству всѣ прошенія, къ военной сухопутной части не относящіяся, подаваемыя во время Высочайшаго путешествія».[2]

Всѣ эти прошенія докладывались Государю и, послѣ наведенія справокъ у мѣстныхъ властей, по большей части, были удовлетворяемы. Въ большинствѣ случаевъ подавали ихъ люди худородные и лишенные всякой протекціи. Для примѣра можно привести слѣдующую записку Собственной Его Величества Канцеляріи о прошеніяхъ, поданныхъ въ собственныя Его Величества руки при проѣздѣ черезъ Новгородъ 28 іюня 1820 года: 1) «Вдова Маіорша Бѣлявина, изъясняя, что имѣніе ея Смоленской Губерніи въ Духов-

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 76, «Исходящій журн. по гражд. части имяннымъ указамъ 1819 года», л. 2.

[2] Тамъ же, № 69, л. 123.

скомъ уѣздѣ, изъ 10 душъ состоящее, разграблено было въ 1812 году непріятелями, которые сожгли домъ ея и разстрѣляли двоюроднаго брата ея Энгельгарда, отъ коего получала она безбѣдное себѣ содержаніе,—просить по бѣдности и старости своей о Монаршей милости, для пожизненнаго ея пропитанія, съ двумя малолѣтными дѣтьми». Губернаторъ далъ о ней слѣдующій отзывъ: «Просительница имѣетъ отъ роду слишкомъ 60 лѣтъ. Въ 1812-мъ году во время нашествія непріятелей бѣжала она изъ Смоленской Губерніи, оставя тамъ все свое имущество.—По прибытіи въ Новгородъ купила себѣ домикъ, но проживъ все, что имѣла, и будучи оставлена родственниками безъ всякаго пособія, она ведетъ нынѣ жизнь весьма скудную.—Губернаторъ полагаетъ выдать ей единовремянно 500 рублей». Послѣдовала Высочайшая резолюція: «Выдать 250 рублей». 2) «Вдова Титулярная Совѣтница Зоммеръ, всеподданнѣйше проситъ, по бѣдности своей, о Монаршемъ вспомоществованіи на пропитаніе и воспитаніе малолѣтныхъ ея дѣтей: одного сына и двухъ дочерей». О ней былъ данъ Губернаторомъ слѣдующій отзывъ: «Ей отъ роду 40 лѣтъ, имѣетъ при себѣ двухъ дочерей и одного сына, коихъ воспитываетъ своими трудами.—Состоянія никакого не имѣетъ.—Губернаторъ полагаетъ выдать ей единовремянно 200 рублей». На это послѣдовала Высочайшая резолюція: «Выдать 100 рублей». 3) «Новгородская мѣщанка Авдотья Егорова всеподданнѣйше проситъ о вознагражденіи ея за взятое у нея безъ платежа подъ казенныя строенія мѣсто; за срубку 70 фруктовыхъ деревъ и за сломку дома, стоющаго ей до двухъ тысячь рублей». Отзывъ Губернатора: «Просительница имѣетъ отъ роду 60 лѣтъ; принадлежавшее ей мѣсто съ имѣющеюся на немъ службою и плодовыми деревьями отошло подъ строящійся военно-дивизіонный Госпиталь; но Егорова за то не вознаграждена.—Губернаторъ полагаетъ выдать ей единовремянно 500 рублей, во что все сіе оцѣнено». Резолюція Государя: «Выдать сто рублей». 4) «Новгородскій Мѣщанинъ Степанъ Губаевъ всеподданнѣйше проситъ о выдачѣ ему 2.000 руб., съ уплатою оныхъ въ 4-ре года, на поправленіе бѣднаго его состоянія отъ бывшаго у него пожара». Отзывъ Губернатора: «Губернаторъ пола-

гаетъ Губаеву въ просьбѣ отказать, ибо хотя у него дѣйствительно по его неосторожности сгорѣлъ въ 1818 году домъ, но теперь оный имъ же возобновляется, и онъ живетъ въ немъ по званію своему довольно прилично». Резолюція Государя: «Оставить безъ уваженія». 5) «Коллежскій Секретарь Деньжаковъ, отдавая въ казенное вѣдомство доставшіяся якобы по крѣпостямъ отцу его отъ родного брата десять пустошей съ строевымъ лѣсомъ, сѣнными покосами и съ пахотными землями всего 2.003 десятины 357 саж., состоящія Новгородской Губерніи близъ Медведской вотчины въ Сутоцкомъ Погостѣ, каковыми однакожъ пустошами самовольно будто бы завладѣла бывшая Генеральша Седморацкая, что нынѣ Баронесса Реньи; онъ проситъ въ замѣнъ сихъ пустошей о единовремянной выдачѣ ему 900 руб. на уплату долговъ и о пожалованіи ему съ женою пожизненнаго содержанія, какое Вашему Величеству благоугодно будетъ имъ назначить». Отзывъ Губернатора: «Какъ изъ числа жертвуемыхъ Деньжаковымъ въ казну пустошей, утверждено за нимъ рѣшеніемъ Уѣзднаго Суда двѣ только, да и тѣ условно, буде не окажется другихъ наслѣдниковъ, то Губернаторъ полагаетъ, что нельзя еще ни какого сдѣлать по его просьбѣ заключенія, впредь до рѣшительнаго окончанія дѣла». Резолюція Государя: «оставить безъ уваженія». 6) «Вдова Штабсъ-Капитана Кранцъ всеподданнѣйше проситъ о пожалованіи ей за службу мужа пенсіона для пропитанія ея съ тремя малолѣтными сыновьями». Отзывъ Губернатора: «поведенія она хорошаго, состоянія бѣднаго, имѣетъ трехъ малолѣтныхъ сыновей, коихъ воспитываетъ трудами своими и вспомоществованіями другихъ.—Губернаторъ полагаетъ выдать ей единовремянно 300 рублей». Резолюція Государя: «согласенъ».[1] Всѣ Высочайшія резолюціи на этой запискѣ, какъ обыкновенно, записаны рукой Аракчеева. Такихъ прошеній въ указанное время, по выраженію Муравьева, было «цѣлое море». Тѣмъ не менѣе, Императоръ, среди многотрудныхъ занятій, находилъ время вникать въ нужды про-

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 87, л. 275.

сителей и по влеченію Своего отзывчиваго сердца, въ большинствѣ случаевъ, не отказывалъ въ просимомъ.

Въ Собственной Его Величества Канцеляріи собраны, по повелѣнію Императора Александра I, драгоцѣнныя свѣдѣнія о состояніи различныхъ частей государства. Еще до основанія Канцеляріи, по Собственноручной запискѣ Императора 9 ноября 1811 года, велѣно было потребовать отъ Калужскаго Губернатора: «1) карты подробныя каждаго уѣзда съ показаніемъ всѣхъ селеній; 2) вѣдомости о числѣ въ каждомъ селеніи жителей съ означеніемъ казенныхъ, удѣльныхъ и помѣщичьихъ; 3) въ каждомъ селеніи по скольку десятинъ на душу приходится; 4) подробное показаніе всѣхъ угодій по селеніямъ; 5) вѣдомости о числѣ жителей всѣхъ городовъ въ Губерніи съ раздѣленіемъ по состояніямъ; 6) о числѣ домовъ въ каждомъ городѣ съ означеніемъ каменныхъ и деревянныхъ; 7) вѣдомость всѣмъ помѣщикамъ съ означеніемъ по скольку у каждаго душъ; 8) подробное показаніе о рекрутской повинности по уѣздамъ, полагая съ 500 по 1, по 2, по 3, по 4 и по 5, съ показаніемъ сколько изъ оныхъ казенныхъ, удѣльныхъ и помѣщичьихъ; 9) означенія разстоянія каждаго города отъ Губернскаго и между собою».[1]

При тогдашнихъ средствахъ администраціи такое дѣло, естественно, подвигалось очень медленно, а нашествіе французовъ совершенно остановило это дѣло.

Послѣ изгнанія непріятеля Высочайшее повелѣніе было повторено, при чемъ указанныя свѣдѣнія велѣно было доставить въ Собственную Его Величества Канцелярію. Они были доставлены при письмѣ Губернатора отъ 18 мая 1813 года, въ которомъ такъ опредѣляется эта работа: «имѣю честь представить: 1) подробные карты каждаго уѣзда съ показаніемъ на оныхъ городовъ, всѣхъ селеній и дорогъ и съ означеніемъ разстоянія между каждымъ городомъ и особо каждаго отъ Губернскаго,—Карты сіи по повѣркѣ, на мѣстахъ уѣздными землемѣрами произведенной, переправлены и почти вновь передѣланы; отно-

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 25, л. 3.

сительно селеній въ томъ точно видѣ, какъ оныя до нашествія непріятеля существовали; но и послѣдовавшая отъ сего перемѣна, полосами нашествія непріятельскаго въ Боровскомъ и Малоярославецкомъ уѣздахъ и частію Медынскомъ не сдѣлаетъ большой разницы, ибо ежели гдѣ и созжены селенія, то оныя, вѣроятно, по мѣрѣ способовъ къ обстройкѣ поселянамъ, примутъ прежнее свое существованіе.—На каждой картѣ выведены Экспликаціи, сколько въ каждомъ уѣздѣ селъ, сельцъ и деревень и какихъ владѣній, сколько вообще въ уѣздѣ душъ, казенныхъ, удѣльныхъ и помѣщичьихъ, съ показаніемъ находящейся удобной и неудобной земли и посколько оной въ сложности приходитъ на душу. Присоединеніе сей Экспликаціи почелъ я нужнымъ на тотъ конецъ, дабы при перьвомъ взглядѣ на Карту какого либо уѣзда, можно было имѣть объ ономъ понятіе, безъ справки о томъ по вѣдомостямъ.—Къ сему почелъ я нужнымъ представить генеральную карту Губерніи таковымъ же порядкомъ съ уѣздными выверенную и съ присоединеніемъ таковой же Экспликаціи, обще до Губерніи относящейся. 2) О каждомъ уѣздѣ въ тройнѣ вѣдомости: *Первая*, всѣмъ селеніямъ по альфавиту, съ означеніемъ въ оныхъ числа душъ казенныхъ, удѣльныхъ и помѣщичьихъ по нынѣшней 6-ой ревизіи.—*Вторая*, селеніямъ, въ таковомъ же порядкѣ написаннымъ, съ показаніемъ при каждомъ количества земли удобной, неудобной, подъ лѣсами, подъ дорогами и прочее, а при другихъ (кои по владѣнію землями въ мѣстѣ замѣжеваны) подъ одною статьею, сообразно чему сдѣлано изчисленіе поскольку таковой земли поселянамъ приходитъ на душу. *Третія*, владельцамъ по алфавиту же по сколько у каждаго во владѣніи душъ.—Показаніе числа земли, при каждомъ селеніи состоящаго, извлекаемо было вообще изъ книгъ и атласовъ генеральнаго межеванія, но къ тому руководствовались и слѣдующими свѣденіями: 1-е Доставленными вѣдомостями отъ Казенной Палаты, удѣльной Канторы и правленія Тульскаго оружейнаго завода о земляхъ по настоящему о нихъ свѣденію и заведыванію тѣхъ мѣстъ, находящихся у казенныхъ, удѣльныхъ и приписныхъ къ оружейному заводу крестьянъ. 2-е Отъ Калужскаго оберъ-форштмѣйстера о надѣленіяхъ или нарѣзкахъ изъ казенныхъ засекъ къ селеніямъ раз-

ныхъ званій казеннаго вѣдомства, такъ и въ частные владѣнія, бывшихъ послѣ генеральнаго межеванія. 3-е Повѣрками и собранными свѣденіями на мѣстѣ въ уѣздахъ и частію 4-е изъ безъ спорныхъ плановъ, въ архивахъ уѣздныхъ судовъ отысканныхъ.—3) Общую вѣдомость о рекрутской повинности по Калужской Губерніи съ показаніемъ числа душъ, обязанныхъ сею повинностію, и числа рекрутъ, съ нихъ слѣдующихъ, по расположенію рекрутскаго набора, полагая съ 500 душъ по 1, 2, 3, 4 и по 5-ти рекрутъ. 4) Вѣдомость о числѣ жителей всѣхъ городовъ Калужской Губерніи, съ раздѣленіемъ по ихъ состояніямъ и съ означеніемъ въ оныхъ городахъ партикулярныхъ домовъ каменныхъ и деревянныхъ. Свѣденіе о числѣ купцовъ и Мещанъ заимствовано изъ поданныхъ къ 6-й ревизіи сказокъ, а о прочихъ состояніяхъ, такъ и о домахъ по собраннымъ въ Генварѣ мѣсяцѣ прошлаго 1812-го года свѣденіямъ. Въ числѣ дворовыхъ людей сдѣсь выходитъ разность съ вѣдомостями уѣздными отъ того, что въ сихъ показано оныхъ меньше или больше, нежели по вѣдомости о городахъ. Въ уѣздныхъ число людей означено съ ревизскихъ сказокъ, а въ сей, особо о городахъ представляемой, о дѣйствительно въ наличности находящихся и которыхъ при городахъ въ сказкахъ не значится, такъ какъ оныя у владѣльцовъ, сдѣсь живущихъ, находятся при домахъ для услугъ, но показаны въ ревизскихъ сказкахъ при деревняхъ ихъ. Сколько въ городахъ Боровскѣ и Маломъ Ярославцѣ истреблено домовъ, о томъ въ той же вѣдомости обьяснено».[1]

Въ замѣткѣ рукой Аракчеева 18 мая 1813 года значится: «Государь Императоръ повелѣлъ подобные сведенія потребовать отъ губерніевъ: Могилевской, Черниговской и Минской. О чемъ уведомить и Министра Полиціи». Во исполненіе этого Высочайшаго повелѣнія были получены графомъ Аракчеевымъ при письмѣ Черниговскаго Губернатора отъ 19 марта 1815 года требуемыя свѣдѣнія. «Имѣвъ честь», пишетъ послѣдній, «получить предписаніе вашего сіятельства отъ 20 февраля, о доставленіи предписанныхъ предмѣстнику моему

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 25, л. 17 и слѣд.

свѣдѣній о черниговской Губерніи, поспѣшаю представить у сего вашему сіятельству: *первое*, карты подробные пятнадцати повѣтамъ, сію Губернію составляющимъ, порознь о каждомъ съ показаніемъ всѣхъ селеній и дорогъ и съ означеніемъ разстоянія между каждымъ городомъ и особо каждаго отъ губернскаго; *второе*, вѣдомость о числѣ въ каждомъ селеніи жителей съ означеніемъ удѣльныхъ, помѣщичьихъ и другого званія людей, платящихъ подати, объясняя къ оной, что посколько десятинъ на душу приходить(ся) поселянамъ земли и какія имѣются угодія по здѣшней Губерніи означить неудобно потому, что не было еще въ Губерніи сей генеральнаго размежеванія земель, равно и измѣренія оныхъ при каждомъ селеніи, вообще же по Губерніи числится земли всѣхъ угодій 4.676.062 десятины, а располагая оныя примѣрно на всѣхъ поселянъ состоящихъ, по ревизіи 1811-го года платящихъ подати 522.991 душу, приходить(ся) на каждую душу по восьми десятинъ съ долями; *третье*, вѣдомость о числѣ жителей всѣхъ городовъ сей Губерніи съ раздѣленіемъ по ихъ состояніямъ и съ означеніемъ сколько въ оныхъ городахъ партикулярныхъ домовъ каменныхъ и деревянныхъ; *четвертое*, вѣдомость всѣмъ помѣщикамъ по повѣтамъ по сколько у каждаго душъ, и *пятое*, разчисленіе о рекрутскихъ повинностяхъ по послѣдней 1811-го года ревизіи по повѣтамъ, полагая съ 500 душъ по 1-му, по 2, по 3, по 4 и по 5 рекрутъ съ различіемъ сколько изъ оныхъ казенныхъ, удѣльныхъ и помѣщичьихъ».[1] Не была доставлена генеральная карта всей губерніи, которая была вытребована Аракчеевымъ и доставлена только 24 ноября 1815 года.

28 мая того же года были доставлены такія же свѣдѣнія о Минской губерніи при письмѣ Губернатора къ Аракчееву, въ которомъ онъ между прочимъ упоминаетъ: «сколько десятинъ на душу въ каждомъ селеніи причтется земли всѣхъ угодій, сего показать, какъ Губернскій Землемѣръ обьясняетъ мнѣ, за неразмѣженіемъ Минской Губерніи, невозможно; но за всѣмъ тѣмъ на картѣ въ описаніи показано вообще въ каждомъ поветѣ по изчисленію по сколько на душу причтется деся-

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 26, лл. 4 и 5.

тинъ земли таковыхъ угодій». Удовлетворительныхъ картъ Губернаторъ, по собственному заявленію, не могъ представить: «При семъ Вашему Сіятельству честь имѣю въ покорности моей симъ донести, что выше означенные карты Минской Губерніи составлены изъ картъ, учиненныхъ въ 1797 году. Почему по нынѣшнее время могла въ селеніяхъ послѣдовать перемѣна, а наипаче чрезъ вторженіе въ здѣшнюю Губернію непріятельскихъ войскъ, для поверки чего командированы Губернскимъ Землемѣромъ, по предложенію Минскаго Губернскаго Правленія, въ повѣты Минской Губерніи землемѣры».[1]

Всѣхъ дольше задержались свѣдѣнія о Могилевской губерніи, которыя, несмотря на всѣ напоминанія графа Аракчеева, были доставлены только 30 іюня 1816 года. Губернаторъ оправдывался тѣмъ, что всѣ собранныя раньше свѣдѣнія о губерніи сгорѣли во время непріятельскаго нашествія. Сообщенныя имъ свѣдѣнія также не отличались желательною полнотою.[2] Общая карта губерніи совсѣмъ не была прислана, несмотря на требованія Аракчеева.

Собранный такимъ образомъ матеріалъ поступилъ на храненіе въ Собственную Его Величества Канцелярію и донынѣ находится въ ея архивѣ. Хотя средства, которыми располагала тогдашняя администрація, оказались слишкомъ скудными для такого всесторонняго изученія губерній, какого желалъ Государь, однако и эти свѣдѣнія драгоцѣнны для историка, изучающаго положеніе губерній, пострадавшихъ отъ вторженія непріятеля.

Въ Собственную Его Величества Канцелярію поступила часть дѣлъ Канцеляріи Принца Гольштейнъ-Ольденбургскаго. Принцъ Георгій Гольштейнъ-Ольденбургскій принадлежалъ къ числу видныхъ дѣятелей начала прошлаго столѣтія. Въ 1809 году онъ женился на сестрѣ Императора Александра I Великой Княжнѣ Екатеринѣ Павловнѣ и тогда же былъ назначенъ Генералъ-Губернаторомъ Новгородскимъ, Тверскимъ и Ярославскимъ; ему же было поручено главное управленіе всѣми путями сообщенія Имперіи. Имъ былъ организованъ Корпусъ

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 27, л. 8.
[2] Тамъ же, № 28, л. 1.

Государственная публичная библиотека

инженеровъ путей сообщенія. Отечественная война оторвала его отъ этихъ дѣлъ. При организаціи ополченія онъ, осматривая лазареты, заразился злокачественной горячкой и умеръ 14 декабря 1812 года. По Высочайшему повелѣнію 20 марта 1813 года было поручено разобрать дѣла его Канцеляріи комиссіи изъ трехъ состоявшихъ при немъ чиновниковъ: статскаго совѣтника Быховца, коллежскаго совѣтника Борна и титулярнаго совѣтника П. И. Егорова. Когда Быховецъ былъ назначенъ Нижегородскимъ Губернаторомъ, то его смѣнилъ коллежскій совѣтникъ Мякининъ. Къ 6 мая 1814 года ихъ работа была исполнена, и послѣдовало Высочайшее согласіе на разсылку обревизованныхъ дѣлъ, всего около 6.000, куда слѣдовало по принадлежности. Комиссія, получивъ это Высочайшее повелѣніе, успѣла къ 1816 году разослать бо́льшую часть разобранныхъ дѣлъ къ Министрамъ, Губернаторамъ и другимъ должностнымъ лицамъ. Наиболѣе важныя дѣла были повергнуты комиссіей на Высочайшее разсмотрѣніе, и часть ихъ также распредѣлена между различными Министрами.

Государя особенно интересовали злоупотребленія, происшедшія въ упомянутыхъ губерніяхъ въ то время, когда Принцъ Ольденбургскій находился въ отсутствіи. Въ проектѣ рескрипта на имя Сенатора генералъ-лейтенанта князя Салагова, который, какъ предполагалось, долженъ былъ ревизовать эти губерніи, означено: «Въ мартѣ 1812 года, съ открытіемъ обстоятельствъ военнаго времени, Я призналъ присутствіе Его Императорскаго Высочества покойнаго Принца Георгія Голстейнъ-Ольденбургскаго необходимымъ въ Арміи, и въ семъ назначеніи Его Высочество былъ, по волѣ Моей, отозванъ отъ управленія Губерній Новгородской, Тверской и Ярославской. Потомъ образованіе военныхъ ополченій и дѣятельныя мѣры къ огражденію тѣхъ Губерній отъ непріятельскихъ покушеній составляли въ теченіи 1812 года обязанности Его Высочества. *Когда при таковомъ временномъ распорядкѣ управленіе трехъ Губерній предоставлено было уже Гражданскимъ Губернаторамъ, съ сего самаго времени произошли тамъ безпорядки и злоупотребленія, кои тѣмъ болѣе обратили Мое вниманіе,* чѣмъ событія сіи были справедливѣе. Первыя мѣры къ отвращенію неустройствъ сихъ въ самомъ ихъ

началѣ и къ открытію виновныхъ въ томъ приняты были Его Высочествомъ Принцемъ; но кончина, Его Высочество постигшая, сколько начинанія сіи остановила, столько же послужила преградою другимъ благонамѣреннымъ видамъ Его Высочества, кои простиралъ онъ къ исправленію разныхъ поползновеній, въ трехъ Губерніяхъ вкравшихся, и къ назиданію тамъ добраго порядка и строгой справедливости».[1]

По Высочайшему повелѣнію, объявленному комиссіи графомъ Аракчеевымъ 18 августа 1816 года, существованіе Генералъ-Губернаторской Канцеляріи Его Высочества было прекращено, а неоконченныя въ ней дѣла о безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ въ Новгородской, Тверской и Ярославской губерніяхъ было приказано принять въ свое вѣдѣніе и хранить до повелѣнія Егорову, причисленному въ то время къ Собственной Его Величества Канцеляріи. Наконецъ, 10 декабря 1816 года, ему было предписано Аракчеевымъ: «Изъ числа дѣлъ бывшей Губернской Канцеляріи Его Императорскаго Высочества Покойнаго Принца Голстейнъ-Ольденбургскаго, въ вашемъ вѣдѣніи хранящихся .... всѣ Атласы и къ нимъ принадлежащіе Планы, Генеральную Карту Тверской Губерніи, Планы Городамъ Крестцамъ и Череповцу и Каменной Оградѣ около Церкви въ Осташковѣ, равно какъ и всѣ Книги, Законы въ себѣ заключающія, отдать при описи въ Собственную Его Величества Канцелярію, подъ росписку Надворнаго Совѣтника Немировскаго».[2]

Дѣла, хранившіяся у Егорова, представляютъ собою типичные образцы злоупотребленій областной администраціи того времени, съ которыми упорно боролось правительство Императора Александра I. Таково, напримѣръ, дѣло Тверского Губернатора Кологривова, незаконно сдавшаго поставку на армію полушубковъ купцамъ Зубчанинову и Неворотину во время пребыванія здѣсь Кутузова. Противозаконный поступокъ Губернатора далъ поводъ къ самымъ вопіющимъ злоупотребленіямъ поставщиковъ. Разслѣдовать это дѣло было поручено стат-

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 12, л. 80.

[2] Тамъ же, № 15, «Исходящій журн. отношеніямъ по гражд. части 1816 года», лл. 338 об. и 339.

скому совѣтнику Быховцу, который, однако, ничего не сдѣлалъ для выясненія истины. Тѣ же самые купцы доставляли лошадей и сбрую на армію безъ надлежащаго контроля. Отъ предводителя дворянства и отъ различныхъ чиновниковъ, дѣлавшихъ покупки на армію, не было потребовано отчетовъ въ расходованіи казенныхъ денегъ.

Особенно поразительны дѣла о четырехъ французскихъ офицерахъ путей сообщенія, которымъ удалось взбунтовать въ Пошехоньѣ крестьянъ и даже снабдить ихъ оружіемъ, и о нѣсколькихъ сотняхъ больныхъ и раненыхъ военноплѣнныхъ, брошенныхъ областной администраціей безъ всякаго призрѣнія; только послѣ строжайшаго предписанія Принца, на положеніе ихъ было обращено должное вниманіе.

Въ Ярославской губерніи всевозможныя злоупотребленія чинила комиссія по распредѣленію квартирныхъ постоевъ. «Непремѣнный членъ ея Полицмейстеръ», по запискѣ объ этомъ, составленной въ комиссіи по разбору дѣлъ Канцеляріи Принца, «позволивъ себѣ забрать въ руки весь распорядокъ по Квартирной Комиссіи, несмотря ни на какіе резоны и убѣжденія сочлена своего депутата со стороны купцовъ и мѣщанъ, и обижая избранныхъ отъ города квартирмистровъ, дѣйствуетъ по своему. Онъ не наблюдаетъ ни очередь, ни уравнительность между жителями въ распредѣленіи постоевъ, не уважаетъ (не сообразуется съ) состояніемъ обывателей, постой отъ богатаго переводитъ къ бѣдному. Словомъ сказать квартиры назначаетъ кому захочетъ и у кого захочетъ, извлекая вездѣ изъ всего свою пользу. Большая часть дворянскихъ домовъ не занята постоемъ и отдаются хозяевами въ наемъ».[1] Вообще въ отсутствіе Принца, благодаря попустительству Губернатора князя Голицына, полиція дѣлала въ Ярославской губерніи все, что хотѣла, и надзора за неблагонадежными лицами не было никакого. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ наглая кража серебра у самого Губернатора. Рекрутскіе наборы сопровождались самыми безсовѣстными поборами чиновниковъ съ крестьянъ. Остроги находились въ ужасномъ состояніи, и заключенные въ нихъ терпѣли

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 20, л. 215.

недостатокъ въ самомъ необходимомъ. Всевозможными безпорядками сопровождались рекрутскіе наборы и въ Новгородской губерніи. Здѣсь мѣщане рѣшительно отказались дать, по требованію командующаго 2 округомъ ополченія, добавочныхъ ополченцевъ. Губернаторъ приписывалъ это крайней распущенности губерніи, управлять которой, по его мнѣнію, было «совершеннымъ мученіемъ». «Никакое распоряженіе Начальства», писалъ онъ, «или Полиціи не проходитъ безъ сопротивленія; квартальныхъ бранятъ, выгоняютъ изъ домовъ, и едва строгостью и повтореніями можно принудить ихъ къ исполненію законныхъ требованій».[1] Однако, можно думать, что причиной возмущенія были злоупотребленія въ предшествующихъ наборахъ, о которыхъ свидѣтельствуютъ также оффиціальныя данныя.

Въ Канцеляріи самого Принца были непорядки: служившій въ ней надворный совѣтникъ Бедряга давалъ переписывать секретныя бумаги своимъ дворовымъ, которые разглашали ихъ содержаніе.

Эти дѣла были переданы въ Собственную Его Величества Канцелярію, повидимому, ради сохраненія ихъ въ тайнѣ и предотвращенія на будущее время возможности такихъ безпорядковъ, такъ какъ никакого дальнѣйшаго производства по нимъ не видно. Егоровъ въ данномъ случаѣ, вѣроятно, являлся въ роли архиваріуса.

17 ноября 1813 года Высочайше было повелѣно Генералъ-Губернаторамъ и Гражданскимъ Губернаторамъ представлять ежегодно въ Собственную Его Величества Канцелярію отчеты о земскихъ повинностяхъ, главнѣйшіе виды которыхъ были слѣдующіе: 1) на содержаніе почтъ, 2) на содержаніе лошадей при этапахъ, на устройство при нихъ лазаретовъ и колодцевъ, 3) на содержаніе воинскихъ зданій, 4) на содержаніе тюремныхъ помѣщеній, 5) на содержаніе полиціи и другіе расходы городскихъ думъ, 6) на волостныя правленія въ казенныхъ и удѣльныхъ имѣніяхъ, 7) на построеніе и исправленіе мостовъ, 8) на содержаніе служителей и лошадей при земскихъ судахъ и 9) на различные расходы по дворянскимъ выборамъ. Впрочемъ за періодъ 1813—1825 г.г.

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 20, л. 237.

далеко не изо всѣхъ губерній посылались аккуратно такіе отчеты; они стали поступать правильно только послѣ указа Императора Николая I мѣстнымъ властямъ, 13 апрѣля 1827 года, предписавшаго доставить немедленно отчеты за недостающіе года и впредь присылать ихъ неукоснительно подъ страхомъ строгой отвѣтственности за это.[1]

27 октября 1817 года Аракчеевъ объявилъ С.-Петербургскому Военному Генералъ-Губернатору: «Его Императорское Величество, бывъ извѣщаемъ о происшествіяхъ чрезъ комитетъ Г.Г. Министровъ не въ свое время, тогда какъ слухи о томъ бываютъ гораздо ранѣе и въ разныхъ видахъ, Высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ сообщить Вашему Высокопревосходительству, дабы главнѣйшимъ по Имперіи произшествіямъ какъ то: пожарамъ цѣлыхъ городовъ и селѣній или знатныхъ частей оныхъ, грабежамъ и разбоямъ, неповиновенію крестьянъ и смертоубійствамъ, составляемы были въ Министерствѣ Полиціи особыя для Его Величества таблицы, которыя и присылали бы Ваше Высокопревосходительство еженедельно Государю Императору въ собственныя руки, независимо отъ общаго своимъ порядкомъ донесенія о томъ комитету Г.Г. Министровъ».[2] По прочтеніи этихъ таблицъ Государь передавалъ ихъ Аракчееву, который, по обыкновенію, собственноручно на нихъ отмѣчалъ: «получено отъ Государя» такого-то числа.

Въ первый разъ таблицы такого рода были присланы 8 ноября 1817 года. Онѣ были составлены по слѣдующему образцу:

По губерніямъ.	Пожары.	Грабежи.	Разбои.	Неповиновеніе крестьянъ.	Смертоубійства.

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 263, «Отчеты о земскихъ повинностяхъ 1818—1825 годовъ»; № 276, «Исходящій журн. объявл. Высоч. повелѣніямъ 1827 года», кн. 2, лл. 60 об., 61 и 62.

[2] Тамъ же, № 41, «Исходящій журн. отношеніямъ по Канц. Е. И. В. гражд. части 1817 года», л. 256.

На доставленной таблицѣ рукой Аракчеева помѣчено: «сдѣлать отвѣтъ, что Государь находитъ форму достаточной и повелено о военныхъ со общить началь. Глав. Штаба».[1] На этомъ основаніи Аракчеевъ отношеніемъ къ Управляющему Министерствомъ Полиціи просилъ его составлять особыя таблицы такихъ происшествій, чтобы не утруждать чиновниковъ Собственной Его Величества Канцеляріи составленіемъ выписокъ о нихъ изъ представленныхъ таблицъ. Эти таблицы возвращались Начальникомъ Главнаго Штаба въ Собственную Его Величества Канцелярію. Такъ въ письмѣ послѣдняго отъ 4 сентября 1819 года на имя Н. Н. Муравьева сказано: «По Высочайшему повелѣнію обращая при семъ таблицу о главнѣйшихъ въ имперіи произшествіяхъ съ 7-го по 14-е августа, принадлежащую къ дѣламъ Канцеляріи Его Величества, имѣю честь увѣдомить, что для усмиренія Каранагайскихъ татаръ предписано генералу Ермолову командировать часть войскъ, поблизости расположенныхъ, а управляющему Министерствомъ Полиціи сообщено, чтобы донесенія, полученныя о буйствѣ Каранагайскихъ татаръ взнесены были въ Комитетъ Г.Г. Министровъ для принятія мѣръ къ прекращенію подобныхъ безпокойствъ на будущее время».[2] На этомъ документѣ помѣтка рукой Муравьева: «къ свѣдѣнію. Таблицы пріобщены къ прочимъ таблицамъ».

Государь внимательно читалъ эти таблицы, и въ нихъ безпрестанно встрѣчаются Его Собственноручныя помѣтки. Такъ, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ значится: «По донесенію Кавказскаго Гражданскаго Губернатора, пол. 14-го февраля: *Вологодскаго пѣхотнаго полка хорунжій, пятидесятникъ и девять рядовыхъ* вовремя преслѣдованія Закубанскихъ Хищниковъ 3-го генваря ночью имѣли съ ними ручную Драку, при коей *пятидесятникъ и два Козака* ранены шашками; изъ числа же Хищниковъ убиты Черкескіе два Узденя, а три Хищника раненные спаслися бѣгствомъ». По этому поводу Государь написалъ: «Должна быть путаница, ибо въ Пехотныхъ полкахъ ни хорунжихъ,

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 38, л. 156.
[2] Тамъ же, № 70, л. 2.

ни пятидесятниковъ, ни казаковъ не бываетъ; равномерно не существуетъ и *вологодскаго* казачіяго полка. О чемъ и дать знать управляющему Министерствомъ Полиціи». [1]

Въ тѣхъ случаяхъ, когда происшествія особенно обращали на себя вниманіе Государя, обыкновенно, возникала, по Высочайшему повелѣнію, переписка между Собственной Его Величества Канцеляріей и Министерствомъ Полиціи. Вниманіе Государя особенно привлекали на себя неустройства областной администраціи, которая часто оказывалась не въ состояніи обуздывать вредные общественные элементы. Такъ, 16 апрѣля 1819 года Аракчеевъ пишетъ графу Вязмитинову: «Государь Императоръ, усмотрѣвъ изъ таблицы о главнѣйшихъ въ имперіи происшествіяхъ, съ 20-го по 27-е прошедшаго марта и съ 27-го марта по 3-е число сего мѣсяца, частые грабежи и разбои, дѣлаемые татарами Казанской губерніи, Высочайше повелѣлъ мнѣ сообщить вашему сіятельству, что Его Величество не могъ оставить безъ примѣчанія слабость управленія оной губерніи по столь важнымъ безпорядкамъ, нарушающимъ безопасность жителей, за всемъ тѣмъ, что въ сей губерніи находятся и внутреннія стражи и жандармы и учебной баталіонъ». [2]

Случалось, что Аракчеевъ писалъ отъ Имени Государя непосредственно Губернаторамъ, въ губерніяхъ которыхъ обнаружились подобные безпорядки. Такъ, 12 іюня того же года имъ было сообщено Московскому Гражданскому Губернатору Дурасову слѣдующее: «Государь Императоръ, усмотрѣвъ изъ представляемыхъ Его Величеству отъ управляющаго Министерствомъ Полиціи таблицъ о происшествіяхъ, что 11-го прошедшаго Маія, неизвѣстные пять человѣкъ, напавъ на возвращающихся изъ Москвы Подольскаго уѣзда сельца Сырьева крестьянъ: Сафонова и Захарова и крестьянку Степанову, перваго изъ нихъ убили, а послѣднихъ ограбили, и что въ городѣ Дмитровскѣ на принадлѣжащемъ мѣщанину Алимпіеву кожевенномъ заводѣ 9-го Маія

---

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 38, л. 156—168.

[2] Тамъ же, № 77, «Исходящій журн. объявл. Высоч. повелѣніямъ и отношеніямъ по гражд. части 1819 года», л. 156.

Таблица

О главнѣйшихъ въ Имперіи происшествіяхъ, составленная изъ донесеній, полученныхъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, съ 2го по 9е Ноябрь 1822го года.

По Могилевской Губерніи, читана собственноручная Государя Императора резолюція.

Получено отъ Государя
22е Декабря 1822 года

По Губерніямъ.	Пожары.	Грабежи.	Разбои.	Неповиновеніе Крестьянъ.
Калужской.	———	———	———	———
Могилевской.	———	———	———	———

Смертоубійства.

Слободы Ракитной десяти-лѣтній мальчикъ Колесниченко нечаянно застрѣлилъ изъ ружья другаго мальчика же Дѣинишкова; о чемъ произведенное слѣдствіе отослано съ виновнымъ въ Уѣздный судъ.

По донесенію Калужскаго Гражданскаго Губернатора: близъ заштатнаго города Воротынска 21-го Сентября найденъ въ кустахъ убитый неизвѣстный человѣкъ. Виновныхъ въ лишеніи его жизни по слѣдствію не открыто.

По донесенію Могилевскаго Гражданскаго Губернатора: 1.) Въ Мстиславскомъ повѣтѣ, крестьянинъ Ивановъ, 2-го Октября толкнулъ крестьянина Никифорова, который отъ того упалъ на мостъ и умеръ. — 2.) Въ Сѣнницкомъ повѣтѣ, Польщицы Хоминской деревни Лисичина крестьянина Ковалёва, бывшаго въ лѣсу съ ружьемъ, 9-го Октября

По Губерніямъ.	Пожары.	Грабежи.	Разбои.	Неповиновеніе Крестьянъ.
Минской.	———	———	———	Изъ таблицъ съ 26го Октября по 2е Ноября всеподданнѣйше донесено Его Императорскому Величеству о неповиновеніи крестьянъ Мьстечка Раковa своему Помьщику Эдьховскому. Имѣнь Управляющій должность

Государственный совершенно
милостивый Граф
Милорадович, имею честь
Ваше Сиятельство
уведомить о происшествии, которое
сего числа случилось.
Доверие ко мне Вашего Сиятельства
заставляет меня
тотчас донести о сем
моем убеждении

Вашего Сиятельства

Граф С. Ланжерон

Дерпт.
1822. 1.

Смертоубійства.

найдено въ полѣ одно туловище, голова же отрублена, но ни гдѣ не отыскана; ружья его также при немъ не оказалось.

3.) Въ Черниковскомъ Повѣтѣ близъ деревни Ветрина въ болотѣ 5го Октября найденъ мертвый неизвѣстный человѣкъ съ связанными назадъ руками.

О сихъ происшествіяхъ производятся слѣдствія.

неизвѣстно кѣмъ убитъ 15-тилѣтній сынъ его, при чемъ похищено денегъ до 1.200 рубл. и жемчугу на 150 рублей, Высочайше повелѣлъ мнѣ замѣтить Вашему Пре-ву о таковыхъ безпорядкахъ, существующихъ во ввѣренной вамъ Губерніи».[1]

Далѣе, вниманіе Государя въ особенности останавливалось на жертвахъ крѣпостного права. Въ запискѣ отъ 28 февраля 1819 года графъ Аракчеевъ пишетъ графу Вязмитинову: «Графъ Аракчеевъ, свидѣтельствуя почтеніе Его Сіятельству Графу Сергѣю Козьмичу Вязьмитинову, честь имѣетъ сообщить ему, что Государь Императоръ по разсмотрѣніи въ таблицѣ о главнѣйшихъ произшествіяхъ по 20-е февраля статьи о скоропостижной смерти дворового человѣка Петрова, послѣдовавшей въ пятый день послѣ жестокаго наказанія, сдѣланнаго ему господиномъ его, коллежскимъ ассесоромъ Дудинымъ, повелѣть изволилъ, дабы Его Сіятельство о послѣдствіи производящагося по сему дѣлу изслѣдованія довелъ до Высочайшаго свѣденія чрезъ Комитетъ Г.Г. Министровъ».[2] Въ томъ же году 18 марта Аракчеевъ пишетъ графу Вязмитинову: «Государь Императоръ при прочтеніи таблицы о главнѣйшихъ произшествіяхъ съ 6-го по 13-е марта сего года, обративъ вниманіе на статьи о жестокомъ поступкѣ живущей въ городѣ Богучарѣ титулярной совѣтницы Успенской съ дворовой своей женщиной Шариковой, и о претѣрпенныхъ нынѣшнею зимою бѣдствіяхъ и раззореніяхъ кочующими въ Астраханской губерніи татарами и калмыками, лишившихся[3] отъ свирѣпствовавшихъ морозовъ большаго количества лошадей и прочаго скота, Высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ объявить Вашему Сіятельству Его Величества волю, дабы вы по обоимъ симъ предметамъ внесли въ Комитетъ Г.Г. Министровъ».[4] 12 іюня того же года Аракчеевъ пишетъ Новгородскому Гражданскому Губернатору Жеребцову: «Государь Императоръ, усмотрѣвъ изъ представленной Его Величеству отъ управляющаго Министерствомъ

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 77, «Исходящій журн. объявл. Высоч. повелѣніямъ и отношеніямъ по гражд. части 1819 года», л. 245.

[2] Тамъ же, л. 88.

[3] Неправильное согласованіе, часто встрѣчаемое въ перепискѣ этого времени.

[4] Тамъ же, л. 116.

полиціи таблицы о произшествіяхъ, что Новгородскаго помѣщика коллежскаго ассесора Трубникова дворовый человѣкъ Васильевъ 8-го маія, будучи наказанъ по приказанію Трубникова розгами за пьянство, сдѣлался боленъ и умеръ на 5-й день, повелѣлъ мнѣ сообщить Вашему Пре-ву Высочайшую Его Императорскаго Величества волю, дабы вы обратили на дѣло сіе особенное вниманіе и, ежели откроется, что смерть дворовaго человѣка Васильева произошла отъ жестокости помѣщика, то поступили бы съ нимъ по закону и имѣніе его взяли въ опеку». [1]

Въ архивѣ Собственной Его Величества Канцеляріи находится рядъ томовъ, обнимающихъ такія таблицы за 1817—1825 года. Они представляютъ драгоцѣнный матеріалъ для характеристики самого Государя по его замѣчаніямъ и богатый источникъ свѣдѣній о бытѣ того времени, до сихъ поръ очень мало извѣстный историкамъ. [2] Въ книгѣ воспроизводится такая таблица съ Собственноручнымъ замѣчаніемъ Государя и объясненія Министра Внутреннихъ Дѣлъ графа Кочубея, по поводу запроса, сдѣланнаго ему, по Высочайшему повелѣнію, графомъ А. А. Аракчеевымъ.

10 октября 1817 года Аракчеевъ писалъ Вязмитинову: «По разнообразію богоугодныхъ заведѣній, подвѣдомыхъ приказамъ Общественнаго призрѣнія, Его Императорскому Величеству угодно знать: если (есть ли) какое постоянное правило, что имянно содержать обязаны приказы въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ? Прося покорно Ваше Высокопревосходительство сообщить мнѣ сіе свѣденіе, вмѣстѣ съ тѣмъ, по Высочайшему повелѣнію, прошу доставить для доклада Его Императорскому Величеству и вѣдомость по Губерніямъ, которая показывала бы: 1) Какого рода гдѣ богоугодныя заведѣнія находятся? 2) Что стоитъ годовое содержаніе ихъ? 3) Какъ великъ капиталъ каждаго приказа общественнаго призрѣнія, собственной и принадлежащій другимъ

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 77, «Исходящій. журн. объявл. Высоч. повелѣніямъ и отношеніямъ по гражд. части 1819 года», л. 244 об.

[2] Такими таблицами отчасти воспользовался Н. Варадиновъ въ своей «Исторіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ».

мѣстамъ и лицамъ? 4) Какъ великъ годовой доходъ и расходъ каждаго приказа»?[1] Вслѣдствіе этого Высочайшаго повелѣнія, 18 октября 1817 года, Вязмитиновъ представилъ Аракчееву въ высшей степени цѣнную для историка записку, въ которой по губерніямъ были обозначены приказы общественнаго призрѣнія, суммы, которыми они располагали, учрежденія, которыя на ихъ счетъ содержались, и число лицъ, въ нихъ призрѣвавшихся.[2]

По Высочайшему повелѣнію 12 ноября того же года Управляющій Министерствомъ Полиціи долженъ былъ присылать графу Аракчееву для доклада Государю «сравнительныя вѣдомости о цѣнахъ первѣйшихъ жизненныхъ припасовъ въ С.-Петербургѣ»: ржаной и пшеничной муки, грешневыхъ крупъ, ржи, пшеницы, овса, масла коровьяго, коноплянаго, говядины, сѣна и дровъ березовыхъ.[3] Самое Высочайшее повелѣніе въ дѣлахъ Канцеляріи не сохранилось, но о немъ упоминается въ письмѣ графа Вязмитинова Аракчееву отъ 18 ноября 1817 года, при которомъ въ первый разъ были присланы такія вѣдомости. Съ этого времени онѣ поступаютъ періодически въ Собственную Его Величества Канцелярію.

Въ томъ же году были представлены по Высочайшимъ повелѣніямъ въ Собственную Его Величества Канцелярію изъ Министерства Полиціи вѣдомости о мастеровыхъ, приходящихъ на работу въ Москву и Петербургъ, по роду ихъ занятій и по губерніямъ, откуда они родомъ, а именно: Московской, Ярославской, Владимірской, Тверской, Костромской, Тульской, Калужской, Олонецкой и Нижегородской.[4]

Наконецъ, заслуживаетъ особаго вниманія отношеніе графа Аракчеева къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ Козодавлеву отъ 29 августа 1818 года: «Я докладывалъ Его Императорскому Величеству отношеніе Вашего Высокопревосходительства къ Статсъ-Секретарю Марченкѣ,

---

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 41, «Исходящій журн. отношеніямъ по Канц. Е. И. В. гражд. части 1817 года», л. 224.

[2] Тамъ же, № 37, лл. 376—430.

[3] Тамъ же, № 38, л. 618 об.

[4] Тамъ же, л. 393.

№ 479, съ вѣдомостью о числѣ свободныхъ хлѣбопашцовъ, вошедшихъ въ сіе званіе со времяни изданія указа 20-го Февраля 1803, по 23-е Августа сего года, и получилъ Высочайшее повелѣніе сообщить вамъ, Милостивый Государь мой, что Государю Императору, для вѣрнаго содержанія таковыхъ вѣдомостей въ Собственной Канцеляріи Его Величества, угодно, дабы Ваше Высокопревосходительство отъ нынѣ доставляли ко мнѣ вновь исправленныя вѣдомости, по мѣрѣ поступленія людей, въ свободные хлѣбопашцы увольняемыхъ».[1] Съ этого времени въ Собственную Его Величества Канцелярію начинаютъ періодически поступать свѣдѣнія объ увеличеніи числа свободныхъ хлѣбопашцевъ.

Благодаря этимъ Высочайшимъ повелѣніямъ въ Собственной Его Величества Канцеляріи былъ собранъ важнѣйшій матеріалъ для характеристики экономическаго быта русскаго общества въ указанное время вообще, и крестьянскаго сословія въ особенности.

Подводя итогъ сказанному въ этихъ двухъ главахъ о Собственной Его Величества Канцеляріи, можно такъ характеризовать управленіе Аракчеева названной Канцеляріей. Прежде всего нельзя не отмѣтить образцоваго порядка въ дѣлахъ при чрезвычайно ограниченномъ штатѣ служащихъ. Въ приведенной выше запискѣ Муравьева, писанной, несомнѣнно, подъ наблюденіемъ Аракчеева, такъ опредѣляется задача этого учрежденія: «По точному содержанію Высочайшаго Соизволенія, въ ней (Собственной Его Величества Канцеляріи) собираются справки... Главныя правила, кажется, суть: а) чтобъ ничего не рѣшать безъ справки, b) Чтобъ не затруднять разныя мѣста излишними справками. Слѣдовательно, не берутся излишнія справки: да и какая справка можетъ быть признана излишнею? — развѣ двойная. — Предположивъ даже, что могутъ быть обременены мѣста доставленіемъ въ Собственную Его Величества Канцелярію справокъ, не трудно увидѣть, что лучше затруднить мѣсто, нежели затруднить Государя остановкою въ разрѣшеніи дѣла вопросомъ о предметѣ, который за опасеніемъ лишней справки не

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 51, «Исходящій журн. отношеніямъ гражд. разряда 1818 года», л. 308.

былъ бы объясненъ. Но справками не могутъ затрудняться мѣста, когда дѣла ихъ въ порядкѣ».[1] И, дѣйствительно, пересматривая справки Собственной Его Величества Канцеляріи по поводу различныхъ прошеній, нельзя не удивляться тому, съ какою быстротой и обстоятельностью онѣ дѣлались, несмотря на то, что Аракчееву въ этомъ отношеніи постоянно приходилось сталкиваться съ косностью и медлительностью тогдашней администраціи, въ особенности же областной. Вотъ, что, напримѣръ, пишетъ Аракчеевъ Могилевскому Гражданскому Губернатору отъ 14 ноября 1822 года: «Отъ 8-го прошедшаго мая за № 244 сообщилъ я предмеснику Вашего Превосходительства Высочайшую Государя Императора волю о доставленіи мнѣ для доклада Его Величеству сведенія: кто именно былъ причиною неосновательнаго взятія подъ стражу Еврейки Дорисы Іозефины вдовы сапожника Грамме и по какому поводу оное случилось.—Съ того отношенія моего прилагаю у сего копію. Не получивъ на сіе никакого отъ Г. Гражданскаго Губернатора отзыва, отъ 18-го прошедшаго іюля за № 300-мъ, отнесся я вторично къ нему о скорѣйшемъ доставленіи мнѣ того сведенія; но и за симъ не получалъ я и понынѣ никакого отзыва. О семъ считаю нужнымъ сообщить Вамъ, Милостивый Государь мой, и просить Васъ, дабы Вы во исполненіе вышеозначенной Высочайшей воли доставили мнѣ, сколь возможно безъ отлагательства, упомянутое сведеніе, ибо единственно занеполученіемъ онаго останавливается представленіе Государю Императору производящагося въ Собственной Его Величества Канцеляріи дѣла о Еврейкѣ Дорисы Іозефины».[2] Историкъ Комитета Министровъ г. Середонинъ указываетъ на тактъ Аракчеева, какъ «Имѣющаго надзоръ и докладъ по дѣламъ Комитета», отмѣчая, что онъ никогда не настаивалъ предъ Государемъ на своемъ мнѣніи. Къ такому же выводу приводитъ разсмотрѣніе дѣлъ Собственной Его Величества Канцеляріи за указанное время. Во всѣхъ своихъ докла-

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., «Проектъ образованія С. Е. В. Канц.» (черновикъ).

[2] Тамъ же № 117, «Исходящій журн. объявляемымъ Высоч. повелѣніямъ по гражд. части 1822 года», л. 210.

дахъ Государю Аракчеевъ только излагаетъ вполнѣ объективно факты, и, если высказываетъ свое сужденіе, то самымъ осторожнымъ образомъ. По этимъ свойствамъ Аракчеевъ какъ правитель Канцеляріи былъ болѣе удобенъ для Государя, нежели многіе гораздо болѣе образованные государственные люди того времени, какъ, напримѣръ, Мордвиновъ. Государь, привыкнувъ съ нимъ работать, не могъ обойтись безъ него. Въ этомъ заключалась въ значительной степени тайна близости Аракчеева къ его Вѣнценосному Покровителю.

ГЛАВА 3-я.

Порученія, которыя давались лицамъ, служившимъ въ Собственной Его Величества Канцеляріи.

Хотя въ извѣстной запискѣ о принятіи прошеній, на Высочайшее Имя приносимыхъ, указывалось на то, что Собственная Его Величества Канцелярія не есть присутственное мѣсто, и въ письмахъ къ обращавшимся къ Аракчееву лицамъ онъ постоянно разъяснялъ, что не завѣдуетъ никакой отдѣльной частью, тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе близости этого учрежденія къ Государю и оказываемаго Имъ Аракчееву личнаго довѣрія, какъ самому Аракчееву, такъ и служившимъ подъ его начальствомъ лицамъ Государемъ давались порученія по государственнымъ дѣламъ первѣйшей важности. Среди этихъ порученій прежде всего должны быть упомянуты труды Аракчеева по исполненію Высочайшаго повелѣнія относительно приведенія въ порядокъ Смоленской губерніи послѣ разоренія, понесеннаго ею отъ французовъ.

Какъ указано въ первой главѣ, Собственная Его Величества Канцелярія вначалѣ имѣла особенно близкое отношеніе къ дѣламъ, касавшимся войны 1812 года. Изъ пострадавшихъ губерній особенно тяжело пришлось Смоленской. Несмотря на то, что съ 1813 по 1816 годъ на нее было израсходовано болѣе, нежели на другія пострадавшія губерніи, Государь счелъ нужнымъ сдѣлать ее предметомъ своего особеннаго попеченія, возложивъ исполненіе своихъ намѣреній на Аракчеева. Отношеніемъ отъ 23 августа 1816 года

графъ Аракчеевъ увѣдомилъ Смоленскаго Губернатора барона Аша о томъ, что Государь, желая ближе узнать о положеніи крестьянъ Смоленской губерніи, поручилъ ему войти по этому предмету въ сношенія съ Губернаторомъ, а также съ губернскимъ и уѣздными предводителями дворянства. Онъ увѣдомлялъ Губернатора, что будетъ въ Смоленскѣ къ 6-му числу будущаго сентября, и просилъ пригласить къ тому времени въ Смоленскъ предводителей дворянства всѣхъ уѣздовъ, кромѣ Бѣльскаго, съ двумя пользующимися уваженіемъ дворянами отъ каждаго разореннаго уѣзда и по два выборныхъ отъ крестьянъ экономическихъ волостей *Смоленскаго* уѣзда: Катынской, Спасотвердилицкой; *Дорогобужскаго:* Болдинской, Сверхолуцкой, Бѣзюковской; *Вяземскаго:* Федоровской; *Гжатскаго:* Вѣшновской, Острицкой; *Краснинскаго:* Мерлинской и изъ удѣльныхъ приказовъ тѣхъ же уѣздовъ: Звѣровицкаго, Липецкаго, Михайловскаго и Виннолуцкаго.

По прибытіи въ Смоленскъ Аракчеевъ говорилъ съ выборными отъ крестьянъ и они указывали какъ на источникъ своего несчастія на то, что губернскія власти были заняты дѣлами общей администраціи и слишкомъ мало обращали вниманія на ихъ положеніе. Нѣкоторые изъ нихъ выразили желаніе имѣть себѣ опекунами сосѣднихъ помѣщиковъ, пользовавшихся хорошей репутаціей. Эта мѣра, съ одобренія Комитета Министровъ, была принята, съ тѣмъ однако, чтобы она не распространялась на удѣльныхъ крестьянъ и администрація отнюдь не принуждала къ этому тѣ волости, которыя сами не пожелаютъ этого.

Одновременно комиссія, состоявшая изъ губернскаго и уѣздныхъ предводителей дворянства и депутатовъ отъ дворянства, выработала проектъ мѣръ вспомоществованія пострадавшимъ дворянамъ. Въ немъ сначала указывалось на недостаточность первоначальнаго вспомоществованія: «Милосердіе Государя Императора даровало намъ въ 1813 году вспоможеніе въ 3.352,689 рубляхъ: что по числу 322,988 душъ составляетъ съ небольшимъ по 10 рублей на душу; сумма, коею Дворянство, разоренное и бѣдное, не могло ни сколько поправиться и, употребя оную, остается все еще въ жалостномъ состояніи.—Почему Дворянскіе Депутаты и ограничиваютъ свою прозьбу единственно самыми бѣдными

и даже страждущими Дворянами».[1] Ввиду этого рѣшено было не давать вспомоществованія помѣщикамъ, имѣющимъ свыше 500 душъ крестьянъ. Остальныя вспомоществованія должны были распредѣляться по слѣдующему плану: «Дворянамъ, не имѣющимъ болѣе трехъ душъ во владѣніи, испрашивается Монаршее подаяніе безъ возвратно, полагая, что на каждаго Дворянина достаточно будетъ опредѣлить по 200 рублей. Сіи деньги всѣмъ порядочного поведенія отданы будутъ въ руки; а тѣмъ, коихъ поведеніе сомнительно, или не похвально, отданы будутъ въ каждомъ уѣздѣ избраннымъ двумъ Дворянамъ, дабы они имѣли смотрѣніе за употребленіемъ сихъ денегъ. Дворянамъ, имѣющимъ отъ трехъ до 20 душъ, просимъ выдачи подъ залогъ ихъ имѣнія на каждую душу по 100 рублей безъ процентовъ на 20 лѣтъ. Дворянамъ, имѣющимъ отъ 20 до 60 душъ, выдать подъ залогъ имѣнія по 200 рублей на душу съ процентами, на основаніи 20-лѣтняго Банка. Дворянамъ, имѣющимъ отъ 60 до 250 душъ, выдать подъ залогъ имѣнія по 150 рублей на душу съ процентами на основаніи 20-лѣтняго Банка. При всѣхъ сихъ выдачахъ зачесть тѣ суммы, которыя получены изъ числа 3.352.689 рублей. Вспоможенія, выданныя изъ сословія призрѣнія разоренныхъ, зачитать въ новое вспоможеніе по разсмотрѣнію великости полученныхъ суммъ. Всѣ долги въ Банкъ и Опекунскій Совѣтъ зачесть при новой выдачѣ вспоможенія, полагая ревижскую уже душу въ 200 рублей; сіе разумѣется такимъ образомъ, что тотъ, кто долженъ Банку или Опекунскому Совѣту подъ залогъ имѣнія, считая душу по ихъ правиламъ въ 75 рублей, можетъ получить еще вспоможенія, обезпеча оное тѣмже имѣніемъ столько, сколько по расчету причитаться будетъ, полагая душу вмѣсто 75 по 200 рублей».[2] Для составленія списковъ нуждающихся въ пособіи дворянъ, по уѣздамъ должны были быть учреждены комиссіи изъ уѣзднаго предводителя и трехъ выборныхъ дворянъ. «По составленіи» значится въ проектѣ: «сихъ списковъ каждый уѣздный Дворянства Предводитель съ однимъ

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 11, л. 274.
[2] Тамъ же.

Депутатомъ прибудутъ въ Губернскій городъ Смоленскъ и вмѣстѣ съ Губернскимъ Предводителемъ составятъ тутъ Губернскую Коммисію;— въ ней повѣрятъ сіи списки, составятъ изъ нихъ генеральную краткую вѣдомость, изъ которой бы видна была общая сумма, требующаяся на вспоможеніе всей Губерніи, и представятъ оную къ Его Императорскому Величеству чрезъ Его Сіятельство господина Генерала отъ Артиллеріи Графа Алексѣя Андреевича Аракчеева».[1] Возвращеніе въ казну вспомоществованій должно было начаться только въ 1819 году. Для раздачи и собиранія вспомоществованій должны были быть учреждены особыя дворянскія комиссіи. Недоимки съ отдѣльныхъ дворянъ должны были быть разложены на все дворянское общество. Когда послѣдуетъ Высочайшее одобреніе на учрежденіе комиссій, то онѣ должны выработать общія правила раздачи и собиранія вспоможеній. Кромѣ того дворянство испрашивало: «а) въ наступающей нынѣ срокъ уплаты прежде выданной для вспоможенія суммы— 3.352,689 рублей, не взыскивая оной, отложить до будущаго общаго распорядка. b) Мѣлкопомѣстнымъ Дворянамъ, имѣющимъ за собою менѣе 20 душъ, простить недоимки на нихъ лежащія по исполненію рекрутской повинности при бывшихъ наборахъ. c) Избавить села и деревни Смоленской Губерніи отъ Жидовъ, которые съ нѣкотораго времени въ нихъ появились и могутъ перенести во оное все то зло, которое укоренилось отъ нихъ въ Литовскихъ Губерніяхъ. d) Тѣхъ изъ Дворянъ, кои получатъ вспоможеніе на семъ основаніи, освободить отъ платежа въ казну процентныхъ денегъ съ доходовъ ихъ имѣнія».[2]

Въ Смоленскѣ графъ Аракчеевъ былъ заваленъ прошеніями отъ лицъ самаго различнаго состоянія. Для разбора ихъ онъ предписалъ Губернатору избрать комиссію подъ предсѣдательствомъ послѣдняго, въ составѣ одного духовнаго лица, по назначенію архіепископа, одного лица по выбору дворянства и двухъ чиновниковъ по назначенію Губернатора.

---

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 11, л. 274 об.

[2] Тамъ же, л. 275.

Уже 10 сентября Аракчеевъ отправилъ къ Государю довольно обширную записку о состояніи губерніи. «Хотя щедрая десница Ваша», писалъ онъ, «и дѣлала пособіе, но оно выдано было не въ одно время, а мѣлкими частями и не въ должномъ распорядкѣ, а держась однихъ письменныхъ обрядовъ, безъ наблюденія того, дошло ли до рукъ каждаго пожалованное вспоможеніе? Отсюда произошло, что опредѣленныя на сей предмѣтъ суммы не сдѣлали ни малѣйшаго поправленія въ Губерніи, а только сохранили, можно сказать, отъ голодной смерти бѣдныхъ жителей. На поправленіе же прочное и на приведеніе ихъ елико возможно ближе къ первобытному состоянію о сю пору необращено ни какого вниманія».[1] По правиламъ 1813 года, всѣ пособія пострадавшимъ отъ военныхъ дѣйствій должны были быть возвращены въ теченіе трехъ лѣтъ. Аракчеевъ находилъ необходимымъ пріостановить взиманіе ихъ. Далѣе, по его мнѣнію, необходимо было простить недоимки за рекрутчину бѣднымъ дворянамъ, имѣющимъ менѣе 26 душъ крестьянъ; такіе дворяне обыкновенно не ставили рекрутъ натурой, а вносили въ казну рекрутскія деньги. Всего серьезнѣе, по мнѣнію Аракчеева, было положеніе экономическихъ казенныхъ крестьянъ, которыхъ по послѣдней ревизіи въ Смоленской губерніи считалось 23.000 душъ. «Я долженъ», писалъ Аракчеевъ, «предварительно поставить навидъ Вашему Величеству, что на нихъ накопились недоимки въ такомъ количествѣ, что взыскать оныхъ ни какая власть и сила человѣческая не въ состояніи, естьли бы даже и все ихъ имущество было отобрано: ибо по собраннымъ мною свѣдѣніямъ приходится платить съ каждаго работника до 72-хъ рублей.— Предмѣтъ важный, справедливо призывающій на себя особое вниманіе Правительства».[2] Въ общемъ Аракчеевъ находилъ, что возложенное на него порученіе требуетъ продолжительныхъ занятій и не можетъ быть окончено въ нѣсколько дней. «Посему», заключалъ онъ «естьли неугодно Вашему Величеству будетъ поручить сіе кому другому, то

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 11, л. 212.
[2] Тамъ же, л. 215.

нужно будетъ удостоить меня особымъ рескриптомъ, дабы я могъ совершить сіе дѣло, имѣя оное до окончанія подъ своимъ наблюденіемъ».[1]

Вслѣдствіе этого на имя Аракчеева послѣдовалъ 20 сентября 1816 года рескриптъ, въ которомъ сказано: «Желая сколь возможно скорѣе приближить сію Губернію къ первобытному состоянію, я намѣренъ усугубить къ тому способы дарованіемъ жителямъ ея новыхъ вспоможеній.—Но что бы сіи вспоможенія были ближе къ существеннымъ надобностямъ каждаго и могли достигнуть своей цѣли, для сего признаю необходимымъ: предварительно имѣть полныя свѣдѣнія о нуждахъ ихъ; отличить страждущихъ отъ терпящихъ, постановить правила оказанію пособій тѣмъ и другимъ; первымъ опредѣлить оные безъ возврата, въ видѣ подаянія, другимъ, хотя съ возвратомъ, но чрезъ такое время, въ продолженіе коего нечувствительно бы они могли заплатить то, что будетъ имъ выдано; и наконецъ обезпечить казну въ вѣрномъ возвратѣ выданныхъ имъ суммъ. Все сіе, конечно, ни кто лучше и правильнѣе распорядить неможетъ, какъ то же самое дворянство Смоленское, для котораго не посредственно предполагается мною вспоможеніе, составя изъ себя коммисіи по уѣздамъ и общую въ Губернскомъ Городѣ; а вашему трудолюбію и извѣстной мнѣ чувствительной душе вашей препоручаю наблюсти за всѣмъ онымъ. Въ слѣдствіе сего вы неоставите дать отъ себя нужныя правила къ составленію коммисій, дѣйствуя въ прочемъ чрезъ Гражданскаго Губернатора и Губернскаго Предводителя и требуя ото всѣхъ мѣстъ и лицъ нужныхъ вамъ свѣдѣній. По окончаніи жъ положенія за общимъ вашимъ, Губернскаго Предводителя и избранныхъ дворянъ подписаніемъ, представить оное мнѣ».[2] Тогда же послѣдовали указы на имя Министра Финансовъ графа Д. А. Гурьева и Смоленскаго Губернатора о пріостановленіи взысканія съ жителей Смоленской губерніи выданныхъ имъ вспоможеній и о прощеніи мелкопомѣстнымъ дво-

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 11, л. 215.
[2] Тамъ же, лл. 216 и 217.

рянамъ недоимокъ, лежавшихъ на нихъ по исполненію рекрутской повинности.

Аракчеевъ получилъ этотъ рескриптъ уже по отъѣздѣ своемъ изъ Смоленска.[1] Получивъ его, онъ немедленно вернулся туда, увѣдомивъ объ этомъ губернскаго предводителя дворянства Ф. И. Лыкошина, отношеніемъ отъ 28 сентября 1816 года, въ которомъ писалъ: «На основаніи акта, общимъ согласіемъ дворянства утвержденнаго и мнѣ представленнаго, тотчасъ по полученіи сего приступить къ открытію уѣздныхъ коммисій, кои бы занялись составленіемъ списковъ о состояніи дворянъ, требующихъ вспоможенія и представленіемъ оныхъ въ Губернскую коммисію, обязанностію которой будетъ, сообразивъ сіи списки, представить мнѣ Генеральную Вѣдомость о числѣ таковыхъ дворянъ по Уѣздамъ и о суммѣ, на вспоможеніе имъ потребной; по полученіи оной я нимало немедля войду съ докладомъ Государю Императору... Послѣ сего не прекращая своихъ заседаній уѣздныя коммисіи составятъ правила, коими они должны руководствоваться въ опредѣленіи, раздачѣ и возвратѣ въ казну выданныхъ вспоможеній и также внесутъ въ Губернскую коммисію, а сія коммисія, разсмотрѣвъ оныя и здѣлавъ общее о томъ положеніе, представитъ(ъ) мнѣ для поднесенія Государю Императору на Высочайшее утвержденіе. Вы неоставитѣ наблюсти въ правилахъ по всѣмъ Уѣзднымъ коммисіямъ едино образія необходимаго по единству ихъ дѣйствій».[2] Въ заключеніе Аракчеевъ выражалъ надежду встрѣтить со стороны губернскаго начальства живое содѣйствіе въ дѣлѣ, на него возложенномъ. Ревизіонная комиссія, учрежденная раньше въ Смоленскѣ для ревизіи суммъ, розданныхъ въ качествѣ вспомоществованія разореннымъ жителямъ, что было вызвано обнаружившимися злоупотребленіями, представила Аракчееву подробную «вѣдомость о приходѣ и расходѣ суммъ, употребленныхъ въ пособіе разореннымъ отъ войны обывателямъ Смоленской Губерніи». Указъ о прекращеніи взысканія розданныхъ

[1] Рескриптъ былъ полученъ Аракчеевымъ въ Грузинѣ 27 сентября.

[2] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 11, лл. 221 об. и 222.

вспомоществованій и о милости, оказанной мелкопомѣстнымъ дворянамъ, былъ разосланъ, по приказанію Аракчеева, Губернаторомъ для объявленія во всѣхъ церквахъ Смоленской губерніи.

О дальнѣйшей дѣятельности Аракчеева въ Смоленскѣ можно почерпнуть свѣдѣнія изъ отчета, представленнаго имъ Государю 15 октября того же года. Въ немъ онъ пишетъ: «я долженъ доложить о Евреяхъ, находящихся по деревнямъ въ видѣ мельниковъ, харчевниковъ, мѣлкихъ торгашей и цѣловальниковъ, отъ которыхъ просило дворянство избавить Смоленскую Губернію,—что я предлагалъ вопросъ Управляющему Министерствомъ Полиціи: по какому праву живутъ они въ сей Губерніи? Онъ отвѣчалъ, что сіи Евреи вошли туда въ военное время и по одному только недоразумѣнію мѣстнаго начальства терпимы тамъ были до сего времяни, и что нынѣ строго предписалъ онъ всѣхъ ихъ выслать.—Я и съ своей стороны подтвердилъ о томъ Губернатору, а Губернскому Предводителю писалъ особенно, чтобъ онъ увѣдомилъ меня: въ точности ли исполнено сіе будетъ со стороны Губернскаго начальства».[1] Объ удѣльныхъ и экономическихъ крестьянахъ онъ писалъ: «удостовѣренъ будучи, что тягость взысканія недоимокъ есть одинъ изъ важнѣйшихъ предмѣтовъ жалобъ Экономическихъ крестьянъ и узнавъ при отъѣздѣ моемъ изъ Смоленска, что Министръ Финансовъ предписалъ отъ 31-го Августа Казенной Палатѣ въ облегченіе ихъ зачесть въ щетъ будущихъ податей тѣ деньги, кои переплочены при взносѣ податей по 6-й ревизіи, противъ того, что слѣдовало взносить по наличному числу душъ, я писалъ вице-Губернатору о доставленіи мнѣ свѣдѣнія, сколько, за зачетомъ сихъ и за исключеніемъ Всемилостивѣйше прощенной мѣлкопомѣстнымъ дворянамъ недоимки рекрутскихъ денегъ, считается недоимокъ до второй половины сего года по каждому званію и роду людей, на коихъ онѣ числются. Но онъ немогъ еще исполнить моего требованія по неокончанію о семъ расчотовъ. Слѣдовательно, до того времяни ни какого основательнаго предположенія по сему предмѣту имѣть

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 11, л. 280.

нельзя. Между тѣмъ не могу неповторить Вашему Величеству, что по щетамъ до 1-го Сентября недоимка на 24.000 душахъ Экономическихъ крестьянъ составляетъ 686.753 рубля.—Сумма ужасная, которой взыскать съ нихъ несильны будутъ ни какія мѣры строгости!...»[1]

О помѣщикахъ, которые были замѣчены въ злоупотребленіяхъ при раздачѣ хлѣбнаго пособія крестьянамъ въ 1813 году, Аракчеевъ писалъ: «Нѣкоторыя изъ нихъ Правительствующимъ Сенатомъ освобождены уже отъ суда на основаніи Всемилостивѣйшаго Манифеста; но какъ Манифестомъ даровано прощеніе имянно, кромѣ лихоимства, взять же у бѣднаго крестьянина, подъ какимъ бы то предлогомъ ни было, тѣ деньги, кои Правительство опредѣлило для охраненія ихъ, можно сказать, отъ голодной смерти, есть, по мнѣнію моему, преступленіе ужаснѣе самого лихоимства,—то я имянемъ Вашего Величества предложилъ Министру Юстиціи вопросъ объ уваженіяхъ, коими руководствовался Сенатъ распространить силу Всемилостивѣйшаго Манифеста на преступниковъ сего рода, съ тѣмъ, чтобъ онъ донесъ о томъ отъ себя Вашему Величеству.—Наконецъ, видя, что въ сихъ злоупотребленіяхъ замѣшаны и нѣкоторые изъ самихъ дворянъ Смоленской Губерніи, писалъ Смоленскому Губернскому Дворянства Предводителю: 1-е, что дворяне таковые не могутъ быть употреблены ни въ какую должность при настоящихъ распоряженіяхъ о новомъ вспоможеніи и даже не могутъ быть допущены ни къ какимъ о семъ разсужденіямъ; 2-е, что всѣ они лишаются права на полученіе новаго вспоможенія.—Объ имянахъ сихъ дворянъ требую я отъ него списка и по полученіи представлю оный Вашему Величеству».[2]

Наконецъ Аракчеевъ позаботился объ облегченіи положенія крестьянъ отъ постоевъ на правилахъ военной экзекуціи, т. е. отъ помѣщенія постоевъ въ мѣстахъ неисправныхъ въ податномъ отношеніи. Военная экзекуція была введена въ Смоленской губерніи, согласно представленію въ Сенатъ Губернатора, въ виду крайне неисправнаго

---

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 11, лл. 282 об. и 283.

[2] Тамъ же, лл. 283 об. и 284.

поступленія податей. «Постоемъ на правилахъ военной Екзекуціи», писалъ Аракчеевъ, «наиболѣе отягощены были крестьяне. Находя, что сіе, неисправляя, увеличиваетъ только ихъ нужды и усугубляетъ степень того раззоренія, какое вообще потерпѣли они во время войны прошедшей, я такъ же имянемъ Вашего Величества писалъ къ Смоленскому Гражданскому Губернатору и Генералъ-Лейтенанту Паскевичу, что бы крестьяне сіи одинъ передъ другимъ не обрѣменялись постоемъ, но всѣ бы равно несли сію повинность и въ отношеніи къ другимъ селеніямъ отнюдь неимѣли никакого отягощенія. Въ послѣдствіе сего имѣю уже рапортъ Паскевича, что тамъ, гдѣ стоялъ цѣлый баталіонъ, оставлена одна только рота».[1] Это писалъ человѣкъ, являвшійся предметомъ ненависти современниковъ, человѣкъ, считавшійся поборникомъ самыхъ суровыхъ и жестокихъ мѣръ!.. Согласно представленію Аракчеева, примѣненіе военной экзекуціи было отмѣнено Государемъ.

Положеніе города Смоленска Аракчеевъ изображалъ въ слѣдующемъ видѣ: «Смоленскъ представляетъ ужаснѣйшую картину опустошенія. Всѣ казенныя зданія, исключая немногихъ, гдѣ помѣщаются Губернскія Присудственныя мѣста, до нынѣ находятся въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ оставила ихъ злобная рука непріятеля. Партикулярныя домы почти въ томъ же положеніи. Нѣкоторыя изъ тамошнихъ гражданъ тѣмъ охотнѣе принялись было за возобновленіе своихъ домовъ, что надѣялись имѣть отъ найма оныхъ нѣкоторыя для себя выгоды. Но когда войски возвратились, когда увидѣли хозяева, что по мѣрѣ отстройки домовъ всѣ они тот-часъ занимаются военнымъ постоемъ, то возобновленіе домовъ совершенно прекратилось, и жители гнѣздятся въ шалашахъ по Смоленскимъ аврагамъ. Во время моего пребыванія въ Смоленскѣ было тамъ на квартирахъ: 5-ть Генераловъ, 26-ть Штабъ-Офицеровъ, 121-нъ Оберъ-Офицеръ и 4376-ть нижнихъ чиновъ. Чрезвычайно великій постой по числу жителей и еще большій по малому числу отстроенныхъ домовъ въ Смоленскѣ! Кажется ни чемъ лучше нельзя

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 11, л. 285 и об.

Графъ Алексѣй Андреевичъ! Смоленская Губернія, потерпѣвшая болѣе всѣхъ другихъ во время прошедшей войны, по справедливости обращаетъ на себя особенное мое вниманіе.

Хотя получила она общія Государственныя вспомоществія; но по домедшимъ до меня свѣдѣніямъ не столько нынѣшнія они поправятъ сію Губернію; а между тѣмъ наступило и самое время возврата того, что ей было выдано; слѣдовательно она должна найтиться еще болѣе въ стѣсненномъ положеніи.

Желая сколь возможно скорѣе приблизить сію Губернію къ первобытному состоянію, я намѣренъ усугубить къ тому способы, дарованіемъ пріятелямъ ея новыхъ вспомоществій.— Но что бы сіи вспомоществія были ближе

Берлинъ 27. сентяб 1816

къ существеннымъ надобностямъ нашего
и могли достигнуть своей цѣли, для сего
признано необходимымъ: предохранительно
имѣть полныя свѣдѣнія о нуждахъ ихъ;
отличить стропотдущихся, отъ терпящихъ;—
постановить правила опасанію пособій
тѣмъ нарушимъ; первымъ опредѣлить ихъ
безъ возраженія, въ видѣ подаянія, другимъ
хотя и возраженіемъ, но чрезъ такое время,
въ продолженіе коего исчерпательно бы
они могли заплатить то, что будетъ
имъ выдано; и наконецъ обезпечить нашу
въ вѣрномъ возвратѣ выданныхъ имъ суммъ.
Всѣ сіе конечно никто лучше и правильнѣе
распорядить неможетъ, какъ то же самое
~~дворянство Смоленское, для котораго не~~
посредственно предполагается мною вспомо-
ществованіе, составя изъ себя коммиссію по утѣзднымъ

и общую въ Губернскомъ Городѣ; а всемилу трудолюбію и извѣстной мнѣ чувствительной душе вашей препоручаю наблюсти за всѣми оными. Въ слѣдствіе сего вы неоставите дать отъ себя нужныя правила къ составленію Коммиссій, бывшія въ прочемъ чрезъ Гражданскаго Губернатора и Губернскаго Предводителя, и требуя отъ всѣхъ мѣстъ и лицъ нужныхъ вамъ свѣдѣній. По окончаніи сихъ поученій, за общимъ всѣмъ Губернскаго Предводителя и избранныхъ дворянъ подписаніемъ представить оное мнѣ.

Пребываю вамъ всегда благосклонный:

Александръ

Варшава
Сентября 20 дня 1816. года

облегчить городъ, какъ убавленіемъ постоя. Ежели же сіе невозможно, то уже необходимымъ представляется повелѣть возобновить тамо казенныя зданія, въ которыхъ бы можно было помѣстить, по крайней мѣрѣ, Генераловъ и Штабъ и Оберъ-Офицеровъ, учредивъ для сего въ Смоленскѣ Строительную Коммисію, по примѣру Московской, и заведя тамо отъ казны кирпичные заводы; иначе, по всей вѣроятности, Смоленскъ на долго останется въ томъ жалостномъ положеніи, въ какомъ теперь находится».[1] Аракчеевъ тогда же разрѣшилъ Губернатору приступить къ учрежденію этой комиссіи, а въ виду недостатка денегъ для кирпичнаго завода, лѣсного и дровяного магазиновъ онъ испрашивалъ въ своемъ отчетѣ у Государя Императора указа Министру Финансовъ объ отпускѣ для перваго 25.000 р., для второго 16.000 р., а для третьяго 4.000 р. Наконецъ Аракчеевъ обратилъ вниманіе на починку мостовой и велѣлъ Губернатору представить смѣту ея. Государь одобрилъ всѣ эти мѣры и повелѣлъ внести записку на разсмотрѣніе Комитета Министровъ. Комитетъ Министровъ 24 октября 1816 года высказался въ томъ смыслѣ, что «усмотря изъ того отчета, что нужды жителей Смоленской Губерніи обняты Графомъ Аракчеевымъ по всѣмъ частямъ и во всей подробности, не нашелъ съ своей стороны ничего прибавить и къ тѣмъ способамъ, кои предложены имъ къ скорѣйшему приведенію оныхъ въ первобытное ихъ состояніе».[2]

Этотъ отчетъ Аракчеевъ послалъ еще изъ Смоленска. Вслѣдъ затѣмъ онъ покинулъ городъ. Однако, дѣятельность его по приведенію въ лучшее состояніе пострадавшей отъ непріятельскаго нашествія губерніи этимъ не ограничилась: 10 ноября Аракчеевымъ была потребована отъ Смоленскаго Губернатора вѣдомость о накопившихся пеняхъ за неплатежъ въ поставленные сроки податей съ 1814 года по вторую половину 1816 года. Накопившіяся пени до 1 января 1816 были, по представленію графа, сложены именнымъ указомъ Министру Финансовъ 18 января 1817 года.[3]

---

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 11, лл. 286 об., 287 и об.

[2] Тамъ же, л. 298.

[3] Тамъ же, л. 270.

Уже 2 ноября 1816 года Губернаторъ баронъ Ашъ увѣдомилъ Аракчеева о томъ, что личный составъ комиссіи для разсмотрѣнія просьбъ отъ бѣдныхъ жителей Смоленскаго уѣзда опредѣлился. Въ составъ ея вошли: со стороны духовенства—протоіерей Алексѣй Васильевъ, отъ дворянства—совѣстный судья Криштафовичъ и по назначенію Губернатора—надворный совѣтникъ Юрченковъ и титулярный совѣтникъ Ивановъ. При этомъ Губернаторъ доложилъ Аракчееву, что, такъ какъ въ продолженіи двухъ недѣль поступило уже полторы тысячи прошеній, то слѣдуетъ дать время комиссіи въ нихъ разобраться. Аракчеевъ, по повелѣнію Государя, увѣдомилъ комиссію о томъ, что для этого достаточно мѣсяца. Послѣ отъѣзда Аракчеева изъ Смоленска къ нему продолжали посылать оттуда множество прошеній. По учрежденіи комиссіи Аракчеевъ сталъ отсылать ихъ туда. Тѣмъ не менѣе прошенія продолжали къ нему поступать. Въ отношеніи Аракчеева къ Смоленскому Губернатору отъ 21 октября 1816 года значится: «Вновь полученныя мною изъ Смоленска прозьбы о пособіи препроваждая у сего при особомъ регистрѣ къ Вашему Превосходительству для разсмотрѣнія на основаніи Высочайшаго повелѣнія обьявленнаго мною въ отношеніи отъ 13 числа сего мца, я повторяю вамъ прозьбу мою о принятіи мѣръ къ прекращенію присылки ко мнѣ прошеній, ибо послѣ сего я буду оставлять уже ихъ безъ всякаго дѣйствія».[1]

26 октября 1816 года губернскій предводитель дворянства Лыкошинъ увѣдомилъ Аракчеева: «Дворянство Смоленской Губерніи уѣздовъ: Вяземскаго, Порѣцкаго и Краснинскаго, будучи въ собраніи для избранія къ составленію уѣздныхъ Коммисій на предмѣтъ Всемилостивѣйшаго пособія, выслушавъ Имянный Высочайшій Его Императорскаго Величества указъ отъ 20-го числа Сентября, послѣдовавшій на имя Смоленскаго Господина Гражданскаго Губернатора, о прощеніи мало-помѣстнымъ дворянамъ по тремъ послѣднимъ наборамъ складочныхъ денегъ, съ истиннымъ желаніемъ послѣдовали примѣру Всеавгустѣйшаго Монарха нашего, оставили претензіи свои на бѣдныхъ своихъ собратіяхъ по

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 11, л. 458.

рекрутской повинности.—Краснинское же дворянство оставляетъ нетокмо за послѣднія три набора причитающіяся имъ складочныя деньги, но за всѣ вообще прежнія годы. Сверьхъ же того отъ усердія своего не желаетъ получать отъ казны по квитанціямъ за взятой въ 1812-мъ и 1813-мъ годахъ для войскъ провіантъ и фуражъ....» [1] Отношеніемъ отъ 9 ноября 1816 года Аракчеевъ отвѣчалъ Лыкошину, что о великодушномъ поступкѣ дворянъ онъ доведетъ до свѣдѣнія Государя. Въ томъ же отношеніи онъ дѣлалъ выкладку, сколько процентовъ въ годъ должны были платить дворяне, имѣвшіе по 40 душъ, получивъ на каждую по 200 р., по правиламъ 20-ти лѣтняго банка. По его расчету выходило, что они должны были вносить отъ 640 р. до 769 р. 60 к. въ годъ. Аракчеевъ спрашивалъ, въ состояніи ли будетъ это сдѣлать пострадавшее дворянство, такъ какъ слѣдовало обезпечить также и интересы казны. Въ отвѣтъ на это послѣдовалъ рапортъ смоленскаго губернскаго предводителя дворянства отъ 21 ноября 1816 года о томъ, что «Губернская Коммисія, составленная въ лицѣ (?) всего Дворянства по общему уваженію и теперь предмѣта сего, признала вспоможеніе на правѣ 20-ти лѣтняго Банка за величайшую себѣ милость Государя Императора». [2]

Смоленское дворянство письмомъ отъ 21 ноября 1816 года, за подписью смоленскихъ губернскаго и уѣзднаго предводителей, благодарило графа за всѣ его заботы о немъ и между прочимъ писало: «Простите, Сіятельнѣйшій графъ! что дворянство Смоленской Губерніи, опасаясь отрицанія Вашаго, неиспросивъ прежде позволенія отъ Васъ, дерзаетъ предстать Совсепотданнѣйшею просьбою Котрону Монаршему о позволеніи поставить портретъ Вашъ въ залѣ Смоленскаго Дворянства и, яко новаго дара, ожидаетъ Всемилостивѣйшаго нато соизволенія». [3] На это графъ отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ отъ 20 декабря 1816 года: «Безъ сомнѣнія, лестно для меня изъявленное вами въ письмѣ отъ 21 ноября желаніе, но я долженъ отказаться отъ той чести, которой не заслужилъ. Дѣло, подавшее Вамъ къ сему поводъ, не-

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 11, л. 242.
[2] Тамъ же, № 11, л. 246.
[3] Тамъ же, л. 331 об.

только еще неокончено, неможно сказать теперь лишъ начинается— причина, покоторой нерѣшился я докладывать Государю Императору даже и о заслугахъ Губернскаго Вашего предводителя; тѣмъ менѣе могу себѣ позволить принять что либо на свой щетъ. Благодарность Ваша принадлежитъ непосредственно Его Императорскому Величеству, яко единственному виновнику ожидаемаго Вами блага. Но когда все будетъ кончено, тогда желалъ бы я заслужить Вашу признательность, но и тогда пріятнеебы для меня было, ежелибы она сохранена была болѣе въ сердцахъ, нежели въ какихъ бы то нибыло изьявленіяхъ...»[1] По той же причинѣ Аракчеевъ отклонилъ ходатайство дворянства о награжденіи Ф. И. Лыкошина за понесенные имъ труды, но совѣтовалъ имъ просить его о продолженіи службы, ввиду истеченія срока его выбора.

21 ноября предводитель дворянства представилъ вѣдомость о томъ, сколько требуется, по мнѣнію дворянства, отъ казны пособій для членовъ этого сословія: «По всѣмъ одиннадцати уѣздамъ Смоленской Губерніи: Смоленскому, Рословскому, Дорогобужскому, Вяземскому, Юхновскому, Гжатскому, Сычевскому, Ельнинскому, Краснинскому, Духовщинскому и Порѣчскому

назначается пособія:

Имѣющимъ менѣе 3-хъ душъ тысяча шестидесяти тремъ лицамъ . . . . . 212,600 руб.

Отъ 3-хъ до 20-ти на одиннадцать тысячь сто восемдесятъ восемь душъ . . . . . 1.143,700 —

Отъ 20-ти до 60-ти на девять тысячь триста шеснадцать душъ . . . . . 1.863,200 —

Отъ 60-ти до 250-ти на тридцать восемь тысячь семь сотъ тридцать восемь душъ . . . . 6.296,985 — 91 к.

Итого . . . . . 9.516,485 руб. 91 к.

Въ то число зачитается долговъ и пособій . 2.594,647 руб. 22¼ к.

Затѣмъ испрашивается . . . . . 6.921,838 — 68¾ к.»[2]

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 11, л. 333.

[2] Тамъ же, л. 353.

Аракчеевъ справедливо нашелъ эти требованія чрезмѣрными, особенно въ виду тяжелаго положенія остальныхъ сословій въ губерніи, и, сообразно съ его мнѣніемъ, послѣдовалъ указъ Государя отъ 11 января 1817 года смоленскому губернскому предводителю дворянства Лыкошину, гласившій: «Сколь ни уважительно для меня положеніе сего дворянства,—но при всемъ желаніи вспомоществовать оному, обширныя Государственныя нужды непозволяютъ мнѣ опредѣлить столь огромной суммы. Итакъ, соображая съ одной стороны необходимость пособія для бѣднейшаго класса дворянъ, съ другой возможность оного по состоянію Государственныхъ финансовъ я положилъ: 1-е, Дворянамъ, имѣющимъ неболѣе 3-хъ душъ во владѣніи, выдать безъ возвратно въ видѣ подаянія 212,600 рублей. 2-е, Дворянамъ, имѣющимъ отъ 3-хъ до 20-ти душъ воспособить выдачею на 20-ть лѣтъ безъ процентовъ 1.143,700 рублей, подъ залогъ ихъ имѣній». Въ заключеніе, въ указѣ говорилось: «Между тѣмъ, какъ озабочиваетъ меня улучшеніе такимъ образомъ состоянія Смоленскихъ дворянъ, доходитъ до моего свѣдѣнія, что нѣкоторыя изъ нихъ къ великому предъосужденію себѣ, въ сіе самое время болѣе и болѣе разстраиваютъ оное, предаваясь роскошной жизни и нещадя ни чего для удовлетворенія предмѣтовъ роскоши. Симъ оправдывается мое опасеніе, что назначаемое пособіе недостигнетъ своей цѣли, ежели небудетъ положительныхъ правилъ объ употребленіи онаго единственно на истребленіе слѣдовъ претерпѣннаго разоренія, т.-е. на поправленіе крестьянъ и на приведеніе имѣній ихъ въ первобытное состояніе. Но кому приличнѣе занятся сими правилами, какъ не самому дворянству, коего благосостояніе охранять они должны? Я поручаю вамъ предоставить дворянству составить подъ Вашимъ руководствомъ правила: на какіе имянно предмѣты должно быть обращено дѣлаемое пособіе, положить необходимое обузданіе для тѣхъ, кто бы захотѣлъ удалится отъ исполненія оныхъ, и представить сіи правила ко мнѣ».[1]

---

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 11, лл. 355, 356 и об.

8 декабря 1816 года представленъ былъ Губернаторомъ Аракчееву рапортъ о трудахъ городской смоленской комиссіи и составленная ею вѣдомость о количествѣ нуждающихся, вслѣдствіе чего послѣдовалъ рескриптъ отъ 17 января слѣдующаго года на имя Министра Финансовъ:

«Дмитрій Александровичъ! Милосердуя о бѣдныхъ жителяхъ города Смоленска и желая оказать имъ помощь въ видѣ подаянія, приказывалъ Я чрезъ Генерала отъ Артиллеріи Графа Аракчеева составить особую Коммиссію, которая бы привела въ извѣстность число ихъ и, удостовѣрясь объ ихъ состояніи и поведеніи, назначила каждому мѣру пособія: очемъ и вы извѣстны изъ отчета по Смоленской Губерніи, читаннаго въ Комитетѣ Министровъ 24 Октября. При назначеніи сего пособія Коммиссія руководствовалась двумя правилами: необходимостію для пропитанія и нуждами для поддержанія хозяйствъ, и представила Мнѣ три прилагаемыя здѣсь орегиналомъ списка, по которымъ для 1949 человѣкъ испрашивается восемдесятъ пять тысячь двести десять рублей. Находя, что пособіе сіе нужно самому бѣднѣйшему классу людей, лишенному способовъ не только для поддержанія хозяйства, но даже и для первѣйшей жизненной потребности—пропитанія, повелѣваю отпустить сію сумму въ распоряженіе Смоленскаго Гражданскаго Губернатора для раздачи бѣднымъ, въ препровождаемыхъ спискахъ показаннымъ, сообразно назначенію Коммиссіи, въ видѣ подаянія».[1]

На этомъ закончилась дѣятельность Аракчеева по приведенію въ порядокъ Смоленской губерніи. Впослѣдствіи Губернаторъ Смоленскій не разъ обращался къ нему съ просьбами доложить о чемъ-нибудь Государю или испросить на что-либо Высочайшее соизволеніе, но это онъ дѣлалъ точно также, какъ и другіе Губернаторы, о чемъ упомянуто въ первой главѣ. Непосредственнаго отношенія къ Смоленской губерніи Аракчеевъ болѣе не имѣлъ.

Конечно, дѣятельность Аракчеева въ Смоленской губерніи нельзя считать вполнѣ безошибочной. Напримѣръ, не можетъ не показаться страннымъ, что въ комиссію, имѣвшую цѣлью помогать бѣднымъ жи-

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 11, л. 439.

телямъ Смоленска, не былъ приглашенъ никто изъ представителей городского сословія,—но рядомъ съ этимъ нельзя не замѣтить у Аракчеева большого вниманія къ нуждамъ населенія и искренняго желанія помочь имъ. Наши историки (Богдановичъ, Шильдеръ и др.) прошли, однако, молчаніемъ этотъ эпизодъ изъ жизни «злого генія царствованія Императора Александра Благословеннаго».

Здѣсь нѣтъ надобности перечислять всѣ порученія гражданскія и военныя, которыя возлагались въ разное время на графа Аракчеева, такъ какъ о нихъ достаточно свѣдѣній въ спеціальныхъ работахъ (въ «Исторіи Военнаго Министерства», въ «Исторіи Комитета Министровъ» и т. д.).

По дѣламъ Собственной Его Величества Канцеляріи заслуживаютъ вниманія два порученія, которыя были возложены на Аракчеева, несмотря на то, что они входили въ кругъ дѣлъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Въ 1817 году, въ виду бѣдственнаго состоянія переселенцевъ изъ Вюртембергскаго королевства на югъ Россіи, по Высочайшему повелѣнію, былъ организованъ комитетъ подъ предсѣдательствомъ Аракчеева (другими членами его были: гр. Нессельроде и знаменитый впослѣдствіи, въ то время еще генералъ-маіоръ, П. Д. Киселевъ). Комитетъ этотъ постановилъ: «Учредить въ южномъ краю Россіи для Губерній: Херсонской, Екатеринославской, Таврической и для Бессарабской Области главное управленіе всѣми въ оныхъ водворенными доселѣ, поселяющимися нынѣ и ожидаемыми впредь колонистами такимъ образомъ, чтобы сіе главное управленіе, завися непосредственно отъ Министерства Внутреннихъ дѣлъ, завѣдывало бы Екатеринославскою и Бессарабскою опекунскими конторами [1] и канцеляріею Одесскаго водворенія. Сему главному управленію именоваться: *Попечительный Комитетъ о колонистахъ южнаго края Россіи.* Комитету сему состоять изъ предсѣдателя и двухъ непремѣнныхъ членовъ. Сверхъ того, присудствовать въ ономъ отъ каждой изъ вышеупомянутыхъ четырехъ Губерній по одному Депутату, избираемому ежегодно самими колонистами изъ среды себя. Приличное содержаніе симъ

[1] Опекунскія конторы завѣдывали колонистами на мѣстахъ.

четыремъ Депутатамъ отнести на счетъ колоній. Дабы сей Комитетъ имѣлъ надлежащій вѣсъ въ дѣйствіяхъ своихъ и въ сношеніяхъ съ мѣстными Начальствами, то предсѣдательствующій въ ономъ подъ названіемъ Главнаго Попечителя долженъ быть не менѣе четвертаго класса и утверждается самимъ Государемъ Императоромъ. Членовъ Комитета назначать Министру Внутреннихъ дѣлъ съ утвержденія Комитета Министровъ. Главному Попечителю предоставить право приглашать въ Попечительный Комитетъ, въ случаѣ надобности въ личномъ объясненіи по дѣламъ колоній, каждаго Губернскаго или Уѣзднаго Чиновника, равнымъ образомъ, управляющихъ колонистами.... Министру Внутреннихъ дѣлъ, яко Главноуправляющему всѣми колонистскими поселеніями, слѣдовательно, имѣющему всѣ средства и полныя свѣденія для соображенія и обозрѣнія сего новаго предположенія во всей онаго обширности, подробности и отношеніяхъ, принадлежитъ: a) начертать главныя правила, на коихъ основываться.... должно образованіе и существованіе Попечительнаго Комитета, зависимость онаго отъ Министерства Внутреннихъ дѣлъ и завѣдываніе подчиненными колонистскими начальствами, изъ коихъ канцелярію Одесскаго водворенія преобразовать въ опекунскую контору, дабы сіе колонистское начальство въ способахъ успѣшнаго дѣйствованія сравнять съ другими двумя начальствами. b) Опредѣлить отношенія Попечительнаго Комитета къ Херсонскому Военному Губернатору, къ Полномочному Намѣстнику Бессарабской Области и къ прочимъ мѣстнымъ начальствамъ. c) Составить примѣрный штатъ канцеляріи Попечительнаго Комитета съ обозначеніемъ содержанія Главному Попечителю, членамъ и прочимъ чиновникамъ Комитета, а также суммы на прочіе необходимые расходы. d) На основаніи послѣдовавшихъ въ пользу Виртембергскихъ переселенцевъ Высочайшихъ повелѣній изложить главныя правила, коими Попечительный Комитетъ руководствоваться долженъ при водвореніи сихъ переселенцевъ. Для сего принять въ соображеніе записку генералъ-маіора Киселева,[1] которую и препроводить къ Министру

[1] Киселевъ изучалъ это дѣло на мѣстѣ.

№ 263

20 Іюля.

Всеподд. 20 Іюля 1865. — К зад. Кн. Сем.

Коллежскій Совѣтникъ Тантесъ объяснялъ слѣдующія причины неудовольствій крестьянъ приписанныхъ къ Красносельскимъ бумажнымъ фабрикамъ:

1.) Изъ двухъ фабрикъ одна обработывается казенными а другая крѣпостными людьми содержателя оной Статскаго Совѣтника Полторацкаго. — Чрезъ удаленіе казенныхъ людей отъ другой фабрики, они теряютъ время въ праздности и доходы ихъ уменьшаются.

2.) На фабрику обработывающую казенными людьми, дается только канатъ, изъ него выдѣлывается самая худшая бумага, за которую и выручка маловажная, но и изъ сей суммы вычитается у нихъ подъ предлогомъ заплаты мастерамъ по 25ти копеекъ съ рубля, что самое и побудило ихъ просить Министра

Отношено Министру внутреннихъ Дѣлъ 21 Іюля № 365.

Внутреннихъ дѣлъ, которой отнесся въ Губернское Правленіе для опысканія имъ удовлетворенія; но они по сіе время неудовлетворены, претензія уже имъ за два года составляетъ болѣе 6000. рублей.

3.) Крестьяне жалуются на притѣсненія содержателя фабрики, и что вмѣсто 8ми, отпущаемыхъ имъ 6ти и 7ми четвертныхъ дровъ и по сему другую претензію имѣютъ они за 10ть лѣтъ 10т. рублей, такъ уже показываютъ, что вычитается у нихъ ежегодно на исправленіе фабрики по 500. рублей за нагрудную, тогда, какъ они пользуются одною.

4.) Изъ поиѣ съ поднесенной Вашему Императорскому Величеству отъ крестьянъ сихъ прозьбы видно, что они умалчивая о такихъ претензіяхъ, изъявляютъ лишь желаніе принять обѣ фабрики на себя, и для сего испрашиваютъ заимообразно 100т. рублей.

Внутреннихъ Дѣлъ, дабы онъ воспользовался, по разсмотрѣнію своему, предлагаемыми Генералъ-Маіоромъ Киселевымъ средствами. Что принадлежитъ до правилъ, коими Главный Попечитель и Комитетъ руководствоваться должны въ дѣйствіяхъ своихъ по переселенію и водворенію ожидаемыхъ изъ-за границы на предбудущее время колонистовъ, то проэктъ сихъ правилъ всего удобнѣе составить самому Главному Попечителю, на основаніи мѣстныхъ его соображеній, и тогда препроводить оный къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ, который съ мнѣніемъ своимъ внесетъ сіе предположеніе на разсмотрѣніе Комитета Министровъ. При составленіи сего проэкта долженствуетъ быть принято въ соображеніе изложенное и по сему предмету въ запискѣ Генералъ-Маіора Киселева мнѣніе. е) По всѣмъ симъ четыремъ статьямъ составленное Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ положеніе внести ему въ Комитетъ Министровъ для доклада Государю Императору. А дабы сіе Министромъ Внутренних Дѣлъ безъ замедленія исполнено было, то, вмѣсто Высочайшаго на сей случай ему повелѣнія, препроводить къ нему въ подлинникѣ сей журналъ, буде Его Императорскому Величеству благоугодно будетъ оный утвердить».[1] Такъ и воспослѣдовало.

23 октября 1818 года былъ данъ слѣдующій рескриптъ на имя графа Аракчеева:

«Графъ Алексѣй Андрѣевичь. Желая, чтобы дѣло о новомъ учрежденіи почтъ приведено было къ скорѣйшему окончанію, Я удобнѣйшимъ признаю проэктъ сего учрежденія разсмотрѣть въ особомъ Комитетѣ подъ предсѣдательствомъ Вашимъ. Членами онаго имѣютъ быть: Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Козодавлевъ, которымъ проэктъ сей и составленъ; Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Ланской; Директоръ Почтоваго Департамента Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Жулковскій, коему и поручить производство сего дѣла, и Статсъ-Секретарь Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Муравьевъ*. По разсмотрѣніи такимъ образомъ означеннаго

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 39, лл. 238, 239, 240.

проэкта и по положеніи всего на мѣрѣ, представить Мнѣ оный чрезъ Васъ, по возвращеніи Моемъ въ С.-Петербургъ, на утвержденіе».[1] Самая оцѣнка значенія этого комитета принадлежитъ суду историковъ русскихъ почтъ, здѣсь же слѣдуетъ только отмѣтить, что въ этихъ двухъ случаяхъ дѣла, особенно интересовавшія Государя, были поручены Управляющему Собственной Его Величества Канцеляріей, хотя и состояли въ вѣдѣніи Министра Внутреннихъ Дѣлъ; Министръ въ этихъ случаяхъ былъ поставленъ въ подчиненіе Управляющему Собственной Его Величества Канцеляріей.

На Статсъ-Секретаря Собственной Его Величества Канцеляріи возлагались Государемъ также разнообразныя и отвѣтственныя порученія. Такъ въ 1816 году В. Р. Марченко вмѣстѣ съ А. Н. Олениным ъ было поручено разобрать бумаги умершаго Предсѣдателя Комитета Министровъ князя Н. И. Салтыкова, на рукахъ котораго находилось множество важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ.[2]

Нерѣдко Марченко поручалось вести слѣдствія по доносамъ о различныхъ злоупотребленіяхъ. Такъ, напримѣръ, въ 1819 году Государю была подана отъ имени всѣхъ стряпчихъ Слободско-Украинской (Харьковской) губерніи жалоба на тамошняго прокурора Любовникова, въ которой онъ обвинялся въ цѣломъ рядѣ злоупотребленій по службѣ, а также во взяточничествѣ. Разслѣдованіе этого дѣла по Высочайшему повелѣнію возложено было на Марченко. Ему удалось обнаружить невинность прокурора, такъ какъ жалоба оказалась подложной и стряпчіе сами заявили, что въ подачѣ ея не участвовали.[3]

Какъ на особенно интересное явленіе въ дѣятельности Собственной Его Величества Канцеляріи въ это время слѣдуетъ указать на то, что въ слѣдствіяхъ по дѣламъ, касающимся крестьянъ, судьбой которыхъ особенно интересовался Государь, обыкновенно участвовали чиновники канцеляріи; чаще всего такого рода порученія возлагались на

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 57, л. 170.

[2] Тамъ же, № 15, «Исходящій журн. отношеніямъ по гражд. части 1816 года», л. 259.

[3] Тамъ же, № 67, л. 285.

А. С. Танѣева;[1] иногда лица эти вели слѣдствія совмѣстно съ Губернаторами, иногда самостоятельно. Такъ въ журналъ исходящихъ дѣлъ Канцеляріи за 1818 годъ подъ 15 февраля внесено слѣдующее предписаніе Аракчеева служащему въ Собственной Его Величества Канцеляріи 7 класса Демидову: «Государю Императору угодно, дабы вы отправились въ Курскъ для сдѣланія слѣдствія обще съ тамошнимъ вице-Губернаторомъ Кожуховымъ по доносу казенныхъ крестьянъ Дмитріевской на Свапѣ Округи. Прилагая при семъ запечатанный именный Высочайшій указъ на имя вице-Губернатора Кожухова по сему предмѣту для доставленія къ нему и съ онаго, для свѣденія вашего, копію,—предписываю Вашему Высокоблагородію по прибытіи въ Курскъ находится при Г. Кожуховѣ и *производить обще съ нимъ слѣдствіе* о всемъ изъясненномъ въ доносѣ; когда же оно придетъ къ концу и будетъ изготовлено всеподданнѣйшее донесеніе за общимъ подписаніемъ Г. вице-Губернатора и вашимъ, тогда отослать оное къ Его Императорскому Величеству въ собственныя руки въ Варшаву, а вамъ ѣхать уже въ С.-Петербургъ и явиться въ Канцелярію Его Величества».[2] Государь остался недоволенъ, повидимому, ходомъ дѣла, и Демидовъ былъ уволенъ немедленно по возвращеніи изъ Курской губерніи.[3]

Въ рапортѣ Архангельскаго Военнаго Губернатора Клокачева о слѣдствіи, веденномъ по Высочайшему повелѣнію, по жалобѣ крѣпостныхъ людей помѣщика Ададурова (отъ 8 августа 1819 года) изложено слѣдующее: «четверо людей Г. Ададурова призваны были *въ присудствіе Г. Статс-Секретаря Муравьева.* По виду ихъ неможно заключать, что бы они были изнурены, равно и платье на себѣ имѣли порядочное. Сами объявили, что для наказанія посылаемы были отъ господъ въ Полицію, а Полицмейстеръ тутъ же *при Г. Статс-Секретарѣ* и при нихъ объявлялъ, что въ Полиціи ни чемъ инымъ они наказываемы небыли, какъ токмо розгами, что и ими утверждено, слѣд-

[1] Объ этомъ въ біографіи Статсъ-Секретаря А. С. Танѣева.

[2] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 51, «Исходящій журн. отношеніямъ гражд. разр. 1818 года», л. 83 и об.

[3] Тамъ же, л. 316 об.

ственно, чтобъ жестоко съ ними поступали господа заключить по сему неможно же, но дабы во всякомъ случаѣ оградить ихъ наивящше отъ своевольныхъ иногда наказаній господъ, *Г. Статс-Секретарь Муравьевъ объявилъ имъ*, что съ господъ Ададуровыхъ Полиціею взята будетъ подписка, чтобъ они крѣпостныхъ своихъ людей ни когда не наказывали въ своемъ домѣ, а отсылали бы въ Полицію.—Я же съ своей стороны присоединилъ, что и въ Полиціи не будутъ они наказываемы преждѣ, какъ Полицмейстеръ доложитъ мнѣ о винѣ или проступкѣ ихъ, что при нихъ же и *при Г. Статс-Секретарѣ* Полицмейстеру отъ меня приказано, а съ господъ Ададуровыхъ взята въ томъ особая подписка». [1]

Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы показать, что исполненіе порученій по Верховному государственному надзору въ это время входило въ кругъ дѣятельности Собственной Его Величества Канцеляріи. Это была старая государственная русская традиція. Еще знаменитый Котошихинъ сообщаетъ о Приказѣ Тайныхъ Дѣлъ, который былъ первымъ учрежденіемъ, исполнявшимъ обязанности, сходныя съ Собственной Его Величества Канцеляріей: «посылаются того Приказу подьячіе съ послами въ государства, и на посольскіе съѣзды, и въ войну съ воеводами, для того, что послы въ своихъ *посолствахъ много чинятъ* не къ чести своему Государю, въ проѣздѣ и въ розговорныхъ рѣчахъ,... а воеводы въ полкѣхъ много неправды чинятъ надъ ратными людми, и тѣ подьячіе надъ послы и надъ воеводами подсматриваютъ и Царю пріѣхавъ сказываютъ»... [2]

Въ 18-мъ столѣтіи Управляющимъ и членамъ Кабинета, пока Кабинетъ имѣлъ значеніе Собственной Его Величества Канцеляріи, поручались самыя разнообразныя дѣла, которыя Верховной Власти угодно было взять подъ Свой особый надзоръ. Такъ, напримѣръ, Императрица Елисавета, придя въ ужасъ отъ массы проститутокъ въ С.-Петер-

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 70, л. 306 и об.

[2] Сочиненіе Котошина: «О Россіи въ царствованіе Алексія Михайловича», глава VII, стр. 95.

бургѣ, поручила члену Кабинета Ея Величества Василію Демидову искорененіе этого позорнаго промысла.

Императрица Екатерина поручала подобныя дѣла состоявшему у Собственныхъ Ея Величества дѣлъ Г. Н. Теплову, а Императоръ Павелъ—Трощинскому.

Этимъ назначеніемъ Собственной Его Величества Канцеляріи, какъ органа надзора Верховной Власти, объясняется возникновеніе впослѣдствіи 3-го Отдѣленія ея.

ГЛАВА 4-я.

Черты быта учрежденія въ первый періодъ его существованія.

Дѣла Собственной Его Величества Канцеляріи за указанное время даютъ очень мало свѣдѣній относительно внутренней жизни учрежденія. Какъ извѣстно, Канцелярія помѣщалась въ домѣ Аракчеева; во время же Высочайшихъ путешествій за границей въ 1815—1818 г.г.[1] часть ея, со Статсъ-Секретаремъ Марченко и Танѣевымъ, слѣдовала за Государемъ, тогда какъ другая часть съ «Государственнымъ Чиновникомъ» (т. е. съ Аракчеевымъ) оставалась въ Петербургѣ. Послѣ 1820 года, вслѣдствіе продолжительныхъ отсутствій Аракчеева въ отпуску или занятій его другими дѣлами, Канцеляріей часто и подолгу завѣдывалъ Муравьевъ, который оставался въ Петербургѣ. Впрочемъ бывали случаи, когда Муравьевъ вызывался Государемъ для принятія прошеній; въ такихъ случаяхъ Аракчеевъ обыкновенно находился при исполненіи служебныхъ обязанностей.

Главнымъ матеріаломъ для ознакомленія съ внутренней жизнью учрежденія является уже указанное выше «Образованіе Собственной Его Величества Канцеляріи» и приложенное къ нему «Наставленіе Дѣжурному Дѣлопроизводителю (по черновой редакціи «Дѣжурному

[1] «Русская старина», 1896 г., кн. 4, стр. 15; формуляры Марченко и Танѣева въ архивѣ Государственнаго Совѣта.

Офицеру») въ Собственной Его Величества Канцеляріи». На черновомъ проектѣ имѣется помѣтка рукой Аракчеева: «Дежурнымъ Офицерамъ въ собственной Его Величества канцеляріи поступать по сему постановленію. 1 Генваря 1819 года». Добавленіемъ къ этому можетъ служить «Книга для дежурныхъ офицеровъ Собственной Его Величества Канцеляріи для записки получаемыхъ запечатанныхъ конвертовъ и словесныхъ приказаній Статсъ-Секретаря, которые слѣдуютъ ко всегдашнему наблюденію, 1821 года»; въ ней имѣются замѣтки Статсъ-Секретаря и его помощника, а также записки самого Аракчеева.

Въ главѣ третьей «Образованія» подробно опредѣленъ порядокъ поступленія въ Канцелярію дѣлъ: «Отъ Государя Императора отдаваемыя дѣла получаются Государственнымъ Чиновникомъ, а въ отсутствіе и въ случаѣ болѣзни его,—Статсъ-Секретаремъ. Въ первомъ случаѣ Государственный Чиновникъ, сдѣлавъ на сихъ дѣлахъ собственною рукою помѣту внизу бумаги: получено отъ Государя Императора, такого-то числа, мѣсяца и года, отдаетъ оныя Статсъ-Секретарю; въ послѣднемъ, Статсъ-Секретарь, сдѣлавъ самъ помѣту таковую же, представляетъ ихъ Государственному Чиновнику, ежели оный не въ отсутствіи. Дѣла, Государемъ Императоромъ присылаемыя, принимаются въ Собственной Его Величества Канцеляріи Дежурнымъ Дѣлопроизводителемъ (по черновой редакціи «Офицеромъ») и въ то же самое время представляются Государственному Чиновнику, или Статсъ-Секретарю, въ отсутствіе или въ случаѣ болѣзни перваго. На сихъ дѣлахъ въ обоихъ случаяхъ дѣлается помѣта тѣмъ же порядкомъ и по той же формѣ. Дѣла отъ разныхъ мѣстъ и Лицъ Правительства... адресуются вообще не иначе, какъ на имя Государственнаго Чиновника. Онѣ принимаются въ Канцеляріи Дежурнымъ Дѣлопроизводителемъ («Офицеромъ») и представляются къ нему въ назначенное отъ него время, порядкомъ для сего установленнымъ; *нужныя же* представляются ему немедленно по полученіи. Государственный Чиновникъ, по прочтеніи сихъ дѣлъ, на тѣхъ изъ нихъ, на коихъ признаетъ сіе нужнымъ, излагаетъ кратко свои замѣчанія и отсылаетъ всѣ вообще къ Статсъ-Секретарю, который на всѣхъ оныхъ дѣлаетъ помѣту своею рукою. На дѣлахъ, требующихъ

скораго исполненія, Государственный Чиновникъ надписываетъ: *нужное*. Сія надпись обязываетъ Статсъ-Секретаря по дѣламъ, оную имѣющимъ, испросить преимущественно предъ прочими его разрѣшенія и сдѣлать потомъ исполненіе. Во время отсутствія или болѣзни Государственнаго Чиновника Дѣжурный Дѣлопроизводитель («Офицеръ») принятыя имъ дѣла представляетъ Статсъ-Секретарю тѣмъ же порядкомъ» (§§ 19—25). Статсъ-Секретарь долженъ былъ раздѣлять всѣ дѣла по содержанію на слѣдующіе четыре разряда: 1) дѣла къ одному свѣдѣнію, не требующія никакого движенія. 2) Дѣла, содержащія въ себѣ отвѣты на затребованныя объясненія. 3) Дѣла, заключающія въ себѣ особые отвѣты на сдѣланныя отношенія, и наконецъ, 4) дѣла, требующія разрѣшенія. Дѣла перваго рода прямо направлялись для храненія въ архивъ; второго рода пріобщались къ тѣмъ, «по коимъ свѣдѣнія требованы»; что касается до указанныхъ въ двухъ послѣднихъ пунктахъ, то таковыя Статсъ-Секретарь представлялъ къ докладу «Государственному Чиновнику», т. е. Управляющему и затѣмъ распредѣлялъ по отдѣленіямъ (§§ 26, 27). Доклады Его Величеству дѣлались или по подлиннымъ бумагамъ или же, если дѣло было слишкомъ обширно, по запискамъ, составленнымъ въ Собственной Его Величества Канцеляріи; послѣднія скрѣплялись обыкновенно подписью Статсъ-Секретаря. Высочайшія повелѣнія, при докладѣ, обыкновенно, точно записывались рукой Аракчеева съ обозначеніемъ мѣста и времени. Впрочемъ для нѣкоторыхъ докладовъ была особая форма, какъ указывается въ «Образованіи»: «на мнѣніяхъ Государственнаго Совѣта, Высочайше утвержденныхъ Его Величествомъ, означается только мѣсто и число, гдѣ и когда онѣ Высочайше утверждены, рукою докладчика. На меморіяхъ Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ означается также рукою докладчика слѣдующимъ порядкомъ: *на первыхъ:* Государь изволилъ читать дня мца года: Дѣла, означенныя въ меморіи дня мѣсяца къ IV отдѣленію Государь Императоръ изволилъ утвердить. *На вторыхъ:* Государь Императоръ изволилъ читать дня мѣсяца года, а противъ статей, гдѣ нужно будетъ: Высочайше утверждено» (§§ 44—47).

Вообще, если Государь, ознакомившись съ тѣмъ или другимъ дѣломъ, еще не положилъ своей резолюціи на немъ, Аракчеевъ обыкновенно помѣчалъ: «Государь изволилъ читать» или «докладывано Государю такого-то числа». Такихъ примѣровъ много въ архивѣ за это время. Иногда одно и то же дѣло, судя по помѣткамъ Аракчеева, докладывалось по нѣскольку разъ: видимо, Государь колебался съ рѣшеніемъ.

Въ Канцеляріи велся одинъ журналъ входящихъ дѣлъ и два исходящихъ; меморіи Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ записывались въ особый реестръ, равно какъ и мнѣнія Государственнаго Совѣта, съ обозначеніемъ противъ каждой статьи, когда послѣдовало Высочайшее утвержденіе. Изъ двухъ журналовъ для исходящихъ дѣлъ одинъ былъ предназначенъ для военныхъ дѣлъ, другой для гражданскихъ. Они въ свою очередь распадались на двѣ части: въ первую записывались всѣ Именные указы, а во вторую всѣ объявляемые указы, равно какъ и вся переписка по нимъ, за исключеніемъ дѣлъ, касающихся военныхъ поселеній; до основанія Канцеляріи Главнаго надъ военными поселеніями Начальника, дѣла по поселенію войскъ проходили всѣ чрезъ Собственную Его Величества Канцелярію; адъютантъ вѣдалъ исчисленіе людей по всему корпусу поселенныхъ войскъ и велъ переписку объ этомъ съ Инспекторскимъ Департаментомъ Главнаго Штаба Его Величества.[1] Этимъ дѣламъ велись особые журналы. Точно также чиновникъ, завѣдующій частною перепискою Аракчеева, имѣлъ у себя книгу получаемыхъ имъ писемъ, требовавшихъ отвѣта. Во всѣ эти журналы вносились цѣликомъ отпуски исходящихъ бумагъ. Для исторіи Канцеляріи эти журналы являются драгоцѣннымъ матеріаломъ, и остается лишь сожалѣть, что не всѣ они сохранились. У каждаго начальника отдѣленія былъ свой реестръ посылаемыхъ по его отдѣленію запросовъ. Журналъ частной переписки періодически провѣрялся адъютантомъ, совмѣстно

[1] Черновой проектъ «Образованія», § 95, примѣчаніе 4-ое. Въ чистовомъ это примѣчаніе выпущено.

съ чиновникомъ, на котораго было возложено веденіе журнала, всѣ же остальные—Статсъ-Секретаремъ. Такимъ образомъ во всей Канцеляріи царилъ строжайшій порядокъ. Особое вниманіе было обращено на прошенія: «Просьбы на Высочайшее Имя, въ Собственныя руки присланныя и отданныя Государемъ Императоромъ для справокъ въ Собственную Его Величества Канцелярію, обязываютъ Начальника Отдѣленія въ особенности имѣть для нихъ особой у себя регистръ, дабы съ точностію отмѣчать онъ могъ все по онымъ производство. Ежели по просьбѣ объявлено будетъ какому-либо Министру Высочайшее повелѣніе, то непремѣнно отмѣчается полученный отъ него отвѣтъ. Ежели просьба препровождена будетъ на уваженіе Государственнаго Совѣта или Комитета Министровъ, то отмѣчается, что по ней въ Совѣтѣ или Комитетѣ сдѣлано.—Отмѣтки сіи дѣлаются изъ Меморій, получаемыхъ въ Собственной Его Величества Канцеляріи, для чего и обязанъ Начальникъ Отдѣленія освѣдомлятся о рѣшеніи дѣлъ по прозьбамъ въ Совѣтѣ или Комитетѣ Министровъ по мѣрѣ полученія ихъ Меморій, дабы при востребованіи Государственнымъ Чиновникомъ справки по какому-либо дѣлу, завѣдывающій сими дѣлами могъ дать полный о ходѣ онаго отчетъ, какъ въ Канцеляріи, такъ и по Комитету Министровъ или Коммисіи прошеній» (§§ 139—142).

По истеченіи шести мѣсяцевъ каждый начальникъ отдѣленія обязанъ былъ представить Статсъ-Секретарю реестръ оконченныхъ у него дѣлъ за одну треть года. Статсъ-Секретарь провѣрялъ его и приказывалъ сдать дѣла въ архивъ, причемъ архиваріусъ и чиновникъ расписывались одинъ въ полученіи, другой въ сдачѣ дѣлъ. (Эти реестры сохранились съ расписками чиновниковъ). Въ архивѣ дѣла распредѣлялись: 1) по разрядамъ Канцеляріи, 2) по отдѣленіямъ разрядовъ и 3) по годамъ. За каждую треть года дѣла обыкновенно переплетались въ одну книгу, а въ ней располагались по содержанію: 1) дѣла къ одному свѣдѣнію, не требующія никакого движенія; 2) содержащія въ себѣ отвѣты, затребованные въ разъясненіе дѣлъ; 3) заключающія въ себѣ особые отвѣты на сдѣланныя отношенія, и 4) требующія разрѣ-

шенія. Эти книги такъ и сохранились; на корешкѣ каждой изъ нихъ обозначалось:

«Разрядъ гражданскій
или
Разрядъ военный,
дѣла
такого-то Отдѣленія,
такого-то года
за такую-то треть
или
за такой-то Мѣсяцъ».

Въ отдѣльныхъ переплетахъ хранились: 1) дѣла Комитета Министровъ и Государственнаго Совѣта, состоящія изъ однихъ ихъ меморій съ указаніями, когда по нимъ послѣдовали Высочайшія резолюціи, 2) дѣла по учрежденіямъ Императрицы Маріи, 3) дѣла Правительствующаго Сената и Комиссіи Прошеній (въ одной книгѣ), 4) Переписка съ Министрами, съ Военными Губернаторами и Генералъ-Губернаторами, Градоначальниками и другими гражданскими чиновниками, 5) дѣла по управленію Начальника Главнаго Штаба Его Величества, 6) дѣла Генералъ-Инспектора инженеровъ, Генералъ-Фельдцейхмейстера и Морского Министра и 7) дѣла Комитета объ изувѣченныхъ воинахъ. Дѣла секретныя хранились у «Государственнаго Чиновника». При Канцеляріи была библіотека,[1] куда сдавались на храненіе проекты,

[1] О содержаніи библіотеки Собственной Его Величества Канцеляріи въ это время даетъ понятіе находящаяся въ дѣлахъ ея тетрадь подъ заглавіемъ: «Каталогъ законамъ, указамъ, разнымъ положеніямъ, штатамъ, планамъ, картамъ и проектамъ, находящимся въ библіотекѣ Собственной Его Величества Канцеляріи. Составленъ въ 1827 году». Книги въ ней преобладали слѣдующаго содержанія: 1) оффиціальныя изданія законовъ, 2) различныя юридическія книги, между послѣдними встрѣчаются и на иностранныхъ языкахъ, какъ напр. «Système général d'administration pour les pauvres», 3) книги, касавшіяся изученія Россіи, напримѣръ: «Статистическія записки губерній: Рязанской, Тамбовской, Воронежской, Орловской и Тульской 1821 г.», «Статистическія таблицы тѣхъ же губерній за 1821 г.», «Статистическое описаніе Остзейскихъ губерній 1821 г.» и т. д., 4) книги о различныхъ техническихъ усовершенствованіяхъ, особенно по агрономіи, напр.: «О навозѣ, какъ необходимой вещи сельскаго хозяйства», «О хожденіи, и

представленные на Высочайшее усмотрѣніе и не приведенные въ исполненіе. Они точно также переплетались въ книги по третямъ года.

Аракчееву должно поставить въ особую заслугу его заботы о сохраненіи архива въ порядкѣ.

Изъ «Наставленія» дежурному чиновнику[1] (или «Офицеру» по черновому проекту) видно, сколько комнатъ въ домѣ Аракчеева занимала Канцелярія: «а) *передняя*, въ которой находятся дѣжурныя фельдъ-Егеря, фельдфебель писарей и сторожа. Въ сей же комнатѣ ожидаютъ и простолюдины изъ постороннихъ. b) *Комната дѣжурства* (старая Канцелярія), въ ней помѣщаются два стола: одинъ... для Дѣжурнаго Дѣлопроизводителя, другой для адъютанта. Здѣсь же находятся и посторонніе чиновники, имѣющіе надобность быть въ Канцеляріи. c) Залъ, именуемый *Канцелярія*—въ немъ непозволяется быть постороннимъ людямъ, d) Особая комната, именуемая *Статсъ-Секретарская*.—Въ ней не можетъ быть никто изъ постороннихъ, кромѣ тѣхъ, кому Статсъ-Секретарь самъ лично позволитъ» (§ 186). Занятія въ Собственной Его Величества Канцеляріи начинались очень рано. Въ томъ же самомъ «Наставленіи» написано: «время ночи полагается съ 9-ти часовъ вечера, а начало дня съ 6-ти часовъ утра» (§ 199). А. С. Танѣевъ, дѣлая замѣчаніе чиновнику Субботину, пишетъ: «Напрасно Г. Субботинъ показываетъ, что конверты поданы мнѣ въ 8-мь часовъ утра, ибо когда я прибылъ въ Канцелярію, т. е. *въ половинѣ 9-го часа*, то онъ будучи дежурнымъ еще туда не являлся и безъ сего нарушенія §§ 110 и 114 Наставленія дежурному дѣлопроизводителю я бы не сдѣлалъ того замѣчанія ему, которое вписано мною въ концѣ 1-ой книги сего года для дежурныхъ» (6 августа 1821 года).[2] Слѣдовательно, помощникъ

кормѣ, и выгонѣ скота сельскаго хозяйства», «Отвѣтное, удостоенное награды, сочиненіе объ улучшиваніи земель» и т. д. и, наконецъ, 5) математическія книги, что объясняется личною склонностью Аракчеева: послѣдній, какъ извѣстно, былъ выдающимся математикомъ.

[1] Въ инструкціяхъ разнымъ учрежденіямъ времени Императора Александра I слово «дѣлопроизводитель» употреблялось въ такомъ же общемъ смыслѣ, какъ теперь «чиновникъ».

[2] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 106, «Книга для дежурныхъ офицеровъ» и пр., 1821 годъ, л. 143 и об.

Статсъ-Секретаря уже въ половинѣ девятаго находился на службѣ. Дежурные чиновники, по предписанію Аракчеева, отпускались домой «съ 10-ти часовъ вечера до пяти сполвиною утра» (помѣтка на черновомъ «Наставленіи» 1 января 1819 года). Внутренняя жизнь Канцеляріи опредѣлялась въ указанное время исключительно «Образованіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи», «Наставленіемъ Дѣжурному Дѣлопроизводителю», а также записками Аракчеева въ «Книгѣ для дежурныхъ офицеровъ». Вотъ его записка отъ 31 марта 1821 года о порядкѣ веденія дѣлъ безъ него: «1-е, Всѣ получаемые пакеты на имя мое, принадлежащіе до военнаго поселенія, отдавать въ назначенные дни Начальнику Штаба Генералъ-Маіору Клейнмихелю, а прочіе всѣ представлять къ Статсъ-Секретарю Муравьеву. 2-е, Всѣ дѣла Г. Статсъ-Секретарю распечатывать, кромѣ партикулярныхъ писемъ и съ надписью въ Собственныя мои руки. 3-е, Дѣла получаемыя отъ Его Императорскаго Величества на имя мое, не распечатывая, отправлять ко мнѣ[1] съ нарочными фельдъегерями. 4-е, Во вторникъ и въ пятницу по обыкновенной почтѣ доставлять ко мнѣ заведеннымъ прежнимъ порядкомъ записку о вступившихъ дѣлахъ и самыя дѣла, по коимъ требуется мое разрѣшеніе; равномѣрно дѣла, слѣдуемыя къ моему подписанію, и всѣ нераспечатанныя, партикулярныя на имя мое письма. 5-е, Меморіи Комитета Министровъ, слѣдуемыя въ отсылку къ Государю Императору, получать отъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Сухопрудскаго и отправлять оныя ко мнѣ непремѣнно каждый вторникъ, дабы я могъ оныя приготовить къ отправленію. 6-е, Съ оными же Меморіями должно отправлять ко мнѣ и два реэстра о вступившихъ дѣлахъ въ прошлой недѣли въ Комитетъ Г.г. Министровъ. 7-е, Дѣла, слѣдуемыя въ отсылку къ Государю Императору, будутъ отъ меня отправляемы въ воскресенье, слѣдовательно и получатся Г. Статсъ-Секретаремъ въ понедельникъ или во вторникъ, кои и остаются въ Кабинетѣ его, а не въ Канцеляріи, а отсылаются уже въ пятницу въ день отъѣзда фельдъегеря къ Государю, прямо къ Дежурному Генералу Главнаго Штаба Его Вели-

[1] Въ Грузино.

чества по полудни въ два часа, съ запискою въ книгу и съ означеніемъ имени того фельдъегеря, который въ тотъ день отправляется къ Государю, для могущихъ случиться въ послѣдствіи справокъ. 8-е, Неослабное имѣть взысканіе, дабы дежурные чиновники по изданному и заведенному порядку находились безотлучно въ Канцеляріи весь день съ 6-ти часовъ утра до 10-ти часовъ вечера, а писаря цѣлые сутки. 9-е, По малому числу дѣлъ позволяется чиновникамъ оставаться въ домѣ, а требовать ихъ только тогда, когда надобность въ нихъ будетъ признана, изключая Архиваріуса, который имѣетъ обязанность приходить ежедневно» (Четвергъ 31 марта 1821 года).[1] Здѣсь нельзя не замѣтить, наряду съ образцовымъ порядкомъ, способности Аракчеева входить въ положеніе служащихъ.

Что касается до расходовъ Собственной Его Величества Канцеляріи въ указанное время, то они поражаютъ своей незначительностью. Просматривая списки съ росписей государственныхъ приходовъ и расходовъ, которыя представлялись въ Собственную Его Величества Канцелярію съ 1819 по 1825 годъ, нельзя найти вплоть до 1824 года никакихъ указаній на расходы Канцеляріи; только въ названномъ году расходы ея значатся въ скромной цифрѣ 13.613 рублей; въ слѣдующемъ году эта цифра возрастаетъ до 21.098 рублей. Впрочемъ, эти суммы отпускались исключительно на жалованіе чинамъ и на наемъ для нихъ квартиръ. До указаннаго года этотъ расходъ лежалъ на Кабинетѣ Его Величества, изъ котораго все время отпускались также средства на остальныя потребности Собственной Его Величества Канцеляріи. Послѣдняя сумма равнялась всего 3.000 рублей; о томъ же какъ она расходовалась, даютъ понятіе сообщенія Аракчеева по этому предмету на имя Управляющаго Кабинетомъ Его Величества (онъ же былъ и Министромъ Финансовъ) графа Д. А. Гурьева. Сообщенія эти становятся ежегодными, начиная съ 10-го ноября 1821 года. Въ бумагѣ отъ этого числа сказано. «По отношенію моему къ Вашему Сіятельству отъ 20-го Ноября 1820-го года за № 339-мъ отпущено

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 106, «Книга для дежурныхъ офицеровъ» и пр., л.л. 59 и 60.

было въ распоряженіе мое изъ Кабинета Его Величества три тысячи рублей ассигнаціями, о расходѣ сихъ денегъ въ теченіи почти цѣлаго года, прилагая при семъ записку, имѣю честь увѣдомить, что выдача денегъ разнымъ лицамъ производима была изъ сей суммы по Высочайшему повелѣнію, о полученіи коихъ и подлинные росписки прилагаются, а равно часть оной употреблена и на покупку Канцелярскихъ припасовъ для Собственной Его Величества Канцеляріи. Государь Императоръ повелѣть мнѣ изволилъ сообщить Вашему Сіятельству объ отпускѣ изъ Кабинета трехъ тысячъ рублей вновь на расходы для Канцеляріи и другіе нерѣдко случающіеся по Высочайшему приказанію разные мелочные расходы; о исполненіи сей Высочайшей воли сообщая Вашему Сіятельству, покорнѣйше прошу приказать означенныя три тысячи рублей отпустить изъ Кабинета подъ роспиcку находящагося при мнѣ 9-го класса Менделѣева; на что жъ употреблены будутъ сіи деньги, я въ свое время неоставлю увѣдомить Ваше Сіятельство». Вслѣдъ за тѣмъ идетъ перечень разныхъ расходовъ за истекающій годъ, чисто канцелярскаго характера:

«Записаны въ расходъ показанные въ запискѣ при отношеніи моемъ къ Г. Министру Финансовъ отъ 20-го ноября 1820-го года съ № 339-мъ передержанными въ 1820-мъ году на разные выдачи, всего . . . . . 577 р. 67 к.

Выдано за отправленныя 3 Эстафеты съ пакетами изъ Чудова въ С.-Петербургъ . . . . . 109 » 97 »

Выдано въ Типографію Главнаго Штаба Его Величества за издержанную бумагу для напечатанія именныхъ списковъ для членовъ, имѣющихся въ комитетѣ Г.г. Министровъ . . . . . 60 » — »

За переплетъ разныхъ книгъ и журналовъ для Собственной Канцеляріи Его Величества заплачено переплетчику Никифорову . . . . . 230 » 90 »

За здѣланныя въ Канцеляріи Его Величества къ шкафамъ на желѣзныхъ доскахъ разныхъ надписей заплачено живописцу Герлѣ . . . . . 15 » — »

По Высочайшему повелѣнію выдано часовыхъ дѣлъ мастеру Венгамъ Бригету за исправленіе и повѣрку часовъ въ Канцеляріи Его Величества . . . . . 155 р. — к.

Выдано Подполковнику Яковлеву при отправленіи его по дѣламъ службы на прогоны, всего . . . . . 74 » 64 »

За лампу въ Канцелярію Его Величества заплачено мастеру Кунъ . . . . . 100 » — »

Съ 15-го Ноября 1820-го года по 10-е Ноября сего 1821-го года въ теченіи почти цѣлаго года куплено бумаги и другихъ разныхъ припасовъ для Канцеляріи Его Величества на . . . . . 1.972 » 23 »

Итого три тысячи двѣсти девяноста пять рублей сорокъ одна копейка . . . . . 3.295 р. 41 к.

Передержано по 10-е Ноября сего года сверхъ принятыхъ изъ Кабинета двѣсти девяноста пять рублей сорокъ одна копейка . . . . . 295 р. 41 к.»[1]

О характерѣ мелкихъ выдачъ, которыя производились изъ Собственной Его Величества Канцеляріи, свидѣтельствуютъ ея журналы. Такъ во второй части исходящаго журнала объявляемымъ Высочайшимъ повелѣніямъ по гражданской части Собственной Его Величества Канцеляріи 1821 года 9 января значится: «Санктпетербургскому военному Генералъ-Губернатору Графу Милорадовичу. Въ слѣдствіе отношенія Вашего Сіятельства отъ 6-го сего Генваря за № 35-мъ я прошу Васъ приказать поименованнымъ въ ономъ семи человѣкамъ нижнимъ чинамъ 2-го морского полка, которые находились здѣсь по дѣлу о призовыхъ деньгахъ и нынѣ отправляются въ свои домы, явиться въ Собственную Его Величества Канцелярію къ находящемуся

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 104, «Исходящій журн. объявл. Высоч. повелѣніямъ по гражд. части 1821 года», 2-я часть, лл. 201 — 203; то же самое за слѣдующій годъ, № 117, «Исходящій журн. объявл. Высоч. повелѣніямъ по гражд. части 1822 года», 2-я часть, л. 124 об. и т. д.

при мнѣ чиновнику 9 класса Мендѣлееву, которому будетъ приказано снабдить ихъ нужными деньгами.—По раздачѣ же людямъ симъ назначенныхъ Вами денегъ, я не оставлю Васъ, Милостивый Государь мой, объ оном увѣдомить».[1] Точно также, 11 января того же года, сообщается ему же: «Въ дополненіе къ отношенію моему отъ 9 сего Генваря за № 7-мъ имѣю честь увѣдомить Ваше Сіятельство, что изъ имѣющихся у меня Государевыхъ денегъ, роздано мною лично нижеслѣдующимъ отставнымъ нижнимъ чинамъ 2-го морского полка пятьсотъ рублей въ счетъ слѣдуемыхъ имъ призовыхъ денегъ, а имянно: Унтеръ-офицерамъ: Якову Федорову 80 р. и Василью Петрову 60 р.; рядовымъ: Кирилѣ Иванову 50 р., Ивану Филипову 80 р., (имя неразборчиво) Андюкову 80 р., Леонтью Иванову 50 р. и Федору Колышеву 100 р.»[2] и т. д. Слѣдовательно, эта сумма въ то время имѣла характеръ, такъ сказать, Собственной Его Величества шкатулки.

Во время управленія Аракчеева не было общаго положенія о жалованьи чиновникамъ Собственной Его Величества Канцеляріи, и оклады ихъ постоянно мѣняются въ зависимости отъ представленій его. Такъ, напримѣръ, Танѣевъ, 24 декабря 1817 года, получилъ прибавку къ жалованью по 1.000 р. въ годъ; точно также, по представленію Аракчеева, 6 мая 1820 года, была сдѣлана прибавка жалованья надворному совѣтнику Мордвинову по 1.500 р. въ годъ съ оставленіемъ его въ прежней должности и т. д.[3] Квартиры большинство чиновниковъ получали натурой, т. е. онѣ имъ нанимались за счетъ Канцеляріи, ввиду отсутствія казенныхъ помѣщеній; только Персидскій и Самбурскій получали по 2.000 р. въ годъ квартирныхъ.[4] Во время частыхъ поѣздокъ въ Москву они обыкновенно помѣщались въ казенныхъ зданіяхъ, какъ это видно изъ слѣдующаго отношенія князя Юсупова къ Аракчееву отъ 17 іюля 1817 года: «На отношеніе

---

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 104, лл. 3 об. и 4.

[2] Тамъ же, л. 6 об.

[3] Формуляры указанныхъ лицъ въ арх. I Отд. С. Е. В. Канц.

[4] Тамъ же, № 15, «Исходящій журн. отношеніямъ по гражд. части 1816 года», л. 282 и въ другихъ журналахъ.

Вашего Сіятельства отъ 5 сего Іюля о назначеніи комнатъ для чиновниковъ, составляющихъ Собственную Канцелярію Его Императорскаго Величества, честь имѣю извѣстить, что находящіеся при Васъ два Адъютанта и Докторъ, Статскій Совѣтникъ Даллеръ будутъ помѣщены въ отдѣленіи комендантскаго дома, отстраивающагося для Вашего Сіятельства. Всѣ прочіе чиновники, какъ то: 1) Статсъ-Секретарь Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Марченко и при немъ два чиновника, 2) Военный Совѣтникъ Самбурскій, 3) Коллежскій Совѣтникъ Танѣевъ, 4) Надворный Совѣтникъ Персидскій, 5) Титулярный Совѣтникъ Егоровъ и прочіе помѣщены будутъ въ новопостроенномъ корпусѣ въ Кремлѣ противъ комендантскаго дома».[1] Тѣмъ не менѣе по случаю такой поѣздки въ Москву 20 августа 1817 года по Высочайшему повелѣнію было пожаловано: «Надворному Совѣтнику Персидскому, Титулярному Совѣтнику Егорову и Лейбъ-Гвардіи Артиллерійскаго батальона Доктору, Статскому Совѣтнику Даллеру, каждому по тысячѣ рублей».[2] По поводу этого пожалованія, въ томъ же журналѣ имѣется предписаніе Аракчеева надворному совѣтнику Персидскому: «Вычтенныя Кабинетомъ Его Императорскаго Величества при отпускѣ Доктору, Статскому Совѣтнику Даллеру, Титулярному Совѣтнику Егорову и вамъ изъ слѣдовавшей наоснованіи Высочайшаго повелѣнія объявленнаго отъ меня Г. министру финансовъ за № 328-мъ каждому полной суммы по тысячѣ рублей у каждаго по сту рублей въ пользу инвалиднаго капитала, предписываю вамъ первымъ двумъ выдать, а себѣ получить такое же число денегъ по сто рублей изъ суммы, состоящей въ вашемъ вѣдомствѣ, записавъ въ расходъ сроспсками, по уваженію, что деньги сіи Всемилостивѣйше пожалованы не вънагражденіе, *но наподъемъ послучаю слѣдованія въ Москву, на которыя и существующее о подобныхъ вычетахъ нераспространяется*».[3]

---

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 36, л. 383.

[2] Тамъ же, № 41, «Исходящій журн. отношеніямъ по гражд. части 1817 года», л. 173 об.

[3] Тамъ же, л. 231 об.

Въ докладѣ Государю отъ 25 августа 1818 года Аракчеевъ пишетъ: «Чиновники Собственной Вашего Императорскаго Величества Канцеляріи трудятся почти безвыходно изъ оной въ отправленіи дѣлъ. Свидѣтельствуя предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ какъ очевидецъ, что они симъ самымъ заслуживаютъ Монаршее воззрѣніе, я всеподданнѣйше испрашиваю Всемилостивѣйшаго пожалованія для единовременнаго награжденія всѣмъ имъ 6.500 р. изъ суммы Кабинета». Далѣе слѣдуетъ распредѣленіе суммы между служащими въ Собственной Его Величества Канцеляріи: военному совѣтнику Персидскому двѣ тысячи рублей; титулярному совѣтнику Егорову тысячу рублей; коллежскому секретарю Сырневу пятьсотъ рублей; 12-го класса Леонову четыреста рублей; 14-го класса Субботину триста рублей. Писаря и курьеры получили отъ 50 до 150 р.,—а сторожъ—25 р.,[1]—деньги для простого служителя въ то время очень большія. Распредѣленіе этой суммы между служащими производилъ А. И. Персидскій, который вообще въ то время завѣдывалъ денежными средствами Собственной Его Величества Канцеляріи. Точно также 6 мая 1820 года Аракчеевъ исходатайствовалъ 2.000 р. единовременно однимъ только канцелярскимъ служителямъ.[2] Такія пожалованія, по представленію Аракчеева, безпрестанно встрѣчаются въ дѣлахъ Собственной Его Величества Канцеляріи за указанное время и свидѣтельствуютъ о вниманіи его къ трудамъ служащихъ.

Подводя итогъ исторіи Собственной Его Величества Канцеляріи въ первый періодъ ея существованія, слѣдуетъ сказать, что она стояла особнякомъ среди прочихъ государственныхъ учрежденій, на что указывалъ и самъ Аракчеевъ. Она являлась непосредственной исполнительницей воли Государя, а поэтому задачи ея были чрезвычайно разнообразны и неопредѣленны. Государь, полный довѣрія къ Аракчееву и его ближайшимъ сотрудникамъ, поручалъ имъ самыя разно-

---

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 67, листы не нумерованы: вшиты между 316-мъ и 317-мъ листами.

[2] Тамъ же, № 85, «Дѣла по Канцеляріи Его Величества, майской трети, 1820 года», л. 326.

образныя дѣла, которыя хотѣлъ поставить подъ Свое непосредственное наблюденіе. Въ Канцелярію стекались дѣла, касавшіяся всѣхъ частей сложнаго государственнаго механизма, что не мало затрудняло ихъ успѣшное движеніе, даже при всей работоспособности лица, стоявшаго во главѣ этого учрежденія. Такъ какъ всѣ государственныя дѣла шли черезъ Аракчеева, то естественно, что общество было склонно считать его всемогущимъ и отвѣтственнымъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ являлся простымъ посредникомъ между Государемъ и Его подданными. Ввиду этого Императору Николаю Павловичу благоугодно было объявить Аракчееву въ рескриптѣ отъ 20 декабря 1825 г., что Его Величество отнынѣ принимаетъ Собственную Его Величества Канцелярію въ свое непосредственное завѣдываніе. Для успѣшнаго распредѣленія разнородныхъ дѣлъ она была на первыхъ же порахъ новаго царствованія раздѣлена на самостоятельныя Отдѣленія.

ГЛАВА 5-я.

Біографическія свѣдѣнія о главныхъ дѣятеляхъ Собственной Его Величества Канцеляріи въ царствованіе Императора Александра I.

***Трощинскій**, Дмитрій Прокофьевичъ,* родился 26 октября 1749 года въ г. Глуховѣ въ семьѣ небогатаго малороссійскаго шляхтича. Рано лишившись отца, онъ получилъ самое скудное образованіе. Показаніе Бантыша-Каменскаго, будто бы онъ воспитывался въ Кіевской академіи, ничѣмъ не подтверждается; напротивъ, самъ Трощинскій говоритъ о себѣ, что не зналъ ни одного иностраннаго языка и выучился русской грамотѣ у дьячка.[1] Это не помѣшало, однако, Трощинскому довольно быстро сдѣлать карьеру: начавъ свою службу въ 1766 году канцеляристомъ въ Малороссійской Коллегіи, онъ черезъ три года былъ уже полтавскимъ полковымъ писаремъ, т. е. правителемъ канцеляріи Полтавскаго Полковника (какъ извѣстно Полковники въ Малороссіи были административными лицами на положеніи Губернаторовъ). Съ этой должности Трощинскій перешелъ въ военную службу, принималъ участіе въ первой турецкой кампаніи и во время ея обратилъ на себя вниманіе знаменитаго князя Репнина, при которомъ и состоялъ неотлучно въ тече-

[1] Баронъ М. А. Корфъ, «Жизнь Гр. Сперанскаго», ч. 1, стр. 89; Ивановъ, «Опытъ біогр. Генералъ-Прокуроровъ и Минист. Юст.», стр. 127.

ніе 10 лѣтъ. Въ 1775 и 1776 г.г. Трощинскій состоялъ въ свитѣ Репнина, тогдашняго Чрезвычайнаго Полномочнаго Министра въ Константинополѣ; въ 1779 г. онъ находился при немъ же, когда тотъ, какъ Полномочный Министръ, присутствовалъ на мирномъ конгрессѣ въ Тешенѣ, а въ 1783 и 1784 г. г. служилъ въ Польшѣ въ резервномъ корпусѣ. Послѣдствія сильнаго ушиба на охотѣ заставили его снова перейти на гражданскую службу; 2 августа 1783 года онъ изъ секундъ-маіоровъ былъ переименованъ въ надворные совѣтники и съ этого времени состоялъ при другомъ видномъ дѣятелѣ екатерининскаго времени—князѣ Безбородко. Послѣдній быстро повышалъ его по службѣ и называлъ его—«наилучшимъ своимъ помощникомъ», который несетъ «труды непрерывно, отличаясь совершенною честностію и безкорыстіемъ». Находясь въ канцеляріи Безбородко, въ 1787 году, во время путешествія Государыни въ Крымъ, Трощинскій сдѣлался лично Ей извѣстенъ; но ближе Государыня узнала его въ 1791 году, когда Безбородко, уѣзжая въ Молдавію, для заключенія мира съ турками, просилъ Государыню, чтобы въ его отсутствіе по всѣмъ дѣламъ, ему ввѣреннымъ, докладывалъ Ей его правитель дѣлъ—Трощинскій. Ходатайствуя о пожалованіи ему деревни въ 500 душъ въ Малороссіи, въ 1793 году, Безбородко писалъ въ докладѣ Императрицѣ, что Трощинскій «былъ ему сущимъ и полезнымъ помощникомъ во всѣхъ на немъ лежащихъ дѣлахъ, въ которыхъ, по множеству, трудности и важности ихъ, безъ пособія его не могъ бы онъ успѣть». Слыша похвалы Трощинскому, Государыня приблизила его къ Себѣ, и 2 сентября того же года ему повелѣно было состоять «у собственныхъ Ея Величества дѣлъ». О положеніи, занимаемомъ имъ при Императорѣ Павлѣ, сказано уже ранѣе. При этомъ Государѣ онъ былъ, кромѣ того, Предсѣдателемъ Главнаго Почтоваго Управленія, Сенаторомъ по 3-му Департаменту и членомъ Совѣта Учрежденій Императрицы Маріи, но, видя быструю смѣну людей при Императорѣ, а также непріязненное отношеніе Его къ памяти и дѣламъ Августѣйшей Его Матери, Трощинскій нѣсколько разъ подавалъ прошенія объ увольненіи его и былъ наконецъ уволенъ 12 октября 1800 года. Однако, будучи и не у дѣлъ, онъ сохранилъ расположеніе къ себѣ

Государя и, находясь уже въ отставкѣ, онъ былъ пожалованъ командоромъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. Время своей отставки этотъ замѣчательный человѣкъ не терялъ даромъ: занимаясь всю свою жизнь самообразованіемъ, онъ въ 1800—1801 годахъ слушалъ лекціи въ Московскомъ университетѣ, гдѣ съ особенной страстью предавался изученію русской словесности; впрочемъ его литературные опыты не имѣли успѣха.

Можно было думать, что лучшее время для Трощинскаго настало съ началомъ новаго царствованія. Императоръ Александръ I, обѣщавшій въ Своемъ манифестѣ, что будетъ идти по стопамъ Своей Великой Бабки, вспомнилъ объ Ея вѣрномъ слугѣ: указомъ 13 марта 1801 г. Государь повелѣлъ ему состоять при Своей Особѣ «для исправленія дѣлъ, по особой Высочайшей довѣренности на него возложенныхъ»[1] и, сверхъ того, попрежнему, «быть главнымъ директоромъ почтъ и присутствовать въ сенатѣ, когда онъ, по настоящей своей должности, свободное время имѣть можетъ». Главнымъ дѣломъ Трощинскаго въ это время была организація Государственнаго Совѣта 1801 года, который проф. Ключевскій даже называетъ «совѣтомъ Трощинскаго». Однако онъ не умѣлъ проникнуться либеральными стремленіями молодого Императора, и его мало-по-малу оттѣснили друзья Государя графъ Кочубей, Новосильцевъ, князь Чарторижскій и графъ Строгановъ. Очень страннымъ поэтому кажется извѣстіе, сообщаемое въ «Памятныхъ замѣткахъ вологжанина» Ѳ. Фортунатова, со словъ одного изъ чиновниковъ Трощинскаго—А. А. Монакова, о томъ, что Монаковъ переписывалъ начисто указъ объ освобожденіи крестьянъ, который будто бы былъ составленъ Трощинскимъ и долженъ былъ быть объявленъ въ самый день коронаціи. Впрочемъ и самъ авторъ записокъ относится съ недовѣріемъ къ этому извѣстію.[2] Трощинскій до конца жизни, подобно Державину, оставался убѣжденнымъ крѣпостникомъ. Точно также несочувственно относился онъ и къ попыткамъ преобразованія государственныхъ учрежденій и по-

[1] Эта должность, по характеру своему, вполнѣ соотвѣтствовала позднѣйшей—Управляющаго Собственной Его Величества Канцеляріи.

[2] «Русскій архивъ», 1867 г., кн. 12, стр. 1675.

этому, когда послѣдовалъ манифестъ объ учрежденіи Министерствъ (8 сентября 1802 года), о которомъ Трощинскій узналъ только наканунѣ, онъ не скрывалъ своего неудовольствія и рѣшительно высказался въ пользу стараго коллегіальнаго начала. Тѣмъ не менѣе онъ самъ былъ назначенъ Министромъ Удѣловъ, оставаясь Главнымъ Директоромъ Почтъ, и пробылъ на этомъ посту до 9 іюня 1806 года, когда снова былъ уволенъ отъ службы по разстроенному здоровью. Послѣ этого онъ на время отказался отъ государственной дѣятельности и жилъ въ Малороссіи, посвятивъ себя устройству своихъ имѣній. Кромѣ того онъ занимался тамъ широкою благотворительностью и служилъ по выборамъ (полтавскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства). Въ 1814 году Трощинскій пріѣхалъ въ Петербургъ депутатомъ отъ дворянства своей губерніи для принесенія поздравленія по случаю возвращенія Государя изъ-за границы и благополучнаго окончанія военныхъ дѣйствій. Государь принялъ его очень милостиво и предложилъ ему занять постъ Министра Юстиціи. На этомъ новомъ посту Трощинскій явился ожесточеннымъ противникомъ выработаннаго Сперанскимъ проекта гражданскаго уложенія и болѣе всѣхъ содѣйствовалъ тому, что онъ не вошелъ въ силу. Какъ извѣстно проектъ гражданскаго уложенія Сперанскаго представлялъ собою попытку ввести у насъ цѣликомъ кодексъ Наполеона, а поэтому нельзя не признать заслуги консервативной партіи Государственнаго Совѣта, противившейся введенію у насъ совершенно чуждаго и не отвѣчавшаго условіямъ русскаго быта законодательства. Во время управленія Министерствомъ Юстиціи Трощинскаго были приняты мѣры для ускоренія разрѣшенія множества судебныхъ дѣлъ, накопившихся вслѣдствіе военныхъ событій. Онъ настойчиво старался отстаивать свою независимость, какъ Министра, отъ «Имѣющаго надзоръ и докладъ по дѣламъ Комитета Министровъ» всемогущаго Аракчеева и свое право докладывать дѣла лично Государю.[1]

---

[1] «Чтенія въ Имп. общ. исторіи и древн. россійскихъ при Московскомъ Университетѣ», 1859 г., кн. 4, смѣсь, стр. 49—54, «Записка Министра Юстиціи Трощинскаго о такихъ предметахъ, кои не могутъ быть вносимы въ Комитетъ Министровъ, а требуютъ личнаго доклада Государю Императору».

Сенаторъ

Д. П. Трощинскій

Управляющій Канцеляріей Императора Павла I

(1796 — 1800 гг.)

Состоявшій при Императорѣ Александрѣ I „для исправленія дѣлъ, по особой Высочайшей довѣренности на него возложенныхъ".

(1801 — 1802 гг.)

Столкновенія съ Аракчеевымъ равно какъ и съ другими государственными людьми, а также разстроенное здоровье, заставили его окончательно покинуть государственную службу (1817 г.). Остатки дней его протекли въ его любимой Малороссіи, въ имѣніи Кибинцахъ. Здѣсь имъ была собрана огромная библіотека, впослѣдствіи, къ сожалѣнію, пріобрѣтенная у наслѣдниковъ Трощинскаго за безцѣнокъ кіевскимъ книгопродавцемъ Федоровымъ и распроданная въ разныя руки. Въ этомъ имѣніи Гоголь впервые познакомился съ литературой и театромъ.

Трощинскій умеръ 26 февраля 1829 года. О характерѣ этого государственнаго дѣятеля современники даютъ разнорѣчивые отзывы. Человѣкъ, служившій подъ его начальствомъ, рисуетъ его такими чертами: «съ подчиненными своими Трощинскій былъ необыкновенно привѣтливъ и вѣжливъ: давая порученіе написать что-либо, онъ, обыкновенно, говорилъ лицу, къ которому относился: «не поставьте себѣ въ трудъ написать для меня». Просителямъ, имѣвшимъ до него надобность и обращавшимся къ нему, онъ постоянно говорилъ: «будьте благонадежны, будетъ сдѣлано для васъ все, что можно», и вообще никому на словахъ не отказывалъ».[1] Графъ Комаровскій[2] и Яковлевъ[3] въ своихъ запискахъ отмѣчаютъ въ немъ несимпатичныя черты: двоедушіе и завистливое отношеніе къ успѣхамъ по службѣ другихъ. Во всякомъ случаѣ это былъ не простой карьеристъ, что въ достаточной степени показываетъ твердость его убѣжденій. Ради нихъ онъ неоднократно жертвовалъ своимъ служебнымъ положеніемъ и удалялся въ родную Малороссію, не желая быть членомъ правительства, воззрѣній котораго онъ не раздѣлялъ. Замѣчательна также его любовь къ образованію! Бантышъ-Каменскій справедливо отнесъ его къ достопамятнымъ людямъ земли русской.[4]

---

[1] «Русскій архивъ», 1867 г., кн. 12, стр. 1674.

[2] Тамъ же, кн. 4, стр. 561 и 562.

[3] «Памятники новой русской исторіи», изд. Базунова, СПБ., 1873 г., т. 3, отд. 2, стр. 87.

[4] Литература о немъ: біографическія свѣдѣнія собраны у Н. Н. Бантыша-Каменскаго («Словарь достопамятныхъ людей русской земли», Москва, 1836, т. 5 стр. 150—156), у П. И. Иванова («Опытъ біографій Генералъ-Прокуроровъ и Министровъ Юстиціи», СПБ., 1864, стр. 127—

Аракчеевъ, графъ Алексѣй Андреевичъ, принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, совершенно исключительное положеніе которыхъ было причиной того, что современники, считая ихъ почти всемогущими, возлагали на нихъ отвѣтственность за всѣ свои невзгоды, часто не отдавая себѣ отчета, могъ ли въ дѣйствительности быть причиною ихъ одинъ человѣкъ. Объ Аракчеевѣ существуетъ такая литература, что требовалось бы спеціальное изслѣдованіе, чтобы основательно въ ней разобраться, и невозможно сдѣлать это попутно, какъ въ данномъ случаѣ, при составленіи исторіи учрежденія, во главѣ котораго стояло это видное историческое лицо; остается лишь попытаться, на основаніи доступнаго матеріала, отмѣтить положительныя и отрицательныя стороны нравственнаго и умственнаго образа Аракчеева, подходя къ нему совершенно безъ предвзятой мысли, не желая ни оправдывать, ни обвинять его, и попробовать оцѣнить его государственную дѣятельность. Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода, не игравшаго, впрочемъ, раньше видной роли. Всѣ ближайшіе предки его были военными. Отецъ его вышелъ въ отставку всего только въ чинѣ поручика и поселился въ Новгородской губерніи, гдѣ у него было очень маленькое помѣстье. Здѣсь у него 23 сентября 1769 года родился сынъ, которому предстояла такая блестящая будущность. Отецъ и мать Аракчеева были люди крутого нрава, и на долю будущаго историческаго дѣятеля выпало очень суровое дѣтство. Грамотѣ онъ выучился у сельскаго дьячка, а затѣмъ отецъ, съ большимъ трудомъ, опредѣлилъ его въ Артиллерійскій и Инженерный кадетскій корпусъ (впослѣдствіи

---

136) и въ особенности у А. Н. Попова («Сборникъ Русскаго Историческаго Общества», т. 3, стр. 2—22); настоящая біографія составлена по этимъ источникамъ съ нѣкоторыми поправками на основаніи документовъ архива Сената. Кромѣ того, свѣдѣнія о Трощинскомъ заключаются еще въ слѣдующихъ книгахъ: Богдановичъ, «Исторія царствованія Императора Александра I и Россіи въ Его время» СПБ., 1869—1871, Шильдеръ, «Императоръ Александръ I, Его жизнь и царствованіе», изданіе второе, СПБ., 1904—1905 и баронъ Корфъ, «Жизнь гр. М. М. Сперанскаго», СПБ., 1861. Наконецъ, много матеріала о немъ напечатано въ «Русскомъ архивѣ», въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ» и въ «Русской старинѣ».

2-ой С.-Петербургскій); этому способствовалъ матеріально Митрополитъ Петербургскій Серафимъ, получавшій отъ Императрицы Екатерины II деньги для раздачи бѣднымъ. Не знавшій ни дома, ни въ корпусѣ ласки, Аракчеевъ не могъ себѣ представить правильнаго воспитанія безъ строгости. Вотъ, между прочимъ, какія педагогическія правила впослѣдствіи преподавалъ онъ супругѣ одного изъ своихъ подчиненныхъ Марьѣ Андреевнѣ Персидской: «Я самъ имѣю воспитанника вмѣсто сына и люблю его не менѣе сына, но всегда строго взыскиваю съ него и не балую его, ибо меня мой родитель часто сѣкалъ, а потому я и безъ воспитанія моднаго вышелъ въ люди. А вы нынѣ не успѣете сыновей одѣть въ мундиръ, да уже съ ними обращаетесь какъ съ друзьями. Жалкое дѣло! а послѣдствіе оному вы имѣете на опытѣ».[1] Во время прохожденія курса въ корпусѣ Аракчеевъ былъ всегда лучшимъ ученикомъ и по наукамъ и по фронту, и ему поручали занятія съ менѣе успѣвавшими товарищами. По окончаніи курса въ корпусѣ Аракчеевъ, какъ лучшій ученикъ, былъ оставленъ офицеромъ при немъ, и директоръ генералъ-поручикъ Мелиссино принялъ въ немъ самое горячее участіе. По рекомендаціи Мелиссино онъ давалъ уроки въ семьѣ извѣстнаго вельможи князя Н. И. Салтыкова, а тотъ рекомендовалъ его Наслѣднику Великому Князю Павлу Петровичу, желавшему имѣть инструктора для Своей гатчинской артиллеріи. Назначеніе Аракчеева 8 октября 1792 года командиромъ артиллерійской роты Наслѣдника вмѣстѣ съ пожалованіемъ его въ капитаны и съ предоставленіемъ права постоянно обѣдать у Великаго Князя были первою ступенью быстраго возвышенія Аракчеева. Аракчеевъ работалъ неустанно и безъ сомнѣнья этимъ заслужилъ расположеніе Наслѣдника; иначе чѣмъ бы могъ выдвинуться молодой мелкопомѣстный дворянинъ безъ всякихъ связей. Ввѣренную ему часть онъ поставилъ образцово и въ то же время не переставалъ заниматься своей любимой наукой, которой увлекался еще въ корпусѣ,—математикой; этому вле-

[1] Н. Дубровинъ, «Письма главнѣйшихъ дѣятелей въ царствованіе Императора Александра I (съ 1807—1829 г.)», СПБ., 1883 г., стр. 382.

ченію онъ остался вѣренъ всю жизнь и впослѣдствіи переписывался со знаменитымъ Лобачевскимъ. Его богатая грузинская библіотека, которую онъ собиралъ всю свою жизнь, была наполнена главнымъ образомъ математическими книгами, особенно по прикладнымъ частямъ этой науки. Едва ли многіе въ то время могли съ нимъ поспорить въ знаніи механики, а поэтому разсказы объ его кругломъ невѣжествѣ ни на чемъ не основаны. Таковъ, напримѣръ, отзывъ о немъ знаменитаго графа Жозефа де-Местра: «весьма свѣдущіе судьи увѣряютъ, что онъ едва ли сумѣлъ бы прицѣлить пушку».[1] Эти «свѣдущіе судьи» были, несомнѣнно, тѣ придворные генералы, которые, несмотря на свои связи, были опережены по службѣ Аракчеевымъ и которымъ, конечно, было далеко до него въ знаніи артиллеріи. Среди придворнаго общества Аракчеевъ всегда выдѣлялся грубостью и рѣзкостью манеръ, что коробило того же де-Местра, хотя въ прославленіи розогъ грубый русакъ, вышедшій изъ военной школы, никогда не возвышался до такого краснорѣчія, какъ этотъ тонкій и изящный аристократъ, воспитанный іезуитами.

Со вступленіемъ на Престолъ Императора Павла Аракчеевъ былъ осыпанъ милостями и назначенъ С.-Петербургскимъ Комендантомъ. Вотъ какъ онъ самъ перечисляетъ полученныя имъ награды: «Ноября 8-го дня 1796 г., пожалованъ Алексѣй Аракчеевъ генералъ-маіоромъ и кавалеромъ 1-й степени Св. Анны. Декабря 12-го 1796 года, пожалована Алексѣю Аракчееву Грузинская вотчина, 2000 душъ. Апрѣля 5-го 1797 г. пожалованъ А. Аракчеевъ барономъ Россійской Имперіи и орденомъ Св. Александра Невскаго. Января 5-го дня, 1799 года, пожалованъ Алексѣй Аракчеевъ орденомъ Іоанна Іерусалимскаго, съ командорствомъ по 1000 рублей въ годъ. Мая 5-го дня, 1799 года пожалованъ Алексѣй Аракчеевъ графомъ Россійской Имперіи»....[2] Къ этому же времени относится сближеніе Аракчеева съ будущимъ Императоромъ Александромъ I. Вотъ что онъ самъ объ этомъ

[1] «Русскій архивъ», 1871 г., стр. 118.

[2] Тамъ же, 1866 г., кн. 6, стр. 922 и 923.

впослѣдствіи разсказывалъ: «Мы всегда и давно были друзьями съ покойнымъ Государемъ Александромъ Павловичемъ. Разъ какъ-то мы поссорились. Императоръ Павелъ Петровичъ, узнавъ о томъ, призвалъ обоихъ насъ въ кабинетъ и заставилъ помириться, уговаривая, чтобы и впредь мы не ссорились, а были друзьями».[1] Отъ этого времени сохранилась масса разсказовъ о грубости и жестокости Аракчеева; достовѣрность ихъ далеко не всегда безспорна въ виду того, что клевета не разъ преслѣдовала графа въ теченіе его жизни. Впрочемъ и Аракчеевъ испыталъ на себѣ непостоянный характеръ Государя. 18 марта 1798 года онъ былъ вдругъ уволенъ отъ службы генералъ-лейтенантомъ, но уже 22 декабря того же года былъ назначенъ Генералъ-Квартирмейстеромъ. Послѣдняя должность, которую онъ занималъ въ это царствованіе, была Инспектора всей артиллеріи.

Какъ извѣстно, въ концѣ царствованія Аракчеевъ снова подвергся опалѣ, о причинахъ которой разсказывали различно: по однимъ извѣстіямъ, она была вызвана жестокимъ обращеніемъ Аракчеева съ подчиненными, по другимъ же—ложнымъ донесеніемъ Государю о происшедшей кражѣ знамени; теперь, однако, обстоятельства заставляютъ думать, что причиной опалы были происки заговорщиковъ, стремившихся удалить отъ Государя единственнаго безгранично преданнаго Ему человѣка.[2] Поэтому, естественно, что Императоръ Александръ I вскорѣ послѣ Своего восшествія на Престолъ вызвалъ Аракчеева изъ изгнанія: въ немъ Онъ видѣлъ человѣка испытанной вѣрности, а слѣдовательно, не имѣетъ основанія и отзывъ Жозефа де-Местра: «прихоть удалила его въ концѣ царствованія, другая прихоть возвратила его въ Петербургъ».[3] При всей внѣшней грубости и черствости, одна черта была отличительной въ характерѣ Аракчеева,—это глубокая благодарность людямъ, которые ему когда-либо сдѣлали добро: впослѣдствіи у него въ Грузинѣ

---

[1] Ратчъ, «Біографія графа Аракчеева», Военный сборникъ, 1861 г.

[2] С. Панчулидзевъ, «Исторія Кавалергардовъ», СПБ., 1901 г., т. 2, стр. 278.

[3] «Русскій архивъ», 1871 г., стр. 118.

былъ воздвигнутъ памятникъ въ честь его благодѣтеля генерала Мелиссино; облагодѣтельствованный двумя Монархами, онъ былъ беззавѣтно Имъ преданъ и вполнѣ оправдалъ девизъ, начертанный Императоромъ Павломъ на его гербѣ, при пожалованіи его въ графы: «безъ лести преданный». На ряду съ этимъ, другой чертой графа была глубокая искренняя набожность: «Богъ и Царь» были для него все. Этими чувствами не разъ пользовались недостойные люди въ своихъ видахъ, и Аракчеевъ могъ дѣлать подъ ихъ вліяніемъ очень вредные для государства шаги, но искренность его едва ли подлежитъ сомнѣнію.

Аракчеевъ снова былъ принятъ на службу 14 мая 1803 года Инспекторомъ всей артиллеріи, а затѣмъ 13 января 1808 года онъ былъ назначенъ Военнымъ Министромъ. Великой заслугой Аракчеева является хорошая постановка у насъ артиллеріи. Вотъ отзывъ Богдановича, военнаго историка, весьма строгаго и предубѣжденнаго противъ Аракчеева: «съ назначеніемъ графа Аракчеева военнымъ министромъ начался рядъ важныхъ преобразованій и постановленій по части артиллеріи: приступлено къ преобразованію Сестрорѣцкаго оружейнаго завода; составлены подробныя инструкціи для пріема артиллерійскихъ орудій и артиллерійскихъ снарядовъ; учреждены для исправленія артиллеріи подвижные арсеналы при непремѣнныхъ (постоянныхъ) арсеналахъ: Петербургскомъ, Брянскомъ и Кіевскомъ; для усовершенствованія, какъ теоріи, такъ и практики, артиллерійскаго искусства учрежденъ «Ученый Комитетъ по Артиллерійской части», подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ генералъ-инспектора всей артиллеріи. Вообще же русская артиллерія, съ 1803 года, когда управленіе ею было ввѣрено графу Аракчееву, получила несравненно лучшую организацію: отмѣненъ служившій для возки орудій фурштатъ (обозный личный составъ), и обязанность его возложена на часть строевой прислуги, въ чемъ мы опередили нѣсколькими годами всѣ иностранныя артиллеріи. Улучшена конструкція орудій, облегчены полевые лафеты, упрощены оковки ихъ, приняты снова двухъ-колесные, зарядные ящики, вмѣсто четырехъ-колесныхъ, введенныхъ при Императорѣ Павлѣ, и вообще система нашей полевой артиллеріи устроена такъ удобно, что могла существо-

вать безъ важныхъ измѣненій сорокъ лѣтъ, до 1846 года. Улучшеніе технической части и строгій надзоръ за арсенальными работами довели ихъ до высокаго совершенства: желая удостовѣриться въ однообразіи частей лафетовъ, графъ Аракчеевъ приказывалъ присылать ихъ въ Петербургъ изъ различныхъ арсеналовъ и въ присутствіи своемъ собирать изъ нихъ полные лафеты. Полковая артиллерія, приносившая мало пользы, по сформированіи въ 1807 году артиллерійскихъ бригадъ, была окончательно отдѣлена отъ полковъ».[1] Эта реформа имѣла плодотворныя послѣдствія во время войнъ съ французами.

Посмертный врагъ Аракчеева Н. К. Шильдеръ не можетъ пройти молчаніемъ проявленныя Аракчеевымъ за время управленія артиллеріей черты человѣколюбія: «Такъ, напримѣръ,» пишетъ онъ, «осматривая въ 1804 году, по занимаемой имъ должности инспектора артиллеріи, арсеналы и пороховые заводы, графъ Аракчеевъ писалъ Императору Александру изъ Брянска: «нашелъ я еще въ здѣшнемъ городѣ несчастнаго офицера Путвинскаго, который, бывъ выпущенъ изъ гродненскаго корпуса въ нынѣшнемъ году, 22-го января, въ прапорщики въ Борисоглѣбскій драгунскій полкъ, расположенный на кавказской линіи, и не доѣзжая сего города, опрокинута была ямщикомъ его кибитка, отчего и переломило ему лѣвую руку въ двухъ мѣстахъ. Молодой, жалкій человѣкъ началъ нынѣ выздоравливать, но въ кавалеріи служить будетъ уже неспособенъ, то и проситъ о переводѣ въ пѣхотный полкъ, не имѣя чѣмъ содержаться; я осмѣлился изъ находящихся у меня вашихъ дорожныхъ денегъ оставить ему Именемъ

[1] Богдановичъ, «Исторія царствованія Императора Александра I и Россіи въ Его время», СПБ., 1869 г., т. 2, стр. 368, 369. Нельзя не упомянуть, конечно, о томъ, что въ 1805 году Аракчеевъ находился при Государѣ во время Аустерлицкой битвы, но разсказы объ его трусости, сообщаемые покойнымъ Н. К. Шильдеромъ, въ его блестящемъ трудѣ, рѣшительно не подтверждаются никакими современными извѣстіями (своихъ источниковъ авторъ не называетъ). Если бы Аракчеевъ дѣйствительно показалъ себя трусомъ, то при той ненависти, которую къ нему питали современники, какую бы богатую пищу для злословія дало это обстоятельство, которое, конечно, не могло остаться въ тайнѣ. Однако, всѣ современники, въ томъ числѣ и декабристы, молчатъ объ этомъ. Точно также, вѣроятно, преувеличено вліяніе французскаго эмигранта де-Барбиша на реформу нашей артиллеріи. (Объ этомъ вліяніи сообщено «старымъ артиллеристомъ» Гавріиломъ Михайловичемъ Юрьевымъ Богдановичу).

Вашего Величества». Затѣмъ, осмотрѣвъ въ томъ же году Шостенскій пороховой заводъ, Аракчеевъ писалъ: «люди обмундированы всѣ сполна, положенное по законамъ получили безъ изъятія и благословляютъ Имя Вашего Императорскаго Величества за положенную десятикопѣишную ежедневную порцію, которой они очень достойны, ибо, выключая ежедневной, тяжелой, опасной работы, и мѣсто, занимаемое заводомъ, чрезвычайно дурно и нездорово, окружено будучи со всѣхъ сторонъ болотами и уединено отъ всѣхъ постороннихъ селеній. Люди принесли мнѣ двѣ жалобы, 1-ю, что они, будучи въ 1802 году употреблены на построеніе при оныхъ заводахъ плотины, не получили никакой сверхъ жалованья своего платы. Вторую, что имѣющіе дѣтей не получаютъ на оныхъ провіанта, когда во всемъ Вашего Величества войскѣ оные довольствуются, почему первое остается отъ милосердаго Вашего разрѣшенія, а о второмъ отнесся я чрезъ министра военныхъ силъ. Осмѣлился бы просить у Вашего Императорскаго Величества симъ бѣднымъ по рублю, ежели бы не боялся онымъ наскучить. Число же ихъ 520 человѣкъ».[1] Однако и въ позднѣйшее время въ Аракчеевѣ можно отмѣтить такія черты, вопреки словамъ Н. К. Шильдера (выше приведены примѣры готовности его прійти на помощь нуждающимся семьямъ ветерановъ, заботливости его о служащихъ подъ его начальствомъ и т. д.).

Затѣмъ, наряду съ этими чертами и работоспособностью, слѣдуетъ упомянуть о присущей Аракчееву большой практичности, которою обладали очень немногіе изъ его современниковъ. У наиболѣе работоспособныхъ и умныхъ государственныхъ людей его времени, какъ Мордвиновъ и Сперанскій, часто отсутствовали именно способности практиковъ, теорія преобладала надъ практикой. Эта практичность проявилась въ управленіи Аракчеева Грузинской вотчиною. Объ Аракчеевѣ, какъ о помѣщикѣ, есть очень обширная статья Н. К. Отто въ «Древней и новой Россіи» за 1875 годъ («Черты изъ жизни графа Аракчеева»).

---

[1] Шильдеръ, «Императоръ Александръ I, Его жизнь и царствованіе», СПБ. 1904 г., изданіе второе, т. 2, стр. 113 и 114.

Къ сожалѣнію, авторъ внесъ въ свою статью безъ всякой критики, наравнѣ съ подлинными документами, и массу того, что онъ узналъ по наслышкѣ изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ. А что къ разсказамъ объ Аракчеевѣ, какъ помѣщикѣ, нужно относпться осмотрительно, показываетъ слѣдующій фактъ. Нѣкто Романовичъ увѣрялъ въ своихъ воспоминаніяхъ, будто бы онъ былъ командированъ отъ Аракчеевскаго полка поздравить шефа съ праздникомъ Пасхи въ 1834 году и вслѣдствіе этого находился при послѣднихъ минутахъ графа. Онъ сообщаетъ множество разсказовъ о безсмысленныхъ жестокостяхъ грузинскаго помѣщика.[1] Однако одинъ изъ близкихъ къ графу людей доказалъ, что Романовичъ даже не находился въ Грузинѣ при смерти графа.[2]

Разбирая подлинныя распоряженія грузинскаго помѣщика, всякій непредубѣжденный человѣкъ не можетъ не видѣть наряду съ излишней часто строгостью и мелочностью немало и цѣлесообразныхъ мѣръ для блага крѣпостного населенія: такова, напримѣръ, постановка медицинской части и заботы о распространеніи среди крестьянъ свѣдѣній по гигіенѣ. Особенно замѣчательно то, что въ Грузинѣ былъ основанъ Аракчеевымъ мірской крестьянскій банкъ, существовавшій еще въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія и располагавшій тогда капиталомъ до тридцати тысячъ рублей. Аракчеевъ пожертвовалъ въ него десять тысячъ рублей и напечаталъ «Положеніе о заемномъ банкѣ для крестьянъ Грузинской вотчины», которымъ банкъ руководствовался во все время своего существованія. Много ли было такихъ примѣровъ въ имѣніяхъ даже самыхъ просвѣщенныхъ и либеральныхъ помѣщиковъ!.. Въ Грузинѣ была прекрасно поставлена пожарная часть, недостатокъ въ которой до сихъ поръ чувствуется въ нашихъ деревняхъ... Что крестьяне Аракчеева не были разорены,—это доказывается тѣмъ, что между ними были заурядпымъ явленіемъ такіе, которые имѣли четыре и даже шесть

[1] «Русскій архивъ», 1868 г., кн. 2, стр. 288 и 289.

[2] Тамъ же, кн. 6, стр. 951.

коровъ. Послѣднее оправдываетъ слова Императора Александра I въ рескриптѣ графу Аракчееву отъ 21 іюля 1810 года. «Бывъ личнымъ свидѣтелемъ того обилія и устройства, которое въ краткое время, безъ принужденія, однимъ умѣреннымъ и правильнымъ разпредѣленіемъ крестьянскихъ повинностей и тщательнымъ ко всѣмъ нуждамъ ихъ вниманіемъ, успѣли вы ввести въ вашихъ селеніяхъ, я поспѣшаю изъявить вамъ истинную мою признательность за удовольствіе, которое вы мнѣ симъ доставили. Когда съ дѣятельною государственною службою сопрягается примѣръ частнаго добраго хозяйства, тогда и служба и хозяйство получаютъ новую цѣну и уваженіе».[1]

Несомнѣнно, что подъ впечатлѣніемъ видѣннаго въ имѣніяхъ Аракчеева Императоръ Александръ I рѣшилъ поставить его во главѣ учреждавшихся тогда военныхъ поселеній.[2] Въ настоящее время установлено, что идея поселеній исходила не отъ Аракчеева; первымъ сторонникомъ ея въ Россіи былъ Мордвиновъ, человѣкъ, какъ извѣстно, либеральныхъ воззрѣній и пользовавшійся большимъ уваженіемъ у современниковъ.[3] Съ одной стороны Государь не могъ примириться съ мыслью, что русскій солдатъ лишенъ возможности семейной жизни, а съ другой—содержаніе арміи и въ мирное время было признано слишкомъ тяжелымъ для государства. Поэтому Мордвиновъ, человѣкъ, безъ сомнѣнія, благонамѣренный, но совершенный теоретикъ, представилъ Императору, подъ вліяніемъ опытовъ Шарнгорста въ Пруссіи, проектъ устройства военныхъ поселеній. Аракчеевъ сначала протестовалъ противъ этой мѣры и предлагалъ даже сократить срокъ службы

[1] «Древняя и новая Россія», 1875 г., кн. 4, стр. 390 и 391.

[2] Первая попытка была сдѣлана еще въ 1810 г., поселеніемъ запасного баталіона Елецкаго мушкатерскаго полка, въ Могилевской губерніи, но Отечественная война остановила развитіе этого учрежденія. Организація военныхъ поселеній возобновилась по возвращеніи арміи изъ-за границы. Всѣмъ поселеннымъ войскамъ 3 февраля 1821 года было присвоено наименованіе Отдѣльнаго Корпуса военныхъ поселеній, въ званіи Главнаго Начальника которыхъ состоялъ графъ Аракчеевъ.

[3] «Архивъ графовъ Мордвиновыхъ», СПБ., 1902, т. 4, стр. 13. «Всеподданнѣйшіе доклады, 924. Усадьбы для полковъ». Позднѣйшая приписка рукою Мордвинова: «видя невозможность въ уменьшеніи великаго числа содержимыхъ войскъ, мнѣніе сіе предложено было въ разговорѣ, и при семъ случаѣ написана была сія записка 1810 г. іюля 10-го».

для солдатъ съ 25-ти лѣтъ на 8, но, какъ всегда, привыкнувъ безусловно исполнять волю Государя, подчинился ей и на этотъ разъ и даже сдѣлался исполнителемъ ея.[1] Какъ извѣстно, поселенные полки не могли примириться со своимъ ненормальнымъ положеніемъ, и среди поселеній начались страшные бунты. Исторія этого учрежденія еще ждетъ безпристрастнаго изслѣдованія, что совершенно не входитъ въ задачу настоящаго труда. Едва ли справедливо только въ данномъ случаѣ возлагать все бремя отвѣтственности передъ потомствомъ исключительно на одного Аракчеева. Правда, судъ надъ возставшими военными поселянами сопровождался страшными жестокостями, но вѣдь нужно помнить, каковы были наши военные уставы, не смягченные гуманнымъ царствованіемъ незабвеннаго Царя Освободителя. Съ своей стороны, Аракчеевъ, насколько могъ, смягчалъ участь подсудимыхъ и достигъ совершеннаго помилованія тѣхъ, которые принесли раскаяніе. Между тѣмъ извѣстный военный историкъ А. Н. Петровъ относитъ на счетъ Аракчеева даже злоупотребленія подчиненныхъ графа, хотя послѣдніе и были наказаны самымъ строгимъ образомъ.[2] Аракчееву все время приходилось сдерживать своихъ подчиненныхъ, какъ показываютъ письма его, напечатанныя тѣмъ же Петровымъ. Такъ, 24-го

[1] «Записки князя С. П. Трубецкаго (декабриста)», изданіе его дочерей, СПБ., 1906 г., стр. 15. Проф. Середонинъ сообщаетъ любопытную приписку Аракчеева, по поводу мнѣнія Комитета Министровъ, показывающую, что онъ не увлекался военными поселеніями: «въ казну было куплено для присоединенія къ Сестрорѣцкому заводу имѣніе Линдолово; Комитетъ опредѣлилъ: изъ числа крѣпостныхъ людей имѣнія: 154 чел. зачислить въ оружейники, 135 дѣтей помѣстить въ кантонисты, а 28 чел., по старости не способныхъ къ работамъ, оставить въ имѣніи для легкихъ занятій; Аракчеевъ пишетъ: «вотъ также поселеніе, но кажется хуже *вашего*, ибо собственность крестьянъ уничтожена». («Историческій обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ», т. I, «Комитетъ Министровъ въ царствованіе Императора Александра Перваго (1802 г. сентября 8—1825 г. ноября 19)», составилъ С. М. Середонинъ. Изданіе Канцеляріи Комитета Министровъ СПБ., 1902, стр. 30). Каково было вліяніе Мордвинова, показываетъ приведенный тѣмъ же проф. Середонинымъ случай, когда мнѣніе Мордвинова Государь предпочелъ мнѣнію всего Комитета Министровъ вмѣстѣ съ графомъ Аракчеевымъ (стр. 37). Что касается Аракчеева, то онъ никогда не настаивалъ на своемъ мнѣніи, видя, что оно расходится съ мнѣніемъ Государя.

[2] «Устройство и управленіе военныхъ поселеній въ Россіи», историческій обзоръ полковника А. Н. Петрова въ книгѣ: «Матеріалы къ новѣйшей отечественной исторіи. Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія 1809—1831 г.», изданіе «Русской Старины», 1871 г.

февраля 1825 года, онъ писалъ генералу Маевскому: «касательно заговора на Базанкура, вы, кажется, много розыскиваете людей; въ подобныхъ дѣлахъ нужно имѣть въ виду, что чемъ менѣе будетъ виновныхъ, тѣмъ лучше; а надобно только найти тѣхъ однихъ зачинщиковъ, и обоихъ представить ко мнѣ формальнымъ рапортомъ, съ вашимъ мнѣніемъ, ибо дѣла сего рода не могутъ иначе производиться, какъ формою закона; но нужно представить объ однихъ зачинщикахъ, и менѣе людей въ ономъ забирать подъ караулъ и шевелить, дабы не сдѣлать изъ мухи слона».[1] Въ заключеніе слѣдуетъ замѣтить, что бунты военныхъ поселеній еще болѣе усилились послѣ удаленія Аракчеева отъ управленія ими (1826 г.).

Въ 1810 году, послѣ учрежденія Государственнаго Совѣта, Аракчеевъ занялъ мѣсто Предсѣдателя Департамента Военныхъ Дѣлъ, а на посту Военнаго Министра его смѣнилъ знаменитый Барклай-де-Толли. Къ этому времени относится непродолжительная опала Аракчеева, виновниками которой были его прежній покровитель князь Н. И. Салтыковъ, завидовавшій теперь успѣхамъ своего бывшаго подчиненнаго, князь А. Н. Голицынъ и Д. А. Гурьевъ (впосл. графъ). Однако, милость Государя была скоро возвращена Аракчееву. Въ приснопамятный двѣнадцатый годъ онъ находился неотлучно при Государѣ и, вмѣстѣ съ Шишковымъ и Балашевымъ, подалъ Государю извѣстное прошеніе, убѣдившее Его оставить дѣйствующую армію. Въ званіи Члена Комитета, состоявшаго при Императорѣ, онъ принималъ участіе въ организаціи окружныхъ ополченій и присутствовалъ въ совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ князя Салтыкова, въ которомъ первый подалъ голосъ въ пользу назначенія Кутузова Главнокомандующимъ обѣихъ армій. Съ 17 іюня 1812 года онъ вступилъ въ управленіе Собственной Его Величества Канцеляріей, которая сначала существовала негласно. Заграничное путешествіе Государя въ 1813—14 г.г. еще болѣе содѣйствовало сближенію Его съ находившимся при Немъ Аракчеевымъ. Выше сказано объ Арак-

[1] «Устройство и управленіе военныхъ поселеній въ Россіи», историческій обзоръ полковника А. Н. Петрова въ книгѣ: «Матеріалы къ новѣйшей отечественной исторіи. Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія 1809—1831 г.», стр. 290.

чеевѣ, какъ объ Управляющемъ Собственной Его Величества Канцеляріей, объ его трудахъ по устройству Смоленской губерніи и о назначеніи его Докладывающимъ по дѣламъ Комитета 18 августа 1814 года. 24 декабря 1815 года Аракчеевъ былъ назначенъ для надзора и доклада по дѣламъ Комитета Министровъ. Вотъ какъ характеризуетъ его на этомъ посту проф. Середонинъ, строго руководствуясь архивнымъ матеріаломъ: «Аракчеевъ является не такимъ, какимъ его представляли современники и изображаютъ историки. Онъ наводитъ для своего Царя справки о лицахъ, но не подсказываетъ Ему, кого назначить на свободное мѣсто; онъ смотритъ за казенной деньгой и боится, чтобы она не перепадала людямъ, и безъ того имѣющимъ; суровый графъ неоднократно заботится о бѣдныхъ и даже онъ какъ будто сочувствуетъ крестьянамъ. Съ хорошей стороны рисуетъ графа и его скромность: онъ часто отказывается отъ подачи мнѣнія и предлагаетъ Государю выслушать сначала людей, знающихъ всѣ мѣстныя обстоятельства; онъ же ходатай за областныхъ начальниковъ предъ Государемъ и не даетъ ихъ въ обиду центральнымъ учрежденіямъ. Надъ Аракчеевымъ тяготѣетъ обвиненіе въ лицемѣріи,—возможно, слѣд., предположеніе, что, точно зная характеръ Государя, онъ наводилъ на рѣшенія, которыя должны были быть пріятны Государю, въ разрѣшеніе этого вопроса нѣтъ возможности входить, но нельзя не замѣтить, что всѣ его предложенія относились къ пользѣ дѣла. Во вторыхъ, безспорная заслуга Аракчеева, что въ управленіе государствомъ онъ вносилъ вліяніе лучшихъ сторонъ характера Императора».[1] Наряду съ этимъ, мнѣнія Аракчеева носятъ отпечатокъ свойственной ему практичности, въ противоположность мнѣніямъ многихъ другихъ Членовъ Комитета. Проф. Середонинъ разсказываетъ слѣдующій случай: «въ 1821 г. января 15 военный министръ представлялъ Комитету о своемъ затрудненіи: слѣдуетъ по нынѣшнему же зимнему пути перевести изъ Петербурга къ войскамъ въ Полтаву, Изюмъ, Лубны и другіе города 241 фуру: одни

[1] С. М. Середонинъ, «Историческій обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ», т. I. стр. 32—33.

подрядчики просятъ за перевозку свыше 60.000 р. съ тѣмъ, чтобы имъ выдана была впередъ третья часть денегъ, а сами они представляютъ узаконенные залоги; другіе уступаютъ изъ этой суммы больше 14.000 р., но не только не представляютъ залоговъ, но и не принимаютъ даже на свою отвѣтственность остановокъ, которыя могутъ случиться въ дорогѣ. Комитетъ рѣшилъ: «для лучшей благонадежности» передать перевозку тѣмъ, кто представитъ залоги, и по краткости времени, удобнаго для перевозки, положеніе это привести въ исполненіе. При этомъ гр. Аракчеевъ замѣтилъ въ Комитетѣ, что перевозка каждой фуры обойдется слишкомъ въ 250 р., тогда какъ самыя фуры стоятъ не болѣе 300 р. каждая, и что, по мнѣнію его, удобнѣе и выгоднѣе было бы отправить фуры въ ближайшія мѣста, а между тѣмъ снестись съ военнымъ начальствомъ, не приметъ ли оно на себя постройку новыхъ фуръ по цѣнамъ болѣе умѣреннымъ; ввиду же единогласнаго рѣшенія Комитета, мнѣніе его, добавлялъ гр. Аракчеевъ, можетъ остаться однимъ разсужденіемъ, не останавливая исполненія. Государь противъ этой статьи написалъ: «*гораздо основательнѣе было бы исполнить по твоему мнѣнію*».[1]

На выработанныхъ Аракчеевымъ въ 1816 г. основаніяхъ былъ образованъ капиталъ для оказанія помощи увѣчнымъ и раненымъ воинамъ.

Тою же практичностью отличался и проектъ по крестьянскому вопросу, составленный графомъ въ 1818 году по Высочайшему повелѣнію. Государь предложилъ ему трудную задачу: проектъ не долженъ былъ заключать въ себѣ ничего стѣснительнаго для помѣщиковъ. Аракчеевъ, указавъ, какъ задолженность помѣщиковъ казнѣ растетъ съ каждымъ годомъ, предлагалъ выкупать ихъ крестьянъ на казенный счетъ. Для этого, по его проекту, должна была быть основана особая комиссія съ ежегоднымъ отпускомъ на нее пяти милліоновъ рублей изъ откупной суммы. Если бы это оказалось затруднительнымъ для Министерства Финансовъ, то Аракчеевъ предлагалъ выпускать ежегодно по десяти тысячъ билетовъ Государственнаго Казначейства по пятисотъ

[1] С. М. Середонинъ, «Историческій обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ», т. I, стр. 408—409.

рублей каждый, съ тѣмъ, чтобы они приносили продавцу имѣнія 5%, ходили наравнѣ съ наличными деньгами и были принимаемы въ залоги по откупамъ и подрядамъ наравнѣ съ билетами Сохранной Казны, Опекунскихъ Совѣтовъ, Государственнаго Заемнаго Банка и пр. Какъ математикъ, Аракчеевъ высчиталъ въ цифрахъ, сколько крестьянъ такимъ образомъ должны получить свободу. Его проектъ, кромѣ этой положительной стороны, былъ очень цѣненъ своей отрицательной,—безпощадной критикой безземельнаго освобожденія крестьянъ, которое тогда энергично пропагандировалъ Мордвиновъ.[1] Оно уже было примѣнено въ Остзейскомъ краѣ. Проектъ Аракчеева, повидимому, былъ принятъ Государемъ и долженъ былъ быть приведенъ въ исполненіе, но внѣшнія событія, вызвавшія перемѣну въ настроеніи Государя, помѣшали его осуществленію.

Нельзя не указать, что Аракчеевымъ былъ рекомендованъ лучшій русскій Министръ Финансовъ Е. Ф. Канкринъ (назначенъ въ 1823 г.; впослѣдствіи графъ), среди дѣятелей времени Императора Александра I отличавшійся такимъ же умомъ практика.

Есть основаніе думать, что Аракчеевъ содѣйствовалъ возвращенію къ государственной дѣятельности Сперанскаго, такъ какъ письма послѣдняго къ нему проникнуты глубокой признательностью.[2] Аракчеевъ, въ свою очередь, глубоко уважалъ Сперанскаго. Говорятъ, что когда Сперанскій былъ въ Грузинѣ, Аракчеевъ сказалъ окружающимъ его: «если бъ у меня была половина ума этого человѣка, я бы считалъ себя великимъ человѣкомъ».

Что Аракчеевъ не былъ вполнѣ чуждъ интереса къ распространенію образованія, то это лучше всего показываетъ его сочувствіе къ

[1] Мнѣніе Аракчеева въ рукописи, принадлежащей П. Я. Дашкову. Оно изложено, хотя не вполнѣ, Н. А. Милютинымъ въ Историческомъ сборникѣ, издававшемся Петромъ Бартеневымъ, «Девятнадцатый вѣкъ», Москва, 1872, кн. 2, стр. 146—149, а также въ цитированномъ трудѣ Шильдера, т. 4, стр. 44—45.

[2] См. соч. гр. М. А. Корфа «Жизнь гр. М. М. Сперанскаго», а также цитированную книгу Н. Дубровина: «Письма главнѣйшихъ дѣятелей въ царствованіе Императора Александра I». Гр. М. А. Корфъ, видимо, старается представить Аракчеева въ возможно болѣе невыгодномъ свѣтѣ.

основанному въ Харьковѣ извѣстнымъ В. Н. Каразинымъ Филотехническому обществу, почетнымъ членомъ котораго онъ состоялъ. Особенно интересно его отношеніе къ ланкастерскимъ школамъ. Общество, устраивавшее ихъ (1819 г.), избрало въ свои члены нѣсколько видныхъ сановниковъ. Предсѣдатель общества графъ Ѳ. П. Толстой объѣзжалъ послѣднихъ, чтобы возбудить ихъ сочувствіе къ дѣлу. Никто его не принялъ, кромѣ Аракчеева. Но вотъ каковъ былъ пріемъ у графа Аракчеева по разсказу самого Толстого: «Пріѣхавъ къ деревянному, одноэтажному, на Литейной, дому, въ которомъ жилъ Аракчеевъ, я отворилъ дверь, выходившую на небольшую деревянную лѣстницу, ведущую въ комнаты; передъ дверью встрѣтилъ меня унтеръ-офицеръ, въ сюртукѣ, съ галунами на воротникѣ и обшлагахъ, съ вопросомъ: «кого вамъ нужно?»

— Мнѣ нужно графа Аракчеева, и потому покажите, какъ мнѣ пройти въ пріемную, а тамъ я найду кого-нибудь, кто-бы доложилъ его сіятельству о моемъ пріѣздѣ.

Со многими вопросами и подробностями впустилъ меня унтеръ-офицеръ на лѣстницу, по которой я вошелъ въ небольшую переднюю, гдѣ меня встрѣтилъ писарь унтеръ-офицерскаго чина, съ такимъ же вопросомъ, какъ и внизу: «кого вамъ надо?» — и получилъ тотъ же отвѣтъ, что мнѣ нужно видѣть графа Аракчеева и передать письмо.

— «Этого нельзя, пожалуйте ваше письмо, я передамъ его дежурному адъютанту, а онъ передастъ дежурному штабъ-офицеру».

— Письма моего я ни вамъ, ни адъютанту, ни дежурному штабъ-офицеру и никому кромѣ самого графа не дамъ, а проводите меня въ канцелярію, гдѣ бы я могъ найти человѣка, который бы могъ доложить о моемъ пріѣздѣ.

Меня ввели въ канцелярію. Это была большая комната, раздѣленная, въ длину, пополамъ перегородкой: первая половина,—въ родѣ пріемной, а вторая—канцелярія. Проводившій меня въ пріемную писарь исчезъ отъ меня въ канцеляріи. Черезъ нѣсколько времени пришелъ ко мнѣ дежурный адъютантъ и довольно надменно спросилъ:

— «Что вамъ надо отъ графа?»

Генералъ отъ артиллеріи
Графъ А. А. Аракчеевъ
Управляющій Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріей.
(1812 — 1825 гг.)

—Что мнѣ надо отъ графа, это я скажу самому графу, когда буду имѣть честь говорить съ его сіятельствомъ; а теперь я васъ прошу доложить ему о моемъ пріѣздѣ.

—«Графу я не могу докладывать, а скажу дежурному штабъ-офицеру».

Черезъ нѣсколько минутъ подошелъ ко мнѣ господинъ въ полковничьихъ эполетахъ, съ крайне удивленной физіономіей,—увидѣвъ передъ собой молодого флотскаго лейтенанта, ищущаго видѣть графа, и обратился ко мнѣ съ тѣми же допросами, какъ и адъютантъ:—кто я и что мнѣ отъ графа нужно?—требуя, чтобы я отдалъ ему мое письмо, а онъ отдастъ Клейнмихелю; Клейнмихель уже доложитъ графу. Онъ получилъ отъ меня тотъ-же отвѣтъ. Два раза этотъ господинъ уходилъ отъ меня и возвращался опять ко мнѣ, убѣждая меня отдать ему письмо и увѣряя, что Клейнмихель передастъ мое письмо графу непремѣнно. Я видѣлъ черезъ канцелярію, какъ онъ два раза хватался за ручку замка послѣдней двери, вѣроятно, ведшей въ присутственную комнату Клейнмихеля, и наконецъ исчезъ въ этой комнатѣ. Черезъ нѣсколько минутъ явился съ гнѣвнымъ видомъ Клейнмихель и, подошедъ ко мнѣ, довольно высокомѣрно спросилъ меня:—«Что вамъ надо отъ графа?» Я отвѣчалъ, что имѣю письмо къ его сіятельству, которое хочу передать лично графу и прошу васъ, генералъ, доложить его сіятельству, что предсѣдатель общества распространенія ланкастерскихъ школъ въ Россіи, графъ Толстой, желаетъ имѣть честь лично вручить графу просьбу общества—о благосклонномъ принятіи его превосходительствомъ званія почетнаго члена общества распространенія ланкастерскихъ школъ въ Россіи, въ которое въ первомъ общемъ собраніи онъ былъ избранъ. Господинъ Клейнмихель очень неохотно долженъ былъ идти доложить графу о моемъ пріѣздѣ, такъ такъ я рѣшительно ему сказалъ, что только въ собственныя руки графа отдамъ это письмо. Не прошло и четверти часа какъ генералъ Клейнмихель вернулся ко мнѣ совсѣмъ другимъ человѣкомъ, очень учтиво подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

—«Графъ просилъ васъ войти въ гостиную, онъ сейчасъ къ вамъ выйдетъ»—и, проведя меня туда, ушелъ. Не прошло и десяти минутъ,

какъ вышелъ изъ дверей противуположныхъ тѣмъ, въ которыя я вошелъ, Аракчеевъ; онъ подошелъ ко мнѣ и, весьма ласково со мной поздоровавшись, сказалъ, что очень радъ меня видѣть, притомъ прибавилъ нѣсколько весьма лестныхъ словъ на счетъ моихъ занятій [1]. Объяснивъ причину моего явленія, я вручилъ графу письмо отъ общества, которое онъ, прочтя, поручилъ мнѣ благодарить общество за сдѣланную ему честь и передать ему, что онъ будетъ благодарить письменно. Потомъ повелъ меня въ свой кабинетъ, гдѣ, посадивъ возлѣ себя на диванъ, весьма подробно сталъ разспрашивать о составѣ, цѣли и средствахъ общества. Весьма подробно, по его желанію, я объяснилъ, какъ производится ученіе грамотѣ по методѣ Ланкастера и преимущество ея передъ обыкновеннымъ ученіемъ; я былъ чрезвычайно удивленъ—съ какимъ вниманіемъ онъ входилъ въ малѣйшія подробности ланкастерской методы и, выслушавши все, обѣщался непремѣнно быть въ нашу школу до отъѣзда своего въ Грузино, чтобъ видѣть эту методу ученія грамотѣ въ дѣйствіи; при этомъ графъ завелъ рѣчь о Грузинѣ, очень хвалилъ его мнѣ и, узнавъ, что я никогда тамъ не былъ, приглашалъ меня непремѣнно быть тамъ нынѣшнимъ лѣтомъ, какъ въ самомъ замѣчательномъ мѣстѣ около Петербурга въ отношеніи священной исторіи, ибо полагаютъ, что въ Грузинѣ былъ распятъ [2] святой Андрей Первозванный (?!). «Пріѣзжайте, я вамъ покажу это замѣчательное мѣсто и военное поселеніе», о пользѣ котораго онъ мнѣ много говорилъ.—Три раза подымался я уходить, но графъ меня удерживалъ, и я болѣе трехъ четвертей часа пробылъ у него, восхищаясь и удивляясь его умнымъ и ласковымъ пріемомъ, мнѣ сдѣланнымъ; что умнымъ не мудрено, такъ какъ извѣстно всѣмъ, *что графъ былъ уменъ и свѣдущъ;* [3] а что ласковымъ, то я бы не повѣрилъ, если бы это не случилось со мной: извѣстно также всѣмъ, что графъ Аракчеевъ не отличался мягкостію сердца. Раскланявшись

[1] Здѣсь разумѣются знаменитые медальоны графа, аллегорически изображающіе побѣды Россіи надъ Франціей.

[2] Св. Андрей Первозванный, какъ извѣстно, пострадалъ въ г. Патрасѣ (Патре) въ Греціи.

[3] Вотъ отзывъ умнаго и образованнаго современника!

съ графомъ, выйдя въ гостиную, я хотѣлъ затворить за собой дверь, но не могъ: графъ былъ въ дверяхъ и шелъ за мной въ гостиную и изъ нея вышелъ, провожая меня въ пріемную, которую прошелъ всю, весьма ласково разговаривая, со мною вмѣстѣ вошелъ въ переднюю, гдѣ оставался и смотрѣлъ какъ я, отдавъ ему послѣдній поклонъ, сталъ сходить съ лѣстницы...»[1] Какъ этотъ пріемъ у Аракчеева не нохожъ на знаменитую сцену изъ безсмертнаго творенія графа Л. Толстого: «Война и миръ» (князь Андрей у графа Аракчеева)!..

Характеристики Аракчеева, вышедшія изъ подъ пера его подчиненныхъ, въ большинствѣ случаевъ такъ явно пристрастны и односторонни, что на нихъ полагаться никакъ нельзя. Изъ нихъ наиболѣе заслуживаютъ вниманія двѣ: одна принадлежитъ Сенатору фонъ-Брадке, а другая генералъ-маіору Жиркевичу; оба они близко знали Аракчеева и были люди умные и правдивые, но и ихъ характеристики крайне противорѣчивы. Фонъ-Брадке очень строгъ къ Аракчееву: «что Аракчеевъ», пишетъ онъ, «былъ человѣкъ необыкновенныхъ природныхъ способностей и дарованій, едва ли можетъ быть подвержено сомнѣнію со стороны тѣхъ лицъ, кто его хоть нѣсколько зналъ и кто не увлекался безусловно своими предубѣжденіями. Быстро охватывая предметъ, онъ въ то же время не лишенъ былъ глубины мышленія, когда самъ того желалъ и когда она не вовлекала его въ противорѣчія съ предвзятыми его намѣреніями. Его образованіе ограничивалось математикою и военными науками, въ которыхъ онъ обладалъ обширными познаніями; исторія и литература промелькнули мимо него, оставивъ впрочемъ за собою нѣкоторый слѣдъ; но исторія, какъ основаніе государственнаго развитія, и вообще государственное право были ему вполнѣ неизвѣстны, и онъ даже почиталъ всѣ возникшія на этой почвѣ понятія и теоріи совершенною безсмыслицею и весьма искусно умѣлъ осаживать и осмѣивать людей, которые толковали объ этомъ заученными и отрывочными фразами. Его религіозныя понятія были, такъ сказать, церковныя, и онъ строго придерживался предписанныхъ въ

[1] «Русская старина» 1878 г., кн. 2, стр. 216—218.

этомъ отношеніи правилъ; но во внутреннюю его жизнь перешло изъ нихъ весьма немногое: не доставало смиренія, и при полнѣйшемъ отсутствіи самосознанія религія любви не могла утвердиться въ его сердцѣ и затѣмъ отразиться въ его внѣшней жизни. Ему казалось, что онъ стоялъ одинокимъ, что его высота была умственно-недосягаема, и съ этого воображаемаго величія взиралъ онъ на бѣдное человѣчество и пользовался его слабостями и страстями для достиженія своей цѣли и для усиленія своего безгранично-возраставшаго самолюбія. Поистинѣ, рѣдкая и строго-направляемая дѣятельность, необыкновенная правильность въ распредѣленіи времени и воздержаніе отъ безмѣрнаго пользованія плотскими наслажденіями давали ему очевидную возможность совершать болѣе того, что могло быть сдѣлано обыкновеннымъ путемъ, и служили въ его беззастѣнчивой рукѣ бичемъ для всѣхъ его подчиненныхъ. Но его нравственныя правила были нетверды; у него почти постоянно были незаконныя связи, и при этомъ онъ часто хвалился своимъ воздержаніемъ. Жена его лишь нѣсколько дней могла вынести сожительство съ нимъ, потому что онъ желалъ въ то же время удержать при себѣ свою любовницу; они разстались и съ тѣхъ поръ не хотѣли уже знать другъ друга».[1] Такимъ образомъ человѣкъ, настроенный вовсе неблагопріятно къ Аракчееву, отдаетъ должное его умственнымъ способностямъ и признаетъ его человѣкомъ недюжиннымъ.

Болѣе мягко и благопріятно относится къ Аракчееву Жиркевичъ: «честная и пламенная преданность къ престолу и отечеству», пишетъ онъ, «проницательный природный умъ и смышленность, безъ малѣйшаго, однако же, образованія,[2] честность и правота—вотъ главныя черты его характера. Но безконечное самолюбіе, самонадѣянность и увѣренность въ своихъ дѣйствіяхъ порождали въ немъ часто злопамятность и мстительность; въ отношеніи же тѣхъ лицъ, которыя одинъ

---

[1] «Русскій архивъ», 1875 г., кн. 1, стр. 47 и 48. По извѣстію, приведенному въ книгѣ Кропотова («Жизнь графа М. Н. Муравьева въ связи съ событіями его времени», СПБ., 1874), причиной разрыва Аракчеева съ супругой было то, что она пользовалась его положеніемъ въ корыстныхъ цѣляхъ.

[2] Въ этомъ вопросѣ фонъ-Брадке ближе къ истинѣ.

разъ заслужили его довѣренность, онъ всегда былъ ласковъ, обходителенъ и даже снисходителенъ къ нимъ... Чтобы дополнить черту о немъ, прибавлю, что въ семь или восемь лѣтъ его инспекторства надъ артиллеріею, при всѣхъ разсказахъ о злобѣ и мучительности его, изъ офицеровъ разжалованъ только одинъ Нелидинскій, за сдѣланіе фальшивой ассигнаціи, за что обыкновенно ссылаютъ въ Сибирь. На гауптвахту сажали ежедневно; многихъ отставляли съ тѣмъ, чтобы послѣ не опредѣлять на службу, и по его же представленію принимали. А при преемникѣ его, добрѣйшей души, Меллерѣ въ первый годъ надѣлано было несчастныхъ вдесятеро болѣе, нежели во все время управленія Аракчеева».[1] Такъ противорѣчиво характеризуютъ Аракчеева близкіе къ нему люди!.. Однако, можно думать, что эти двѣ характеристики, взаимно исправляя и дополняя одна другую, могутъ все таки дать довольно ясный умственный и нравственный образъ графа Аракчеева.

Жиркевичъ сохранялъ о своемъ начальникѣ и благодѣтелѣ всегда теплыя чувства, но нельзя того же сказать о другихъ лицахъ, несомнѣнно облагодѣтельствованныхъ Аракчеевымъ. Извѣстный Василій Романовичъ Марченко писалъ Аракчееву 24 октября 1813 года: «не умѣя льстить и лицемѣрить, я точно страненъ, но останусь всегда честнымъ человѣкомъ, при странностяхъ моихъ и необразованности. Да забудетъ меня, жену и дѣтей Всевышній, ежели я забуду когда благодѣянія ваши. Вотъ моя клятва. Не думайте, Ваше Сіятельство, чтобы восхищала меня вѣсть о лентѣ; накажи меня Богъ, ежели я ее желаю. Имѣя огромное семейство, кто думаетъ о почестяхъ, когда содержаніе его зависитъ отъ одного жалованья, тотъ, по моему мнѣнію, безразсудный, а я поѣздкою въ Сибирь потерялъ все приданое жены моей, и мнѣ ли послѣ сего не мыслить о томъ какъ жить, а не о почестяхъ. Простите, Ваше Сіятельство, болтливости моей. Вы тронули самую нѣжную струну. Да сохранитъ Всевышній дни Ваши на многіе годы въ постоянномъ благополучіи и здоровьи».[2] Впослѣдствіи тотъ

[1] «Русская старина», 1874 г., кн. 2, стр. 225 и 226.

[2] Н. Дубровинъ, «Письма главнѣйшихъ дѣятелей въ царствованіе Императора Александра I (съ 1807—1829 годъ)», стр. 141—142.

же Марченко писалъ объ Аракчеевѣ: «можетъ быть, политика Государя, послѣ неудачныхъ битвъ съ французами и при разстройствѣ арміи, заставила избрать министромъ именно гр. Аракчеева, даже смотрѣть сквозь пальцы на дѣянія его, чуждыя чувствамъ добраго Александра; и человѣкъ сей былъ ужасенъ. Г. Фокъ справедливо изобразилъ его, при пожалованіи графу Аракчееву фамильнаго герба, въ стихѣ:

„Девизъ твой говоритъ, что преданъ ты безъ лести;
Скажи же мнѣ кому? коварству, злобѣ, мести“ и т. д.[1]

Гречъ въ своихъ запискахъ приписываетъ такое отношеніе къ Аракчееву его подчиненныхъ исключительно тяжелому характеру графа, но едва ли это безусловно справедливо. Извѣстно, какъ впослѣдствіи отблагодарилъ Аракчеева графъ Клейнмихель, всѣмъ обязанный Аракчееву. Письма Аракчеева къ его подчиненнымъ нерѣдко исполнены удивительной доброты и вниманія. Въ этомъ отношеніи любопытна переписка Аракчеева съ генераломъ Маевскимъ, который былъ правой рукой его по управленію военными поселеніями. Такъ 4 февраля 1825 года графъ пишетъ ему: «я самъ двѣ недѣли болѣнъ, и сегодня, въ первый разъ выѣхалъ, но дѣло дѣлаю; но вамъ стыдно хворать, ибо вы молоды, да и нужны для Государя. Супруга ваша не хотѣла меня почтить своими приказаніями, не знаю, за что она меня не любитъ. Подвозка матеріяловъ для дорогъ меня испугала, а потому прошу скорѣе прислать ко мнѣ г. Розена, дабы онъ мнѣ лично объяснилъ обо всемъ нужномъ для дорогъ, и я съ нимъ пришлю мое разрѣшеніе. Между тѣмъ, если нужно, то можете велѣть приготовляться къ оной работѣ; но я хочу ее уменьшить, дабы не изнурять добрыхъ нашихъ военныхъ поселянъ, кои такъ хорошо служатъ Государю». Въ слѣдующемъ письмѣ Аракчеева говорится: «письмо ваше, Сергѣй Ивановичъ, съ г. Розеномъ, я получилъ отъ 8-го февраля, и оно меня очень обезпокоило, ибо, во-первыхъ, мнѣ жаль добраго Федорова (полковникъ, подчиненный Маевскому), а во-вторыхъ, прошу мнѣ объяснить написанныя вами въ письмѣ слова: «его болѣзнь весьма подозрительна»; прошу меня

[1] «Русская старина», 1896 г., кн. 3, стр. 488—489.

вывести изъ сомнѣнія и объяснить сіи слова, что вы подъ оными разумѣете? Ожидая скораго вашего отвѣта о сихъ словахъ и о состояніи больного пребуду вашего превосходительства покорный слуга». Въ письмѣ отъ 10 апрѣля Аракчеевъ пишетъ: «при самомъ отъѣздѣ Государя изъ Царскаго Села, я получилъ ваше письмо, коимъ вы просите 3 тысячи руб. въ долгъ. Я немедленно доложилъ объ оном Государю Императору, и Его Величество Всемилостивѣйше жалуетъ вамъ сію сумму. Препровождая оную при семъ къ вамъ, милостивый государь мой, желаю только, чтобы вы неуставали въ своихъ дѣлахъ и служили усердно Государю Императору» и т. д. Между тѣмъ впослѣдствіи Аракчеевъ замѣтилъ безпорядки въ управленіи Маевскаго и поставилъ это ему на видъ. Маевскій отвѣчалъ запиской, гдѣ указывалъ на тяжесть возложенныхъ на него обязанностей. Любопытенъ отвѣтъ Аракчеева: «записка ваша, генералъ, крайне меня удивила, и вы столько уже увлекли себя описаніемъ занятій вашихъ и невозможностей исполнять съ точностью вашу обязанность по званію отряднаго командира, что увеличили даже и самый составъ командуемаго вами отряда, показавъ, сверхъ 48-ми поселенныхъ ротъ, еще 48 ротъ въ какихъ-то кадрахъ, коихъ нынѣ вовсе въ оном отрядѣ не существуетъ, и соединили занятія ваши съ занятіями чиновниковъ вашего штаба, тогда какъ начальникъ самъ располагаетъ своихъ подчиненныхъ, и слѣдовательно, не можетъ ставить себя наравнѣ съ ними. Предписаніе мое, которое, по словамъ вашимъ, поставило, будто-бы, васъ въ невозможность и затрудненіе исполнять съ точностью свою обязанность, совсѣмъ не требуетъ отъ васъ никакихъ невозможностей, которыхъ впрочемъ по службѣ и быть не должно; оно указывало вамъ одни только замѣченные мною въ вашемъ отрядѣ безпорядки, на которые вы, по обязанности вашей, не обратили должнаго вниманія, и которые поставлены мною вамъ на видъ, какъ для исправленія ихъ, такъ и для предостереженія васъ отъ оныхъ на будущее время»...[1] и. т. д.

[1] «Матеріалы къ новѣйшей отечественной исторіи. Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія», стр. 258—308.

Если въ оффиціальной запискѣ Маевскій могъ допустить такую крупную неточность, то каковъ же онъ долженъ былъ быть въ своихъ запискахъ, предназначенныхъ для потомства? Наглядный примѣръ того, какъ должно относиться къ словамъ современника!.. Между тѣмъ записки Маевскаго, напечатанныя въ «Русской старинѣ», являются однимъ изъ самыхъ неблагопріятныхъ для Аракчеева источниковъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ концѣ царствованія Императора Александра I имя Аракчеева было предметомъ общей ненависти и возбуждало ужасъ. Стихотвореніе Рылѣева «Временщику» читалось съ восторгомъ и заучивалось наизусть («Надменный временщикъ и подлый, и коварный, Монарха своего слуга неблагодарный» и т. д.). Надо, однако, замѣтить, что это стихотвореніе появилось въ свое время въ печати, когда Аракчеевъ былъ на высотѣ своего могущества, но не навлекло на автора никакихъ непріятностей, тогда какъ за пасквили на другихъ вельможъ виновные подвергались самой строгой карѣ. «Надменный временщикъ» не могъ не знать объ этомъ стихотвореніи, но не снизошелъ до мести за личныя обиды. Впослѣдствіи Пушкинъ говорилъ Сперанскому: «Вы и Аракчеевъ, вы стоите въ дверяхъ противоположныхъ этого царствованія, какъ геніи зла и блага» (Дневникъ Пушкина 2 апрѣля 1834 года). Ненависть современниковъ главнымъ образомъ возбудили кромѣ военныхъ поселеній: 1, исторія съ Семеновскимъ полкомъ; 2, поддержка, оказанная Аракчеевымъ системѣ народнаго просвѣщенія Магницкаго и Шишкова, и, наконецъ, 3, извѣстная драма въ Грузинѣ послѣ убійства Настасьи Минкиной.

Въ извѣстной исторіи съ Семеновскимъ полкомъ, вызванной его жестокимъ и грубымъ командиромъ Шварцемъ,[1] въ настоящее время рѣшительно можно сказать, что Аракчеевъ занималъ совершенно нейтральное положеніе. Хотя въ обществѣ и ходили слухи, что Аракчеевъ давно смотрѣлъ косо на либерализмъ семеновцевъ и говорилъ, что «нужно выбить дурь изъ этихъ молодчиковъ», однако полковникъ Шварцъ

[1] Шварцъ былъ назначенъ командиромъ 11 апрѣля 1820 года; возмущеніе произошло въ октябрѣ того же года.

былъ рекомендованъ не имъ: по крайней мѣрѣ, въ своемъ письмѣ къ Цесаревичу Константину Павловичу отъ 20 ноября 1820 года, Аракчеевъ заявляетъ, что совершенно не знаетъ этого полковника, хотя тотъ и служилъ въ Гренадерскомъ, имени графа, полку;[1] если бы онъ рекомендовалъ его Великому Князю Михаилу Павловичу, то не рѣшился бы писать Брату Послѣдняго такой явной неправды, которую всегда Тотъ могъ узнать. Изъ писемъ Аракчеева къ Императору вовсе не видно, чтобы онъ старался побуждать Его къ суровымъ мѣрамъ. Первое письмо было написано довольно уклончиво; о происшедшемъ онъ говоритъ только: «какъ мнѣ скучно, больно и досадно, что случившееся въ Семеновскомъ полку произшествіе огорчитъ Ваше Величество,—я, можетъ быть, грѣшу, но думаю, что оно не отъ солдатъ»... и затѣмъ онъ переходитъ къ своимъ военнымъ поселеніямъ.[2] Въ слѣдующемъ письмѣ онъ говоритъ обстоятельнѣе: «очень много чувствую, какъ непріятно и печально было Вамъ получить извѣстіе о безпорядкахъ въ Семеновск. полку. Я узналъ объ ономъ въ своемъ Грузинѣ, и первое чувство моего сердца было о Вашемъ Величествѣ, что сіе произшествіе тяжко опечалитъ Васъ и сильно подѣйствуетъ на душу Вашу. Я совершенно согласенъ съ мыслями Вашими, что солдаты тутъ менѣе всего виноваты, и что тутъ дѣйствовали съ намѣреніемъ, но кто, и какъ, то нужно для общаго блага найтить самое онаго начало. Я могу ошибиться, но думаю такъ, что сія ихъ работа есть пробная, и должно быть осторожнымъ, дабы еще не случилось чего подобнаго. Высочайшій Вашъ приказъ такой, какой необходимъ при семъ случаѣ; равномѣрно о переводѣ офицеровъ прежнихъ и помѣщеніи новыхъ, но съ хорошимъ расположеніемъ, весьма полезно. Я, Батюшка, живу въ Грузинѣ и поселеніи, и нѣтъ охоты ѣхать безъ Васъ въ городъ, то здѣсь, слава Богу, мало свѣдѣній доходитъ до меня; а слышалъ только отъ Г. М. Петрова, который съ Шварцомъ

[1] Письма графа Аракчеева къ Министрамъ и Главноуправляющимъ за 1820 годъ въ архивѣ Собственной Его Величества Канцеляріи.

[2] Богдановичъ, «Исторія царствованія Императора Александра I и Россіи въ Его время», СПБ., 1871, т. 6, приложенія къ главѣ LXXXII, стр. 101.

знакомъ, что онъ полагаетъ, сіе произшествіе случилось по неудовольствію на него офицеровъ. Вы позволяете мнѣ все говорить и писать: не лучше ли будетъ естьли Семеновскихъ солдатъ распредѣлить въ полки только 2 и 3 гренадерскихъ дивизій, чемъ самымъ Вы бы ихъ лучше сохранили, а о поведеніи ихъ имѣли-бы вѣрное всегда свѣдѣніе».[1] Изъ этого письма видно, что Аракчеевъ, какъ всегда, сообразовался съ волей Государя; во всякомъ случаѣ онъ не раздувалъ происшедшаго и даже старался облегчить участь солдатъ. Другіе выдающіеся военные дѣятели того времени, въ томъ числѣ популярный и благородный Милорадовичъ, отнеслись къ происшествію гораздо строже.

Вліянію Аракчеева, обыкновенно, приписываютъ перемѣну въ системѣ народнаго образованія во второй половинѣ царствованія Императора Александра I, что совершенно неосновательно. Перемѣна эта стояла въ тѣсной связи съ общимъ настроеніемъ Государя, подъ вліяніемъ происходившихъ въ Западной Европѣ революціонныхъ движеній, и началась во время управленія Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія знаменитаго князя А. Н. Голицына (1814—1824 г.); правой рукой послѣдняго былъ М. Л. Магницкій, который былъ раньше однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ сотрудниковъ знаменитаго Сперанскаго и вмѣстѣ съ нимъ подвергся опалѣ. Вернувшись къ государственной дѣятельности, при помощи того же Аракчеева, и сдѣлавшись въ 1819 году членомъ Главнаго Правленія училищъ, онъ довелъ до крайности гоненія на все, въ чемъ усматривалъ проявленіе свободной мысли. Особенно прославился онъ въ этомъ отношеніи въ Казани, куда былъ отправленъ ревизоромъ съ правами Попечителя Учебнаго Округа. Несомнѣнно, побужденіемъ къ этому являлось желаніе загладить въ глазахъ Государя свои прежнія «провинности», но ни въ чемъ не видно, чтобы онъ былъ вдохновляемъ Аракчеевымъ. Напротивъ, съ самимъ Министромъ княземъ А. Н. Голицынымъ Аракчеевъ былъ давно во враждѣ. Въ это время Аракчеевъ сильно подпалъ подъ вліяніе знаменитаго Юрьевскаго

[1] Богдановичъ, «Исторія царствованія Императора Александра I и Россіи въ Его время», СПБ., 1871, т. 6, приложенія къ главѣ LXXXII, стр. 102.

архимандрита Фотія, искусно эксплоатировавшаго набожность графа. Фотій ненавидѣлъ Голицына за его покровительство мистикамъ. Поэтому неудивительно, если Аракчеевъ содѣйствовалъ паденію Голицына и назначенію на его мѣсто извѣстнаго адмирала А. С. Шишкова (назн. 15 мая 1824 г.). Шишковъ далеко превосходилъ Голицына образованіемъ, и многіе передовые люди того времени ожидали при немъ перемѣны къ лучшему. Пушкинъ привѣтствовалъ назначеніе Шишкова стихами: «Министра честнаго нашъ добрый Царь избралъ: Шишковъ уже правленье музъ пріялъ!... Сей старецъ дорогъ намъ: онъ блещетъ средь народа священной памятью Двѣнадцатаго Года!...» и т. д. Однако, какъ извѣстно, Шишковъ оставилъ не менѣе печальную память въ исторіи нашего просвѣщенія, чѣмъ Голицынъ и Магницкій. Однимъ изъ самыхъ яркихъ проявленій его дѣятельности было гоненіе на библейское общество, въ стремленіи котораго распространить Священное Писаніе на русскомъ, а не на славянскомъ языкѣ, онъ усматривалъ «сильнѣйшее орудіе революціонныхъ замысловъ». Ему удалось привлечь на свою сторону Аракчеева, черезъ котораго онъ и вліялъ въ такомъ смыслѣ на Государя. Въ этомъ отношеніи Аракчеевъ, конечно, игралъ печальную роль въ исторіи нашего просвѣщенія; однако, главная отвѣтственность падаетъ не на него: онъ явился простымъ орудіемъ въ чужихъ рукахъ.[1]

Ужасна также извѣстная драма въ Грузинѣ, но въ ней Аракчеевъ не принималъ непосредственнаго участія. Послѣ убійства его «друга» Настасьи Минкиной онъ совершенно былъ подавленъ своимъ горемъ и не былъ въ состояніи входить во что-либо. Несомнѣнно, Настасья злоупотребляла довѣріемъ графа, но онъ могъ и не знать этого и вполнѣ искренно обвинялъ своихъ крестьянъ въ неблагодарности. Отвѣтственность за совершенныя жестокости прежде всего падаетъ на Начальника Штаба Корпуса военныхъ поселеній Клейнмихеля, которому Государь поручилъ наблюденіе за слѣдствіемъ и который во зло употребилъ Высочайшее къ нему довѣріе, а затѣмъ на производив-

[1] «Чтенія въ Имп. общ. ист. и древн. рос. при Москов. Университетѣ», 1868 г., кн. 3, стр. 47. Записки адмирала А. С. Шишкова. Шишковъ очень гордится своимъ участіемъ въ этомъ дѣлѣ.

шаго слѣдствіе Новгородскаго Губернатора Жеребцова; послѣднему и пришлось поплатиться за совершенныя беззаконія.

Наряду съ этимъ заслуживаетъ упоминанія гуманное отношеніе Аракчеева къ пострадавшимъ отъ наводненія въ Петербургѣ 7 ноября 1824 года. Послѣ ужасной катастрофы онъ сейчасъ же обратился къ Государю съ слѣдующимъ письмомъ: «Я не могъ спать всю ночь, зная Ваше душевное расположеніе; а потому и увѣренъ самъ въ себѣ, сколь много Ваше Величество страдаете теперь о вчерашнемъ несчастіи. Но Богъ, конечно, иногда посылаетъ подобныя несчастія и для того, чтобы избранные его могли еще болѣе показать страдательное свое попеченіе къ несчастнымъ. Ваше Величество, конечно, употребите оное нынѣ въ настоящее дѣйствіе. Для сего надобны деньги, и деньги неотлагательныя, для поданія помощи бѣднѣйшимъ, а не богатымъ. Подданные Ваши должны Вамъ помогать; а потому и осмѣливаюсь представить Вамъ мои мысли. Вашимъ, Батюшка, благоразумнымъ распоряженіемъ съ моими малыми трудами составленъ довольно знатный капиталъ военнаго поселенія. Я, по званію своему, не требовалъ изъ онаго даже столовыхъ себѣ денегъ. Нынѣ испрашиваю въ награду себѣ отдѣлить изъ онаго капитала одинъ милліонъ на пособіе бѣднѣйшимъ людямъ, за что, конечно, Богъ поможетъ дѣлу сему съ пользою для отечества и славою Вашего Величества еще лучшимъ образомъ въ исполненіи своемъ продолжаться»... Согласно этому представленію, было отпущено на пособія пострадавшимъ отъ наводненія изъ экономическихъ суммъ военнаго поселенія 1.000.000 р. ассигнаціями.[1] По предложенію Аракчеева былъ организованъ Комитетъ для пособія пострадавшимъ; однако онъ отказался отъ предсѣдательства въ немъ и состоялъ только членомъ; предсѣдателемъ былъ назначенъ князь А. Б. Куракинъ.

Нельзя обойти молчаніемъ еще одной черты Аракчеева. Въ продолженіе всего царствованія Императора Александра I онъ отказы-

[1] Богдановичъ, «Исторія царствованія Императора Александра I и Россіи въ Его время», т. 6, стр. 380—382.

вался отъ Высочайшихъ наградъ. Такъ, въ 1807 году онъ отказался отъ ордена св. Владиміра I степени, а въ слѣдующемъ году отъ ордена св. Андрея Первозваннаго. Получивъ портретъ Государя, украшенный брилліантами, онъ портретъ принялъ, а брилліанты отослалъ въ Кабинетъ Его Величества. Государь хотѣлъ пожаловать его мать статсъ-дамой, но онъ рѣшительно возсталъ противъ этого. Государь съ неудовольствіемъ сказалъ: «Ты ничего не хочешь отъ Меня принять!»—«Я доволенъ благоволѣніемъ Вашего Императорскаго Величества», отвѣчалъ Аракчеевъ;—«но умоляю не жаловать родительницу мою статсъ-дамою; она всю жизнь свою провела въ деревнѣ; если явится сюда, то обратитъ на себя насмѣшки придворныхъ дамъ, а для уединенной жизни не имѣетъ надобности въ этомъ украшеніи». Пересказывая объ этомъ событіи приближеннымъ, графъ Алексѣй Андреевичъ прибавилъ: «только однажды въ жизни, и именно въ семъ случаѣ, провинился я противъ родительницы, скрывъ отъ нея, что Государь жаловалъ ее. Она прогнѣвалась бы на меня, узнавъ, что я лишилъ ее сего отличія».[1]

По вступленіи на Престолъ Императора Николая I окончилась государственная дѣятельность Аракчеева. Въ 1826 году онъ, по разстроенному здоровью, сталъ просить Государя о разрѣшеніи поѣхать лѣчиться на Карлсбадскія воды. Государю угодно было пожаловать ему по этому случаю 50.000 рублей на дорожныя издержки. Деньги эти графъ препроводилъ къ вдовствующей Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ при слѣдующемъ письмѣ: «Я предназначилъ сію сумму на доброе христіанское дѣло, и не могу лучше употребить оной какъ на прославленіе великаго имяни и благоговѣйное почитаніе памяти Того,—Кто и за гробомъ чрезъ Августѣйшаго Брата, благодѣтельствуетъ слугѣ Его вѣрному—Императора Александра Благословеннаго! Всемилостивѣйшая Государыня! Удостойте съ свойственною Вамъ милостію и благоволеніемъ, внять всеподданнѣйшему прошенію, которымъ дерзаю утруждать Ваше Императорское Величество. Оно

[1] Бантышъ-Каменскій, «Словарь достопамятныхъ людей русской земли», часть первая, СПБ., изд. 1847 г., стр. 45—46.

заключается въ слѣдующемъ: 1) Приказать принять отъ меня въ ломбардъ наличныхъ денегъ 50.000 р. для составленія вѣчнаго капитала, въ принадлежность Императорскаго Военно-Сиротскаго Дома, 1-му Отдѣленію Дѣвичьяго Училища. 2) Ежегодные проценты съ сей суммы, 2.500 р., употреблять на воспитаніе пяти дѣвицъ, сверхъ положеннаго въ семъ заведеніи штатнаго числа. 3) Назначать на сію сумму преимущественно тѣхъ дѣвицъ, коихъ отцы служатъ въ военномъ поселеніи Новгородскаго отряда; когда же ихъ не будетъ, то назначать дочерей дворянъ Новгородской губерніи. 4) Дѣвицамъ симъ именоваться пансіонерками Императора Александра Благословеннаго. Милостивое Вашего Императорскаго Величества благоснисхожденіе на сіе всеподданнѣйшее прошеніе мое, хотя нѣсколько усладитъ разлуку мою съ милымъ отечествомъ, и огорченія, глубоко напечатлѣнныя въ моемъ сердцѣ кончиною обожаемаго мною Государя, Отца и Благодѣтеля»... [1] Многіе ли вельможи могли похвалиться такимъ безкорыстіемъ!..

Привыкшій, во время своихъ путешествій за границей съ Императоромъ Александромъ I, пользоваться всеобщимъ уваженіемъ, Аракчеевъ на этотъ разъ встрѣтилъ къ себѣ тамъ крайне холодное и даже враждебное отношеніе. Это побудило его къ необдуманному шагу,— напечатать письма покойнаго Императора къ нему. Облагодѣтельствованный Аракчеевымъ Клейнмихель, желая выслужиться, донесъ объ этомъ Государю. Государь пришелъ въ негодованіе, которое излилъ въ Своихъ письмахъ къ Брату Своему Цесаревичу Константину. Послѣдній вполнѣ раздѣлялъ неудовольствіе Государя, хотя отнесся надлежащимъ образомъ и къ поступку Клейнмихеля. Аракчееву предложено было вернуться въ Россію. По его словамъ, онъ замуровалъ напечатанную имъ книгу «Собственноручные рескрипты покойнаго Императора Александра I къ Его подданному Аракчееву» въ церкви въ селѣ Грузинѣ,

[1] «Императоръ Александръ I и Его сподвижники въ 1812, 1813, 1814 и 1815 годахъ. Военная галлерея Зимняго дворца, издаваемая съ Высочайшаго соизволенія и посвященная Его Императорскому Величеству Государю Императору. Жизнеописанія составлены подъ редакціею генералъ-лейтенанта А. И. Михайловскаго-Данилевскаго и гвардіи полковника А. В. Висковатова. Изданіе П. А. Печаткина, СПБ., 1848—1849, т. 6», стр. 20.

хотя извѣстны три сохранившихся ея экземпляра (въ томъ числѣ одинъ въ библіотекѣ Московскаго Англійскаго клуба, поступившій туда отъ сослуживца Аракчеева, а другой въ Собственной Его Величества библіотекѣ). Съ этого времени Аракчеевъ жилъ безвыѣздно въ Грузинѣ, гдѣ всецѣло отдался воспоминаніямъ о своемъ Царѣ-Благодѣтелѣ, которому соорудилъ великолѣпный памятникъ передъ церковью. Кромѣ того, въ 1833 году онъ внесъ въ Государственный Заемный Банкъ 50.000 р. асс. съ тѣмъ, чтобы эта сумма оставалась въ банкѣ 93 года неприкосновенною, со всѣми процентами: три четверти изъ этого капитала должны быть наградою тому, кто напишетъ къ 1925 году (на русскомъ языкѣ) лучшую исторію царствованія Императора Александра I, остальная четверть этого капитала предназначена на издержки по изданію этого труда, а также по равной части двумъ переводчикамъ, которые переведутъ съ русскаго на нѣмецкій и на французскій языки удостоенную первой преміи исторію Александра I. Послѣднимъ дѣломъ графа Аракчеева на пользу общую было пожертвованіе имъ 300.000 р. для воспитанія изъ процентовъ этого капитала въ Новгородскомъ кадетскомъ корпусѣ бѣдныхъ дворянъ Новгородской и Тверской губерній. Между тѣмъ здоровье измѣняло графу. Когда онъ лежалъ на смертномъ одрѣ, Государь старался показать ему всѣ знаки вниманія и прислалъ Своего лейбъ-медика Вилліе въ Грузино. Въ великую субботу 1834 года графъ скончался, держа въ рукахъ изображеніе Императора Александра I, на диванѣ, гдѣ Государь изволилъ почивать во время пребыванія въ Грузинѣ.[1] Онъ завѣщалъ похоронить себя въ сорочкѣ, полученной имъ отъ Александра, когда Послѣдній былъ еще Наслѣдникомъ, и когда Аракчеевъ находился во дворцѣ при Императорѣ Павлѣ I. Аракчеевъ былъ похороненъ въ церкви села Грузина.

---

[1] Въ различныхъ историческихъ замѣткахъ о гр. А. А. Аракчеевѣ встрѣчалось ни на чемъ не основанное извѣстіе, будто бы Императоръ Александръ I пилъ за-просто чай съ Настасьей. Въ одномъ изъ писемъ по поводу ея убійства Государь пишетъ Аракчееву: «Хотя *Я не зналъ и не видывалъ особы*, тобою оплакиваемой, но она Тебѣ была искреннимъ и давнишнимъ другомъ, сего довольно, чтобы потеря ея была для Меня прискорбна!» («Собственноручные рескрипты покойнаго Императора Александра I-го къ Его подданному графу Аракчееву», стр. 80).

Прямыхъ наслѣдниковъ у графа не осталось. Онъ былъ женатъ на дочери генералъ-маіора Н. Ѳ. Хомутовой, но скоро съ ней разошелся. Императоръ Александръ I предоставилъ Аракчееву право передать свой титулъ и состояніе кому онъ захочетъ. Однако онъ этимъ не воспользовался. Есть извѣстіе, что Аракчеевъ предлагалъ свой титулъ и состояніе А. С. Танѣеву, однако тотъ отклонилъ это предложеніе. Въ распоряженіяхъ графа было сказано: «ежели бы дни его прекратились прежде избранія имъ достойнаго наслѣдника, то сіе избраніе предоставляетъ онъ Государю Императору». На основаніи этого Императоръ Николай I поступилъ такъ: указомъ 5 мая 1834 года Новгородскій кадетскій корпусъ былъ наименованъ «Новгородскимъ графа Аракчеева кадетскимъ корпусомъ», а на слѣдующій день состоялся указъ, которымъ Грузино передавалось въ собственность этого кадетскаго корпуса; въ этомъ указѣ говорилось: «такъ какъ графъ Аракчеевъ еще при жизни своей пожертвовалъ 300.000 р. для воспитанія изъ процентовъ сего капитала въ Новгородскомъ Кадетскомъ Корпусѣ бѣдныхъ дворянъ Новгородской и Тверской губерній съ тѣмъ, что право избранія оныхъ перейдетъ по смерти его, графа Аракчеева, къ наслѣднику его, а въ случаѣ, когда ни имъ, ни наслѣдникомъ его, не будутъ представлены къ опредѣленію дворяне, присвоено оное будетъ Предводителямъ Дворянства; то впредь назначеніе таковыхъ дворянъ въ кадетскій графа Аракчеева корпусъ предоставить Губернскимъ Предводителямъ Дворянства Новгородской и Тверской губерній по равному числу. За симъ, для исполненія во всей точности послѣдней воли графа Аракчеева, Мы утверждаемъ въ полной силѣ какъ всѣ распоряженія и денежныя назначенія, содержащіяся въ черновой тетради, собственною его рукою писанной, и въ оставшихся послѣ него бумагахъ найденной, хотя сіи распоряженія не были еще облечены установленными закономъ формами, такъ и особое словесное завѣщаніе о денежномъ награжденіи, при самой кончинѣ имъ изъявленное и письменнымъ удостовѣреніемъ свидѣтелей подтвержденное. Вышеозначенныя назначенія должны быть включены и въ правила, кои по Хозяйственному Комитету Корпуса будутъ даны для управленія имѣніемъ графа Арак-

Статсъ-Секретарь
В. Р. Марченко

Помощникъ Управляющаго Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріей.

(1812 — 1816 гг.)

чеева».[1] Такимъ образомъ, по мнѣнію Государя, достигались двѣ цѣли: съ одной стороны,—судьба крестьянъ была предохранена отъ всякихъ случайностей, возможныхъ, если бы они перешли въ частныя руки, съ другой,—имя вѣрнаго слуги и друга Его Предшественника сохранялось навѣки. Нынѣ этотъ корпусъ переведенъ въ Нижній Новгородъ.

Знаменитый русскій мореплаватель Коцебу назвалъ по имени Аракчеева группу острововъ въ Сѣверной Полинезіи (Аракчеевы острова).

Подводя итогъ всему сказанному о графѣ А. А. Аракчеевѣ, нельзя не признать въ немъ, наряду съ его строгостью, переходившей въ жестокость, и грубостью, сильнаго ума, честности, беззавѣтной преданности Царямъ и крупныхъ административныхъ способностей. Онъ говорилъ историку Михайловскому-Данилевскому: «въ жизни моей я руководствовался всегда одними правилами: никогда не разсуждалъ по службѣ, и исполнялъ приказанія буквально, посвящая все время и всѣ силы мои службѣ Царской. Знаю, что меня многіе не любятъ, потому что я крутъ,—да что дѣлать? Такимъ меня Богъ создалъ! И мною круто поворачивали, а я за это остался благодаренъ. Мягкими французскими рѣчами не выкуемъ дѣла! Никогда я ничего не просилъ для себя, и милостію Божіею дано мнѣ все! Утѣшаюсь мыслью, что я былъ полезенъ».[2]

Марченко, Василій Романовичъ, подобно Трощинскому, былъ однимъ изъ видныхъ чиновниковъ малороссовъ, конца XVIII и начала XIX столѣтій. Онъ родился 28 декабря 1782 года въ Могилевѣ, гдѣ отецъ его служилъ при Намѣстникѣ. Образованіе онъ получилъ въ этомъ городѣ, въ главномъ народномъ училищѣ т. е., по нынѣшнему, гимназіи. Отличаясь хорошими способностями, молодой Марченко блестяще окончилъ училище и собирался продолжать образованіе, но преждевременная смерть отца этому помѣшала, и ему пришлось поступить на службу, которую онъ и началъ въ первомъ департаментѣ верхняго земскаго суда; отсюда

[1] «Военная галлерея Зимняго дворца», т. 6, стр. 23.

[2] Тамъ же, стр. 25.

онъ перешелъ въ Канцелярію Бѣлорусскаго Губернатора Жигулина писцомъ. Когда, въ 1799 году, Жигулинъ вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Петербургъ, то и Марченко послѣдовалъ за нимъ. Жигулинъ пытался пристроить молодого человѣка въ Канцелярію Генералъ-Прокурора, что значило тогда обезпечить ему карьеру, но безуспѣшно. За то Марченко нашелъ себѣ покровителя въ лицѣ бывшаго Могилевскаго Губернатора Сергѣя Козьмича Вязмитинова, который въ это время былъ С.-Петербургскимъ Комендантомъ. Послѣдній взялъ его къ себѣ на службу, а когда онъ въ 1802 году сдѣлался Военнымъ Министромъ, то счастье улыбнулось и Марченко. Поступивъ въ Департаментъ Военнаго Министерства (нынѣ Канцелярія Военнаго Министра) Марченко въ пять лѣтъ получилъ два чина и орденъ Анны 2-й степени, но служба эта была нелегкая: «первые три года», пишетъ онъ въ своихъ запискахъ, «служба моя была сущая каторга. Сергѣй Козьмичъ имѣлъ меня у себя при кабинетѣ. Съ шести часовъ утра до двухъ я не вставалъ со стула; обѣдать долженъ былъ всегда у него, и съ шести часовъ до 12 ночи опять оставаться приросшимъ къ стулу. Я не могъ даже пользоваться и тѣмъ временемъ, когда старикъ уѣзжалъ въ театръ—такъ много всегда было дѣла и собственнаго усердія. Многіе предсказывали мнѣ смерть, и я до того отвыкъ отъ воздуха, что рѣдкую зиму не было у меня двухъ горячекъ, а простуда безпрерывная».[1] Въ 1808 году Вязмитиновъ вышелъ въ отставку и его смѣнилъ Аракчеевъ. Не безынтересно описываетъ Марченко въ своихъ запискахъ первую встрѣчу свою съ новымъ начальникомъ, котораго онъ сначала считалъ своимъ благодѣтелемъ, а впослѣдствіи ненавидѣлъ: «посылаемъ узнать экзекутора, когда приметъ новый министръ департаментъ»? «Въ 4 часа утра»,—отвѣтъ былъ. И такъ, въ началѣ января, въ жестокій морозъ, при свѣчахъ, представились мы графу Аракчееву. Онъ былъ уже въ полномъ мундирѣ и, къ удивленію, началъ рѣчь, неожиданную нами: «Господа! рекомендую себя; прошу беречь меня, я грамоту мало знаю, за мое воспитаніе заплатилъ

[1] «Русская старина», 1896 г., кн. 3, стр. 478.

батюшка 4 рубли мѣдью; я долго не хотѣлъ брать этого мѣста, но Государю угодно было непремѣнно меня опредѣлить. Мнѣ ничего не надобно, а будетъ у насъ дѣло хорошо идти, вамъ вся награда . . . »[1]

И дѣйствительно, судя по формуляру Марченко, въ это время награды такъ и сыпались на него. Въ 1810 году онъ, уже въ чинѣ статскаго совѣтника, былъ переведенъ въ Томскъ Гражданскимъ Губернаторомъ.[2] 5 ноября 1812 года Марченко, уже въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, былъ вызванъ въ Петербургъ и назначенъ во вновь сформированную Собственную Его Величества Канцелярію; одновременно ему Высочайше повелѣно было быть помощникомъ Статсъ-Секретаря Военнаго Департамента Государственнаго Совѣта (Предсѣдателемъ этого Департамента былъ графъ Аракчеевъ). За труды, понесенные имъ по Собственной Его Величества Канцеляріи въ военное время, 30 августа 1815 года онъ былъ назначенъ Статсъ-Секретаремъ Его Величества, а затѣмъ Управляющимъ дѣлами Комитета Министровъ, подъ наблюденіемъ графа А. Аракчеева (24 декабря того же года). Марченко входилъ въ составъ свиты, сопровождавшей Государя во время Его путешествій въ 1814—1818 годахъ за границу и по Россіи и въ это время не разъ удостоился лестнаго вниманія Государя. Въ своихъ запискахъ онъ пишетъ: «въ исходѣ августа (1817 года) пріѣхалъ я въ Могилевъ, оттуда поѣхали въ Кіевъ, Кременчугъ, Полтаву, Харьковъ, Курскъ, Орелъ и Калугу, и 1-го октября прибыли въ Москву, куда весь дворъ собранъ былъ на зиму. Графъ Аракчеевъ оставался въ деревнѣ своей. Все время Государь удивительно милостивъ былъ ко мнѣ. Вотъ примѣры тому: а) на докладъ мой, что многіе бѣдные люди подаютъ Государю просьбы о пособіи, и что неловко отсылать просьбы таковыя къ Кикину, гдѣ годъ пройдетъ въ справкахъ, и, по неимѣнію денегъ, ничего не сдѣлается, когда во

---

[1] «Русская старина», 1896 г., кн. 3, стр. 480.

[2] Впрочемъ въ мѣстныхъ архивахъ не сохранилось никакихъ слѣдовъ его дѣятельности, повидимому, онъ смотрѣлъ на эту должность, какъ на переходную. Князь Н. Костровъ, «Томскій губернаторъ Василій Романовичъ Марченко (1810—12 годовъ)», «Томскія губ. вѣд.», 1871 года, № 32.

время проѣзда и малость, тутъ же выданная, составитъ истинную помощь, Государь рѣшительно одобрилъ мысль мою и разрѣшилъ раздавать деньги не спрашивая его, прибавя къ тому: «тебѣ лучше видѣть можно, нежели мнѣ, что кому дать». Въ осторожность свою, я, бывало, отберу просьбы по цѣлой губерніи и, назнача пособія каждому, по объясненію съ губернаторомъ и лучшими людьми, сдѣлаю регистръ и отошлю при оном деньги, для раздачи къ губернатору. b) Въ Кіевѣ, по просьбѣ моей, записанъ сынъ полковника Марченки въ пажи. c) Увидѣвъ однажды однофамилку мою, красавицу, на балу, Государь изволилъ шутить за столомъ, при князѣ Волконскомъ, графѣ Ожаровскомъ, Вилліе и Данилевскомъ, что ежели бы не зналъ онъ о семействѣ моемъ, то подумалъ бы, что я для того не признаю ее роднею своею, чтобъ послѣ просить у него позволенія жениться. d) Изъ Полтавы послалъ меня впередъ въ Харьковъ изслѣдовать доносы на прокурора; и какъ здѣсь генералъ Сакенъ устроилъ изъ своего корпуса маневръ, изображавшій Полтавскую битву Петра Великаго, то требуя, чтобъ я смотрѣлъ маневры, прибавилъ: «сто лѣтъ назадъ, вѣроятно, были на семъ мѣстѣ Марченки». e) Въ Орлѣ на руки отдана мнѣ, въ кабинетѣ, одна просительница (Фицнерова), чтобы я вошелъ въ ея дѣла и оказалъ, именемъ Государя, защиту противу дѣйствій мѣстнаго начальства».[1] Въ это время у Марченко начались столкновенія съ Аракчеевымъ, вслѣдствіе чего ему 26 августа 1818 г. Высочайше повелѣно было быть Статсъ-Секретаремъ Государственнаго Совѣта по Департаменту Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ, откуда онъ перешелъ въ Департаментъ Государственной Экономіи (21 ноября 1821 г.). Хотя новое мѣсто было не ниже того, которое занималъ онъ при Аракчеевѣ, тѣмъ не менѣе, онъ принялъ его, какъ знакъ немилости къ нему Государя, о чемъ свидѣтельствуетъ письмо, которое онъ пытался передать Государю черезъ князя П. М. Волконскаго.[2] Въ 1826 году 17 декабря Марченко Высочайше

[1] «Русская старина», 1896 г., кн. 5, стр. 292 и 293.
[2] Тамъ же, 1901 г., кн. 5, стр. 369—371.

повелѣно было быть дѣлопроизводителемъ Секретнаго Комитета, учрежденнаго для разсмотрѣнія дѣйствій Комиссаріатскаго Вѣдомства въ послѣднія шесть лѣтъ (что черезъ семь мѣсяцевъ было приведено имъ къ окончанію). Комитетъ этотъ находился въ тѣсной связи съ отдачей подъ судъ въ 1817 году Военнаго Министра, князя Горчакова съ его ближайшими сотрудниками, вслѣдствіе обнаружившихся злоупотребленій по провіантскимъ дѣламъ. Въ 1827 году Марченко Всемилостивѣйше повелѣно было исполнять обязанности Государственнаго Секретаря,[1] а затѣмъ присутствовать въ Комитетѣ призрѣнія заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ. Въ 1830 году ему было Высочайше поручено удостовѣриться: точно ли допущены по Канцеляріи Комитета Министровъ тѣ безпорядки, о коихъ дошло до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества, что и исполнено въ тотъ же день. Вслѣдствіе этого, былъ отданъ подъ судъ Управляющій дѣлами Комитета Министровъ Ф. Ф. Г., который въ кабинетѣ Государя сознался въ подчисткахъ въ бумагахъ и въ другихъ противузаконныхъ поступкахъ. Въ 1834 году Марченко Всемилостивѣйше повелѣно было быть членомъ Государственнаго Совѣта. По отзывамъ современниковъ, онъ былъ образцовый чиновникъ и очень пріятный человѣкъ, но не отличался широтою мысли. Имъ были составлены, по Высочайшему повелѣнію, многіе важные указы (напримѣръ, о возвращеніи Сперанскаго), но личность его не оставила никакихъ осязательныхъ слѣдовъ въ нашемъ законодательствѣ. Въ Государственномъ Совѣтѣ онъ, обыкновенно, соглашался съ большинствомъ. Марченко скончался въ декабрѣ 1840 года.[2]

---

[1] Быть Государственнымъ Секретаремъ ему Всемилостивѣйше повелѣно уже 5 августа 1830 года.

[2] Печатныя свѣдѣнія о немъ чрезвычайно скудны. Напечатанныя въ «Русской старинѣ» за 1896 годъ записки его мало даютъ представленія объ его нравственномъ и умственномъ обликѣ и почти исключительно посвящены его служебной карьерѣ; съ этой стороны онѣ служатъ нѣкоторымъ дополненіемъ къ дѣлу о немъ въ архивѣ Государственнаго Совѣта. Кромѣ того, нѣкоторыя свѣдѣнія о немъ собраны въ книгѣ проф. Середонина: «Историческій обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ», т. 1, стр. 20, 40, 41, 391, 441, 604, 606; т. 2, ч. 1, стр. 31 и 32.

Самбурскій, Иванъ Ѳомичъ, происходилъ изъ дворянъ и поступилъ на службу капраломъ въ провіантскій штатъ въ 1791 году; здѣсь онъ дослужился до чина 7 класса (26 марта 1806 года) и побывалъ за это время въ трехъ походахъ (противъ Турціи съ конца 1791 года до мая 1792 въ Молдавіи и Бессарабіи, затѣмъ до 1793 года противъ Польши и въ 1805 году противъ французовъ). Въ началѣ Шведской войны онъ уже управлялъ Канцеляріей Генералъ-Интенданта арміи; въ декабрѣ 1808 года Аракчеевъ перевелъ его на службу къ себѣ, въ Департаментъ Военнаго Министерства. Въ время шведской войны Самбурскій съ успѣхомъ выполнялъ многія отвѣтственныя порученія Министра, а въ 1812 году въ теченіе всей кампаніи находился при Барклай-де-Толли, въ должности начальника отдѣленія Общей Военнаго Министерства Канцеляріи Главнокомандующаго арміею по всѣмъ частямъ Интендантскаго Управленія. За свои заслуги въ эту кампанію онъ былъ произведенъ въ военные совѣтники. 10 декабря 1815 года Самбурскій былъ назначенъ состоять при графѣ Аракчеевѣ для особыхъ порученій по военнымъ дѣламъ, какъ начальникѣ Собственной Его Величества Канцеляріи, и сдѣлался правой рукой его по составленію положеній о военныхъ поселеніяхъ. Это былъ человѣкъ огромныхъ дарованій, какъ видно по единогласному отзыву людей, его знавшихъ. Вотъ, напримѣръ, что пишетъ о немъ 16 сентября 1820 года Государственный Контролеръ баронъ Кампенгаузенъ графу Аракчееву: «какъ велика разница имѣть дѣло съ тяжелымъ и неподвижнымъ или съ остроумнымъ и проворнымъ человѣкомъ, сіе я никогда столь живо не чувствовалъ какъ нынѣ, когда въ то самое время занимался съ Самбурскимъ составленіемъ правилъ отчетности экономическаго комитета военныхъ поселеній. Весьма справедливо вы говорите, что онъ человѣкъ рѣдкихъ способностей».[1] Въ другомъ письмѣ Кампенгаузена къ Аракчееву значится: «Если бы я могъ найти человѣка подобнаго Самбурскому, то, конечно, много себя облегчилъ бы».[2] Спе-

[1] Н. Дубровинъ, «Письма главнѣйшихъ дѣятелей въ царствованіе Императора Александра I (1807—1829 годъ)», стр. 262.

[2] Тамъ же, стр. 321.

рапскій, скупой на похвалы, пишетъ Аракчееву: «г. Самбурскаго я давно знаю какъ добраго и способнаго работника».[1] Самбурскаго зналъ и цѣнилъ также Мордвиновъ. Онъ могъ разсчитывать на блестящую карьеру и, можетъ быть, былъ бы выдающимся государственнымъ дѣятелемъ, если бы неожиданное обстоятельство не помѣшало этому: въ 1817 году Самбурскій съ Военнымъ Министромъ княземъ Горчаковымъ и съ другими лицами, причастными къ провіантскимъ дѣламъ, былъ отданъ подъ судъ, вслѣдствіе обнаружившихся злоупотребленій. Аракчеевъ былъ страшно пораженъ этимъ и письма Клейнмихеля[2] къ нему свидѣтельствуютъ о томъ, какое участіе принималъ всемогущій временщикъ въ своемъ пострадавшемъ подчиненномъ. Какъ видно изъ писемъ къ Императору, Аракчеевъ съ одной стороны ходатайствовалъ за Самбурскаго передъ Государемъ, а съ другой продолжалъ пользоваться его услугами, хотя Самбурскій въ то время уже былъ уволенъ отъ службы. 30 ноября 1822 года Аракчеевъ писалъ Государю: «я долженъ просить у Васъ, Батюшка, о награжденіи извѣстныхъ Вамъ трехъ человѣкъ, изъ коихъ, Батюшка, Г. Самбурскій дѣйствительно заслуживаетъ представленной награды, ибо, во все время несчастнаго и безвиннаго его терпѣнія, онъ всею душею трудился при составленіи всѣхъ положеній, до военнаго поселенія касающихся, то и нахожу нужнымъ ободрить его, дабы не лишиться нужнаго и способнаго человѣка».[3] Извѣстный проектъ Аракчеева по крестьянскому вопросу составлялся при участіи Самбурскаго. Шильдеръ приводитъ современное свидѣтельство: «о проектѣ семъ, по приказанію графа Аракчеева, содержавшемся въ величайшей тайнѣ, знали тогда единственно находящійся при графѣ статскій совѣтникъ Самбурскій и чиновникъ, излагавшій проектъ, большею частью, со словъ графа Аракчеева и подъ руководствомъ Самбур-

[1] Н. Дубровинъ, «Письма главнѣйшихъ дѣятелей въ царствованіе Императора Александра I (съ 1807—1829 годъ)», стр. 362.

[2] Тамъ же, стр. 213, 216.

[3] Богдановичъ, «Исторія царствованія Императора Александра I и Россіи въ Его время», т. 6, стр. 118 (приложенія къ главѣ LXXXII).

скаго».[1] Хотя дѣло князя Горчакова продлилось до 1826 года, тѣмъ не менѣе въ 1821 году Самбурскій былъ снова принятъ на службу по военнымъ поселеніямъ и служилъ при Аракчеевѣ сначала Управляющимъ 2-мъ отдѣленіемъ дежурства Штаба отдѣльнаго Корпуса военныхъ поселеній, а затѣмъ членомъ комиссіи составленія проекта учрежденія о военныхъ поселеніяхъ. Въ 1826 году дѣло князя Горчакова было закончено. Самбурскій былъ признанъ виновнымъ въ злоупотребленіяхъ, но прощенъ по Высочайшему манифесту. Послѣ выхода въ отставку Аракчеева Самбурскій продолжалъ служить по военнымъ поселеніямъ, но въ 1830 году былъ приглашенъ хорошо знавшимъ его графомъ Дибичемъ на должность Директора его Канцеляріи, какъ Главнокомандующаго арміей, дѣйствующей въ Польшѣ. Такимъ образомъ, казалось, счастье опять улыбнулось Самбурскому; въ 1831, 1832 и 1833 годахъ, сверхъ должности Директора Канцеляріи Главнокомандующаго дѣйствующею арміею, онъ завѣдывалъ, до учрежденія Канцеляріи Намѣстника Царства Польскаго, всѣми дѣлами, въ составъ сей Канцеляріи входящими, а съ начала 1832 года ему непосредственно поручено было управленіе особымъ отдѣленіемъ этой Канцеляріи по пріему прошеній отъ жителей Царства Польскаго; этимъ отдѣленіемъ онъ и управлялъ по апрѣль 1834 года. Поссорившись однако въ это время съ преемникомъ Дибича, княземъ Паскевичемъ, Самбурскій долженъ былъ покинуть службу въ Царствѣ Польскомъ и снова былъ причисленъ къ Департаменту военныхъ поселеній. Въ 1835 году онъ былъ назначенъ Вице-Директоромъ послѣдняго, но въ 1839 году лишился зрѣнія и подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ должности; вмѣсто просимой отставки, Самбурскій, по представленію Военнаго Министра, былъ, во вниманіе къ его заслугамъ, назначенъ членомъ Общаго Присутствія Департамента, съ сохраненіемъ содержанія. Самбурскій скончался въ чинѣ тайнаго совѣтника въ 1854 году. По словамъ покойнаго издателя «Русской Старины» М. И. Семевскаго, въ его распоряженіе было передано наслѣдниками

[1] Шильдеръ, «Императоръ Александръ I, Его жизнь и царствованіе», СПБ., 1905, т. 4, стр. 44.

Самбурскаго огромное количество писемъ Аракчеева къ ихъ родственнику, но Семевскій успѣлъ обнародовать только очень немногія изъ нихъ, показывающія, что Самбурскій завѣдывалъ, по порученію Аракчеева, печатаніемъ писемъ Императора Александра I къ послѣднему.[1]

Персидскій, Алексѣй Ивановичъ. Крайне скудныя біографическія свѣдѣнія имѣются о третьемъ видномъ помощникѣ Аракчеева,—Алексѣѣ Ивановичѣ Персидскомъ. Онъ происходилъ изъ малороссійскаго шляхетства и, какъ большинство малороссійскихъ дворянъ, получивъ образованіе въ Кіевской академіи, поступилъ на военную службу. Въ ней онъ дослужился до чина подпоручика, а затѣмъ перешелъ въ Комиссаріатскій штатъ съ переименованіемъ въ гражданскій чинъ. Изъ Комиссаріата Персидскій перешелъ въ комиссію составленія воинскихъ уставовъ помощникомъ редактора. Послѣ образованія Общей Военнаго Министра Канцеляріи онъ опредѣленъ былъ въ нее секретаремъ (1 марта 1812 г.); за подвиги въ бытность въ арміи при Главнокомандующемъ ему пожалованъ орденъ св. Анны 2-ой степени. 10 декабря 1815 г. онъ былъ назначенъ въ Собственную Его Величества Канцелярію для исполненія порученій графа Аракчеева. Аракчеевъ цѣнилъ образованіе Персидскаго, въ особенности же знаніе имъ иностранныхъ языковъ, съ которыми самъ былъ очень мало знакомъ. Декабристъ Батенковъ, знавшій близко Персидскаго, рисуетъ его нравственный образъ съ самой выгодной стороны.[2] 31 декабря 1817 г. онъ былъ произведенъ въ военные совѣтники, а 1 февраля 1818 г. назначенъ помощникомъ Статсъ-Секретаря Государственнаго Совѣта по Департаменту Военныхъ Дѣлъ. 11 іюня 1821 г. Персидскій произведенъ въ 5 классъ съ назначеніемъ Предсѣдателемъ Экономическаго Комитета военныхъ поселеній. Эту должность онъ занималъ

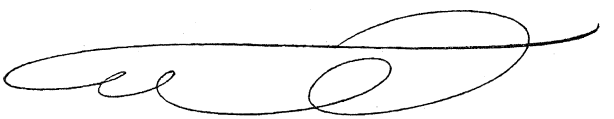
---

[1] «Русская старина», 1873 г., кн. 4, стр. 478. Упоминанія о Самбурскомъ встрѣчаются еще въ трудахъ Богдановича и Шильдера. Остальныя свѣдѣнія заимствованы изъ дѣла о немъ Московскаго отдѣленія общаго архива Главнаго Штаба за 1850 г., № 237.

[2] Н. Дубровинъ, «Письма главнѣйшихъ дѣятелей въ царствованіе Императора Александра I (съ 1807—1829 годъ)», стр. 467.

до тѣхъ поръ, пока Аракчеевъ управлялъ военными поселеніями и вышелъ въ отставку послѣ удаленія отъ дѣлъ его покровителя. Ему въ то время было 56 лѣтъ отъ роду. Онъ скончался 13 февраля 1842 года.[1]

Біографическія данныя о Н. Н. Муравьевѣ и А. С. Танѣевѣ находятся въ послѣдующихъ частяхъ, такъ какъ ихъ дѣятельность относится главнымъ образомъ къ позднѣйшему времени.

[1] «Сборн. Имп. Ист. Общ.», т. 62, стр. 145. Дѣло о немъ въ архивѣ Государственнаго Совѣта. Упоминается въ запискахъ Марченко.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Царствованіе Императора Николая I.

ГЛАВА 1-я.

Время управленія Статсъ-Секретаря Н. Н. Муравьева (1826—1832 гг.).

Въ началѣ новаго царствованія во главѣ Собственной Его Величества Канцеляріи сталъ Николай Назаровичъ Муравьевъ, а его мѣсто занялъ Александръ Сергѣевичъ Танѣевъ.[1] Ближайшимъ помощникомъ послѣдняго былъ сначала Александръ Николаевичъ Мордвиновъ, а затѣмъ въ 1827 году его смѣнилъ статскій совѣтникъ Ханыковъ; остальной составъ Канцеляріи былъ слѣдующій: камергеръ, коллежскій совѣтникъ Бехтѣевъ, камеръ-юнкеръ Кирѣевскій, котораго въ 1827 году смѣнилъ коллежскій ассесоръ Дурасовъ, и чиновникъ 14-го класса Велинскій. Первые трое назывались старшими чиновниками, а послѣдній младшимъ. Оклады ихъ содержанія были установлены въ 1826 году[2] и равнялись 5.000 р. и 4.500 р. для старшихъ чиновниковъ и 1.500 р. для младшаго чиновника.

Во время Высочайшаго пребыванія въ 1826 году въ Москвѣ Муравьевъ и Танѣевъ съ частью Канцеляріи находились при Государѣ,

[1] Онъ получалъ въ это время 1.500 р. пенсіи и 6.000 р. жалованья.

[2] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 311, «Исходящій журн. объявл. Высоч. повелѣніямъ за 1828 г.», кн. 5, л. 11 об.

а оставшимся въ Петербургѣ составомъ ея управлялъ А. Н. Мордвиновъ.

Относительно камергера А. С. Танѣева въ 1827 году Статсъ-Секретарь докладывалъ Государю: «Именнымъ Высочайшимъ указомъ, даннымъ Государственному Совѣту въ 20 день Генваря 1820 года, служащему въ Собственной Вашего Императорскаго Величества Канцеляріи Камергеру, Коллежскому (что нынѣ Статскій Совѣтникъ) Танѣеву повелѣно быть Помощникомъ Статсъ-Секретаря Государственнаго Совѣта по Департаменту Военныхъ дѣлъ. Съ симъ званіемъ не было сопряжено ни какой должности, ибо оно было, такъ сказать, почетнымъ, какъ для Г-на Танѣева, такъ и для многихъ другихъ, какъ-то: ГГ. Журавлева, Бижеича, Персидскаго и проч. Въ Іюнѣ мѣсяцѣ сего года Статсъ-Секретарь Марченко офиціально объявилъ Г. Танѣеву, что Ваше Императорское Величество, имѣя непремѣнное желаніе, чтобъ нигдѣ не находились на одномъ только счету чиновники безъ занятій,—Высочайше повелѣть соизволили: отчислить его, Танѣева изъ вѣдомства Государственной Канцеляріи съ тѣмъ, чтобъ получаемое имъ по Совѣту жалованье отпускаемо было ему изъ Государственнаго Казначейства. Поелику же объявляемое Высочайшее повелѣніе недостаточно для отмѣны Имяннаго Высочайшаго указа, то по случаю полученнаго нынѣ отъ Комитета Министровъ требованія объ исправленіи для перепечатанія на будущій 1828 годъ Гражданскаго списка, въ коемъ, а равно въ Адресъ Календарѣ и Формулярномъ спискѣ, Г. Танѣевъ сохранялъ доселѣ, по упомянутому указу, званіе Помощника Статсъ-Секретаря Государственнаго Совѣта, всеподданнѣйше повергаю въ Высочайшее Вашего Величества благоизволеніе: предоставить ли Г. Танѣеву сохранить на спискѣ званіе Помощника Статсъ-Секретаря, такъ какъ онъ, по Всемилостивѣйшему Вашего Величества соизволенію, по оному званію и жалованіе изъ Государственнаго Казначейства получаетъ?» Послѣдовала резолюція Государя: «сохранить званіе можетъ, бывъ и въ моей канцеляріи».[1] Несмотря на это А. С. Танѣевъ

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., «Дѣла I Отд. С. Е. В. Канц. за 1827 г.»

въ тотъ же годъ былъ отчисленъ изъ Государственной Канцеляріи, какъ показываетъ Высочайшее повелѣніе Министру Финансовъ 4 января 1829 года: «Государь Императоръ Высочайше повелѣть изволилъ, чтобъ производящееся Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Танѣеву, по тремъ указамъ, отъ 28-го Іюня 1816, 25-го Декабря 1817-го и 1820-го Генваря 21-го, жалованье, всего шесть тысячъ рублей, вмѣсто прежнихъ назначеній по бытности его въ Государственной Канцеляріи и позванію Помощника Статсъ-Секретаря Государственнаго Совѣта, за отчисленіемъ его по Высочайшему повелѣнію въ Іюнѣ мѣсяцѣ прошлаго 1827 года отъ Государственной Канцеляріи, считать полнымъ окладомъ жалованья по служенью его въ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи».[1]

Въ 1829 году составъ Канцеляріи былъ увеличенъ двумя младшими чиновниками. Одинъ изъ нихъ, Кашкаровъ, находился простымъ писаремъ при А. С. Танѣевѣ, когда послѣдній сопровождалъ Государя Императора въ дѣйствующую армію и, по ходатайству А. С. Танѣева, не въ примѣръ другимъ, былъ произведенъ въ чиновники 14-го класса.[2] Другой Попелла-Давидовъ былъ рекомендованъ Сенаторомъ Горголи для Канцеляріи Комитета Министровъ, но Государь обратилъ вниманіе на его необычайно хорошій почеркъ и велѣлъ опредѣлить его младшимъ чиновникомъ въ Свою Канцелярію.[3] Двое послѣднихъ получали по 800 рублей въ годъ. Въ томъ же году, по представленію Н. Н. Муравьева, Государю угодно было увеличить годовое жалованье чиновнику Ханыкову на 1.000 руб. (24 августа), а чиновнику Велинскому на 500 руб. (4 августа). Такимъ образомъ строго опредѣленнаго штата Канцеляріи все еще не было; онъ устанавливался представленіями Статсъ-Секретаря Государю по каждому отдѣльному случаю.

---

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 333, «Исходящій журн. объявл. Высоч. повелѣніямъ за 1829 г.», кн. 1, л. 13.

[2] Тамъ же, № 339, л. 214: «Двѣ всеподд. записки Дѣйств. Статск. Совѣт. Танѣева, о награжденіи писаря 1-го класса Кашкарова чиномъ 14-го класса», 22 іюля 1829 г.

[3] Тамъ же, л. 69: «Записка о письцѣ канцелярістѣ Попелѣ-Давыдовѣ, коего Государь Императоръ изъявить изволилъ желаніе опредѣлить въ Собственную Его Величества Канцелярію, при чемъ почеркъ руки его и копія съ докладной записки Управляющаго дѣлами Комитета Министровъ», 22 апрѣля 1829 г.

Какъ извѣстно, забота о составленіи «Свода Законовъ» и водореніи правосудія въ государствѣ болѣе всего занимала Императора Николая I въ началѣ Его царствованія. 31 января 1826 года послѣдовалъ Именной указъ на имя Предсѣдателя Государственнаго Совѣта свѣтлѣйшаго князя Лопухина, который гласилъ «при первоначальномъ обозрѣніи разныхъ частей Государственнаго управленія, обративъ особенное вниманіе на Уложеніе отечественныхъ Нашихъ Законовъ, усмотрѣлъ Я, что труды, съ давнихъ лѣтъ по сей части предпринятые, были многократно прерываемы, и потому доселѣ не достигли своей цѣли. Желая, сколь можно болѣе, удостовѣрить успѣшное ихъ совершеніе, Я призналъ нужнымъ принять ихъ въ непосредственное Мое вѣденіе. Для сего приказалъ Я учредить въ Собственной Моей Канцеляріи особое для нихъ Отдѣленіе. Чиновники Коммиссіи Законовъ частію войдутъ въ составъ сего Отдѣленія, частію получатъ другое назначеніе, службѣ ихъ и способностямъ соразмѣрное. Помѣщеніе сего Отдѣленія будетъ въ томъ самомъ домѣ, который доселѣ занимаемъ былъ Коммиссіею. Экономическія суммы, ей принадлежащія, поступятъ въ вѣдомство Министерства Финансовъ».[1] Во главѣ вновь учрежденнаго Отдѣленія былъ поставленъ старшій чиновникъ бывшей Комиссіи,— М. А. Балугьянскій. Прежняя Собственная Его Величества Канцелярія была теперь переименована въ I Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи. Хотя II Отдѣленіе съ самаго начала своей дѣятельности выступаетъ въ качествѣ самостоятельнаго учрежденія, тѣмъ не менѣе нельзя не установить первоначальной тѣсной связи между нимъ и I Отдѣленіемъ: первое время не только доклады Балугьянскаго на Высочайшее Имя идутъ черезъ Муравьева, но и начальники различныхъ учрежденій сносятся, обыкновенно, не непосредственно съ Балугьянскимъ, но черезъ Управляющаго I Отдѣленіемъ (напримѣръ, Капитулъ орденовъ о взысканіи денегъ съ чиновниковъ за пожалованные ордена). Только съ этого времени, строго говоря, Собственная Его Величества Канцелярія начинаетъ занимать опредѣленное мѣсто

[1] Полн. Собр. Зак., собраніе второе, № 114.

среди государственныхъ учрежденій (Аракчеевъ категорически утверждалъ, что «Собственная Его Величества Канцелярія не есть присутственное мѣсто»): теперь ей дается строго опредѣленный внѣшній видъ. Указомъ 14 января 1826 года чиновникамъ ея была присвоена форма по Высочайше утвержденному образцу.[1]

10 мая 1826 года Государь изволилъ повелѣть Главноуправляющему Путями Сообщенія, Министрамъ: Юстиціи, Просвѣщенія, Финансовъ, Управляющему Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, Канцлеру россійскихъ орденовъ, Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода, Статсъ-Секретарю Финляндіи, Статсъ-Секретарю у принятія прошеній, исправляющему должность Государственнаго Секретаря и Управляющему дѣлами Комитета Министровъ, чтобъ пакеты, заключающія дѣла ихъ къ Его Величеству, они доставляли каждое утро въ Собственную Его Величества Канцелярію.[2] По этому поводу 20 мая 1827 года Муравьевъ докладывалъ Государю: «1. Всеподданнѣйше испрашиваю Вашего Величества Высочайшаго разрѣшенія, не соизволители повелѣть такую же волю Вашего Величества сообщить и Исправляющему должность Государственнаго Контролера, не вдавнѣ опредѣленному? 2. Всеподданнѣйше доношу, что по оному Вашего Величества повелѣнію не было исполненія со стороны *Министра Финансовъ* никогда, кромѣ одного раза, во время послѣдняго Вашего Величества отсутствія въ Вязьму, а со сторонъ: Государственнаго Секретаря и Управляющаго дѣлами Ком. Министровъ, исполненіе прекратилось уже довольно давно; съ начала отъ перваго, а потомъ отъ втораго, — по причинамъ мнѣ неизвѣстнымъ». Государь приказалъ повторить это Высочайшее повелѣніе всѣмъ учрежденіямъ записками.[3]

Забота Императора о правосудіи сказалась, какъ нельзя болѣе, въ одной изъ мѣръ, которая послѣдовала по I Отдѣленію Собственной Его Величества Канцеляріи въ это время. 12 апрѣля 1826 года Статсъ-Секретарь Муравьевъ объявилъ Комитету Министровъ слѣдующее Высо-

[1] Полн. Собр. Зак., собраніе второе, № 57.
[2] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 280, «Дѣла I и II Отд. С. Е. В. Канц.», л. 19.
[3] Тамъ же, л. л. 19 и об.

чайшее повелѣніе: «Государь Императоръ, разсмотрѣвъ всеподданнѣйшую объяснительную записку Министра Юстиціи, о причинѣ, по коей долго производилось дѣло о дворовомъ мальчикѣ Надворнаго Совѣтника Криштафовича Козьминѣ, сужденномъ за кражу изъ Церкви 1 руб. 49 коп. и содержавшемся подъ стражею съ 17-го Іюля 1824 года,—Высочайше повелѣть мнѣ изволилъ сообщить Комитету Министровъ Высочайшую Его Величества волю, къ надлежащему поней немѣдленному со стороны Комитета исполненію, и состоящую въ слѣдующемъ: 1-е, Смоленскому Губернатору, за медленность въ производствѣ дѣла сего по присудственнымъ мѣстамъ ввѣренной ему Губерніи, сдѣлать выговоръ. 2-е, Объявить циркулярно, что по всѣмъ дѣламъ Его Императорское Величество требуетъ наиноспѣшнѣйшаго хода; и тѣмъ болѣе по таковымъ, въ коихъ есть арестанты, не рѣдко невинно содержащіеся, поставя навидъ, что Его Величество строжайше взыщетъ при первомъ подобномъ безпорядкѣ. 3, За точнымъ, по сей Его Величества волѣ, исполненіемъ въ Губерніяхъ смотрѣть въ особенности Губернскимъ Прокурорамъ, и въ случаяхъ небреженія, доносить Министру Юстиціи, который долженъ имѣть своею обязанностію ежемѣсячно представлять Государю Императору списки съ тѣхъ донесеній, присоединяя къ нимъ его заключеніе».[1] Дѣло о мальчикѣ, содержавшемся столько времени за такую незначительную кражу, повидимому, произвело очень глубокое впечатлѣніе на Государя. Поэтому 26 августа того же года Государь повелѣлъ Муравьеву, чтобы онъ истребовалъ отъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ самыя подробныя свѣдѣнія о томъ, сколько въ разныхъ мѣстахъ Имперіи содержится арестантовъ, находящихся подъ слѣдствіемъ, и по полученіи этихъ свѣдѣній представилъ ихъ на Высочайшее усмотрѣніе. 4 сентября 1826 года Муравьевъ, находившійся въ Москвѣ при Государѣ, писалъ А. Н. Мордвинову: «Изъ Москвы въ I отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи будутъ доставлять вѣдомости объ арестантахъ. Изъ нихъ выбирать по прилагаемой формѣ и составлять

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 251, «2 часть исходящаго журн. объявл. Высоч. повелѣніямъ за 1826 г.», кн. 3, л. л. 10—11.

по Губерніямъ вѣдомости о тѣхъ изъ арестантовъ, кои продолжительное время содержутся, противъ которыхъ означено долго; вообще сюда идутъ тѣ арестанты, кои еще поступили до 1826-го года.—Составленныя такимъ образомъ вѣдомости, при отношеніяхъ, изготовленныхъ также по формѣ, здѣсь находящейся, по дѣламъ въ Сенатѣ къ Мин. Юстиціи; по дѣламъ въ Губернскихъ Судебныхъ мѣстахъ—къ Генералъ-Губернаторамъ, гдѣ они есть, а о прочихъ къ Граждан. Губерн.;—(это исполнять немедленно), доставлять ко мнѣ сюда къ подписанію».[1] Съ этого времени подобнаго рода донесенія объ арестантахъ систематически поступаютъ въ I Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи, и ими наполненъ архивъ послѣдняго. По нимъ можно судить лучше всего о медленности тогдашняго судопроизводства. Напримѣръ, въ донесеніи изъ Кіева отъ 12 января 1827 года значатся шесть крестьянъ, арестованныхъ за корчемство еще въ іюнѣ 1824 года, одна женщина, по подозрѣнію въ укрывательствѣ украденныхъ вещей,—еще съ мая того же года, а двое евреевъ за найденные у нихъ фальшивые штемпеля,—съ 1 декабря 1823 года. Государь всегда съ особымъ вниманіемъ просматривалъ эти вѣдомости, и Муравьевъ безпрестанно напоминалъ, по Высочайшему повелѣнію, Министру-Юстиціи, Генералъ-Губернаторамъ и Губернаторамъ о необходимости ускорить судопроизводство. Такъ, напримѣръ, 10 сентября 1826 года Н. Н. Муравьевъ пишетъ С.-Петербургскому Генералъ-Губернатору: «Государь Императоръ, усмотрѣвъ изъ донесеній объ арестантахъ, что нѣкоторые изъ нихъ, въ прилагаемой здѣсь вѣдомости означенные, содержаться продолжительное время,—Высочайше повелѣть мнѣ изволилъ получить отъ Вашего Высокопревосходительства свѣдѣніе, отъчего дѣла о сихъ арестантахъ замедляются въ ихъ рѣшеніи, и сообщить вамъ, Милостивый Государь, Его Величества Высочайшую волю, чтобъ оныя приведены были въ скорѣйшемъ времяни къ окончанію». То же самое тогда было писано: 1) Министру

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 236, «Переписка по дѣламъ о содержавшихся повсемѣстно арестантахъ 1826 года», кн. 1, л. 26.

Юстиціи князю Лобанову-Ростовскому, 2) Нижегородскому, Саратовскому и Симбирскому Генералъ-Губернатору Бахметеву, 3) Кіевскому Гражданскому Губернатору Ковалеву, 4) Псковскому Гражданскому Губернатору Адеркасу, 5) Оренбургскому Военному Губернатору Эссену и 6) Малороссійскому Военному Губернатору князю Рѣпнину.[1] Нерѣдко Государь останавливалъ свое вниманіе на отдѣльныхъ лицахъ. Такъ, напримѣръ, 17 сентября того же года Муравьевъ пишетъ князю Лобанову-Ростовскому: «Государь Императоръ, усмотрѣвъ изъ донесеній объ арестантахъ, что въ Городѣ Литинѣ (Подольской Губерніи) содержится Еврей Зиндель Перцевичь отъ 23 Декабря 1824 года, окоемъ дѣло производится въ Кіевскомъ Главномъ судѣ, и въ Городѣ Соколкѣ (Бѣлостокской Области) содержится: Еврейка Сора Ропортова съ 17 Іюня 1825 года и Еврей Абрамъ Фильглинъ съ 11 Августа 1825, окоихъ дѣло производится въ Витебскомъ Губернскомъ Правленіи,— изъявилъ Высочайшую Свою волю, чтобъ дѣла сіи приведены были въ скорѣйшемъ времяни къ окончанію».[2] Эта дѣятельность I Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи уменьшилась только въ послѣдующее царствованіе, когда, послѣ великихъ реформъ Царя Освободителя, старый судъ съ его волокитой отошелъ въ область преданій, и болѣе не представлялось надобности въ такихъ постоянныхъ напоминаніяхъ судьямъ объ ихъ обязанностяхъ.

Начало царствованія Императора Николая ознаменовалось, какъ извѣстно, цѣлымъ рядомъ ревизій въ различныхъ губерніяхъ. Ревизіи эти происходили подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Государя, и дѣлопроизводство по нимъ сначала было сосредоточено въ I Отдѣленіи Собственной Его Величества Канцеляріи. Особенно замѣчательна была ревизія Курской губерніи, произведенная Сенаторомъ княземъ А. А. Долгоруковымъ. Поводомъ къ ней послужило уменьшеніе питейныхъ доходовъ губерніи, уже задолго до этого времени замѣченное Министромъ Финансовъ: въ 1819 году было продано казеннаго вина

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 251, «2 часть исходящаго журн. объявл. Высоч. повелѣніямъ за 1826 г.», л.л. 24 об., 26.

[2] Тамъ же, л. 47.

до 1.200.000 ведеръ, а въ 1824 году только 600.000, вслѣдствіе чего Министромъ былъ командированъ на мѣсто чиновникъ особыхъ порученій дѣйствительный тайный совѣтникъ Назимовъ. Послѣдній обнаружилъ: «а) содержаніе чиновниками Уѣзднаго Правленія на своемъ иждивеніи лучшихъ питейныхъ домовъ подъ именами винопродавцевъ, съ коихъ за каждое продажное ведро вина берутъ по 10 руб., предоставляя своимъ сидѣльцамъ пользоваться выручаемыми сверхъ того деньгами. Въ доказательство чего два изъ таковыхъ винопродавцевъ представили вырученные по таковому расчету деньги; б) при продажѣ вина, обмѣръ, порча онаго водою и взиманіе излишнихъ денегъ простирается до того, что по мѣлочной продажѣ ведро вина обходится въ 16 рублей».[1] Ревизія эта встрѣтила затрудненія со стороны Губернатора К., о чемъ Министръ Финансовъ донесъ Государю въ маѣ 1826 года. Государь потребовалъ все дѣло въ I Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи, а новое слѣдствіе было поручено генералъ-адъютанту князю Т. Въ запискѣ Муравьева по этому поводу 27 мая 1826 года сказано: «огромное Назимовское дѣло третьяго дня поступило въ Канцелярію Вашего Величества. Вчера я объяснился со слѣдователями. Сего дня они за дѣломъ въ Канцеляріи. Я полагаю, что имъ надобно будетъ дни четыре или пять, чтобы со строгою точностію вывесть на видъ *письменно* всѣ основанія, въ дѣлѣ документально находящіяся, которыя служили ихъ отчету въ Министерство Финансовъ. Зло неопровергаемо. Но я вѣрноподданнѣйше желаю, чтобы оно изложилось во всей ясности предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ и на столь неотрицаемыхъ основаніяхъ, чтобы уже ни въ Сенатѣ, и ни гдѣ, ни гдѣ, и ни по какимъ домогательствамъ не поколебалось оно съ нихъ. Сей ради причины всеподданнѣйше прошу Ваше Величество дозволить мнѣ, по Высочайшему Вашему Соизволенію, здѣлать Министру Финансовъ вопросъ, въ проектѣ при семъ изложенный.[2] Коль скоро Назимовъ окончитъ дѣло свое въ Канцеляріи Вашего Величества, я тотчасъ велю

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 233, «Переписка о злоупотребленіяхъ по Курской губерніи по питейной продажѣ», л. 11 об.

[2] При запискѣ проекта нѣтъ.

ему явиться къ Генер.-Адъют. князю Т. Остальныя мелочи или подробности и товарищъ его одинъ додѣлаетъ. Они кажутся совершенно согласны». На эту записку послѣдовала слѣдующая Высочайшая резолюція 29 мая того же года: «можно Назимову велеть и теперь же явиться къ К. Т.».[1] 3 іюня 1826 года Муравьевъ подалъ Государю другую записку: «такъ какъ я не ожидаю имѣть щастье нѣсколько дней быть съ дѣлами у Вашего Императорскаго Величества и опасаясь, чтобы между тѣмъ непослѣдовало окончательныхъ Высочайшихъ разпоряженій о порученіи кн. Т., осмѣливаюсь симъ вѣрноподданнически представить, не соизволите ли Ваше Величество повелѣть отправить съ нимъ и съ Назимовымъ извѣстнаго Вашему Величеству Стат. Совѣт. Бедрягу, человѣка, наравнѣ съ Назимовымъ, самымъ дѣломъ дознаннаго благороднымъ, твердымъ и знающимъ въ дѣлахъ слѣдственныхъ, полицейскихъ и судебныхъ. Мнѣ кажется, самъ Назимовъ будетъ радъ подобному товариществу. Бедрягѣ Курская Губернія очень извѣстна и особенно со стороны полицейской. Я вѣрноподданнѣйше полагаю, что онъ возлагаемое на кн. Т. дѣло весьма облегчитъ и ускоритъ окончаніемъ. Мысли сіи повергаю къ ногамъ Вашего Величества отъ свѣдѣній моихъ изъ прежнихъ дѣлъ Собственной Вашего Величества Канцеляріи». На эту записку Государь изволилъ положить резолюцію: «Я уже имѣлъ намѣреніе приказать М. Вну. Дѣлъ назначить Бедрягу для сего порученія можно переговорить объ томъ съ Г. Бенкендорфомъ и съ К. Т.».[2]

Князь Т. не оправдалъ, однако, Высочайшаго довѣрія. Онъ представилъ Государю записку, въ которой всячески старался обѣлить К., Государь отнесся къ этому докладу съ чрезвычайнымъ недовѣріемъ: такъ, напримѣръ, на К. поступали жалобы, что подати въ его губерніи взыскиваются съ непомѣрной жестокостью. Князь Т. писалъ по этому поводу: «развѣдывая подъ рукою, распрашивая Губернскаго и Уѣздныхъ Предводителей и другихъ почетныхъ дворянъ, бывши самъ лично въ

---

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 233, «Переписка о злоупотребленіяхъ по Курской губерніи по питейной продажѣ», л. 37.

[2] Тамъ же, л. 38.

Обоянскомъ и Льговскомъ Уѣздахъ, такъ же командируя секретнымъ образомъ чиновниковъ, я наконецъ по всѣмъ изысканіямъ удостовѣрился, что: взысканіе податей производится съ принужденіемъ и нѣкоторою строгостію, *сажаютъ на кропиву*, наказываютъ слегка розгами и употребляютъ разныя другія понудительныя средства, кои, однако, по признанію самыхъ поселянъ, весьма нужны для нерадивыхъ и упорныхъ; но что все сіе дѣлается не безчеловѣчно и тирански, а больше только для стыда и страха, безъ вреда здоровью. Притомъ же взысканіе податей вообще производится не самими исправниками лично, а чрезъ сельскихъ Головъ, выборныхъ, писарей и служителей Земской Полиціи». Напечатанныя курсивомъ слова Государь изволилъ подчеркнуть карандашомъ и начертать противъ нихъ: «стало пытка». Въ другомъ мѣстѣ князь писалъ объ обоянскомъ исправникѣ П.: «жалобъ на притѣсненія и жестокости его не поступало и подѣламъ о томъ не видно. Впрочемъ, онъ дѣятеленъ и расторопенъ по своей должности и не упускаетъ такъ же, какъ многіе говорятъ, *удобнаго случая для соблюденія собственнаго интереса*». Послѣднія слова подчеркнуты также карандашомъ и противъ нихъ рукою Государя написано: «стало плутъ»,[1] и т. д.

Между тѣмъ 6 августа 1826 года Муравьевъ представилъ Государю докладную записку слѣдующаго содержанія: «не ожиданно получивъ сего дня отъ Г. Назимова письмо, касательно возложеннаго на него въ Курской Губерніи дѣла, почитаю моимъ всеподданнѣйшимъ долгомъ оное съ симъ поднесть въ подлинникѣ Вашему Императорскому Величеству. Если Ваше Величество изволите приказать мнѣ объясниться съ г. Полтарацкимъ, то я сдѣлаю».[2] Въ письмѣ Назимова значится: «я далѣкъ отъ притеснѣнія праваго, но столько же далѣкъ скрывать алчнаго притеснителя человечества, а, видя его въ дѣйствіяхъ К., не могу дать иного направленія души моей, какъ находить его виновнымъ. Товарищъ мой Г. Бедряга, такъ же, какъ и я, ничемъ не занятъ,

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 233, «Переписка о злоупотребленіяхъ по Курской губерніи по питейной продажѣ», л. 141 и об.

[2] Тамъ же, л. 206.

слѣдовательно мы оба здѣсь совѣршенно безъ пользы. Одинъ только Титулярной Совѣтникъ Ш., взятый Княземъ изъ Питербурга, пользуясь всѣю довѣренностію его, знаетъ ходъ дѣла; мы же до такой степени въ неизвѣстности, что не слышимъ отъ Князя ни слова объ ономъ и невидали никакой бумаги, имъ полученной; но бывая ежедневно у Князя, когда случается видѣть Ш., сидящаго за бумагами, то онъ оборачиваетъ оныя для предупреждѣнія мнимаго любопытства моего ихъ видѣть. Сближеніе Князя съ К. съ первой минуты пріезда его въ Курскъ, и продолжающѣеся дружеское расположеніе, даже публично, отняло совѣршенно у всѣхъ здѣшнихъ надѣжду къ защитѣ ихъ противъ сего притеснитѣля».[1] На конвертѣ, въ который было вложено письмо къ Муравьеву, значится, что его доставилъ курскій обыватель Полтарацкій, желавшій лично переговорить съ Н. Н. Муравьевымъ. Вскорѣ Муравьевъ получилъ письмо отъ К., въ которомъ тотъ просилъ его о заступничествѣ передъ Государемъ. Послѣдній документъ былъ также представленъ Государю при докладной запискѣ. Государь послалъ докладъ князя Т. и письма, полученныя Муравьевымъ, на заключеніе графа (впослѣдствіи князя) В. П. Кочубея; послѣдній нашелъ представленія князя Т. заслуживающими вниманія и считалъ вполнѣ естественнымъ уменьшеніе питейныхъ доходовъ губерніи; онъ утверждалъ даже, что прежній Вице-Губернаторъ для увеличенія питейныхъ доходовъ прибѣгалъ къ незаконнымъ средствамъ, заставляя, напримѣръ, волости казенныхъ крестьянъ покупать обязательно извѣстное количество казеннаго вина. Въ заключеніе онъ писалъ: «остается упомянуть о тѣхъ свѣденіяхъ, кои могъ бы доставить Г. Полтарацкій... Я не полагаю, чтобъ свѣденія сіи могли быть съ лишкомъ обстоятельны; но впротчемъ, если Г. Полтарацкій къ открытію истинны имѣетъ дѣйствительно представить какія-либо изъясненія, то можетъ онъ сообщить оныя или теперь, *утвердя показанія свои подписью,* или въ послѣдствіи, буде наряжены будутъ Сенаторы для ревизіи Курской Губерніи».[2] Тогда

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 233, «Переписка о злоупотребленіяхъ по Курской губерніи по питейной продажѣ», л.л. 204 об. и 205.

[2] Тамъ же, л. 210.

Государю благоугодно было поручить ревизію Курской губерніи кн. А. А. Долгорукову. 28 августа Н. Н. Муравьевымъ былъ составленъ проектъ Высочайшаго повелѣнія послѣднему: «Государь Императоръ, избирая Ваше Сіятельство для ревизіи Курской Губерніи, соизволилъ призвать Васъ въ свое время, для объявленія Вамъ Высочайшихъ Своихъ повелѣній. Его Величеству угодно, чтобъ Вы, Мил. Гд-рь, нынѣ же предварительно объяснились по предмету нѣкоторыхъ дѣлъ по Курской Губерніи съ Д. Т. С. Графомъ Кочубеемъ».[1] Однако Государю угодно было объявить князю Свою волю устно.

Между тѣмъ въ I Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи поступило отъ Министра Финансовъ новое разслѣдованіе, произведенное чиновникомъ особыхъ порученій Богдановымъ, по доносу еврея Пинуса на одного курскаго помѣщика. Дѣло объ этомъ было отослано къ князю Долгорукову. 28 августа 1826 года Муравьевъ испрашивалъ Высочайшее повелѣніе: «При Кн. Т., Всемилостивѣйшій Государь! находилось два чиновника: *К. и Ш.* Первой отъ Министерства Финансовъ, второй изъ Канцеляріи Комитета раненыхъ. Первой изъ нихъ былъ Княземъ употребленъ и на слѣдствіе, и развѣдываніе, и на письмо. Донесенія Кн. Т-у, отъ него сдѣланныя, поступили въ составъ донесеній Кн. Т. Вашему Величеству. Онъ и Кн. Долгорукову всячески можетъ быть полезенъ.—Другой же Ш., думаю, былъ у Кн. Т. довѣреннѣйшій. Котораго изъ сихъ двухъ, имянно, Ваше Величество соизволяете прикомандировать къ Кн. Долгорукову? За симъ всеподданнѣйше испрашиваю Высочайшаго Вашего Величества приказанія объявить Высочайшую волю Вашу и Назимову, и Бедрягѣ, и Богданову, и одному или обоимъ изъ вышепоимянованныхъ, чтобъ находились въ вѣдѣніи и распоряженіи Сенатора Кн. Долгорукаго, имѣющаго ревизовать Курскую Губернію,—и сего о таковой Вашего Величества волѣ увѣдомить, ибо начальства ихъ розсѣяны и отдалены, и Кн. Т., кажется, уже письменно далъ имъ отъ себя свободу». Государь положилъ резолюцію: «предоставить К. Долгорукову брать ихъ или нѣтъ; а Г. Бедрягѣ,

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 233, «Переписка о злоупотребленіяхъ по Курской губерніи по питейной продажѣ», л. 218.

Назимову и Богданову велеть явиться къ нему».[1] По всеподданнѣйшему докладу Муравьева того же числа, къ князю Долгорукову были отосланы изъ Собственной Его Величества Канцеляріи всѣ относящіяся къ дѣлу бумаги.

Облеченный Высочайшимъ довѣріемъ князь Долгоруковъ вполнѣ оправдалъ его. Онъ раскрылъ множество злоупотребленій Губернатора, вслѣдствіе чего послѣдній былъ устраненъ отъ должности и отданъ подъ судъ. Кромѣ того, имъ была составлена обширная записка о нуждахъ губерніи, на которой Государю благоугодно было начертать: «Передать въ Коми. Минис., я желаю, чтобъ при чтеніи сего донесенія присутствовали всѣ Г. Министры; тѣ же статьи сего донесенія, кои по роду своему подлежатъ разсужденію Государ. Совѣта, перенести потомъ во оной. На все сіе обратить все вниманіе и доставить мнѣ мнѣніе Комит. и Совѣта, въ возможной скорости».[2]

Какъ извѣстно, въ тѣсной связи съ этими ревизіями находится возникновеніе III Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи, чрезъ которое должны были теперь производиться всѣ подобныя дѣла подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Его Императорскаго Величества. Именной указъ 3 іюля 1826 года, данный Управляющему Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, гласитъ: «признавая нужнымъ устроить подъ начальствомъ Генералъ-Адъютанта Бенкендорфа третіе Отдѣленіе при Собственной Моей Канцеляріи, Я повелѣваю: Особенную Канцелярію Министерства Внутреннихъ дѣлъ уничтожить, обратя, по выбору Генералъ-Адъютанта Бенкендорфа, часть чиновниковъ оной подъ управленіемъ Дѣйствительного Статскаго Совѣтника фонъ-Фока въ составъ сего Отдѣленія. Предметами занятій сего 3 Отдѣленія Собственной Моей Канцеляріи назначаю: 1. Всѣ распоряженія и извѣстія по всѣмъ вообще случаямъ высшей Полиціи. 2. Свѣденія о числѣ существующихъ въ Государствѣ разныхъ сектъ и расколовъ. 3. Извѣстія объ открытіяхъ по фальшивымъ ассигнаціямъ, монетамъ, штемпе-

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 233, «Переписка о злоупотребленіяхъ по Курской губерніи по питейной продажѣ», л.л. 219 и 220.

[2] Тамъ же, л. 580.

лямъ, документамъ и проч., коихъ розысканія и дальнѣйшее производство остается въ зависимости Министерствъ: Финансовъ и Внутреннихъ дѣлъ. 4. Свѣденія подробныя о всѣхъ людяхъ, подъ надзоромъ Полиціи состоящихъ, равно и всѣ по сему предмету распоряженія. 5. Высылка и размѣщеніе людей подозрительныхъ и вредныхъ. 6. Завѣдываніе наблюдательное и хозяйственное всѣхъ мѣстъ заточенія, въ кои заключаются Государственные преступники. 7. Всѣ постановленія и распоряженія объ иностранцахъ, въ Россіи проживающихъ, въ предѣлъ Государства прибывающихъ и изъ онаго выѣзжающихъ. 8. Вѣдомости о всѣхъ безъ исключенія произшествіяхъ. 9. Статистическія свѣденія, до Полиціи относящіяся. На основаніи сихъ началъ, предписываю вамъ: 1. Переобразовать тотчасъ по вышеписанному Особенную Канцелярію Министерства Внутреннихъ дѣлъ въ составъ 3 Отдѣленія Собственной Моей Канцеляріи. 2. Распредѣлить всѣ производившіяся въ сей Канцеляріи дѣла, кои выше не обозначены и кои оставаться должны въ завѣдываніи Министерства Внутреннихъ дѣлъ, по другимъ Департаментамъ сего Министерства. 3. Предписать всѣмъ Начальникамъ Губерній и сообщить другимъ лицамъ, до которыхъ сіе касаться можетъ, дабы они о всѣхъ вышеизложенныхъ предметахъ, входящихъ въ составъ 3 Отдѣленія Собственной Моей Канцеляріи, доносили прямо на имя Мое, съ надписаніемъ 3 Отдѣленію сей Моей Канцеляріи. Наконецъ 4, войти въ надлежащее сношеніе съ Генералъ-Адъютантомъ Бенкендорфомъ о всѣхъ средствахъ, кои представятся успѣшнѣйшими къ исполненію сего устройства».[1] Вновь основанное III Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи стало дѣйствовать со слѣдующаго года, вслѣдствіе чего значительное количество дѣлъ перестало поступать въ I Отдѣленіе, какъ, напримѣръ, представленіе Государю таблицъ о важнѣйшихъ въ государствѣ происшествіяхъ.

Уже раньше Собственная Его Величества Канцелярія очень много занималась дѣлами, касавшимися положенія крестьянъ. Изъ такихъ

[1] Полн. Собр. Зак., собраніе второе, № 449.

дѣлъ въ началѣ царствованія Императора Николая I въ особенности интересовало правительство дѣло о злоупотребленіяхъ въ Курской губерніи въ имѣніи вдовы тайнаго совѣтника Ольги Б. Оно началось вслѣдствіе жалобы, поданной крестьянами этой помѣщицы въ 1822 году Государю черезъ графа Аракчеева. Изслѣдовать это дѣло былъ командированъ на мѣсто состоявшій въ распоряженіи Министра Внутреннихъ Дѣлъ статскій совѣтникъ Бедряга, который составилъ обширную записку (около 100 страницъ очень убористаго письма), въ которой были изложены подробно самыя вопіющія злоупотребленія помѣщичьей властью. Записка эта чрезвычайно интересна въ бытовомъ отношеніи: у крестьянъ лучшія земли были отрѣзаны на помѣщицу; въ работѣ на барщинѣ не соблюдались ни воскресенья, ни другіе праздничные дни; крестьяне были совершенно разорены поборами, и большинство ихъ ходило по міру. Хлѣбъ ссужался крестьянамъ съ лихвой, и за долгъ у нихъ отбирались конопля и пенька, весьма выгодные въ тѣхъ мѣстахъ продукты. Помѣщица задумала строить церковь,—въ работахъ участвовали даже беременныя женщины, изъ которыхъ для многихъ это имѣло роковыя послѣдствія; матери не имѣли даже времени кормить дѣтей; малолѣтніе занимались возкой кирпича безъ очереди, и общимъ правиломъ было то, что крестьяне должны были додѣлывать ночью, если они не успѣвали сдѣлать все днемъ. Вообще помѣщица не считала нужнымъ увольнять больныхъ отъ барщины. На ткацкой фабрикѣ, устроенной помѣщицей, даже малолѣтніе работали безъ отдыха, и т. д.[1] Однако, благодаря большимъ связямъ помѣщицѣ удалось добиться того, что донесенію Бедряги не былъ данъ законный ходъ, и только послѣ вторичнаго разслѣдованія дѣла, въ началѣ слѣдующаго царствованія, Сенаторомъ княземъ А. А. Долгоруковымъ, 12 октября 1826 года, послѣдовала Высочайшая резолюція объ отдачѣ этого имѣнія подъ опеку, а священника Гапонова, завѣдывающаго постройкой церкви, повелѣно было заключить въ монастырь. Однако, исполненіе этого замедлилось на 8 мѣсяцевъ безъ

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 233, «Переписка о злоупотребленіяхъ по Курской губерніи по питейной продажѣ», л.л. 334—430.

всякихъ законныхъ причинъ. Вслѣдствіе этого, въ августѣ 1827 года, Н. Н. Муравьевъ объявилъ Комитету Министровъ Высочайшее повелѣніе: «чтобы Министры представляли Его Величеству къ 1 числу каждаго мѣсяца самыя краткія вѣдомости объ Именныхъ указахъ и Высочайшихъ повелѣніяхъ, по каждому изъ ввѣренныхъ имъ Министерствъ полученныхъ, съ означеніемъ времени, когда оныя состоялись и когда сдѣланы дѣйствительныя по нимъ исполненія. Сверхъ сего, Его Величество Высочайше соизволяетъ, чтобъ всѣ Губернаторы о каждомъ полученномъ ими Высочайшемъ повелѣніи чрезъ Правительствующій Сенатъ, Министровъ и другихъ лицъ, равно какъ и о дѣйствительномъ исполненіи оныхъ, доносили Его Величеству, надписывая на кувертахъ таковыхъ донесеній: «*По 1-му Отдѣленію Собственной Его Величества Канцеляріи*».[1] 3 сентября послѣдовало Высочайшее повелѣніе, циркулярно сообщенное Министрамъ и Главнымъ Начальникамъ Гражданскихъ Вѣдомствъ тѣмъ же Н. Н. Муравьевымъ: «Государю Императору угодно, чтобъ отъ всѣхъ Государственныхъ Министровъ и Главныхъ гражданскихъ вѣдомствъ были доставляемы копіи въ 1-е Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи со всѣхъ Имянныхъ Его Императорскаго Величества Указовъ, кромѣ секретныхъ, въ тотъ же самый день, какъ оные будутъ Высочайше подписаны и тѣми вѣдомствами получены для надлежащаго въ томъ Отдѣленіи свѣденія. Копіи сіи должны быть засвидѣтельствованы самими Министрами или Главными Начальниками оныхъ вѣдомствъ».

Какъ докладывалъ впослѣдствіи А. С. Танѣевъ Императору Александру II, мѣра эта вызвала сначала сильное противодѣйствіе со стороны высшаго чиновничества.[2] Министры въ подаваемыхъ ими вѣдомостяхъ сначала ограничивались тѣмъ, что обозначали, что то или другое Высочайшее повелѣніе передано куда надлежитъ. Вслѣдствіе этого 21 сентября 1827 года было объявлено Н. Н. Муравьевымъ Комитету Министровъ новое Высочайшее повелѣніе: «вѣдомости сіи должны

[1] Полн. Собр. Зак., собраніе второе, № 1334.

[2] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 676, «Дѣла I Отд. С. Е. В. Канц. за 1856 г.»: «Отчетъ по I Отд. Собственной Вашего Императорскаго Величества Канцеляріи за 1855 г.», л. 6.

заключать въ себѣ три отдѣленія: первое—о поступившихъ въ теченіи мѣсяца вновь Высочайшихъ указахъ и повелѣніяхъ, съ показаніемъ противъ нихъ, какое и когда по Министерствамъ сдѣлано по нимъ распоряженіе; второе—о полученныхъ прежде въ Министерствахъ Высочайшихъ указахъ и повелѣніяхъ, кои чрезъ предписанія или распоряженія Министерствъ, бывъ переданы къ исполненію въ нижнихъ Инстанціяхъ, или по Губерніямъ, требуютъ для окончанія своего нѣкотораго времяни,—съ отмѣтками противъ нихъ, что ожидаются отвѣтныя донесенія; и послѣднее—о тѣхъ Высочайшихъ указахъ и повелѣніяхъ, о коихъ получатся въ Министерствахъ извѣщенія, что оныя дѣйствительно исполнены, съ означеніемъ противъ оныхъ откуда и когда получено отвѣтное донесеніе. Отвѣтными донесеніями почитать не извѣщенія о полученныхъ со стороны Министерствъ предписаніяхъ или сообщеніяхъ, но тѣ, по коимъ будетъ извѣщаемо, что по Высочайшему указу или повелѣнію, уже сдѣлано надлежащее окончательное исполненіе».[1]

Какъ докладывалъ впослѣдствіи Императору Александру II А. С. Танѣевъ, Государь «самъ изволилъ начертать на листѣ бумаги расположенія вѣдомостей».[2]

Императоръ Николай I, просматривая ежемѣсячно представляемыя въ I Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи таблицы Высочайшихъ повелѣній, постоянно обращалъ вниманіе на то, что многія изъ нихъ приводятся чрезвычайно медленно въ исполненіе. Муравьевъ безпрестанно объявлялъ тому или другому Министру Высочайшія повелѣнія объ ускореніи дѣлъ. Такъ, напримѣръ, онъ пишетъ отъ 15 октября 1827 года Министру Финансовъ гр. Е. Ф. Канкрину: «Государь Императоръ, при разсмотрѣніи представленной Вашимъ Превосходительствомъ Его Величеству вѣдомости о Высочайшихъ указахъ и повелѣніяхъ за минувшій Сентябрь м-цъ, замѣтить изволилъ въ ней слѣдующія

---

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 276, «Исходящій журн. объявл. Высоч. повелѣніямъ за 1827 г.», кн. 3, л. 162.

[2] Тамъ же, № 676, «Дѣла I Отд. С. Е. В. Канц., за 1856 г.»: «Отчетъ по I Отд. Собственной Вашего Императорскаго Величества Канцеляріи за 1855 г.», л. 5 об.

медленности въ ходѣ дѣлъ. *По Коммисіи Погашенія долговъ.* Положеніе Комитета Министровъ объ удовлетвореніи регулярныхъ войскъ и ополченія за 1814 и 1815 годы жалованьемъ состоялось 26 Февраля, а получено въ Коммисіи 12-го Апрѣля сего года. *По Департаменту Государственнаго Казначейства.* Положеніе Комитета Министровъ объ опредѣленіи въ 4 Земскіе Суды Казанской Губерніи засѣдателей состоялось 26-го Генваря сего года, а поступило въ Департаментъ 27 Сентября. *По Департаменту Государственныхъ Имуществъ.* Положеніе Комитета Министровъ: 1, о удовлетвореніи Зотовыхъ за землю, имъ пожалованную, получено 11-го Августа, а предписаніе дано 20 тогожъ м-ца; 2, о дозволеніи казеннымъ Обществамъ нанимать въ Волостные Писаря постороннихъ людей въ Волостяхъ, населенныхъ татарами, черемисами и чувашами, получено 11-го Августа, а предписаніе дано 24-го того жъ м-ца»[1] и т. д.

Такими замедленіями было вызвано Высочайшее повелѣніе 3 ноября 1827 года, объявленное Комитету Министровъ Н. Н. Муравьевымъ, «чтобъ всѣ Г.г. Министры и Главныя Гражданскія вѣдомства, по содержанію Его Величества повелѣнія 21-го прошедшаго Сентября, представивъ нынѣ единожды вѣдомости о неисполненныхъ Высочайшихъ указахъ и повелѣніяхъ, послѣдовавшихъ съ 19-го Ноября 1825-го года, впредь вносили ихъ въ ежемѣсячныя Его Величеству вѣдомости о тѣхъ статьяхъ, которыя еще останутся неисполнительными, и въ нихъ, въ предписанномъ порядкѣ, показывали бы оныя, доколѣ исполнятся, наблюдая при представленіи оныхъ ежемѣсячныхъ вѣдомостей, чтобъ въ нихъ о тѣхъ Высочайшихъ указахъ и повелѣніяхъ, на исполненіе по коимъ назначенъ срокъ, въ концахъ отдѣленій о неисполненныхъ еще повелѣніяхъ показывалось: *Сверхъ того (такой-то указъ, или такое-то повельніе) будетъ исполнено (къ такому-то времяни)*».[2] Такія вѣдомости объ исполненіи по Высочайшимъ повелѣніямъ стали правильно поступать въ I Отдѣленіе Собственной

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 276, «Исходящій журн. объявл. Высоч. повелѣніямъ за 1827 г.», кн. 4, л. 84.

[2] Тамъ же, л.л. 162 об. и 163.

Его Величества Канцеляріи, и такимъ образомъ Государь Императоръ могъ имѣть постоянное наблюденіе за исполненіемъ Его Высочайшей воли.

Государь съ самаго начала своего царствованія обратилъ вниманіе на то, что по разнымъ Вѣдомствамъ существуетъ масса комиссій и комитетовъ, работа которыхъ тянулась годами и содержаніе которыхъ являлось обременительнымъ для Государственнаго Казначейства. Вслѣдствіе этого Муравьевъ, 8 августа 1827 года, по Высочайшему повелѣнію, обратился ко всѣмъ Министрамъ и Главноуправляющимъ съ такимъ отношеніемъ: «Государю Императору угодно имѣть свѣденіе о всѣхъ временныхъ Комитетахъ, по Высочайшимъ повелѣніямъ составленныхъ: когда и для какихъ предметовъ оные составлены. По таковой Его Императорскаго Величества Высочайшей волѣ донося.... покорнѣйше прошу доставить мнѣ оныя свѣденія, по дѣламъ, управленію вашему Высочайше ввѣреннымъ».[1] Разсмотрѣвъ доставленныя таблицы, Государь предписалъ очень многимъ комитетамъ и комиссіямъ закончить немедленно ихъ работу. Такъ, напримѣръ, 18 сентября того же года Н. Н. Муравьевъ объявилъ Высочайшее повелѣніе Министру Внутреннихъ Дѣлъ В. С. Ланскому: «Государь Императоръ, разсмотрѣвъ доставленія (доставленныя?) Вашимъ Высокопревосходительствомъ свѣденія по Временнымъ Комитетамъ, въ С.-Петербургѣ существующимъ, Высочайше повелѣть изволилъ, чтобъ нижеозначенные Комитеты непремѣнно кончили порученныя имъ дѣла: 1, Комитетъ для уравненія земскихъ повинностей по всему Государству,—*къ 1-му Мая 1828 года.* 2, Комитетъ для приведенія въ единообразіе Губернскихъ зданій,—*къ 1-му Марту 1828 года.* 3, Комитетъ для разсмотрѣнія дѣла по освидѣтельствованію строенія чумного Квартала въ Одессѣ,—*къ 1-му Ноября 1827 года.* 4, Комитетъ для разсмотрѣнія проэкта управленія Столичныхъ Думъ,—*къ 1-му Сентября 1828 года*».[2]

Нельзя не упомянуть объ одномъ порученіи, возложенномъ Государемъ на Н. Н. Муравьева въ томъ же 1827 году и вызвавшемъ въ свое

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 276, «Исходящій журн. объявл. Высоч. повелѣніямъ за 1827 г.», кн. 3, л. 65 об.

[2] Тамъ же, л. 158.

время не мало сѣтованій. Государь обратилъ вниманіе на то, что много лицъ не дворянскаго происхожденія поступили на службу въ различныя Вѣдомства, не имѣя на это права; поэтому тогда же были вытребованы изъ всѣхъ Вѣдомствъ свѣдѣнія о всѣхъ чиновникахъ не дворянскаго происхожденія.[1] Когда затребованныя вѣдомости объ этихъ чиновникахъ были доставлены, Муравьеву предписано было произвести строжайшее разслѣдованіе ихъ служебныхъ правъ и для этого служившіе въ Петербургѣ должны были явиться въ извѣстное время въ Собственную Его Величества Канцелярію. Муравьевъ исполнилъ это порученіе со свойственной ему добросовѣстностью и строгостью, вслѣдствіе чего многіе честные труженики были уволены, безъ всякой вины съ ихъ стороны, единственно вслѣдствіе отступленій отъ закона со стороны ихъ начальства.

Такимъ образомъ I Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи являлось органомъ, при помощи котораго Государь вносилъ начало строгаго порядка и контроля во всѣ области государственной жизни, что, какъ извѣстно, было основной чертой всего царствованія Императора Николая I. Въ этомъ отношеніи особенно интересно Высочайшее повелѣніе, объявленное Н. Н. Муравьевымъ 24 декабря 1827 года Министру Юстиціи: «Государь Императоръ при разсматриваніи вѣдомости о нерѣшенныхъ дѣлахъ въ Правительствующемъ Сенатѣ по 1827 годъ, увидѣвъ, что есть много дѣлъ таковыхъ, по коимъ ожидаются требованныя увѣдомленія или свѣденія даже съ 1790 года отъ Гражданскихъ Губернаторовъ и Губернскихъ судебныхъ мѣстъ, и которыя за симъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ считаются неоконченными по Сенату,—Высочайше соизволяетъ, чтобъ о приведеніи оныхъ сколь возможно скорѣе къ окончанію сдѣланы были отъ Правительствующаго Сената строгія предписанія Гражданскимъ Губернаторамъ и судебнымъ мѣстамъ, за коими дѣла остановились и потребованы были въ то же время и о причинахъ столь долгаго замѣдленія, объясненія.

---

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 276, «Исходящій журн. объявл. Высоч. повелѣніямъ за 1827 г.», кн. 4, л. 66 об.

Сообщая вамъ, Милостивый Государь, о таковой Его Величества Высочайшей волѣ къ исполненію, препровождаю къ надлежащему свѣденію вашему списокъ съ объявленнаго Высочайшаго Его Величества повелѣнія всѣмъ Г.Г. Министрамъ и Главноуправляющимъ различными вѣдомствами, о ускореніи съ ихъ стороны доставленіемъ Правительствующему Сенату, свѣденій и мнѣній отъ нихъ требованныхъ».[1]

Изъ порученій, возложенныхъ Государемъ на I Отдѣленіе и не имѣвшихъ государственнаго значенія, интересно слѣдующее: 22 декабря 1826 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе Управляющему Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ собрать по всѣмъ губерніямъ свѣдѣнія: «1., въ какихъ городахъ есть остатки древнихъ замковъ и крѣпостей или другихъ зданій древности; 2., въ какомъ они положеніи нынѣ находятся» и представить собранныя свѣдѣнія въ I Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи, равно какъ и чертежи этихъ зданій.[2] Извѣстенъ интересъ Императора Николая I къ отечественной археологіи: въ этомъ отношеніи на Него походилъ Его Августѣйшій Внукъ Императоръ Александръ III. Повидимому, Муравьевъ, который самъ былъ замѣчательнымъ археологомъ, долженъ былъ заниматься изученіемъ собраннаго такимъ образомъ матеріала, и только болѣзнь и вызванная ею отставка его помѣшали этому. При его преемникѣ А. С. Танѣевѣ Высочайшимъ повелѣніемъ 16 августа 1832 года матеріалъ этотъ былъ переданъ обратно въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ[3] для напечатанія наиболѣе интереснаго.

Въ мартѣ 1828 года I Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи было переведено въ новое помѣщеніе. До того времени оно помѣщалось въ бывшемъ домѣ графа Аракчеева (уголъ Кирочной улицы и Литейнаго),—теперь оно было переведено въ Зимній дворецъ. 11 марта Н. Н. Муравьевъ увѣдомляетъ Министра Императорскаго

---

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 276, «Исходящій журн. объявл. Высоч. повелѣніямъ за 1827 г.», кн. 5, л. 158 об.

[2] Тамъ же, № 251, «2 часть исходящаго журн. объявл. Высоч. повелѣніямъ за 1826 г.», л. 241 об.

[3] Тамъ же, № 385, «Исходящій журн. объявл. Высоч. повелѣніямъ за 1832 г.», кн. 3, л. 49.

№ 1519.

Избравъ для возвращенія моего изъ Одессы въ С. Петербургъ прямый трактъ чрезъ Житомиръ, Могилевъ и Витебскъ, я во исполненіе Высочайшей Вашего Императорскаго Величества воли, въ каждомъ городѣ во 1-хъ, осматривалъ тюремные замки или остроги и во 2-хъ изъ производящихся въ Судебныхъ мѣстахъ подлинныхъ дѣлъ о подсудимыхъ арестантахъ, видѣлъ теченіе сихъ дѣлъ; и настоящее имѣю донесеніе.

Тюремныя зданія найдены вообще не въ томъ состояніи, въ какомъ бы желательно ихъ видѣть. Причиною сему можетъ быть и недостатокъ суммъ, и то что, какъ Городничіе, такъ и Губернскія Начальства, въ руководствѣ своемъ, немногое тому удѣлительной Конструкціи. Извѣстно что послѣ того какъ Блаженной памяти Государь Императоръ осмотрѣлъ остроги Московскій и Калужскій, предположено было сообщить

Объявлены Высочайшія повелѣнія 24-го ноября 1828. Указан. сент. Коллегіи № 2093. и Прим. внутр. дѣлъ № 2094.

описанія ихъ во всѣ Губерніи для руководства; но изъ трехъ Губернскихъ городовъ, коихъ я проѣхалъ, въ двухъ, именно въ Житомирѣ и Могилевѣ, объ упоминаемыхъ описаніи сихъ двухъ острогахъ, Губернаторы незнали. Полученныя ими въ недавнемъ времени циркулярныя правила, относятились къ построенію острогахъ.

Въ острогахъ сообще:

Арестанты не раздѣлены по разрядамъ.

Дѣти толятся смотря и по большей части изъ арестантскихъ, гдѣ арестанты варятъ себѣ даже и Кушанье.

Вездѣ нары.

Воздухъ тяжелый.

Нечистота въ большей или меньшей степени.

Бани за исключеніемъ малаго числа, остаются безъ употребленія за поврежденіемъ печей, а иногда и по опасенію чтобъ острогъ не загорѣлся.

Кромѣ военнаго караула, никого уже нѣтъ при арестантахъ развѣ одинъ сторожъ.

Больныхъ особыхъ нѣтъ.

Двора князя Волконскаго: «Въ слѣдствіе объявленнаго мнѣ Вашимъ Сіятельствомъ въ отношеніи отъ 9 сего Марта за № 792 Высочайшаго повелѣнія о перемѣщеніи 1-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи въ покои, кои въ зимнемъ Дворцѣ занималъ Лейбъ-Медикъ Рюль, имѣю честь симъ увѣдомить Васъ, Милостивый Государь, что оное Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи сего числа уже въ назначенные комнаты переведено».[1] Такое перемѣщеніе Собственной Его Величества Канцеляріи изъ дома своего бывшаго начальника въ домъ Самого Государя свидѣтельствуетъ не только о тѣсной связи Канцеляріи съ Августѣйшимъ Хозяиномъ, но и о томъ особенномъ значеніи, которое она должна была имѣть среди другихъ высшихъ государственныхъ учрежденій.

6 апрѣля 1828 года Н. Н. Муравьевъ объявилъ Министрамъ и Главноуправляющимъ Высочайшее повелѣніе, чтобы образцы всѣхъ формъ гражданскаго Вѣдомства были доставлены въ I Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи, что и было исполнено къ концу этого года. Въ слѣдующемъ году на Н. Н. Муравьева было Высочайше возложено составленіе проекта общаго положенія о гражданскихъ формахъ, для рисованія которыхъ, по рекомендаціи Министра Императорскаго Двора князя Волконскаго, былъ прикомандированъ къ I Отдѣленію Собственной Его Величества Канцеляріи художникъ академикъ И. А. Ивановъ, извѣстный своими перспективными видами и пейзажами. Однако это новое порученіе было приведено въ исполненіе лишь преемникомъ Муравьева.

Какъ извѣстно, 1828—1829 г.г. ознаменовались счастливой войной Россіи съ Турціей, въ которой Государь принималъ личное участіе. Уѣзжая въ армію, дѣйствовавшую противъ турокъ, Онъ Всемилостивѣйше повелѣлъ: «1) чтобъ всѣ дѣла и бумаги, слѣдующія къ Его Императорскому Величеству, безъ исключенія, доставлялись въ 1-е Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи въ С.-Петербургѣ. 2) Чтобъ было

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 311, «Исходящій журн. объявл. Высоч. повелѣніямъ за 1828 г.», кн. 2, л. 82.

извѣстно всѣмъ различнымъ Главнымъ вѣдомствамъ, что Высочайшія Его Величества объявляемыя рѣшенія и повелѣнія на оныя дѣла будутъ, какъ прежде, сообщаемы за подписью Статсъ-Секретаря, Управляющаго Собственною Его Величества Канцеляріею».[1] Н. Н. Муравьевъ остался съ частью Канцеляріи въ С.-Петербургѣ, а А. С. Танѣевъ сопровождалъ Государя въ армію. Черезъ посредство послѣдняго пересылались въ Петербургъ къ Муравьеву доклады всѣхъ государственныхъ учрежденій съ Высочайшими резолюціями на нихъ. По этому поводу баронъ Корфъ въ своихъ запискахъ пишетъ: «въ 1828 году, во время Турецкой войны и пребыванія Императора Николая при дѣйствовавшей арміи, разрѣшеніе всѣхъ дѣлъ по государственному управленію, восходящихъ, въ обыкновенномъ порядкѣ, на Высочайшее усмотрѣніе, поручено было, безгласно, особому секретному комитету, который оканчивалъ ихъ именемъ Государя, испрашивая его разрѣшенія только въ нѣкоторыхъ рѣдкихъ, именно указанныхъ случаяхъ; о всѣхъ же прочихъ, по рѣшеніи и исполненіи ихъ, представлялъ лишь краткія вѣдомости для свѣдѣнія. Этотъ комитетъ состоялъ изъ князя Кочубея, графа Петра Александровича Толстого и князя Александра Николаевича Голицына, а правителемъ его дѣлъ былъ управлявшій въ то время I Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи статсъ-секретарь Муравьевъ. Впослѣдствіи, при менѣе продолжительныхъ, или не столь отдаленныхъ отлучкахъ Императора, общее теченіе управленія ни въ чемъ не измѣнялось, и всѣ бумаги посылались къ нему какъ бы въ личномъ его присутствіи. Наконецъ, когда Наслѣдникъ Цесаревичъ достигъ совершеннолѣтія и былъ пріобщенъ къ высшему управленію, Государь, въ случаѣ дальнихъ или долговременныхъ своихъ отлучекъ, назначалъ его, такъ сказать, правителемъ государства, впрочемъ, также безгласно для народа....»[2]

Въ томъ же 1828 году былъ составленъ капиталъ I Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи, въ смыслѣ отдѣльной госу-

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 311, «Исходящій журн. объявл. Высоч. повелѣніямъ за 1828 г.», кн. 2, лл. 214 об. и 215.

[2] «Русская старина», 1900 г., кн. 5, стр. 269, 270.

дарственной суммы, расходованіе которой должно было происходить подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Государя Императора. 2 января 1828 года Муравьевъ объявилъ Высочайшее повелѣніе всѣмъ Министрамъ и Главноуправляющимъ, кромѣ Министровъ Военнаго, Морского и Императорскаго Двора: «Государю Императору угодно, чтобъ Ваше Высокопревосходительство донесли Его Величеству, сколько осталось отъ штатной суммы по ввѣренному вамъ Министерству (или Вѣдомству) къ 1828 году отъ истекшаго 1827 года, и сколько таковыхъ прежнихъ годовъ остатковъ, гдѣ хранится или обращается изъ процентовъ».[1] Изъ этихъ то остатковъ и былъ составленъ капиталъ Канцеляріи. Статсъ-Секретарь С. А. Танѣевъ въ представленномъ Императору Александру II 27 ноября 1868 года докладѣ: «Обзоръ Собственноручныхъ записокъ въ Бозѣ Почившаго Императора Николая Павловича къ Статсъ-Секретарю Александру Сергѣевичу Танѣеву» пишетъ: «Государь требовалъ почти ежегодно свѣдѣнія объ остаткахъ отъ штатныхъ суммъ подлежащихъ вѣдомствъ, а равно объ экономическихъ капиталахъ и другихъ свободныхъ суммахъ, съ обозначеніемъ, гдѣ таковые капиталы хранятся и на какія расходы предназначены слѣдующіе съ нихъ проценты. Представленіе послѣдняго рода свѣдѣній не было обязательно для Министерствъ Двора, Военнаго и Морского. Вслѣдствіе разсмотрѣнія таковыхъ свѣдѣній, Государь Повелѣвалъ иногда отсылать нѣкоторыя остаточныя и свободныя суммы въ 1-е Отдѣленіе Собственной Канцеляріи для дальнѣйшаго ихъ назначенія».[2] Такъ, 5 января 1828 года Муравьевъ пишетъ исполняющему должность Государственнаго Контролера Хитрово: «Государь Императоръ, разсмотрѣвъ всеподданнѣйшую Записку Вашего Превосходительства и приложенную приней вѣдомость объ остаткахъ суммъ по Государственному Контролю,—Высочайше соизволяетъ, чтобъ изъ оныхъ остатковъ вы, Милостивый Государь, прислали ко мнѣ Билетъ Сохранной Казны на семдесятъ тысячь рублей, для храненія въ 1-мъ Отдѣленіи Собственной Его Импе-

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 311, «Исходящій журн. объявл. Высоч. повелѣніямъ за 1828 г.», кн. 1, л. 10.

[2] Тамъ же (отдѣльная записка, номера не поставлено).

раторскаго Величества Канцеляріи».[1] Такъ какъ Государственный Контролеръ въ отношеніи къ Н. Н. Муравьеву указалъ на необходимость истратить единовременно на Департаментъ Морскихъ Отчетовъ пять тысячъ рублей, то Государь согласился, чтобы былъ представленъ билетъ на шестьдесятъ пять тысячъ. Точно также 15 января Государь повелѣлъ Министру Народнаго Просвѣщенія представить изъ остаточныхъ суммъ билетъ на шестьдесятъ тысячъ, а Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода—на четыре тысячи. Подобныя же повелѣнія послѣдовали и другимъ Министрамъ и Главноуправляющимъ. Эти суммы черезъ нѣсколько времени было повелѣно отчислить совсѣмъ въ вѣдѣніе I Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи. 27 января того же года Муравьевъ пишетъ Управляющему Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, Ланскому: «Государь Императоръ Высочайше соизволяетъ, чтобъ доставленные ко мнѣ Вашимъ Высокопревосходительствомъ изъ остатковъ отъ Штатныхъ суммъ по ввѣренному вамъ Министерству, а именно: отъ Департамента Полиціи Исполнительной, заключающіеся въ двухъ Билетахъ Сохранной Казны 100 тыс. руб., отъ Хозяйственнаго Департамента въ одномъ таковомъ же Билетѣ 20 тыс. руб., отъ Медицинскаго Совѣта 8 т. руб. и отъ Общей Канцеляріи 10 т. руб.; всего же Сто тридцать восемь тысячь рублей съ причитающимися на оные процентами, вы, Милостивый Государь, отчислили изъ принадлежности вѣдомства вашего, въ вѣдѣніе 1-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Сообщая о таковой Его Величества Высочайшей волѣ Вашему Высокопревосходительству, къ исполненію, покорнѣйше прошу въ слѣдствіе оной приказать кому слѣдуетъ сдѣлать на упомянутыхъ билетахъ Сохранной казны бланкетныя надписи, дабы я тогда уже могъ перевесть, заключающіяся въ нихъ суммы, на имя 1-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи».[2] То же самое объявилъ онъ и другимъ Министрамъ и Главноуправляющимъ, изъ Вѣдомствъ которыхъ были

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 311, «Исходящій журн. объявл. Высоч. повелѣніямъ за 1828 г.», кн. 1, л. 20.

[2] Тамъ же, л. 103.

присланы остаточныя суммы. Всѣ собранныя такимъ образомъ деньги были внесены въ Сохранную Казну С.-Петербургскаго Воспитательнаго Дома подъ одинъ билетъ на имя I Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи до востребованія Управляющимъ этимъ Отдѣленіемъ. Суммы эти должны были употребляться на тѣ государственныя нужды, которыя въ данное время, по усмотрѣнію Государя, являлись наиболѣе насущными. Въ теченіе перваго года самые крупные изъ нихъ расходы, по Высочайшимъ повелѣніямъ, были слѣдующіе: 3 февраля Н. Н. Муравьевъ получилъ Высочайшее повелѣніе отпустить сто девяносто семь тысячъ рублей въ распоряженіе Начальника Главнаго Штаба графа Дибича на различныя военныя потребности; 23 апрѣля были отпущены въ распоряженіе инженеръ-генерала Оппермана на казенныя постройки 128.038 руб. одна копѣйка, а 13 мая 1828 года—девяносто три тысячи тридцать восемь рублей одна копѣйка въ Строительный Департаментъ по Морской Части. Наконецъ, на средства вновь образованнаго капитала I Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи содержались студенты Московской и С.-Петербургской духовныхъ академій, прикомандированные ко II Отдѣленію той же Канцеляріи для обученія юридическимъ наукамъ (такъ, на снаряженіе и прогоны 3-хъ студентовъ изъ Москвы въ С.-Петербургъ было истрачено 450 руб.).[1] Въ этой мѣрѣ сказалась обычная забота Государя о распространеніи у насъ знанія законовъ; въ числѣ этихъ молодыхъ людей были знаменитые впослѣдствіи юристы—профессоръ Московскаго университета Н. И. Крыловъ и С.-Петербургскаго—К. А. Неволинъ.

19 января 1829 года Н. Н. Муравьевъ докладывалъ Государю: «всеподданнѣйше поднося съ симъ Вашему Императорскому Величеству повелѣнное циркулярное Высочайшее предписаніе о не подношеніи проэктовъ указовъ къ Высочайшему подписанію на имя Министра Финансовъ, вмѣняю въ обязанность доложить Вашему Величеству, что

Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 311, «Исходящій журн. объявл. Высоч. повелѣніямъ за 1828 г.», кн. 1, л. 125; кн. 2, лл. 58, 238; кн. 3, л. 31.

правило сіе еще современи покойнаго Государя Императора Александра Павловича существовало по прочимъ частямъ, кромѣ Собственной Вашего Величества Канцеляріи, Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ, изъ коихъ указы Министру Финансовъ всегда писались, и всеподданнѣйше испросить Вашего Величества соизволенія, должно ли оное отъ нынѣ быть наблюдаемо и въ 1-мъ Отдѣленіи Собственной Вашего Величества Канцеляріи, равно какъ и въ Государственномъ Совѣтѣ и Комитетѣ Министровъ, дабы въ первомъ случаѣ мнѣ самому симъ руководствоваться, а во второмъ сообщить и Графу Кочубею, наровнѣ съ прочими Главноначальствующими, о исполненіи по сему правилу въ Канцеляріяхъ: Государственной и Комитета Министровъ». На докладѣ начертано Собственноручно Государемъ: «вездѣ кромѣ нашей канцеляріи».[1] Объ этомъ Статсъ-Секретарь сообщилъ всѣмъ Министрамъ и Главноуправляющимъ циркулярнымъ отношеніемъ отъ 20 января того же года.[2]

Въ томъ же году исполняющій должность Государственнаго Контролера Хитрово писалъ Муравьеву: «Государственная Экспедиція для ревизіи счетовъ донесла мнѣ, что по вѣдомству Собственной Канцеляріи Государя Императора получаетъ она отчеты въ суммахъ по II и III Отдѣленіямъ, а I Отдѣленіе, управляемое Вашимъ Превосходительствомъ, таковыхъ не доставляетъ и что на основаніи Манифеста 28-го Генваря 1811 года всѣ мѣста и лица, имѣющія въ распоряженіи своемъ Казенныя суммы, обязаны доставлять о употребленіи оныхъ ей отчеты, если объ изъятіи отъ сего не имѣется особаго повелѣнія. Почему я обращаюсь къ Вашему Превосходительству съ покорнѣйшею просьбою—почтить меня увѣдомленіемъ, не имѣется ли особаго Высочайшаго повелѣнія объ изъятіи 1-го Отдѣленія отъ обязанности доставлять въ Государственный Контроль отчеты, и, буде есть, доставить списокъ съ онаго».[3] На это Муравьевъ отвѣчалъ: «Спѣшу увѣдомить васъ, Милостивый Государь, что на Канцелярскія и прочія надобности

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 339, «Дѣла I и II Отд. С. Е. В. Канц. за 1829 г.», л. 17.
[2] Тамъ же, № 333, «Исходящій журн. объявл. Высоч. повелѣніямъ за 1829 г.», кн. 1, л. 70.
[3] Тамъ же, № 339, «Дѣла I и II Отд. С. Е. В. Канц. за 1829 г.», л. 295.

1-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи денежная сумма всегда получается изъ Кабинета Его Величества, и употребленіе оной разсматривается Самимъ Государемъ Императоромъ каждый разъ при Высочайшемъ назначеніи новаго изъ Кабинета оной суммы отпуска».[1] Какъ видно изъ этой переписки, на нужды самого учрежденія продолжали отпускаться суммы изъ Кабинета Его Величества. По журналамъ I Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи онѣ поступали очень неравномѣрно, по мѣрѣ надобности, обыкновенно въ размѣрѣ трехъ тысячъ.

Во время управленія Муравьева, на А. С. Танѣева, по Высочайшему повелѣнію, былъ возложенъ цѣлый рядъ важныхъ порученій, имѣвшихъ цѣлью улучшеніе быта призрѣваемыхъ въ благотворительныхъ учрежденіяхъ, а также и арестантовъ.[2]

Важныя и отвѣтственныя порученія возлагались, по Высочайшему повелѣнію, также и на другихъ чиновниковъ I Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи. Въ 1831 году во время холеры камергеру Бехтѣеву было Всемилостивѣйше повелѣно «имѣть попеченіе о здоровомъ положеніи жителей Петергофской дороги до Стрѣльны и надзоръ за временною загородною больницею, въ деревнѣ Тентелевой учрежденною». Въ выданномъ ему С.-Петербургскимъ Губернаторомъ свидѣтельствѣ сказано: «Дѣятельными распоряженіями и принятыми мѣрами Г. Камергеръ Бехтѣевъ нетолько приносилъ пользу занемогавшимъ людямъ, не оставляя таковыхъ безъ надлежащаго призрѣнія и пособій, но еще болѣе отвратилъ дальнѣйшее распространеніе болѣзни личнымъ наблюденіемъ по всему тракту чистоты и порядка между чернорабочими, въ лавочкахъ и народныхъ заведеніяхъ, въ томъ околодкѣ расположенныхъ. Изъ представленнаго отчета оказалось, что въ округѣ попечительству Камергера Бехтѣева ввѣренномъ, заболѣвшихъ отъ холеры было обоего пола 154, изъ коихъ выздоровело 83, а умерло 71; по отъѣздѣ же его, по Высочайшему повелѣнію, 9 Августа въ

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 333, «Исходящій журн. объявл. Высоч. повелѣніямъ за 1829 г.», кн. 4, л. 55 об.

[2] Объ этомъ будетъ сказано въ біографіи Статсъ-Секретаря А. С. Танѣева.

Новгородъ, съ 15 того же мѣсяца вновь заболѣвшихъ на дачахъ Петергофской дороги не было и Тентелевская больница закрыта».[1] Въ томъ же году Бехтѣевъ былъ назначенъ правителемъ дѣлъ Высочайше учрежденной въ Новгородѣ, подъ предсѣдательствомъ генералъ-лейтенанта Захаржевскаго, слѣдственной комиссіи, для обнаруженія участвовавшихъ въ безпорядкахъ въ округахъ военнаго поселенія.

Въ цитированномъ докладѣ Статсъ-Секретаря С. А. Танѣева 1869 года сказано: «Императоръ Николай Павловичъ изволилъ требовать, обыкновенно къ концу года, представленія смѣтъ по всѣмъ Министерствамъ съ назначеніемъ сроковъ. По разсмотрѣніи сихъ смѣтъ, Государь обращалъ ихъ чрезъ I Отдѣленіе въ Министерство Финансовъ, откуда онѣ поступали въ Департаментъ Государственной Экономіи Государственнаго Совѣта, и затѣмъ уже представляема была Его Величеству, установленнымъ порядкомъ, общая государственная роспись». По журналамъ I Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи, такой порядокъ установился только съ конца 1830 года,[2] а не съ начала царствованія Императора Николая I.

Таковы главнѣйшіе факты исторіи I Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи за время управленія имъ Н. Н. Муравьева. 2 ноября 1831 года онъ былъ уволенъ по болѣзни отъ занимаемой имъ должности, а мѣсто его занялъ 4 ноября А. С. Танѣевъ.

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 371, «Дѣла I и II Отд. С. Е. В. Канц. за 1831 и 1832 г.г.», л. 102.

[2] Тамъ же, № 357, «Исходящій журн. объявл. Высоч. повелѣніямъ 1830 г.», кн. 4, л. 107 об.

1830 г.
вход. № 298.

№ 94.

Проэктъ объявляемаго Высочайшаго повеленія Управляющему Министерствомъ Юстиціи.

Объ арестантахъ.

Государь Императоръ Высочайше повелѣть изволилъ, чтобъ Ваше Превосходительство предписали немедленно всѣмъ Губернскимъ Прокурорамъ и Уѣзднымъ Стряпчимъ всеподданнѣйше донести Его Императорскому Величеству о всѣхъ содержащихся въ день полученія онаго предписанія въ городахъ арестантахъ. Донесенія сіи должны быть въ томъ же видѣ и по той же

13 февраля 1830

формъ, какъ оныя предъ-
являлись отъ нихъ въ прош-
ломъ 1828 году по объявле-
нному отъ Управляющаго
Министерствомъ Юстиціи
Высочайшему повелѣнію,
съ надписью на конвертѣ:
Его Императорскому
Величеству, отъ такого-
то Прокурора, или Старш.
такого, всеподданнѣйшій ра-
портъ въ собственныя руки.

Е. М.

19 Февраля

1830

№ 381.

ГЛАВА 2-я.

Время управленія Статсъ-Секретаря А. С. Танѣева до кончины Императора Николая I (1832—1855 гг.).

Послѣ ухода въ отставку Н. Н. Муравьева его мѣсто занялъ А. С. Танѣевъ, который, можно сказать, былъ живою лѣтописью Собственной Его Величества Канцеляріи.

Объ оставшихся послѣ своего предшественника дѣлахъ А. С. Танѣевъ докладывалъ Государю въ январѣ 1832 года: «Всеподданнѣйше доношу, что остаются неоконченными: 1, Дѣло о Гражданскихъ мундирахъ. Исправленное о семъ положеніе всеподданнѣйше представлено на Высочайшее Вашего Императорскаго Величества благоусмотрѣніе. 2, Докладная записка Статсъ-Секретаря Лонгинова о пожалованіи Протоіерею Полтавскаго Института Благородныхъ дѣвицъ Кійкову,—камилавки. О семъ по Высочайшему повелѣнію спрошенъ 18-го Декабря Князь Мещерскій,[1] и ожидается отъ него отзывъ. Сверхъ сего, хранятся въ Канцеляріи присланныхъ отъ Вашего Императорскаго Величества 25 дѣлъ, содержащихъ производство слѣдствія Сенаторами: Графомъ Кутайсовымъ и Мечниковымъ, о разныхъ претензіяхъ и доносахъ, вступившихъ на Генералъ-Лейтенанта Князя Мадатова. Всѣ оныя дѣла должны принадлежать къ одному всеподданнѣйшему рапорту

[1] Оберъ-Прокуроръ Св. Синода.

означенныхъ Сенаторовъ, который въ 1-е Отдѣленіе Собственной Вашего Величества Канцеляріи не поступилъ. О семъ имѣется въ виду слѣдующее свѣденіе отъ Управляющаго дѣлами Комитета Министровъ, доставленное 22-го Декабря 1831-го года: въ Комитетѣ Г. Г. Министровъ было разсматриваемо представленіе Г. Управляющаго Министерствомъ Юстиціи по всеподданнѣйшей просьбѣ Карабагскихъ уроженцовъ Шахъ-Назаровыхъ, жаловавшихся на пріостановленіе производства имѣющагося въ Общемъ Собраніи Правительствующаго Сената дѣла объ имѣніи, отыскиваемомъ ими изъ владѣнія умершаго Генералъ-Лейтенанта Князя Мадатова. На заключеніе Комитета по сему дѣлу послѣдовало собственноручное Вашего Императорскаго Величества повелѣніе: «представить на разрѣшеніе со всѣмъ дѣломъ о Князѣ Мадатовѣ, которое поступитъ въ Комитетъ Министровъ». А Управляющій Главнымъ Штабомъ Вашего Императорскаго Величества, съ коимъ входилъ Баронъ Корфъ въ сношеніе по сему предмету, отозвался, что всеподданнѣйшій рапортъ ревизовавшихъ Закавказскій край Сенаторовъ: Графа Кутайсова и Мечникова по дѣлу о возникшихъ на Князя Мадатова жалобахъ и претязаніяхъ, данъ ему Вашимъ Величествомъ для представленія онаго на Высочайшее благоусмотрѣніе по полученіи отъ Генералъ-Фельдмаршала, Князя Варшавскаго, Графа Паскевича-Эриванскаго ожидаемаго по дѣлу сему заключенія».[1] Въ этомъ докладѣ А. С. Танѣевъ даетъ общую цифру дѣлъ, производившихся въ предшествовавшемъ году въ Собственной Его Величества Канцеляріи; она равнялась 11.913. Большую часть изъ нихъ составляли Высочайшіе указы и повелѣнія по ежемѣсячнымъ министерскимъ вѣдомостямъ (9.471); замѣчаній о медленности въ исполненіи Высочайшихъ повелѣній было сдѣлано 741; рапортовъ объ арестантахъ поступило 2.278,—цифры огромныя!...

Ко времени управленія Танѣева окончательно опредѣлилось отношеніе I Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи къ различ-

---

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 371, «Дѣла I и II Отд. С. Е. В. Канц., за 1831 и 1832 года», л. 141.

нымъ государственнымъ учрежденіямъ: къ однимъ изъ нихъ оно стало въ болѣе тѣсныя отношенія, къ другимъ въ болѣе отдаленныя. А. С. Танѣевъ, въ одномъ изъ первыхъ своихъ докладовъ Императору, пишетъ: «по инымъ Министерствамъ представленія и бумаги во все не поступаютъ въ Собственную Вашего Императорскаго Величества Канцелярію, какъ-то: по Министерствамъ: Императорскаго Двора, Военнымъ,[1] Финансовъ, Иностранныхъ Дѣлъ, по Почтовому Вѣдомству, по Коммисіи Прошеній, по другимъ Отдѣленіямъ Собственной Вашего Величества Канцеляріи и по заведеніямъ Императрицы Маріи. По другимъ Министерствамъ представленія хотя и поступаютъ отъ Вашего Величества въ Собственную Вашу Канцелярію, но по особенной уважительности предметовъ, возвращаются подлинникомъ съ собственноручными Вашего Величества повелѣніями въ тѣ вѣдомства, откуда поступили. Таковы представленія: по Государственному Совѣту, Комитету Министровъ, Сибирскому Комитету,[2] по Министерству Народнаго Просвѣщенія и вѣдомствамъ Грекороссійскаго Исповѣданія, и Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій. Представленія же по Министерствамъ: Внутреннихъ Дѣлъ, Юстиціи, по Государственному Контролю, по Капитулу Россійскихъ Орденовъ и по вѣдомству путей сообщенія, остаются въ Собственной Вашего Императорскаго Величества Канцеляріи, и по Высочайшимъ на нихъ повелѣніямъ въ ней же и исполненіе дѣлается подносимыми къ Высочайшему подписанію проэктами указовъ и объявляемыхъ Высочайшихъ повелѣній».[3]

Положеніе о формахъ обмундированія гражданскихъ чиновниковъ было окончено Танѣевымъ къ маю 1833 года. 7 мая того же года Танѣевъ обратился къ Министрамъ и Главноуправляющимъ со слѣдующимъ циркулярнымъ сообщеніемъ: «Государь Императоръ, принявъ во вниманіе, что въ Гражданскихъ Мундирахъ недостаетъ единообразія,

---

[1] То есть Морскому и Военному, въ нынѣшнемъ смыслѣ.

[2] Сибирскій Комитетъ былъ учрежденъ для разсмотрѣнія отчета по извѣстной ревизіи Сперанскаго и затѣмъ превратился въ постоянное учрежденіе по сибирскимъ дѣламъ.

[3] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 371, «Дѣла I и II Отд. С. Е. В. Канц. за 1831 и 1832 года», л. 168.

что въ степеняхъ должностей, особенно высшихъ, нѣтъ приличныхъ различій, и что часто мундиры присвоены были одинакія и должностямъ и чинамъ, изъявилъ Высочайшую Свою волю, чтобъ, вмѣсто существовавшихъ до селѣ по нѣкоторымъ вѣдомствамъ частныхъ и неполныхъ положеній, составлено было одно Общее Положеніе, чтобъ мундиры различались отнынѣ токмо подолжностямъ, и чтобъ въ Общемъ Уравнительномъ по всѣмъ вѣдомствамъ Росписаніи указано было въразрядахъ присвоенное каждой должности шитье. Работу сію благоугодно было Его Императорскому Величеству возложить на 1-е Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи, и въ слѣдствіе сего написаны проэкты Положенія и Росписанія должностей подъ лит. А., раздѣленные на десять разрядовъ, сообразно съ Высочайше предначертанными основаніями сей работы. Въ росписаніе сіе невошли тѣ вѣдомства и должности, коимъ во исполненіе Высочайшей воли оставлены прежніе или присвоены особые мундиры. О таковыхъ мундирахъ слѣдуетъ особое Росписаніе подъ лит. Б. Государь Императоръ, предварительно Высочайшаго утвержденія, повелѣть мнѣ изволилъ препроводить къ Вашему Высокопревосходительству (или Сіятельству) печатные экземпляры проэктовъ Росписаній подъ лит. А. и Б., сътѣмъ, чтобъ вы, Милостивый Государь, повѣривъ, нѣтъ ли въ сихъ Росписаніяхъ по вѣдомствамъ вашимъ должностей упраздненныхъ или прибавленныхъ, а также всѣ ли должности включены и въ тѣ разряды, въкои слѣдуетъ, доставили мнѣ свои замѣчанія, для окончательнаго испрошенія на оное Высочайшаго Его Императорскаго Величества разрѣшенія. Его Величеству угодно, чтобъ свѣденіе сіе Ваше Высокопревосходительство (или Сіятельство) благоволили доставить мнѣ внепродолжительномъ времени».[1] Послѣ того, какъ эти замѣчанія были приняты во вниманіе, Государь 27 февраля слѣдующаго года утвердилъ это положеніе. Академикъ И. А. Ивановъ, разрисовавшій фигуры формъ, получилъ за это, по Высочайшему повелѣнію, единовременную награду въ 3.000 р.

---

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 399, «Исходящій журн. объявл. Высоч. повелѣніямъ за 1833 г.», кн. 2, л. 113.

Послѣ кончины Великаго Князя Цесаревича Константина Павловича (въ 1831 г.) на I Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи было возложено, по Высочайшему повелѣнію, порученіе разобрать секретныя бумаги Его канцеляріи. А. С. Танѣевъ исполнилъ это порученіе къ 18 января 1833 года, когда представилъ докладъ Государю о нерѣшенныхъ дѣлахъ, которыя раздѣлилъ по вѣдомствамъ.[1] Государь Собственноручно сдѣлалъ отмѣтки о томъ, какія бумаги куда должны были быть отосланы. Остальныя бумаги поступили въ архивъ Собственной Его Величества Канцеляріи, хотя въ это время учреждался особый Государственный архивъ подъ наблюденіемъ Статсъ-Секретаря Д. Н. Блудова. Съ этого времени наблюдается такое правило: бумаги, оставшіяся послѣ смерти сановниковъ, разбираются графомъ Блудовымъ, если онѣ имѣютъ главнымъ образомъ историческое значеніе; такъ, напримѣръ, бумаги Статсъ-Секретаря Трощинскаго, поднесенныя въ 1833 году Государю Императору сыномъ Статсъ-Секретаря, были переданы, по Высочайшему повелѣнію, А. С. Танѣевымъ для разбора Блудову (31 марта 1833 г.),[2] какъ касавшіяся главнымъ образомъ царствованія Императрицы Екатерины II. Эти бумаги хранятся и нынѣ въ Государственномъ архивѣ. Напротивъ, разборъ бумагъ, имѣвшихъ современное государственное значеніе, возлагался обыкновенно, на А. С. Танѣева и I Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи. Такъ, послѣ смерти личнаго друга Императора Александра I князя А. Н. Голицына, по Высочайшему повелѣнію, объявленному А. С. Танѣеву, генералъ-адъютантомъ графомъ Адлербергомъ 1-мъ 4 декабря 1844 года былъ командированъ въ имѣніе покойнаго для разбора бумагъ его старшій чиновникъ I Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи камергеръ Ковальковъ. Бумаги эти поступили въ I Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи.

Въ 1832 году Высочайше было повелѣно всѣмъ Губернаторамъ представить въ I Отдѣленіе Собственной Его Величества Канце-

---

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 402, «Дѣла I и II Отд. С. Е. В. Канц. за 1833 г.», л. 32.

[2] Тамъ же, № 399, «Исходящій журн. объявл. Высоч. повелѣніямъ за 1833 г.», кн. 2, л. 44 об.

ляріи полугодовыя вѣдомости о недоимкахъ, лежащихъ на ихъ губерніяхъ. Вѣдомости эти съ Собственноручной помѣткой Государя Императора: «М. Ф.», т. е. Министру Финансовъ, обыкновенно, посылались къ послѣднему. О значеніи этой мѣры А. С. Танѣевъ докладывалъ Государю 1 января 1834 года: «Всеподданнѣйшіе полугодовые донесенія Губернаторовъ о податяхъ и недоимкахъ, и въ 1833-мъ году оказали полезность сей мѣры, ибо, не смотря на постигшій многіе Губерніи не урожай, въ общемъ счетѣ взыскано: податей и недоимокъ въ 1-й половинѣ 1833-го года болѣе полугодоваго оклада слишкомъ на 5 мил. руб., да разсроченныхъ недоимокъ около 1 мил. руб.; сверхъ того открыта не точность въ счетахъ по нѣкоторымъ Казеннымъ Палатамъ и обращено на то вниманіе Министерства Финансовъ».[1] Съ сентября 1842 года Государь повелѣлъ I Отдѣленію Собственной Его Величества Канцеляріи составлять общія вѣдомости о недоимкахъ. По отношенію къ сбору недоимокъ губерніи въ этомъ году были раздѣлены на слѣдующія категоріи: «къ первой—относятся губерніи: Полтавская, Саратовская, Курская и Орловская, въ которыхъ изъ недоимокъ (на казенныхъ крестьянахъ) взыскано отъ 110 до 173 т. р. сер. и за такое успѣшное распоряженіе объявлено было Управляющимъ въ тѣхъ губерніяхъ Палатами Государственныхъ Имуществъ, Монаршее Вашего Величества удовольствіе. Ко второй категоріи — относятся: Каспійская и Бессарабская области, губерніи: Казанская, Костромская, Тверская, Херсонская, Смоленская, Таврическая, Владимірская, Московская, Черниговская, Тамбовская и Кавказская область: въ сихъ губерніяхъ изъ недоимокъ взыскано отъ 15 до 75 т. р. сер. Къ третьей—тѣ только губерніи, въ коихъ свыше оклада взыскано отъ одной до 13 т. р. Къ четвертой—относятся остальныя губерніи, въ которыхъ взысканіе не ровнялось даже и полугодовому окладу не болѣе какъ отъ одной до 25 т. р. сер. За тѣмъ самое неудовлетворительное дѣйствіе при взысканіи податей: съ казенныхъ крестьянъ, какъ Ваше Императорское Величество усмотрѣть изволите, оказывается въ

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 420, «Дѣла I и II Отд. С. Е. В. Канц. за 1834 г.», л. 1.

губерніяхъ: Воронежской на 87 т., Харьковской 77 т., Рязанской и Грузино-Имеретинской на 30 т. Съ другихъ же податныхъ сословій: въ Волынской на 81 т., Витебской на 67 т., Пермской на 60 т., Подольской, Гродненской, Могилевской, Тамбовской и Минской отъ 31 до 43 т. руб. серебромъ».[1] По сословіямъ недоимки были распредѣлены со слѣдующаго года, при чемъ получились слѣдующія цифры: «По общемъ обзорѣ въ совокупности всѣхъ донесеній оказывается, что самое неудовлетворительное взысканіе податей *съ казенныхъ крестьянъ*... было по 14 Губерніямъ, а именно: Курской, Саратовской, Воронежской, Екатеринославской, Харьковской, Рязанской, Полтавской, Тверской, Тамбовской, Казанской, Тульской, Орловской, Херсонской и Калужской, въ которыхъ до полугодоваго оклада поступило менѣе чѣмъ отъ 50 т. до 222 т. р. сер. Почему и прибавилось въ этихъ губерніяхъ недоимки до 1 м. 380 т. руб. серебр. За такое неуспѣшное поступленіе податей Управляющимъ Палатами Государственныхъ Имуществъ въ первыхъ шести Губерніяхъ сдѣланы Высочайшія замѣчанія. По 13-ти другимъ Губерніямъ недоборъ противу полугодоваго оклада простирался отъ 10 т. до 42 т. руб. серебр. Въ прочихъ же за тѣмъ Губерніяхъ недовзысканіе было еще въ меньшемъ количествѣ. По сбору податей и недоимокъ *съ мѣщанъ и прочихъ податныхъ состояній*, самый неудовлетворительный противу полугодоваго оклада былъ только въ одной Каспійской области до 108 т. руб. серебр. Въ 10-ти другихъ Губерніяхъ недоборъ простирался отъ 10 т. до 35 т. руб. серебр. Во всѣхъ же прочихъ затѣмъ, въ незначительномъ количествѣ».[2] Однако, Государь написалъ: «не очень удовлетворительно». Подобныя резолюціи положены почти на всѣхъ такихъ вѣдомостяхъ до конца царствованія. Эти вѣдомости представляютъ собою драгоцѣнный матеріалъ для изслѣдователя экономическаго быта нашего отечества.

---

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 540, «Дѣла I, II и IV Отд. С. Е. В. Канц. за 1843 и 1844 гг.», л. 28. Эта вѣдомость подписана камергеромъ Ковальковымъ, который управлялъ I Отд. С. Е. В. Канц. въ отсутствіи А. С. Танѣева.

[2] Тамъ же, л. 226 и об.

Въ 1833 году Министръ Внутреннихъ Дѣлъ обратился къ Танѣеву съ просьбой сообщить ему для статистики Петербурга число чиновниковъ, состоящихъ въ I Отдѣленіи Собственной Его Величества Канцеляріи, ихъ жалованье, квартирныя и столовыя. Статсъ-Секретарь А. С. Танѣевъ представилъ по этому поводу докладъ на Высочайшее Имя, въ которомъ такъ опредѣлялъ характеръ учрежденія, во главѣ котораго онъ стоялъ: «Собственная Вашего Императорскаго Величества Канцелярія не есть Присутственное мѣсто, но, будучи Собственною Вашею принадлежностію, находится внѣ состава другихъ Государственныхъ учрежденій и не подлежитъ ничьему разсмотрѣнію, ни отчетности, и потому постояннымъ правиломъ было принято: никому не давать никакихъ ни отчетовъ, ни свѣденій по Собственной Вашего Императорскаго Величества Канцеляріи. Равнымъ образомъ и опредѣленіе и назначеніе чиновникамъ жалованья, относясь къ Собственному и токмо Вашего Величества извѣстному дѣлу, не шло подъ общій для штатныхъ мѣстъ уровень. Хотя же въ просимомъ свѣденіи и не заключается важности, но я полагалъ бы, что и нѣтъ достойной причины отступать отъ правила, единожды принятаго и коего одно измѣненіе вовлекло бы въ другое, а чрезъ то и въ важныя неудобства. Основываясь на семъ, я полагалъ бы въ короткихъ словахъ отклонить требованіе Министра Внутреннихъ Дѣлъ, но предаю сіе въ Монаршее Вашего Императорскаго Величества разрѣшеніе».[1] Государю угодно было положить резолюцію: «ежели подобныя сведенія требованы были и по Министерству Двора, что узнать должно, то нѣтъ препятствія доставить и *отъ насъ*».[2] Такъ какъ Министръ Императорскаго Двора сообщилъ требуемыя свѣдѣнія, то и Управляющій I Отдѣленіемъ долженъ былъ послѣдовать его примѣру.

Въ 1834 году Государю угодно было обратить вниманіе на личный составъ служащихъ въ I Отдѣленіи Собственной Его Величества Канцеляріи, который въ это время былъ очень незначителенъ. Въ докладѣ

---

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 402, «Дѣла I и II Отд. С. Е. В. Канц. за 1833 г.», л. 68 и об.
[2] Тамъ же.

А. С. Танѣева 1 января 1834 года значится: «Въ 1-мъ Отдѣленіи Собственной Вашего Величества Канцеляріи состоитъ налицо:

Управляющій Отдѣленіемъ, Статсъ-Секретарь . . . . . 1.
Старшихъ Чиновниковъ . . . . . 2.
Для письма: Чиновниковъ . . . . . 1.
Канцеляристъ . . . . . 1.
Писарей . . . . . 6.

Сверхъ сего числятся по списку Старшіе Чиновники:

1., Статскій Совѣтникъ Бехтѣевъ.—Уволенъ въ отпускъ за границу до излѣченія и находится тамъ 1-нъ годъ 8-мь мѣсяцевъ.

2., Надворный Совѣтникъ Дурасовъ въ откомандировкѣ при Оренбургскомъ Военномъ Губернаторѣ съ Мая 1833-го года».[1]

Нельзя не удивляться, какъ учрежденіе могло справляться при такихъ скромныхъ силахъ съ огромнымъ количествомъ разнородныхъ дѣлъ! Въ августѣ этого года Государственный Секретарь, по поводу разсмотрѣнія въ Государственномъ Совѣтѣ проекта о чинопроизводствѣ въ гражданской службѣ, обратился къ А. С. Танѣеву съ запросомъ: «не нужно ли, чтобы въ полное росписаніе вошли и должности по 1-му Отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи».[2] А. С. Танѣевъ доложилъ объ этомъ Государю 12 августа, и Государь велѣлъ представить Ему свѣдѣнія о всѣхъ Отдѣленіяхъ Собственной Его Величества Канцеляріи, что Танѣевъ и исполнилъ 10 декабря 1834 года. Въ своемъ докладѣ онъ писалъ: «При постепенности чиновъ еще необходимѣе соблюдать постепенность должностей. Опытъ нѣсколькихъ лѣтъ показалъ, что и въ 1-мъ Отдѣленіи нужна бо́льшая оттѣнка въ должностяхъ, ибо доселѣ у насъ было только два рода должностей, Старшихъ и Младшихъ Чиновниковъ. По сему мнѣніе мое таково: 1-е, Старшіе Чиновники, по важности ихъ обязанности, какъ занимающіеся редакціею бумагъ, и, въ случаѣ отсудствія Статсъ-Секретаря, заступающіе его должность, полагаются въ 5-мъ классѣ. Такъ и въ росписаніи о мундирахъ. 2-е, Архивъ

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 420, «Дѣла I и II Отд. С. Е. В. Канц. за 1834 годъ», л. 2.
[2] Тамъ же, л. 61 об.

1-го Отдѣленія есть толикой важности, столь увеличился и требуетъ такого тщанія въ разборѣ, классификаціи бумагъ, что сколько въ семъ отношеніи, столько и по безпрестаннымъ свѣденіямъ, кои изъ онаго требуются, лицо имъ управляющее должно быть не зависимо отъ Старшихъ Чиновниковъ и подчинено одному Статсъ-Секретарю. Какъ производитель дѣла менѣе важнаго, нежели обязанность Старшихъ Чиновниковъ, Начальникъ Архива будетъ по сему степенью ниже ихъ, но и степенью выше Старшихъ Помощниковъ, кои не суть настоящіе производители дѣлъ, слѣдовательно я полагаю быть ему въ 6-мъ классѣ, что согласно и съ разрядомъ о мундирахъ. 3-е, Старшіе Помощники, по самому названью ихъ, не имѣя на собственной своей отвѣтственности производства дѣла, помогать будутъ по мѣрѣ дѣлаемаго порученія. Я полагаю быть имъ степенью ниже Начальниковъ Архива, т. е. въ 7-мъ классѣ. Естьли же въ Старшихъ Помощникахъ, кои помогать будутъ въ производствѣ дѣлъ, найдены будутъ способности, то ничто не препятствуетъ къ назначенію ихъ въ Старшіе Чиновники, когда они будутъ сего заслуживать. Равномѣрно и чины не будутъ сему препятствіемъ, ибо Старшій Помощникъ можетъ быть чиномъ выше и ниже, слѣдовательно Коллежскимъ Совѣтникомъ, а какъ и Старшіе Чиновники могутъ быть чиномъ ниже, т. е. въ чинѣ Коллежскаго Совѣтника, то Старшій Помощникъ чина Коллежскаго Совѣтника, поступя въ Старшіе Чиновники, будетъ въ чинѣ, допускаемомъ Положеніемъ. Таковое мое предположеніе согласоваться будетъ и съ разрядами о мундирахъ, гдѣ Старшіе Помощники положены также въ 7-мъ разрядѣ. За симъ слѣдуютъ уже Младшіе Чиновники или Помощники, по которымъ нѣтъ разногласія».[1] Въ представленный при этомъ докладѣ проектъ расписанія служащихъ Государемъ были внесены нѣкоторыя Собственноручныя поправки, чтобъ сдѣлать его соотвѣтствующимъ штатамъ другихъ Отдѣленій Собственной Его Величества Канцеляріи. Они должны были дѣлиться на старшихъ чиновниковъ, старшихъ помощниковъ и младшихъ помощниковъ. Первые

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 420, «Дѣла I и II Отд. С. Е. В. Канц. за 1834 г.», лл. 86—87 об.

должны были состоять въ 5-мъ классѣ, вторые—въ 6-мъ, а третьи въ 7-мъ или 8-мъ; начальникъ архива долженъ былъ состоять въ 6-мъ, а чиновники для письмоводства въ 12-мъ классѣ. Такимъ образомъ I Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи окончательно сложилось, какъ государственное учрежденіе.

Въ 1835 году, по поводу представленія въ Комитетъ Министровъ объ увеличеніи штатовъ Министерскихъ Департаментовъ и Канцелярій, Государю было угодно положить слѣдующую замѣчательную резолюцію: «Я мнѣнія Комитета отнюдь не раздѣляю; въ примѣръ поставлю 1-е Отдѣленіе Своей Канцеляріи, въ которой сосредоточиваются почти всѣ дѣла Имперіи, въ ней всего пять чиновниковъ и два или три военныхъ писаря; и не смотря на сіе теченіе дѣлъ столь быстро, что ежедневно кончаются всѣ текущія дѣла. Нѣтъ сомнѣнія, что весьма много чиновниковъ остаются праздными, шатаясь для одной формы на службѣ, шатаясь по гуляньямъ и въ публичныхъ мѣстахъ отъ праздности, тогда какъ 2 или 3 истинныхъ, усердныхъ и почтенныхъ чиновниковъ, дѣлаютъ *все*, т. е. какъ-будто чернорабочіе»...[1] Статсъ-Секретарь А. С. Танѣевъ докладывалъ объ этой резолюціи Императору Александру II въ началѣ Его царствованія, въ такихъ выраженіяхъ: «Сіи священныя слова останутся навсегда въ лѣтописяхъ 1-го Отдѣленія Собственной Вашего Величества Канцеляріи незабвеннымъ памятникомъ Монаршаго довѣрія, къ которому непрестанно стремились и нынѣ стремятся всѣ трудящіеся въ ней».[2]

Въ томъ же году, 17 декабря, Государю благоугодно было милостиво вознаградить заслуги чиновниковъ, такъ лестно Имъ засвидѣтельствованныя. Онъ Собственноручно начерталъ Управляющему I Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи слѣдующую записку: «Надо составить общую вѣдомость сравнительную окладамъ *всѣхъ* чиновъ 4 (четырехъ) Отдѣ. Моей Канцеляріи и прочаго ихъ содержанія подъ разными названіями, и противъ сего выставить содержаніе соотвѣт-

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 676, «Дѣла I Отд. С. Е. В. Канц. за 1856 г.», л.л. 2 об. и 3.
[2] Тамъ же, л. 3 и об.

ствующихъ чиновъ Канцеляріи Царства Польскаго и Финляндской».[1] А. С. Танѣевъ исполнилъ это Высочайшее повелѣніе 26 декабря того же года. Изъ этой сравнительной вѣдомости видно, что на содержаніе I Отдѣленія отпускалось въ годъ 33.800 рублей; послѣ послѣдней реформы составъ его служащихъ былъ слѣдующій:

Управляющій Отдѣленіемъ, Статсъ-Секретарь Танѣевъ . 12.000 р.
И пенсіи . . . . . 1.500 »

Старшіе Чиновники:

Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, Камергеръ Ханыковъ . . . . . 5.500 »
Титулярный Совѣтникъ, Камеръ-Юнкеръ Велинскій . . 4.500 »

Младшіе Чиновники:[2]

Актуаріусъ, Камеръ-Юнкеръ Скарятинъ . . . . . 1.500 »[3]
Коллежскій Регистраторъ, Камеръ-Юнкеръ Валуевъ . . 1.500 »[4]

Чиновники для письма:[5]

Губернскій Секретарь Кашкаровъ . . . . . 1.500 »
Сенатскій Регистраторъ Макаровъ . . . . . 800 »[6]

При разсмотрѣніи этой сравнительной вѣдомости Государю угодно было прибавить къ окладу Управляющаго—11.500 р., одному изъ старшихъ чиновниковъ—3.500 р., а другому—2.500 р., и младшимъ чиновникамъ по 1.500 р.[7]

---

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 437, «Дѣла I и II Отд. С. Е. В. Канц. за 1835 г.», л. 87.

[2] Это названіе чаще употребляется въ документахъ, нежели старшіе помощники.

[3] Скарятинъ Владиміръ Яковлевичъ, впослѣдствіи егермейстеръ, убитъ случайно на охотѣ въ присутствіи Императора Александра II (1879 г.).

[4] Валуевъ Петръ Александровичъ, впослѣдствіи Министръ Внутреннихъ Дѣлъ (1861—1868 г.г.), Министръ Государственныхъ Имуществъ (1872—1877 г.г.) и Предсѣдатель Комитета Министровъ (1877—1881 г.г.), Статсъ-Секретарь, графъ (съ 19 февраля 1880 г.), членъ Государственнаго Совѣта; скончался 27 января 1890 г.; извѣстенъ также какъ литераторъ.

[5] Это названіе чаще употребляется въ документахъ, нежели младшіе помощники.

[6] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 437, «Дѣла I и II Отд. С. Е. В. Канц. за 1835 г.», л. 107.

[7] Тамъ же, л.л. 104—105 об.

Такимъ образомъ опредѣленнаго штата 1 Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи все еще не получило; поэтому 6 января 1842 года, по поводу назначенія въ старшіе чиновники I Отдѣленія, состоявшаго при Главноуправляющемъ почтами, камергера Ковалькова, А. С. Танѣевъ докладывалъ Государю: «имѣю счастіе всеподданнѣйше донести, что штата для 1-го Отдѣленія Собственной Вашего Величества Канцеляріи нѣтъ, и жалованье производится по особымъ Высочайшимъ назначеніямъ».[1] Точно также, по поводу штата, учрежденнаго въ 1846 году, Инспекторскаго Департамента гражданскаго Вѣдомства, Танѣевъ писалъ: «1., 1-е Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи не имѣетъ Штата, а также назначеніе пенсій чинамъ Собственной Его Величества Канцеляріи не подлежитъ росписанію по разрядамъ, но зависитъ единственно отъ усмотрѣнія Государя Императора, что и означено въ 1-мъ пунктѣ примѣчанія къ росписанію пенсіонныхъ разрядовъ, приложенному къ 55-й ст. III-го Т. Св. Зак. Уст. о пенсіонахъ. 2., Оклады содержанія, какъ Статсъ-Секретарю, такъ и чиновникамъ, производятся по особому усмотрѣнію и назначенію Государя Императора. 3., Нынѣшнее содержаніе чиновниковъ Высочайше назначено по сравненію съ окладами II-го Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи».[2] 18 января 1842 года старшій чиновникъ Канцеляріи Ханыковъ былъ назначенъ Статсъ-Секретаремъ Его Величества; 31 января Танѣевъ докладывалъ о немъ Государю: «слѣдуетъ ли Статсъ-Секретаря Ханыкова показать въ спискѣ состоящимъ при 1-мъ Отдѣленіи Собственной Вашего Величества Канцеляріи, такъ какъ, за сдѣланнымъ ему Высочайшимъ порученіемъ исправлять, за болѣзнію Статсъ-Секретаря Бахтина, должность Управляющаго дѣлами Комитета Министровъ, онъ формально по Канцеляріи не отчисленъ, но мундиръ сохранилъ Собственной Вашего Величества Канцеляріи и изъ оной по ея требованіямъ получаетъ жалованье?» Государь положилъ резолюцію: «оставить по прежнему».[3] Когда 3 февраля

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 516, «Дѣла I и II Отд. С. Е. В. Канц. за 1842 г.», л. 179.
[2] Тамъ же, № 584, «Дѣла I Отд. С. Е. В. Канц. за 1847 и 1848 г.», л. 192.
[3] Тамъ же, № 516, «Дѣла I и II Отд. С. Е. В. Канц. за 1842 г.», л. 170.

1845 года было закрыто временное VI[1] Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи и вмѣсто него была учреждена Особая Канцелярія при Кавказскомъ Комитетѣ, то чиновники послѣдняго Бутковъ, Харитоновъ, Арсеньевъ и Артемьевъ были причислены, по Высочайшему повелѣнію, къ I Отдѣленію.[2]

Въ 1836 году Государемъ было возложено на I Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи важное порученіе, о которомъ А. С. Танѣевъ такъ докладывалъ Императору Александру II: «въ Ноябрѣ 1836 года въ Бозѣ почивающій Августѣйшій Родитель Вашего Императорскаго Величества, въ видахъ пользы для службы, Высочайше повелѣть изволилъ: 1., чтобы впредь никто изъ молодыхъ людей Дворянскаго званія не опредѣлялся прямо въ Министерства и Главныя Управленія, не пробывъ, *по крайней мѣрѣ, три года* на службѣ въ Губернскихъ мѣстахъ (въ послѣдствіи разрѣшено опредѣлять ихъ и въ уѣздныя мѣста), дабы чрезъ то приспособить сихъ молодыхъ людей къ пріобрѣтенію нѣкотораго навыка въ производствѣ дѣлъ и дать возможность Губернскимъ и уѣзднымъ мѣстамъ открывающіяся въ нихъ вакансіи замѣщать людьми, получившими хорошее образованіе, но правило сіе не распространено на Министерство Иностранныхъ Дѣлъ и 2., никого изъ уроженцевъ губерній, отъ Польши возвращенныхъ, не опредѣлять также въ Министерства и Отдѣльныя Управленія и по присутственнымъ мѣстамъ С.-Петербургской губерніи, прежде чѣмъ не прослужатъ *пяти лѣтъ* въ Великороссійскихъ губерніяхъ. Молодыхъ дворянъ или пользующихся класснымъ чиномъ, распредѣлять въ губерніи по усмотрѣнію Губернаторовъ: въ ихъ Канцеляріи, въ Губернскія Правленія, въ Палаты: Гражданскаго и Уголовнаго Суда и Казенныя и во всѣ прочія присутственныя мѣста чиновниками для письма или писцами. Присмотръ за ними имѣть въ первыхъ двухъ мѣстахъ, т. е. Канцеляріи Губернаторовъ и Губернскихъ Правленіяхъ,

[1] Учреждено Высочайшимъ указомъ 30 августа 1842 г., «въ видахъ скорѣйшаго водворенія въ Закавказскомъ краѣ прочнаго устройства».

[2] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 560, «Дѣла I и II Отд. С. Е. В. Канц. за 1845 г.», л. 69.

Губернаторамъ, а въ послѣднихъ Вице-Губернаторамъ и Предсѣдателямъ Палатъ, подъ надзоромъ же Губернаторовъ. Чрезъ каждые 6-ть мѣсяцевъ Губернаторы обязаны представлять Его Императорскому Величеству, въ Собственныя руки, по установленной формѣ, вѣдомости (въ 1851 году при составленіи правилъ о сокращеніи переписки, полугодовые вѣдомости замѣнены годовыми), съ показаніемъ въ нихъ, кромѣ времени поступленія на службу,—аттестаціи о поведеніи и способностяхъ молодыхъ людей. Тѣхъ изъ нихъ, кои послѣ двухлѣтняго служенія окажутся достойными награжденія,—разрѣшено Губернаторамъ представлять таковыхъ къ повышенію чинами. Независимо сего, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ, возложить на Губернаторовъ: чтобы они, имѣя Главный надзоръ за молодыми людьми, пеклись о нихъ не только какъ Начальники, но какъ отцы семейства, коимъ поручаются дѣти благовоспитанные, для первыхъ шаговъ на поприщѣ службы, и направлять нравственность и способности ихъ для будущей пользы Государственной службы, и въ семъ обязаны они, Губернаторы, строгою отвѣтственностію предъ Его Императорскимъ Величествомъ. Съ установленіемъ сего порядка—всѣ поступаемыя на Высочайшее Имя донесенія Губернаторовъ и другихъ лицъ 1-е Отдѣленіе представляло Государю Императору, и Его Величество Самъ изволилъ оныя разсматривать и обращать особенное вниманіе на поведеніе молодыхъ людей, и о тѣхъ изъ нихъ, поведеніе которыхъ показано было: *довольно хорошимъ*, *добропорядочнымъ* или *посредственнымъ* и *изрядным*ъ поставляемо было, по Высочайшей волѣ, въ виду подлежащаго Министерства, для внушенія таковымъ молодымъ людямъ, чрезъ ихъ Начальства, дабы они въ поведеніи старались заслуживать лучшую аттестацію, или же, если поведеніе нѣкоторыхъ изъ молодыхъ людей было не выгодное, назначались сроки на исправленіе».[1]

Порученіе 1836 года было началомъ сосредоточенія въ I Отдѣленіи Собственной Его Величества Канцеляріи наблюденія за службой всѣхъ гражданскихъ чиновниковъ.

---

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 676, «Дѣла I и II Отд. С. Е. В. Канц. за 1856 г.», лл. 7, 8 и 9.

Въ началѣ 1842 года, какъ говорится въ отчетѣ А. С. Танѣева за 1843 годъ, А. С. Танѣеву было поручено исправлять гражданскій списокъ по подлиннымъ формулярамъ. По словамъ А. С. Танѣева, въ первые мѣсяцы послѣдовали цѣлыя сотни замѣчаній, сообщенныхъ Герольдіи чрезъ Министра Юстиціи, по поводу массы ошибокъ, вкравшихся въ списокъ.[1] Дѣло это было крайне трудно, такъ какъ формуляры присылались учрежденіями съ обычной въ дѣлопроизводствѣ того времени медлительностью.[2] Вкравшіяся въ свѣдѣнія о чиновникахъ ошибки показываютъ, съ какой неаккуратностью велся списокъ. Напримѣръ,—небезызвѣстный русскій финансистъ И. И. Ламанскій продолжалъ значиться въ спискѣ Вице-Директоромъ Особой Канцеляріи Министерства Финансовъ по кредитной части, хотя онъ уже былъ назначенъ ея Директоромъ; повѣренный въ дѣлахъ при Королевскомъ Греческомъ Дворѣ Персіани все еще значился въ спискѣ старшимъ секретаремъ Миссіи въ Персіи и т. д. Кромѣ этихъ формальныхъ ошибокъ, Государь обратилъ вниманіе на то, что въ спискѣ значатся лица, привлекавшіяся къ отвѣтственности, при чемъ умалчивается объ ихъ подсудности. Государю угодно было провѣрить, нѣтъ ли незаконно пріобрѣтенныхъ имѣній, и въ этомъ также обнаружились злоупотребленія. Поэтому Государь, убѣдившись въ необходимости особеннаго наблюденія за всѣмъ гражданскимъ служебнымъ персоналомъ въ Имперіи, повелѣлъ А. С. Танѣеву составить проектъ учрежденія Инспекторскаго Департамента гражданскаго Вѣдомства, который удостоился Высочайшаго утвержденія 31 іюля 1846 года.[3] 5 сентября того же года послѣдовалъ Именной указъ Сенату, гласившій: «. . . признали Мы за

---

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 540, «Дѣла I и II Отд. С. Е. В. Канц. за 1843 и 1844 гг.», л. 218 об.

[2] Надъ гражданскимъ спискомъ работали: А. С. Танѣевъ, камергеръ Велинскій, помощникъ старшаго чиновника Нѣмчениновъ и чиновникъ для письма Кучеровскій; въ помощь имъ были прикомандированы 6 чиновниковъ изъ Государственной Канцеляріи.

[3] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 560, «Дѣла I и IV Отд. С. Е. В. Канц. за 1845 г.,» л. 239: «Выписка объ ошибкахъ въ спискахъ гражданскимъ чинамъ на май мѣсяцъ 1845 года». Тамъ же, № 584. «Дѣла I Отд. С. Е. В. Канц. за 1847 и 1848 г.г.,» л. 1: «отчетъ по I-му Отд. Соб. Вашего Импер. Величества Канцеляріи за 1846 г.» съ надписью рукой Государя: «читалъ съ удовольствіемъ».

Зимній дворецъ въ царствованіе Императора Николая I. (1840 г.)

благо усвоить Собственному руководству Нашему завѣдываніе сими чинами[1] въ полномъ ихъ составѣ, и въ слѣдствіе того Повелѣваемъ: 1) Учредить при Первомъ Отдѣленіи Собственной Нашей Канцеляріи Инспекторскій Департаментъ Гражданскаго Вѣдомства для производства въ ономъ дѣлъ, по опредѣленію и увольненію чиновниковъ отъ службы, повышенію ихъ чинами, утвержденію въ должностяхъ и по другимъ предметамъ, на основаніи утвержденнаго Нами положенія, при семъ препровождаемаго. 2) Департаменту возъимѣть дѣйствія свои съ 1 Января 1847 года. 3) Дѣла, подлежащія на основаніи сего положенія, къ производству въ Инспекторскомъ Департаментѣ, но поступившія уже и могущія поступить въ Герольдію до 1 числа Декабря сего года, привести ей къ окончанію согласно существующему порядку. О рѣшеніяхъ же Герольдіи, имѣющихъ послѣдовать по открытіи дѣйствій Департамента, Министръ Юстиціи сообщаетъ свѣдѣнія Статсъ-Секретарю, Управляющему Первымъ Отдѣленіемъ Собственной Канцеляріи Нашей, для дальнѣйшихъ распоряженій. 4) Всѣмъ мѣстамъ и Вѣдомствамъ представленія свои о производствѣ въ чины за выслугу лѣтъ, какъ равно и по другимъ предметамъ, согласно положенію, присылать послѣ 1 Декабря сего года къ разсмотрѣнію въ Инспекторскій Департаментъ Гражданскаго Вѣдомства, и 5) Съ открытіемъ дѣйствій сего Департамента, Министру Юстиціи войти установленнымъ порядкомъ съ представленіемъ о переобразованіи тѣхъ Экспедицій Герольдіи, въ которыя поступали дѣла, отошедшія въ завѣдываніе Инспекторскаго Департамента Гражданскаго Вѣдомства».[2] Главноуправляющимъ Инспекторскимъ Департаментомъ сдѣлался Управляющій I Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи, а Вице-Директоромъ камергеръ Велинскій. Современникъ сообщаетъ: «когда личный составъ вновь учрежденнаго департамента представлялся Государю, Онъ произнесъ слѣдующія замѣчательныя слова: «Я хочу возвысить гражданскую службу, какъ возвысилъ военную. Я хочу знать всѣхъ Моихъ чиновниковъ,

[1] Гражданскими.

[2] Поли. Собр. Зак., собраніе второе, № 20401.

какъ Я знаю всѣхъ офицеровъ Моей арміи. У насъ чиновниковъ болѣе, чѣмъ требуется для успѣха службы; Я хочу, чтобы штатъ чиновниковъ отвѣчалъ дѣйствительной потребности, какъ, напримѣръ, въ Моей канцеляріи. У насъ есть много честныхъ тружениковъ, кои несутъ всю тягость службы, не пользуясь ея преимуществами; между тѣмъ есть такіе, кои, пользуясь службою другихъ, получаютъ всѣ преимущества по службѣ. Я не хочу, чтобъ было такъ»! Всѣ поклонились, а Велинскій присовокупилъ: «Постараемся исполнить волю Вашего Величества». Государь, взглянувъ на него, произнесъ задушевнымъ тономъ: «Что тутъ Моя воля? Тутъ надо думать о благѣ общемъ»![1]

О томъ, какъ много было дѣла въ новомъ учрежденіи, то же лицо свидѣтельствуетъ: «Служба въ Собственной Е. И. В. Канцеляріи была такова, что Велинскому пришлось прожить тяжкіе два года, въ теченіи коихъ онъ видѣлъ дѣтей своихъ только спящими.... Праздниковъ для него не существовало».[2] Благодаря трудамъ А. С. Танѣева и его помощника значительно было упорядочено гражданское чинопроизводство. Впослѣдствіи А. С. Танѣевъ докладывалъ Императору Александру II: «Дѣлопроизводство о награжденіи чинами, за выслугу опредѣленныхъ по закону сроковъ, составляетъ главное занятіе по Инспекторскому Департаменту, которому подлежитъ изъ удостоиваемыхъ Начальствами производства въ чины ежегодно до 18 т. лицъ разсмотрѣть права каждаго. Представленія о томъ поступаютъ отъ Министерствъ и Главныхъ вѣдомствъ, а также и изъ губерній въ назначенные сроки: для первыхъ—по третямъ года, а послѣднихъ, согласно установленному росписанію,—разъ въ годъ; въ охраненіе сего порядка, необходимаго по дѣлопроизводству Департамента для своевременнаго разсмотрѣнія представленій, возвращаются обратно тѣ изъ нихъ, которыя присылаются въ Департаментъ или позже сроковъ, или же въ отдѣльныхъ отъ общихъ представленій ходатайствахъ. Въ дѣлаемыхъ отказахъ въ производствѣ въ чины и назначеніи испра-

[1] «Русскій архивъ», 1878 г., кн. 12, стр. 508.
[2] Тамъ же.

шиваемаго старшинства излагаются въ докладахъ, собственно по Департаменту, обстоятельно всѣ замѣчаемыя въ представленіяхъ Начальствъ неправильности,—о чемъ и сообщается, въ то же время, Начальствамъ съ указаніемъ на законы и особыя постановленія, которымъ при ходатайствахъ должно слѣдовать; Начальства же, по исправленіи представленій, согласно сдѣланнымъ Департаментомъ замѣчаніямъ, вносятъ ихъ на разсмотрѣніе Департамента въ слѣдующіе очередные сроки. Какъ производство въ чины и предоставленіе въ нихъ старшинства обусловливается занятіемъ такихъ мѣстъ, которыя открываютъ на повышеніе въ чинъ право, то, на семъ основаніи, съ самаго образованія Департамента, никто не былъ производимъ двумя чинами выше класса занимаемой должности». Особенно вопіющія злоупотребленія обнаружилъ А. С. Танѣевъ въ документахъ, касающихся образовательнаго ценза чиновниковъ: многія лица, прослуживъ безукоризненно долгое время и злоупотребляя безусловнымъ довѣріемъ къ нимъ начальства, представляли, такъ сказать, заднимъ числомъ университетскіе дипломы, которые впослѣдствіи оказывались подложными. Поэтому, по докладу Главноуправляющаго Инспекторскимъ Департаментомъ, вовсе было запрещено принимать аттестаты объ окончаніи учебныхъ заведеній отъ лицъ, уже зачисленныхъ на службу, а высшія служебныя права могли быть предоставлены имъ только по выдержаніи положенныхъ экзаменовъ. Затѣмъ Департаментъ съ Высочайшаго соизволенія распорядился, чтобы было сдѣлано по всѣмъ Вѣдомствамъ представленіе обо всѣхъ чиновникахъ, которые, состоя на службѣ, не были утверждены въ оной Высочайшими приказами по упущенію со стороны самихъ Начальствъ; время промедленія въ утвержденіи ихъ было зачтено имъ въ дѣйствительную службу. «Если представлялись особо уважительныя ходатайства Начальствъ къ зачету болѣе значительнаго времени, то сіе допускаемо было только съ Высочайшаго разрѣшенія».[1]

Вскорѣ послѣ учрежденія Инспекторскаго Департамента по Высочайшему повелѣнію былъ учрежденъ (3 декабря 1846 года) Временный

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., «Отчетъ по Инспекторскому Департаменту Гражданскаго Вѣдомства за 1855 годъ».

комитетъ для пересмотра Устава о службѣ гражданской вслѣдствіе всеподданнѣйшей записки Министра Юстиціи. Предсѣдателемъ его былъ назначенъ Управляющій Собственной Его Величества Канцеляріей, а членами Товарищи Министровъ. Комитетъ этотъ подъ предсѣдательствомъ А. С. Танѣева такъ намѣтилъ свои задачи и порядокъ своихъ занятій:

«1., Опредѣлить порядокъ замѣщенія должностей, предупреждающій возможность допущенія къ онымъ лицъ, явно неблагонадежныхъ.

2., Означить къ какимъ должностямъ могутъ быть допускаемы лица, бывшія подъ судомъ и онымъ не оправданныя, и сколько времени они должны служить въ низшей должности прежде, нежели они допущены быть могутъ на степень равную прежде ими занимаемой.

3., Пересмотрѣть весь порядокъ производства въ чины и удостоенія къ наградамъ, дабы продлить нѣсколько сроки выслуги съ 8 до 5 класса включительно въ столицахъ и предоставить нѣкоторыя преимущества въ производствѣ и полученіи другихъ наградъ лицамъ, принадлежащимъ по воспитанію къ первымъ двумъ разрядамъ и занимающимъ въ губерніяхъ штатныя должности, сопряженныя съ исполненіемъ немаловажныхъ обязанностей.

и 4., Привести въ надлежащее единство всѣ части Устава чрезъ соглашеніе ихъ между собою и съ постановленіями, изложенными въ другихъ частяхъ Свода Законовъ.

Комитетъ, сообразивъ эти основанія и принявъ на видъ, что при ближайшемъ пересмотрѣ означеннаго Устава, независимо отъ указанныхъ во всеподданнѣйшей запискѣ Министра Юстиціи предметовъ, можетъ встрѣтиться надобность каснуться измѣненій и въ другихъ постановленіяхъ сего Устава, а вмѣстѣ съ тѣмъ находя нужнымъ съ точностію опредѣлить и самый порядокъ пересмотра онаго, положилъ принять къ своему руководству нижеслѣдующія основанія:

1., Пересмотръ Устава о службѣ Гражданской произвести въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ изложены постановленія сего Устава въ 3 томѣ Свода Законовъ, т. е. начавъ съ перваго раздѣла о принятіи въ Гражданскую службу и объ опредѣленіи къ должностямъ, переходить постепенно и къ другимъ раздѣламъ Устава, съ тѣмъ при

томъ, что бы всѣ статьи сего Устава, по мѣрѣ пересмотра ихъ, были сличаемы съ продолженіями къ оному и съ правилами, изложенными въ другихъ частяхъ Свода, и за тѣмъ всѣ перемѣны или дополненія, кои заключаются въ продолженіяхъ, внесены были въ текстъ Устава, а все то, что въ другихъ частяхъ Свода окажется имѣющимъ связь съ постановленіями Устава службы, было соглашено съ оными и такимъ образомъ всѣ части сего Устава приведены были въ единство.

2., Не измѣняя въ главныхъ основаніяхъ системы изложенія Устава, допускать однако же необходимыя перемѣны въ редакціи статей Устава съ тѣмъ, что бы исключить и исправить все то, что окажется неяснымъ, неточнымъ, или излишнимъ и непринадлежащимъ непосредственно къ этому Уставу.

3., Въ отношеніи самыхъ постановленій Устава, не стѣсняясь указанными во всеподданнѣйшей запискѣ Министра Юстиціи основаніями, допустить и такія существенныя перемѣны, кои по ближайшимъ соображеніямъ Комитета будутъ признаны нужными для приведенія вообще службы Гражданской въ правильное устройство и для достиженія въ особенности всѣхъ тѣхъ улучшеній, кои согласуются съ видами Государя Императора.

и 4., Къ начертанію надлежащихъ мѣръ объ устраненіи отъ службы лицъ, явно неблагонадежныхъ, а также къ пересмотру существующихъ нынѣ правилъ о производствѣ въ чины и наградахъ, обратиться въ то время, когда при постепенномъ пересмотрѣ Устава, по настоящей системѣ онаго, пересмотръ сей будетъ относиться къ тѣмъ именно статьямъ, которыя находятся въ непосредственной связи съ сими предметами».[1] Однако уже 29 декабря, въ виду множества дѣлъ, возложенныхъ на Статсъ-Секретаря, Государю угодно было освободить его отъ предсѣдательства въ Комитетѣ о службѣ гражданской и возложить послѣднее на генералъ-адъютанта Н. Н. Анненкова. Поэтому дальнѣйшая дѣятельность комитета не входитъ въ исторію Собствен-

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 6827, «Комитетъ о службѣ Гражданской», 1846 г. (см. новую опись дѣламъ), л.л. 16—17 об.

ной Его Величества Канцеляріи. Онъ закончилъ свои дѣйствія 16 марта 1850 года, и бумаги его были сданы въ архивъ I Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи.

Уже при Императорѣ Александрѣ I Губернаторы часто сносились съ Собственной Его Величества Канцеляріей помимо ихъ прямого начальника—Министра Внутреннихъ Дѣлъ; то же самое продолжалось и при Императорѣ Николаѣ I. Въ концѣ царствованія сношенія эти становятся на столько частыми, что А. С. Танѣевъ въ своихъ отчетахъ, съ 1846 по 1855 г. г., нашелъ нужнымъ открыть особую графу, подъ заголовкомъ: «Губернаторскіе рапорты». Въ отчетѣ за 1846 г. онъ пишетъ: «чрезъ 1-е Отдѣленіе Собственной Вашего Императорскаго Величества Канцеляріи проходятъ... между прочимъ Рапорты Губернаторовъ о состояніи Губерній. На рапортахъ сихъ означаются часто Высочайшія Вашего Величества повелѣнія, а по Журналамъ Комитета Министровъ видны въ послѣдствіи исполненія, по симъ повелѣніямъ сдѣланныя. Всѣ таковыя Высочайшія повелѣнія, представляющія рядъ статей важныхъ и любопытныхъ по вниманію, которое Ваше Величество изволили обращать на нихъ, я собралъ въ особой запискѣ, гдѣ съ Журналовъ Комитета Министровъ отмѣчены положенія дѣлъ; по тѣмъ же статьямъ, по которымъ нѣтъ отмѣтокъ, не поступало никакихъ донесеній. Записку такую я составилъ въ двоякомъ предположеніи: на случай, естьли бы благоугодно было Вашему Императорскому Величеству взглянуть на всю совокупность Вашихъ повелѣній и исполненія по онымъ, и для контроля, такъ какъ повелѣнія сіи не имѣютъ общей видимости, какъ въ Министерскихъ вѣдомостяхъ».[1] Съ этого года такія записки прикладываются А. С. Танѣевымъ ко всѣмъ всеподданнѣйшимъ отчетамъ. Онѣ, обыкновенно, наполнены замѣтками рукою Государя, который безпрестанно освѣдомляется о положеніи того или другого дѣла или ускоряетъ ходъ его. Напримѣръ, рапортъ Тамбовскаго Губернатора: «по предположенію объ устройствѣ

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 584, «Дѣла I Отд. С. Е. В. Канц. за 1847 и 1848 гг.», л.л. 7 и 8.

Моршанска и о возможныхъ въ немъ улучшеніяхъ». Высочайшее повелѣніе: «М. В. Дѣлъ обратить на это особое вниманіе». Помѣтка рукою Государя: «Спросить, что рѣшилъ?» Рапортъ Ярославскаго Губернатора: «объ учрежденіи общественныхъ Банковъ въ Рыбинскѣ и Ростовѣ». Министръ Внутреннихъ Дѣлъ донесъ: «предписано составить проэкты объ учрежденіи Банковъ». Помѣтка рукою Государя: «на чемъ стало?» Представленіе Казанскаго Губернатора объ освѣщеніи города газомъ. По журналу Комитета Министровъ: «Предположеніе сіе признано полезнымъ и предписано составить на сей предметъ полный проэктъ и смѣту. Въ апрѣлѣ 1846 года вновь подтверждено управляющему Губерніею ускорить окончаніе сего дѣла». Помѣтка Государя: «Спросить.» и т. д.[1] Это чрезвычайно характерно для Императора Николая I. Всецѣло проникнутый принципомъ самодержавія, Онъ старался слѣдить за всѣми явленіями государственной жизни, какъ бы они ни казались съ перваго взгляда мелочными. Провинція особенно нуждалась въ надзорѣ: она была главнымъ мѣстомъ тѣхъ злоупотребленій, которыя осмѣивались нашей сатирической литературой гоголевскаго періода.

Во время Венгерской кампаніи и послѣ нея въ отсутствіе Государя соблюдался по дѣламъ, требовавшимъ Высочайшаго разрѣшенія, тотъ же порядокъ, который былъ установленъ въ 1828 году во время пребыванія Государя на театрѣ военныхъ дѣйствій. Графъ Корфъ въ своихъ запискахъ говоритъ: «Въ 1849 году явилась необходимость возвратиться снова къ порядку 1828 года. Государь былъ въ Варшавѣ, а Наслѣдникъ Цесаревичъ, сначала остававшійся здѣсь по случаю тяжкой болѣзни Своей дочери, послѣ Ея кончины также уѣхалъ, а какъ ходъ военныхъ дѣйствій не позволялъ опредѣлить заранѣе времени Ихъ возвращенія, то, въ пріѣздъ Государя въ Петергофъ, ко дню рожденія Императрицы, Онъ рѣшилъ, на отсутствіе Его и Цесаревича, учредить подобный прежнему секретный комитетъ, изъ

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 584, «Дѣла I Отд. С. Е. В. Канц. за 1847 и 1848 гг.», л.л. 16 и слѣд.

князя Петра Михайловича Волконскаго, князя Чернышева и графа Блудова, съ назначеніемъ, для производства въ немъ дѣлъ, государственнаго секретаря Бахтина. Комитету этому, или, по оффиціальному его названію, коммиссіи, опредѣлено было дѣйствовать, примѣняясь къ инструкціи 1828 г., и, хотя въ Петербургѣ, естественно, почти всѣ знали о существованіи такого установленія, однако, во внѣшнихъ своихъ сношеніяхъ, коммиссія оставалась совершенно безгласною. Бумаги изъ всѣхъ вѣдомствъ писались, точно, какъ бы Государь былъ здѣсь, на Его Имя и доставлялись, обыкновеннымъ порядкомъ, запечатанныя въ I Отдѣленіе Собственной канцеляріи, откуда статсъ-секретарь Танѣевъ, не вскрывая конвертовъ, но соединяя ихъ всѣ въ одинъ, отсылалъ, вмѣсто Государя, подъ адресомъ коммиссіи, къ Бахтину. Коммиссія, собиравшаяся по три раза въ недѣлю (большею частію въ Петергофѣ, за пребываніемъ тамъ Волконскаго при Императрицѣ), вскрывала полученные конверты, излагала, по содержанію бумагъ, свои резолюціи въ краткихъ журналахъ и выписки изъ сихъ послѣднихъ обращала къ Танѣеву, для заготовленія исполнительныхъ бумагъ Высочайшимъ Именемъ, будто бы резолюціи послѣдовали отъ Самого Государя. Танѣевъ, съ своей стороны, изготовленные имъ проекты исполненій представлялъ коммиссіи, какъ представлялъ всегда Государю и, по одобреніи или исправленіи ихъ, разсылалъ, по принадлежности, въ формѣ Высочайшихъ повелѣній, такъ что для мѣстъ и лицъ представлявшихъ не существовало никакого видимаго измѣненія противъ обыкновеннаго порядка. Этимъ способомъ разрѣшались дѣла не только по министерствамъ, но также по Государственному Совѣту, Комитету министровъ, Кавказскому комитету, Коммиссіи прошеній и пр., съ тою только разностію, что коммиссія утверждала лишь единогласныя заключенія сихъ установленій, или мнѣніе большинства; въ случаѣ же непріятія сихъ заключеній, или согласія съ меньшимъ числомъ голосовъ, обязывалась представлять свои соображенія Государю. Сверхъ того допущены были особыя изъятія для нѣкоторыхъ министерствъ, состоявшія въ слѣдующемъ. Въ коммиссію не поступало ни одной бумаги по двумъ вѣдомствамъ: министерству иностранныхъ дѣлъ, потому что государствен-

ный канцлеръ графъ Нессельродъ самъ находился при Государѣ, и по главному управленію путей сообщенія и публичныхъ зданій, котораго начальнику, графу Клейнмихелю, разъѣзжавшему въ это время по Россіи, было предоставлено всѣ свои доклады пересылать, по-прежнему, непосредственно къ Государю. Съ другой стороны, тремъ министрамъ: военному, морскому (т. е. начальнику Главнаго морскаго штаба) и финансовъ, имѣвшимъ, въ присутствіи здѣсь Государя, постоянный личный докладъ, однимъ дано было знать оффиціально о существованіи коммиссіи, и затѣмъ дѣла ихъ вѣдомствъ, требовавшія Высочайшаго разрѣшенія, вносимы были не на Высочайшее Имя и не черезъ Танѣева, а прямо въ коммиссію, въ формѣ особыхъ записокъ; потомъ эти министры приглашались въ ея засѣданія, каждый по своей части (Чернышевъ и безъ того постоянно въ ней присутствовалъ), и участвовали въ подписаніи касавшихся до ихъ дѣлъ журналовъ, послѣ чего и выписки передавались уже не Танѣеву, а прямо каждому министру, для непосредственнаго заготовленія исполнительныхъ бумагъ, въ той же формѣ Высочайшихъ повелѣній».[1]

Въ своемъ отчетѣ за 1849 годъ А. С. Танѣевъ пишетъ: «Въ истекшемъ 1849 году, по случаю отсутствія Вашего Императорскаго Величества и Государя Наслѣдника Цесаревича къ мѣстамъ дѣйствій войскъ нашихъ противъ мятежныхъ Венгерцовъ, возложена была на 1-е Отдѣленіе Собственной Вашей Канцеляріи особая работа. Съ учрежденіемъ Коммисіи, по примѣру бывшей въ 1828 г., поручена была мнѣ вся оффиціальная часть внесенія докладовъ и объявленія, по Гражданской части, Высочайшихъ повелѣній; а такъ какъ Инструкціи, данной бывшему Статсъ-Секретарю Муравьеву въ 1828 году, въ дѣлахъ не оказалось, то Высочайше повелѣно было мнѣ составить и представить къ подписанію Вашего Величества Инструкцію, на основаніи которой я и дѣйствовалъ. Изъ внесенныхъ въ Коммисію бумагъ двѣ трети были по 1-му Отдѣленію Собственной Вашего Императорскаго Величества Канцеляріи.... По закрытіи же Коммисіи всѣ ея дѣла поступили для

[1] «Русская старина», 1900 г., кн. 5, стр. 270, 271.

храненія въ 1-е Отдѣленіе Собственной Вашего Величества Канцеляріи».[1] Такъ было и въ слѣдующемъ году съ 8 сентября по 21 октября.

Совокупность суммъ, хранившихся въ I Отдѣленіи Собственной Его Величества Канцеляріи, въ разное время царствованія Императора Николая I равнялась 12.125.049 руб. $14^{2}/_{7}$ коп. О расходованіи ихъ А. С. Танѣевъ докладывалъ Императору Александру II въ 1856 году: «Преимущественное назначеніе сихъ суммъ было возведеніе укрѣпленій въ Кронштадтѣ, коего сооруженія, вѣроятно, навсегда обезопасили Петербургъ и его окрестности; за симъ отпускались суммы на сверхсмѣтныя постройки въ Петергофѣ и по Дворцовому вѣдомству, а также представлялись Его Величеству на извѣстное употребленіе. Въ послѣдній же годъ Царствованія своего Государь Императоръ предназначилъ имѣть въ своемъ распоряженіи особый капиталъ подъ названіемъ Севастопольскаго, который и хранится нынѣ въ Государственномъ Заемномъ Банкѣ въ количествѣ 300 т. р.».[2] Непредвидѣнныя нужды, вызванныя тяжелой Севастопольской компаніей, покрывались изъ этой суммы.

Таковы главные моменты исторіи I Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи въ царствованіе Императора Николая I. Оно являлось маховымъ колесомъ, приводившимъ въ дѣйствіе многосложную государственную машину. Въ этомъ учрежденіи сосредоточивался и контроль надъ отдѣльными частями ея. Съ помощью I Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи Государь стремился наблюдать за всѣмъ Самолично. Естественно поэтому, что I Отдѣленіе, при своемъ скромномъ числѣ служащихъ, было постоянно обременено дѣлами. Одни только дѣла объ арестантахъ могли бы быть предметомъ особаго учрежденія. А. С. Танѣевъ докладывалъ Государю въ 1855 году: «Дѣламъ объ арестантахъ дѣлается троякая повѣрка: по всеподданнѣйшимъ рапортамъ губернскихъ прокуроровъ и стряпчихъ,

---

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 604, «Дѣла I Отд. С. Е. В. Канц. за 1849 и 1850 гг.», л.л. 250 об., 251 и об.

[2] Тамъ же, № 676, «Дѣла I Отд. С. Е. В. Канц. за 1856 г.», л. 16: «Отчетъ по I Отд. Соб. Вашего Императорскаго Величества Канцеляріи за 1855 годъ».

по уголовнымъ департаментамъ Сената и по вѣдомостямъ о Высочайшихъ Указахъ и Повелѣніяхъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, куда передаются дѣла, требующія исполненія со стороны полицейской власти. Можно бы полагать, что по изданіи новыхъ уголовныхъ законовъ, при увеличившемся числѣ арестантовъ, увеличится и объемъ вѣдомостей, но, напротивъ, при непрестанныхъ Монаршихъ настояніяхъ Вашего Величества число ихъ значительно уменьшилось и самыя вѣдомости, прежде громадныя, въ объемѣ уменьшились».[1] О провѣркѣ вѣдомостей о Высочайшихъ повелѣніяхъ А. С. Танѣевъ докладывалъ Императору Александру II въ 1856 году: «Вообще каждый мѣсяцъ 1-е Отдѣленіе Собственной Вашего Величества Канцеляріи повѣряетъ круглымъ счетомъ до 6.500 статей; занятіе это заключается сначала въ сличеніи статей для удостовѣренія, нѣтъ ли пропусковъ, кои иногда встрѣчаются; затѣмъ слѣдуетъ повѣрка самаго хода дѣлъ и, наконецъ, весь этотъ трудъ и самыя вѣдомости повѣряются окончательно мною въ ходѣ ихъ, до представленія на Высочайшее усмотрѣніе всеподданнѣйшихъ о семъ докладовъ...»[2] Императоръ Александръ II рѣшился обратиться къ содѣйствію общества въ томъ, что касалось его нуждъ и суда, а поэтому, естественно, работа многихъ государственныхъ учрежденій должна была сократиться. Прежде всего это отозвалось на I Отдѣленіи Собственной Его Величества Канцеляріи.

---

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 666, «Дѣла I Отд. С. Е. В. Канц. за 1855 г.», л.л. 2 об. и 3.

[2] Тамъ же, № 676, «Дѣла I Отд. С. Е. В. Канц. за 1856 г.», л. 6 и об.: «Отчетъ по I Отд. Соб. Вашего Императорскаго Величества Канцеляріи за 1855 годъ».

ГЛАВА 3-я.

Біографическія свѣдѣнія о главнѣйшихъ дѣятеляхъ Собственной Его Величества Канцеляріи въ царствованіе Императора Николая I.

Муравьевъ, Николай Назаровичъ, происходилъ изъ стараго дворянскаго рода и родился 14 октября 1775 года въ помѣстьѣ своего отца Назара Степановича Муравьева, сельцѣ Малая Теребонь, въ сорока верстахъ отъ Новгорода. Дѣтство его до 9 лѣтъ прошло въ домѣ отца его, зимою въ Новгородѣ, а лѣтомъ въ деревнѣ; учили его довольно небрежно. Въ это время мальчикъ выучился, какъ онъ самъ говоритъ, «читать и писать по-русски, читать и говорить нѣсколько словъ по-французски и нѣмецки, первыя четыре правила ариѳметики и кое-что съ нотъ вычуживать на скрипкѣ и кое-какъ плясать». О впечатлѣніяхъ, которыя онъ сохранилъ съ дѣтства, онъ писалъ: «Я и родился въ первородной русской сторонѣ и обреченъ былъ быть и русскимъ разумникомъ и русскимъ святошею[1] среди русскаго гостепріимнаго братолюбства...» Семья Николая Назаровича, по его изображенію, была самая патріархальная и безгранично преданная православной вѣрѣ и Государямъ. 9 лѣтъ Н. Н. Муравьевъ поступилъ въ Горный корпусъ (нынѣ Горный институтъ), который окончилъ съ отличіемъ. Служебную

[1] Авторъ имѣлъ въ виду то обстоятельство, что онъ названъ былъ по имени русскаго угодника Св. Благовѣрнаго Князя Николы Святоши, память котораго чествуется 14 октября, въ день рожденія Николая Назаровича.

Статсъ-Секретарь
Н. Н. Муравьевъ
Управляющій I Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.
(1826 — 1831 гг.)

карьеру свою онъ началъ на Нерчинскихъ заводахъ, но дѣятельность горнаго инженера ему пришлась не по вкусу, и онъ перешелъ во флотъ, что тогда было возможно; во флотѣ онъ дослужился до чина капитана 1-го ранга и вышелъ въ отставку въ 1803 году. Морская служба дала ему возможность побывать въ Англіи, гдѣ, по его «Припоминаніямъ», онъ «прошелъ всѣ вѣтви математики, всѣ естественныя науки». Въ 1805 году его родственникъ, извѣстный общественный дѣятель и литераторъ Михаилъ Никитичъ Муравьевъ сдѣлался Попечителемъ Московскаго Учебнаго Округа и при его содѣйствіи Н. Н. Муравьевъ перешелъ на службу въ Министерство Народнаго Просвѣщенія, гдѣ прослужилъ до 1810 года. Въ этомъ году онъ вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ новгородскомъ имѣніи. Здѣсь у него завязалось близкое знакомство съ Аракчеевымъ, благодаря покровительству котораго Муравьевъ получилъ мѣсто сначала Новгородскаго Вице-Губернатора (10 декабря 1812 года), а затѣмъ и Губернатора (8 августа 1815 года). Новый Губернаторъ былъ встрѣченъ мѣстнымъ обществомъ очень недоброжелательно: вопреки тому, что пишетъ Муравьевъ въ своихъ «Припоминаніяхъ», предшественникъ его, Павелъ Ивановичъ Сумароковъ, былъ очень почтенный человѣкъ и пользовался общимъ расположеніемъ, но у него были столкновенія съ Аракчеевымъ. Въ сентябрѣ 1813 года Аракчеевъ обратился къ Сумарокову съ просьбой присылать прямо ему приказы о нарядѣ повинностей, слѣдуемыхъ съ его имѣнія. Сумароковъ отказалъ въ этой просьбѣ и имѣлъ неосторожность сказать въ обществѣ: «если доставлять графу Аракчееву, то придется относиться и послѣднему дворянину». Услужливые люди передали эту фразу въ искаженномъ видѣ графу. Послѣдній согласился, что Губернаторъ въ сущности правъ, но потребовалъ отъ него объясненій по поводу сказаннаго. Сумароковъ отвѣчалъ очень запальчивымъ письмомъ, въ которомъ между прочимъ писалъ: «Я знаю, Милостивый Государь, что, вы Вельможа, много значитѣ при дворѣ, можете сдѣлать мнѣ вредъ и что конечно, не упустити перваго случая оказать оный; но я смѣю уверить ваше Сіятельство, что я держась пословицы: *хоть голъ да правъ*, болѣе

дорожу честію, нежели моимъ мѣстомъ».[1] Въ обществѣ говорили, будто бы противъ Сумарокова интриговалъ Муравьевъ и что послѣднимъ были переданы его слова, хотя этому нѣтъ никакихъ доказательствъ: лица, знавшія близко Николая Назаровича, характеризуютъ нравственный образъ его съ самой выгодной стороны; такъ, декабристъ Батенковъ, вообще очень строгій въ своихъ отзывахъ о людяхъ, называетъ его человѣкомъ благороднымъ.

26 августа 1818 года Муравьевъ перешелъ Статсъ-Секретаремъ въ Собственную Его Величества Канцелярію и сдѣлался правой рукой графа Аракчеева, мѣсто котораго онъ занялъ впослѣдствіи. Когда въ началѣ царствованія Императора Николая I былъ учрежденъ Секретный Комитетъ по различнымъ вопросамъ внутренняго управленія (такъ называемый «Комитетъ 6 декабря 1826 года»), то Муравьевъ представилъ въ него нѣсколько записокъ; одна изъ нихъ касалась крестьянскаго вопроса («о владѣніи землями безъ обладанія живущими на оной крестьянами»). Подобно Н. Тургеневу, Мордвинову и многимъ другимъ передовымъ людямъ этого времени, Муравьевъ былъ сторонникомъ освобожденія крестьянъ безъ земли. О другихъ запискахъ понятіе даютъ протоколы Комитета: «въ одной изъ сихъ записокъ предложено чрезъ возвышеніе нѣкоторыхъ старыхъ и установленіе новыхъ податей умножить доходъ казны 200.000.000 р. въ годъ. Другая содержитъ въ себѣ разсужденіе *о податяхъ вообще и о взиманіи оныхъ.* Въ третьей сочинитель доказываетъ необходимость *безъ отлагательства обратить вниманіе на хлѣбопашество, лѣса и разселеніе жителей;* къ сей послѣдней приложено *общее обозрѣніе четырехъ полосъ Россійской Имперіи, сѣверной, двухъ среднихъ и полуденной* съ таблицами». Впрочемъ записки эти не встрѣтили сочувствія,—«Комитетъ нашелъ, что въ настоящее время, при ослабленіи торговъ и иныхъ промысловъ, при видимой скудости и медленномъ обращеніи капиталовъ, которое доказывается множествомъ всякаго рода недоимокъ и

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 2434 (см. новую опись), «Копіи съ писемъ графа Аракчеева и Новгородскаго Гражд. Губ. Павла Ивановича Сумарокова».

общимъ во всѣхъ классахъ обѣднѣніемъ, едвали возможно думать объ увеличеніи бремени налоговъ. Что же касается до переселеній изъ среднихъ полосъ Имперіи въ полуденную и причинъ, по коимъ Г. Статсъ-Секретарь Муравьевъ почитаетъ сіи переселенія необходимыми, то Комитетомъ замѣчено, что, хотя число жителей въ Россіи довольно быстро умножается, но сіе умноженіе не можетъ еще возбуждать основательныхъ опасеній и что ни въ какомъ случаѣ нельзя прибѣгать къ мѣрамъ принужденія для перемѣщенія части населенія изъ многолюднѣйшихъ губерній въ другія. Со стороны Правительства довольно: во-1-хъ, не препятствовать сему стремленію, которое должно быть естественнымъ послѣдствіемъ успѣховъ народной промышленности; во-2-хъ, споспѣшествовать разными хозяйственными распоряженіями переселенію казенныхъ крестьянъ, кои, безъ сомнѣнія, при недостаткѣ по многимъ губерніямъ земель, въ ихъ пользованіи состоящихъ, обратятся въ немаломъ числѣ къ переходу на другія мѣста, коль скоро Правительство обратитъ на нихъ благотворное попеченіе».[1] Однако, безпристрастные потомки не могутъ не усмотрѣть въ этихъ мысляхъ Муравьева государственнаго смысла. Съ 25 іюня 1827 года Муравьевъ былъ Сенаторомъ, а въ концѣ 1831 года болѣзнь окончательно заставила его покинуть государственную службу. Указъ объ увольненіи его состоялся 5 января 1832 года. При отставкѣ ему была назначена пенсія по 20.000 р. асс. въ годъ.

Оставивъ службу, онъ поселился въ своемъ селѣ Покровскомъ, на лѣвомъ берегу Невы, по Шлиссельбургской дорогѣ. Здѣсь онъ дѣятельно занимался сельскимъ хозяйствомъ и устроилъ сахарный заводъ.[2] Досуги свои онъ всю жизнь посвящалъ наукамъ и литературѣ, которыя любилъ страстно. Впрочемъ, чисто литературные опыты Муравьева были безусловно неудачны: стихи онъ писалъ очень плохіе, а за его повѣсти онъ, не безъ основанія, былъ названъ современниками «Хвостовымъ въ прозѣ» (графъ Хвостовъ, осмѣянный

[1] «Сборн. Имп. Ист. Общ.», т. 74, стр. 148 и 149.

[2] «Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ», т. III, примѣчанія, стр. 534.

Пушкинымъ, считался тогда образцомъ бездарнаго стихотворца). Нельзя того же самаго сказать о Муравьевѣ, какъ объ ученомъ; онъ писалъ по самымъ разнообразнымъ отраслямъ знанія: по философіи, юридическимъ вопросамъ, политической экономіи, промышленности, торговлѣ, естествознанію, астрономіи, физикѣ, живописи, но больше всего онъ сдѣлалъ въ археологіи. Его труды «Описаніе древней Новгородской серебряной гривны» (Москва, 1826 г.) и «Историческія изслѣдованія о древностяхъ Новгорода, касающіяся его монетъ, мѣстности, населенія, окольностей, укрѣпленій, строеній, нравовъ жителей и свойства управленія» (Спб. 1828 г.) имѣли въ свое время большое значеніе. Какъ историческій критикъ, Муравьевъ навлекъ на себя ожесточенныя нападки современниковъ рѣзкой критикой Карамзина, но многое изъ того, что онъ ставилъ въ упрекъ исторіографу, теперь всѣми признано: онъ упрекалъ его за недостатокъ научной критики и исторической перспективы; указывалъ, что Святославъ, св. Владиміръ и другіе у него думаютъ и говорятъ совершенно, какъ современники историка и т. д. Однако, Муравьева нельзя упрекать въ неумѣньи цѣнить научныя заслуги современниковъ. Какъ извѣстно, начало царствованія Императора Николая I было временемъ пробужденія у насъ интереса къ археологіи, и Муравьевъ съ восторгомъ говорилъ о заслугахъ въ этой области Калайдовича и Строева. Въ письмахъ къ послѣднему, тогда еще молодому ученому, пожилой сановникъ подписывался: «Вашъ искренній почитатель». Мало того, онъ оцѣнилъ ученыя заслуги Полевого и Кочеповскаго, которыя теперь признаны наукой, хотя ихъ отвергли такіе современники какъ Пушкинъ, князь Вяземскій, Погодинъ и другіе. Кочеповскаго Муравьевъ назвалъ «истиннымъ историкомъ, не рѣчью, но дѣломъ, къ цѣли своей идущимъ». О своихъ литературныхъ занятіяхъ Муравьевъ говоритъ: «Прежде, нежели я научился писать, мнѣ приходило желаніе писать скоро, какъ я видалъ то дѣлалъ мой отецъ, который его дѣлывалъ передо мною. Наблюденія въ природѣ и между людьми, и пріобрѣтаемыя мною въ нихъ познанія, возродили во мнѣ множество и различество мыслей. Я иногда ихъ записывалъ. Я не зналъ праздности; дѣло и дѣло было моя забава. Насла-

Камергеръ

В. Я. Ханыковъ

Видный дѣятель Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, впослѣдствіи Статсъ-Секретарь Его Величества.

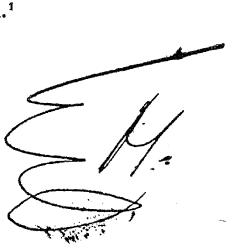
(1819 — 1842 гг.)

жденіе мое было одно: въ ласкѣ женщинѣ, я не тратилъ на ето свое время. Писать и печатать свои мысли я началъ издавна, съ 1804 года. Въ С.П.бургскомъ вѣстникѣ, въ ученыхъ вѣдомостяхъ Московскаго университета, въ Московскомъ повременномъ изданіи Новыхъ изобрѣтеній. Я вдругъ началъ издавать мои «забавы отдохновенія», ибо проживши 50 лѣтъ, я скопилъ въ головѣ своей множество мыслей и о множествѣ предметовъ, мыслей совершенно новыхъ и самобытныхъ». Полное собраніе своихъ сочиненій Муравьевъ сталъ издавать еще въ 1828 году подъ довольно страннымъ названіемъ:—«Нѣкоторыя изъ забавъ отдохновенія, съ 1805 года, Николая Назарьевича Муравьева, Статсъ-Секретаря Его Императорскаго Величества, Тайнаго Совѣтника, Сенатора, Почетнаго Члена Императорскихъ Россійскихъ Академій и Университетовъ: Московскаго и Виленскаго, и Московскихъ Ученыхъ Обществъ: Исторіи и Испытателей природы». Послѣдняя часть (14-ая) вышла уже послѣ смерти автора въ 1851 году съ посвященіемъ его супругѣ Елизаветѣ Антоновнѣ, урожденной фонъ-Моллеръ (сестра извѣстнаго художника). Н. Н. Муравьевъ скончался 23 января 1845 года. Его сынъ Николай Николаевичъ оказалъ Россіи безсмертную услугу присоединеніемъ Амура.[1]

Ханыковъ, Василій Яковлевичъ, родился въ 1793 году, окончилъ курсъ въ Морскомъ корпусѣ и дослужился во флотѣ до чина лейтенанта, состоя адъютантомъ сначала при адмиралѣ Муравьевѣ, а затѣмъ при знаменитомъ адмиралѣ Грейгѣ. За это время онъ имѣлъ не разъ случай показать себя исполнительнымъ и храбрымъ офицеромъ; онъ участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ въ 1808 году противъ шведовъ, въ 1812 году при блокадѣ Курляндскихъ береговъ и въ 1813 году при крѣпости Вейксельминдѣ и у Данцига. 22 апрѣля 1819 года онъ перешелъ на гражданскую службу и былъ переименованъ въ коллежскіе ассессоры, а 16 октября того же года былъ назначенъ помощникомъ

[1] Свѣдѣнія о Н. Н. Муравьевѣ: «Остафьевскій Архивъ князей Виземскихъ», СПБ., 1908, т. III, примѣчанія, стр. 534—536. Сочиненія К. Н. Батюшкова, СПБ. 1886 г., т. III, стр. 628—632. Кромѣ того его внукомъ недавно изданы его «Припоминанія съ 1778 года» во 2 выпускѣ «Сборника Новгородскаго Общества любителей древности» (Новгородъ, 1909 г.).

начальника отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи. Аракчеевъ, со свойственнымъ ему умѣньемъ, распознавъ въ молодомъ человѣкѣ способнаго и полезнаго чиновника, началъ выдвигать его. Въ 1822 году Ханыковъ былъ назначенъ начальникомъ отдѣленія. Въ 1823 году во время Высочайшаго путешествія Государя Императора по Россіи онъ находился при графѣ Аракчеевѣ по дѣламъ Собственной Его Величества Канцеляріи, а въ 1826 году во время Священнаго Коронованія Императора Николая I по тѣмъ же дѣламъ въ Москвѣ. 1 января 1832 года онъ былъ пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а 9 апрѣля того же года въ званіе камергера Двора Его Императорскаго Величества. 31 декабря 1837 года за отлично-полезные труды ему было объявлено особое Монаршее благоволеніе. 18 января 1842 года В. Я. Ханыковъ былъ назначенъ Статсъ-Секретаремъ Его Императорскаго Величества, и ему повелѣно было управлять дѣлами Комитета Министровъ. Одновременно онъ состоялъ членомъ Комитета призрѣнія заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ. 31 декабря 1849 года онъ былъ назначенъ Членомъ Государственнаго Совѣта, съ оставленіемъ въ прежнихъ должностяхъ; скончался Ханыковъ въ февралѣ слѣдующаго года.[1]

[1] Формуляръ В. Я. Ханыкова хранится въ архивѣ I Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи (доведенъ только до 1839 г.); дѣло о службѣ Члена Государственнаго Совѣта В. Я. Ханыкова въ архивѣ Государственнаго Совѣта; С. М. Середонинъ, «Историческій Обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ», т. II, ч. 1, стр. 39; т. II, ч. 2, стр. 288.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Царствованіе Императора Александра II.

ГЛАВА 1-я.

Конецъ управленія Статсъ-Секретаря А. С. Танѣева (1856—1866 гг.).

Въ началѣ 1856 года А. С. Танѣевъ представилъ Государю Императору Александру II обширный отчетъ о тѣхъ обязанностяхъ, которыя возлагались покойнымъ Императоромъ Николаемъ I на учрежденіе, во главѣ котораго Танѣевъ стоялъ. Въ немъ онъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ опредѣлялъ задачи, которыя онъ ставилъ ввѣренному ему учрежденію:

«Предназначеніе 1-го Отдѣленія Собственной Вашего Императорскаго Величества Канцеляріи есть сосредоточеніе Высочайшихъ повелѣній по Гражданскому вѣдомству. Какъ центральное мѣсто исходящихъ отъ Верховной власти и восходящихъ къ ней дѣлъ первенствующихъ въ Государствѣ управленій, Канцелярія сія имѣетъ высшее противъ другихъ значеніе. Будучи руководима Высочайшею волею и облеченная Монаршимъ довѣріемъ, она должна не только сохранить нравственную

непорочность и безошибочность исполненій, но служить и образцомъ порядка и успѣшности дѣлопроизводства съ елико-возможнымъ ограниченіемъ чиновниковъ». Государю угодно было положить на этомъ докладѣ слѣдующую резолюцію: «Искренно благодарю васъ и всѣхъ вашихъ сотрудниковъ, отъ имяни незабвеннаго Родителя и отъ себя, за постоянные и добросовѣстные труды ваши и увѣренъ что и впредь найду въ васъ этихъ же ревностныхъ исполнителей моей воли».[1]

Въ томъ же отчетѣ А. С. Танѣевъ писалъ Государю по поводу вѣдомостей о недоимкахъ: «Министръ Государственныхъ Имуществъ (гр. П. Д. Киселевъ), въ слѣдствіе личнаго нашего объясненія, передалъ мнѣ частную записку, въ которой изложено, что оцѣнка дѣйствій управленія по взысканію денежныхъ сборовъ должна быть основана не столько на суммѣ, до которой простирается переборъ противъ оклада, сколько на отношеніи перебора къ окладу,—отношеніи, опредѣляемомъ извѣстнымъ процентомъ. Мнѣніе это подтверждается слѣдующими примѣрами: за 1853 г. по Курской губерніи Палата Государственныхъ Имуществъ удостоилась Высочайшаго благоволенія за переборъ до 11 т. р., тогда какъ сумма эта составляетъ не болѣе $^{8}/_{10}\%$ годоваго оклада. По Астраханской же губерніи Палата Государственныхъ Имуществъ вовсе не удостоилась Монаршаго благоволенія, между тѣмъ какъ взысканный по ея вѣдомству переборъ составляетъ $1^{2}/_{10}\%$... Такое предположеніе графа Киселева представляя на Всемилостивѣйшее воззрѣніе Вашего Императорскаго Величества, пріемлю смѣлость доложить, что, съ своей стороны, я полагалъ бы, что для поощренія въ исправномъ взысканіи податей—удостоивать Высочайшаго благоволенія всѣхъ тѣхъ Начальниковъ губерній и Управляющихъ Палатами Государственныхъ Имуществъ, по вѣдомству коихъ будетъ или переборъ оклада, неизчисляя на проценты, или полное количество слѣдовавшаго за весь годъ оклада; но тѣхъ изъ нихъ, по вѣдомству которыхъ, кромѣ полнаго поступленія годоваго оклада, будетъ оказы-

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 676, «Дѣла I отд. С. Е. В. Канц. за 1856 г.», л. 2.

вятся переборъ податей, т. е. уменьшеніе недоимокъ отъ 15 т. р. и болѣе, таковыхъ удостоивать къ объявленію особаго Монаршаго благоволенія и на сіе имѣю счастіе испрашивать соизволенія Вашего Величества».[1] Государь противъ этого мѣста отчета написалъ: «согласенъ» («со-ъ»). Вслѣдствіе этого, 7 января, А. С. Танѣевъ объявилъ графу Киселеву: «при представленіи нынѣ на Высочайшее благоусмотрѣніе полнаго отчета о взысканіи податей и недоимокъ съ Государственныхъ крестьянъ за весь 1854 годъ, я имѣлъ счастіе повергать воззрѣнію Государя Императора и... предположеніе Ваше. Его Императорское Величество, одобривъ оное, Высочайше повелѣть изволилъ: для поощренія въ исправномъ взысканіи податей и недоимокъ удостоивать Высочайшаго благоволенія тѣ Палаты Государственныхъ Имуществъ, по вѣдомству коихъ будетъ переборъ оклада, не изчисляя онаго на проценты, или полное вступленіе годоваго оклада; но тѣ Палаты, по вѣдомству которыхъ, кромѣ полнаго поступленія годоваго оклада, будетъ оказываться переборъ податей, т. е. уменьшеніе недоимокъ отъ 15 т. р. и болѣе, таковыхъ удостоивать объявленія особаго Монаршаго благоволенія, что и принять къ руководству 1-му Отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи...» Такое же Высочайшее повелѣніе было объявлено Министру Внутреннихъ Дѣлъ относительно Начальниковъ губерній.[2]

Вскорѣ послѣ вступленія на Престолъ Императоромъ Александромъ II было возложено на А. С. Танѣева составленіе проекта новой гражданской формы. Цѣлью этого порученія было упрощеніе ея, такъ какъ до того времени она отличалась значительной вычурностью и представляла большія затрудненія для ношенія. А. С. Танѣевымъ были выработаны Высочайше утвержденныя положенія о ношеніи гражданской формы: 18 апрѣля 1855 года, 2 и 13 февраля 1856 года («о формѣ генеральскимъ чинамъ») и 8 марта того же года, также положенія о

---

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 676, «Дѣла I Отд. С. Е. В. Канц. за 1856 г.», лл. 14 и 15.

[2] Тамъ же, № 674, «Исходящій журн. объявл. Высоч. повелѣніямъ за 1856 г.», кн. 1, лл. 9 об. и слѣд.

формѣ канцелярскихъ чиновниковъ 5 и 13 апрѣля 1856 года. «Упрощеніе и удобство суть главные предметы измѣненій», писалъ А. С. Танѣевъ въ своемъ отчетѣ за 1855 годъ, «и большая часть чиновниковъ съ такою благодарностію приняли дарованныя удобства, какъ будто давно ихъ ожидали».

Въ ноябрѣ 1856 года графу Д. Н. Блудову было поручено установить слова присяги для различныхъ случаевъ. Онъ обратился ко всѣмъ Вѣдомствамъ, прося доставить ему нужныя свѣдѣнія. А. С. Танѣевъ представилъ проекты присяги для служащихъ какъ въ I Отдѣленіи, такъ и въ Инспекторскомъ Департаментѣ, которые и были утверждены. Въ изложеніи этой присяги обращаетъ на себя вниманіе обѣщаніе: «Дѣла сей Канцеляріи и все до нихъ касающееся, какъ принадлежащія собственно Государю Императору, по особой ихъ важности, хранить мнѣ въ величайшей тайнѣ».

Въ январѣ 1856 года I Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи было переведено изъ Зимняго дворца на новое мѣсто, а именно, въ Іезуитскій домъ[1] (зданіе на углу Екатерининскаго канала и Итальянской улицы, построенное при Императорѣ Павлѣ I для іезуитскаго коллегіума). Когда въ томъ же году былъ закрытъ «Комитетъ, Высочайше учрежденный для пересмотра устава о службѣ гражданской», то предсѣдатель его, генералъ-адъютантъ Анненковъ, увѣдомилъ А. С. Танѣева: «Государь Императоръ въ 22-й день сего Февраля Высочайше повелѣть изволилъ: считать Комитетъ, Высочайше учрежденный для пересмотра Устава о Службѣ Гражданской, окончательно закрытымъ и дѣла онаго сдать въ I Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи. Во исполненіе сего предложено отъ меня завѣ-

[1] Объ этомъ свидѣтельствуетъ докладъ А. С. Танѣева Государю 9 ноября 1858 года, въ которомъ онъ ходатайствовалъ объ увеличеніи отпуска канцелярской суммы изъ Кабинета Его Величества на 1.000 р. въ годъ, ввиду новыхъ расходовъ, вызванныхъ переѣздомъ учрежденія на новое мѣсто (слова доклада: «по случаю перемѣщенія Канцеляріи въ Генварѣ 1856 года изъ Зимняго Дворца въ Іезуитскій домъ»). Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 696, «Дѣла I Отд. С. Е. В. Канц. за 1858 годъ», л. 73. О зданіи, есть свѣдѣнія въ книгѣ свящ. Морошкина «Іезуиты въ Россіи», ч. 1, СПБ., 1888 г., стр. 431.

дывающему вышеупомянутыми дѣлами Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Ростовскому явиться во ввѣренное Вашему Высокопревосходительству Отдѣленіе Собственной Государя Императора Канцеляріи, для сдачи установленнымъ порядкомъ тѣхъ дѣлъ лицу, которое будетъ Вами для принятія оныхъ назначено». 28 февраля эти дѣла были приняты въ архивъ I Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи, гдѣ и находятся въ настоящее время.[1]

14 декабря 1857 года А. С. Танѣевъ объявилъ Министру Юстиціи графу Панину такое Высочайшее повелѣніе: «Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ увѣдомить Ваше Сіятельство, чтобы подлежащія къ Высочайшему разсмотрѣнію ежемѣсячныя вѣдомости о движеніи дѣлъ въ С.-Петербургскихъ, Московскихъ и Варшавскихъ Департаментахъ Правительствующаго Сената и еженедѣльныя вѣдомости: о Сенаторахъ не присутствовавшихъ по разнымъ причинамъ, и о присутствіи Членовъ въ Римско-Католической Духовной Коллегіи, а также краткіе экстракты о полученныхъ Именныхъ Высочайшихъ и объявленныхъ Сенату указахъ были представляемы Его Императорскому Величеству, по прежнему порядку, въ запечатанныхъ конвертахъ, чрезъ 1 Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи».[2]

Въ 1857 году Комитетъ Министровъ поднялъ вопросъ объ упраздненіи Инспекторскаго Департамента,—учрежденія, которое, какъ видно изъ приведеннаго выше отчета А. С. Танѣева за 1855 годъ, принесло такую пользу въ царствованіе Императора Николая I. Основанія къ упраздненію были слѣдующія: начальники Вѣдомствъ не могли сами ни повышать, ни перемѣщать, ни, наконецъ, удалять чиновниковъ, такъ какъ это дѣлалось лишь Высочайшими приказами черезъ Департаментъ; между тѣмъ послѣдній основывался на отзывахъ непосредственнаго начальства, и такимъ образомъ, по мнѣнію Комитета Министровъ, чрезвычайно увеличивалась переписка.

---

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 676, «Дѣла I Отд. С. Е. В. Канц. за 1856 г.», л. 58.

[2] Тамъ же, № 684, «Исходящій журн. объявл. Высоч. повелѣніямъ за 1857 г.», кн. II, лл. 216 об. и 217.

А. С. Танѣевъ представилъ записку въ защиту Инспекторскаго Департамента, въ которой писалъ: «До образованія Инспекторскаго Департамента производство въ чины зависѣло отъ Правительствующаго Сената, опредѣленіе, увольненіе, перемѣщеніе до VI класса отъ подлежащихъ вѣдомствъ. Съ учрежденіемъ Департамента всѣ случаи, относящіеся до личнаго состава гражданскихъ чиновъ, сосредоточились въ немъ. Такому новому порядку не было предшествовавшаго центральнаго управленія, и слѣдовательно Департаментъ, какъ первый въ своемъ родѣ, не подлежитъ и сравненію въ производствѣ дѣлъ. Точное опредѣленіе разнородныхъ правъ, составленіе Высочайшихъ Приказовъ, повѣрка представленій и документовъ, и тщательное наблюденіе за исполненіемъ Высочайшихъ повелѣній, неминуемо потребовали большей переписки. Не было ни одного воловаго представленія, особенно по Губерніямъ, гдѣ бы не открывались неправильныя исчисленія службы, ошибочныя ссылки на Приказы, недостаточность документовъ, и бывали случаи, что представлялись подложные документы. Тщательное разъясненіе такихъ представленій, служа ручательствомъ за точность, съ каковою Департаментъ исполняетъ возложенный на него трудъ, требуетъ усиленныхъ сношеній, которыхъ предвидѣть невозможно.... Особенная заботливость Государя Императора была обращена на то, чтобы не было терпимо лицъ неблагонадежныхъ и неподлежавшихъ допущенію на службу. Вскорѣ по вступленіи на Престолъ, и именно въ октябрѣ 1827 г., Его Императорское Величество повелѣлъ служащимъ въ Петербургѣ чиновникамъ всѣхъ вѣдомствъ, произшедшимъ изъ податнаго состоянія, явиться въ 1-е Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи для дознанія ихъ происхожденія, занятій и вообще краткой біографіи. Открылось, что много чиновниковъ бывшихъ въ крѣпостномъ состояніи камердинерами и лакеями, отпущены были иные безплатно, другіе за выкупъ на волю, и подъ Начальствомъ бывшихъ господъ своихъ опредѣлены были на службу, и вышли въ чины; другіе оставались на службѣ, будучи подъ судомъ и слѣдствіемъ, и вообще въ принятіи на службу оказались большія злоупотребленія. Неоднократно Государь Императоръ

прибѣгалъ къ мѣрѣ строгаго разбора служащихъ чиновниковъ; такъ въ 1833 году, послѣ личнаго Монаршаго посѣщенія присутственныхъ мѣстъ Его Императорское Величество, пославъ меня во всѣ здѣшнія присутственныя мѣста, вновь повелѣлъ мнѣ войти въ разсмотрѣнія, не было ли лицъ, неправильно допущенныхъ на службу и къ должностямъ. Но при учрежденіи Инспекторскаго Департамента Гражданскаго вѣдомства Государь Императоръ настоятельно повелѣлъ, чтобъ отнюдь не были терпимы лица, неправильно допущенныя на службу, и, какъ оказалось, что во многихъ мѣстахъ, особенно внутри Имперіи, наибольшее число неправильно принятыхъ на службу найдено въ сословіи канцелярскихъ служителей, коихъ число простирается до 35.000, то Его Императорское Величество и нынѣ благополучно Царствующій Государь Императоръ повелѣли сдѣлать строгій разборъ, повѣрить права каждаго и оставить на службѣ тѣхъ, въ пользу коихъ допущены изъятія. Дѣло сіе сопряжено съ огромною перепискою, болѣе и болѣе усиливающеюся, ибо до учрежденія Инспекторскаго Департамента не было вовсе въ виду класса канцелярскихъ служителей, неимѣющихъ чиновъ и неизвѣстно было ихъ число».

Для сокращенія переписки Статсъ-Секретарь А. С. Танѣевъ предлагалъ:

«1, По примѣру тому какъ разрѣшено по нѣкоторымъ Государственнымъ Управленіямъ какъ то: въ Кавказскомъ Краѣ, Царствѣ Польскомъ и Сибирскихъ губерніяхъ,—предоставить Министрамъ и Главноуправляющимъ отдѣльными частями опредѣлять, увольнять и переводить изъ одного вѣдомства въ другое чиновниковъ до VI класса и разряда безъ сношенія съ Инспекторскимъ Департаментомъ Гражданскаго вѣдомства, и безъ внесенія въ Высочайше Приказы съ тѣмъ, чтобъ Инспекторскому Департаменту предоставлено было входить въ разсмотрѣніе объ опредѣленныхъ на службу: всѣ ли предписанныя закономъ правила соблюдены и всѣ ли требуемые документы представлены. Въ случаѣ неправильнаго принятія, служба не должна считаться за дѣйствительную. О чиновникахъ 6 класса и о поступающихъ на должность VI разряда и выше, а также о переводимыхъ

шимъ представленіямъ, переписку со всѣми мѣстами и лицами, приведеніе въ исполненіе Высочайше утвержденнаго положенія Комитета Министровъ о закрытіи Департамента, сдачу дѣлъ куда слѣдуетъ, согласно назначенію Его Императорскаго Величества и положенію Комитета Г.г. Министровъ, сдачу дома по Высочайшему назначенію и вообще всѣ сношенія, какія по оному потребуются, возложить на Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Суворова.[1] 2., Образъ Христа Спасителя, въ позолоченномъ окладѣ, мною пожертвованный при учрежденіи Департамента, а также образъ Св. Николая Чудотворца, коимъ благословилъ Департаментъ покойный Митрополитъ Антоній, передать въ 1-е Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи. 3., Формулярный списокъ о службѣ Государя Наслѣдника Цесаревича, а нынѣ Царствующаго Государя Императора, формулярный списокъ о службѣ Государя Великаго Князя Михаила Павловича. Гражданскіе и формулярные списки, потребованные въ Бозѣ почившимъ Государемъ Императоромъ и самимъ Его Величествомъ разсмотрѣнные съ собственноручными Высочайшими резолюціями. Высочайшіе приказы, журналы, доклады по Департаменту и мои отчеты о дѣйствіяхъ онаго, казначейскія книги, книги по управленію домомъ и счеты передать въ тоже Отдѣленіе. 4., За тѣмъ всѣ дѣла, не подлежащія храненію въ 1 Отдѣленіи Собственной Его Величества Канцеляріи и формулярные списки, по закрытіи Департамента, передать при описяхъ, куда будетъ слѣдовать, согласно положенію Комитета Министровъ. 5., Домъ, занимаемый Департаментомъ, сдать въ свое время, согласно Высочайшему повелѣнію, въ вѣдомство Путей Сообщенія и публичныхъ зданій. Но какъ всѣ вещи и мебели въ немъ заведены хозяйственнымъ образомъ изъ экономическихъ суммъ Департамента, то изъ нихъ мраморный бюстъ и портреты въ Бозѣ почивающаго Государя Императора и нынѣ Царствующаго Государя Императора, какъ равно и нужныя для 1 Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи вещи и мебели, туда передать, кровати, шкафы и принадлежности писарей и нижнихъ служителей

[1] Преемникъ камергера Велинскаго.

предоставить имъ безвозвратно, а за тѣмъ все остальное продать и какъ вырученную за сіи вещи и мебели сумму, такъ и имѣющуюся въ Департаментѣ экономическую сумму передать въ 1-е же Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи...»[1]

9-го іюня 1858 года Статсъ-Секретарь Танѣевъ объявилъ дѣйствительному статскому совѣтнику Суворову слѣдующее Высочайшее повелѣніе для помѣщенія въ приказѣ: «Его Императорское Величество изъявляетъ полную признательность Статсъ-Секретарю Танѣеву за завѣдываніе имъ упраздненнымъ нынѣ Инспекторскимъ Департаментомъ Гражданскаго Вѣдомства, и Монаршее Его Величества благоволеніе бывшему Директору, Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Суворову и всѣмъ чиновникамъ сего Департамента за усердное исполненіе ихъ обязанностей».[2]

Упраздненіе Инспекторскаго Департамента имѣло, несомнѣнно, темную сторону. Вотъ, что говоритъ безпристрастный современникъ А. А. Харитоновъ, впослѣдствіи Сенаторъ: «Этотъ Департаментъ... былъ учрежденъ по собственной иниціативѣ Государя Николая Павловича, просуществовалъ 11-ть лѣтъ и въ 1858 году, по какимъ-то интригамъ противъ А. С. Танѣева, былъ закрытъ, что́, по моему мнѣнію, сдѣлано напрасно: возобновленіе общихъ по всему гражданскому вѣдомству Высочайшихъ приказовъ было бы во многихъ отношеніяхъ полезно. Тогда легче было бы, напримѣръ, регулировать производство за отличіе въ чины, особенно высшіе, въ чемъ все больше и чаще допускаются отступленія отъ первоначально установленнаго въ 1835 году росписанія должностей по классамъ и не обходился бы законъ, запрещающій представлять къ награжденію чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника лицъ, занимающихъ должности ниже V класса. Прежде, напримѣръ, никогда не было въ этомъ чинѣ совѣтниковъ губернскаго правленія, ни предсѣдателей казенныхъ палатъ въ чинѣ тайнаго совѣтника, какъ

---

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 696, «Дѣла I Отд. С. Е. В. Канц. за 1858 г.», л.л. 94—96.

[2] Тамъ же, «Высочайшія повелѣнія, объявленныя Министрами и Главноуправляющими отдѣльными частями 1858 г.».

теперь, потому что инспекторскій департаментъ не допустилъ бы, безъ особаго доклада Государю, такого нарушенія закона, который требуетъ вообще, чтобы чиновники получали чины соотвѣтственно классамъ ихъ должностей и не были производимы далѣе, какъ однимъ чиномъ выше сихъ классовъ. При правильномъ же производствѣ за отличіе не возникалъ бы и самый вопросъ объ упраздненіи гражданскихъ чиновъ, который еще недавно поднимался и едва ли можетъ быть съ пользою разрѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ».[1]

На основаніи 23 параграфа указа Правительствующему Сенату о новомъ распредѣленіи обязанностей по завѣдыванію инспекторской частью гражданскаго Вѣдомства, теперь впервые стали печататься Высочайшіе приказы по I Отдѣленію Собственной Его Величества Канцеляріи. По этому поводу А. С. Танѣевъ докладывалъ Государю: «по неимѣнію въ 1-мъ Отдѣленіи Собственной Вашего Величества Канцеляріи свободной суммы на покрытіе сего расхода, и находя неудобнымъ печатать приказы въ вольной типографіи, я всеподданнѣйше испрашиваю: не благоугодно ли будетъ Вашему Императорскому Величеству приказы, какіе выходить будутъ по 1-му Отдѣленію Собственной Вашей Канцеляріи, повелѣть печатать въ потребномъ числѣ экземпляровъ безплатно въ типографіи II-го Отдѣленія Собственной Вашей Канцеляріи, такъ какъ приказы по I-му Отдѣленію будутъ, вѣроятно, въ незначительномъ числѣ и объемѣ, и слѣдовательно въ типографіи, совершенно устроенной, какъ во II-мъ Отдѣленіи, не потребуютъ большихъ издержекъ». Государь положилъ на этомъ докладѣ слѣдующую резолюцію: «согласенъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ приказать всѣмъ вѣдомствамъ сообщать, для свѣденія, всѣ приказы въ I Отд. Соб. моей Канц.».[2] Въ засѣданіи Сената 8 декабря постановлено было печатать Высочайшія повелѣнія по I Отдѣленію Собственной Его Величества Канцеляріи въ «Сенатскихъ Вѣдомостяхъ».[3]

---

[1] «Русская старина», 1894 г., кн. 2, стр. 118.

[2] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 696, «Дѣла I Отд. С. Е. В. Канц. за 1858 г.», л. 63.

[3] Тамъ же, л. 341.

Съ упраздненіемъ Инспекторскаго Департамента нѣсколько сократился кругъ дѣятельности I Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи, но уже въ слѣдующемъ году онъ расширился новымъ дѣломъ. 4 февраля Военный Министръ объявилъ Сенату Именной указъ: «Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: изъять дѣла Комитета Призрѣнія Заслуженныхъ Гражданскихъ Чиновниковъ и переписку по завѣдыванію личнымъ составомъ Канцеляріи онаго изъ вѣдѣнія Военнаго Министерства и передать въ вѣдѣніе Перваго Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи съ назначеніемъ Управляющаго симъ Отдѣленіемъ докладчикомъ по дѣламъ Комитета у Его Императорскаго Величества и съ предоставленіемъ ему тѣхъ же отношеній къ Комитету, въ какихъ находится нынѣ Военный Министръ, на основаніи ст. 767 и 897, Тома 1, Свода Военныхъ Постановленій».[1] По непонятной причинѣ Комитетъ этотъ, послѣ отставки Аракчеева, былъ переданъ въ Военное Вѣдомство, можетъ быть, только потому, что онъ былъ организованъ по образцу Комитета 18 августа 1814 года, и въ основной капиталъ его былъ выдѣленъ 1.000.000 руб. изъ инвалиднаго капитала. Являясь совершенно чуждымъ дѣломъ для Военнаго Министерства, это учрежденіе только обременяло Военнаго Министра, который не могъ удѣлять ему достаточно вниманія. Военный Министръ, сообщивъ А. С. Танѣеву о новой Высочайше возложенной на послѣдняго обязанности, объявилъ кромѣ того: «Государь Императоръ... Высочайше повелѣть соизволилъ... Канцелярію Комитета оставить въ настоящемъ ея составѣ и поручить Комитету войти въ соображеніе и снестись съ Министромъ Финансовъ о томъ: не будетъ ли не только полезнымъ, для облегченія дѣлопроизводства и счетоводства по Канцеляріи Комитета, но и выгоднымъ въ видахъ сбереженія денежныхъ способовъ Комитета, установить на будущее время, чтобы слѣдующія къ поступленію въ капиталъ Комитета деньги, вмѣсто пересылки оныхъ по почтѣ въ С.-Петербургъ, обращаемы были въ мѣстныя Уѣздныя Казначейства съ зачетомъ сихъ денегъ въ счетъ суммъ, еже-

[1] Полн. Собр. Зак., собраніе второе, № 34124.

годно ассигнуемыхъ Комитетомъ Министерству Финансовъ, для удовлетворенія пенсіями состоящихъ въ покровительствѣ Комитета лицъ. При этомъ Государь Императоръ, по прочтеніи въ Совѣтѣ Министровъ изложеннаго въ особой запискѣ предположенія, объ обращеніи капитала Комитета Призрѣнія Заслуженныхъ Гражданскихъ Чиновниковъ на учрежденіе эмеритальной кассы гражданскихъ чиновниковъ, изволилъ найти основательнымъ замѣчаніе нѣкоторыхъ Членовъ Совѣта, что такое распоряженіе противорѣчило бы прямой цѣли, для которой образованъ капиталъ Комитета, и именно—для производства пенсій и пособій лицамъ, лишившимся здоровья отъ трудовъ, на службѣ понесенныхъ, и ихъ семействамъ. Не менѣе того Его Императорское Величество, признавая пользу, которую могло бы принести учрежденіе эмеритальной кассы, изволилъ удостоить Совѣтъ Министровъ Высочайшимъ объясненіемъ, что въ настоящее время составляются въ Военномъ Министерствѣ соображенія о производствѣ эмеритуръ лицамъ военно-сухопутнаго вѣдомства, и, если представится возможность привести это предположеніе въ исполненіе, то уже основываясь на тѣхъ данныхъ, которыя будутъ указаны самымъ опытомъ, можно будетъ приступить къ соображеніямъ о распространеніи подобныхъ правилъ и на гражданское вѣдомство...»[1] Въ концѣ 1859 года А. С. Танѣевъ представилъ Государю составленный вновь списокъ лицъ, удостаиваемыхъ Комитетомъ призрѣнія заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ къ пенсіямъ на сумму 3.602 руб. изъ открывшихся свободныхъ процентовъ, который былъ Высочайше утвержденъ 30 декабря того же года.[2] Только теперь учрежденіе это получило надлежащую постановку, которой вполнѣ заслуживали благія цѣли, ему предначертанныя. Источники его средствъ слѣдующіе: въ силу указа 25 ноября 1824 г., подтвержденнаго въ 1827 и 1842 г.г., обращенію въ капиталъ Комитета подлежатъ всѣ частныя суммы, накопляющіяся въ присутственныхъ мѣстахъ по частнымъ взысканіямъ и въ теченіе

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 705, «Дѣла I Отд. С. Е. В. Канц. за 1859 г.», л.л. 558—560.
[2] Тамъ же, л. 562.

С. Петербургъ
2 Января
1856 года.

Предназначеніе 1го Отдѣленія Собственной Вашего Императорскаго Величества Канцеляріи есть сосредоточеніе Высочайшихъ повелѣній по гражданскому вѣдомству. Какъ центральное мѣсто исходящихъ отъ Верховной власти и восходящихъ къ ней дѣлъ первенствующихъ въ государственномъ управленіи, Канцелярія сія имѣетъ высшее противъ другихъ значеніе. Будучи руководима Высочайшею волею и облеченная Монаршимъ довѣріемъ, она должна не только сохранить нравственную непорочность и безошибочность исполненій, но служить и образцомъ порядка и успѣшности дѣлопроизвод-

Объявлены Высочайшія повелѣнія 7го Генваря: Министру Государственныхъ Имуществъ № 30, Министру Внутреннихъ Дѣлъ № 31, Генералъ-Губернатору Восточной Сибири № 32, Генералъ-Губернатору Западной Сибири № 33; писано того же числа: Военному Министру № 34 и 42, Управляющему Морскимъ Министерствомъ № 35, Инспекторскій Департаментъ Гражданскаго вѣдомства № 36 и Статсъ-Секретарю Буткову № 37.

№ 36.

ства съ елико-возможнымъ ограниче-
ніемъ чиновниковъ. Въ какой мѣрѣ до-
стигнута цѣль сего предположенія, это
видно изъ словъ Блаженной памяти Го-
сударя Императора. Въ 1835 г.
по представленію въ Комитетъ Мини-
стровъ объ увеличеніи штатовъ Ми-
нистерскихъ Департаментовъ и Кан-
целярій, Его Императорское
Величество на журналѣ Комите-
та 3го Декабря 1835 г. по сему предмету
изволилъ собственноручно выразиться
слѣдующимъ образомъ: „Я мнѣнія Ко-
„митета отнюдь не раздѣляю; въ при-
„мѣръ поставлю 1е Отдѣленіе Своей
„Канцеляріи, въ которой сосредоточи-
„ваются почти всѣ дѣла Имперіи,
„въ ней всего пять чиновниковъ и двамъ
„три военныхъ писаря; и не смотря

„на сіе теченіе дѣлъ столь быстро,
„что ежедневно кончаются всѣ теку-
„щія дѣла. Нѣтъ сомнѣнія что весь-
„ма много чиновниковъ остаются
„праздными, числясь для одной формы
„на службѣ, шатаясь по гуляньямъ
„и въ публичныхъ мѣстахъ отъ празд-
„ности, тогда какъ 2 или 3 истин-
„ныхъ, усердныхъ и почтенныхъ чи-
„новниковъ, дѣлаютъ <u>все</u>, т. е. какъ буд-
„то черноработіе. Впрочемъ предостав-
„ляю Самому себѣ пересмотрѣть
„штаты."

Сіи священныя слова останутся
навсегда въ лѣтописяхъ 1го Отдѣленія
Собственной Вашего Величества
Канцеляріи незабвеннымъ памят-
никомъ Монаршаго довѣрія, къ ко-
торому непрестанно стремились

и нынѣ стремятся всѣ трудящіеся въ ней.

При ежедневныхъ докладахъ первый предметъ занятій Канцеляріи есть сообщеніе Высочайшихъ повелѣній. – Исполненіе по нимъ совершается въ теченіи сутокъ и представляемая у сего перечневая вѣдомость о вступившихъ дѣлахъ свидѣтельствуетъ о совершенномъ ихъ окончаніи.

Послѣ текущихъ дѣлъ требующихъ неотложнаго исполненія, къ обязанностямъ Канцеляріи относятся слѣдующія срочныя занятія:

10 лѣтъ не вытребованныя ихъ собственниками, а съ 1830 года поступаютъ и излишне взысканныя въ почтовый доходъ деньги при пріемѣ денежной и посылочной корреспонденціи, если онѣ въ теченіе года останутся невостребованными.

Въ апрѣлѣ 1859 года комиссія, Высочайше учрежденная для разсмотрѣнія коренныхъ началъ государственной отчетности, довела до свѣдѣнія Государя отзывъ А. С. Танѣева «о томъ, что всѣ суммы, отпускаемыя въ 1-е Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, должны быть... и на будущее время изъяты отъ ревизіи Государственнаго Контроля, потому что сумма, отпускаемая на содержаніе Канцеляріи, весьма незначительна, а остальныя суммы поступаютъ въ собственное распоряженіе Государя Императора и объ употребленіи ихъ никому не можетъ быть извѣстно». Государь положилъ на это резолюцію: «справедливо».[1] Такимъ образомъ суммы I Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи остались по прежнему изъяты изъ вѣдѣнія Государственнаго Контроля.

Сокращеніе переписки, достигавшей въ концѣ царствованія Императора Николая I колоссальныхъ размѣровъ, было одной изъ задачъ, которую усердно преслѣдовали всѣ учрежденія съ начала царствованія Его Августѣйшаго Преемника. Слѣдуя этому, Комитетъ Министровъ въ 1860 г. постановилъ: «I. Въ представляемыхъ въ I Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи вѣдомостяхъ о послѣдовавшихъ по Министерству или Главному Управленію Высочайшихъ повелѣніяхъ: а) показывать только такія дѣла, кои заключаютъ въ себѣ особенную важность, предоставивъ непосредственному усмотрѣнію Министра или Главноуправляющаго опредѣлять, какія на семъ основаніи дѣла должны быть вносимы въ вѣдомость; б) объяснять: распоряженія, какія сдѣланы по Высочайшимъ повелѣніямъ, а если Высочайшее повелѣніе не исполнено, то почему именно; в) вносить въ вѣдомость лишь дѣла новыя и тѣ, по коимъ произошла какая либо перемѣна, а за тѣмъ дѣлать оговорку, что по прочимъ дѣламъ, въ

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 705, «Дѣла I Отд. С. Е. В. Канц. за 1859 г.», л. 298 об.

предшествовавшей вѣдомости показаннымъ—перемѣнъ нѣтъ, и г) отмѣнить показаніе въ вѣдомости такихъ дѣлъ, по коимъ окончательныя распоряженія Министерства или Главнаго Управленія сдѣланы и дальнѣйшій ходъ отъ онаго не зависитъ. Означенныя вѣдомости представлять не ежемѣсячно, а по третямъ года, т. е. чрезъ каждые 4 мѣсяца. На томъ же основаніи составлять и въ тѣ же сроки представлять вѣдомости по Департаментамъ Правительствующаго Сената, кромѣ Уголовныхъ Департаментовъ, для которыхъ оставить въ своей силѣ нынѣ существующій порядокъ представленія сихъ вѣдомостей ежемѣсячно. II. Отмѣнить доставленіе въ I Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи копій съ Высочайшихъ Граматъ и Указовъ, удостоенныхъ подписанія Его Императорскаго Величества. III. Отмѣнить представленіе Его Императорскому Величеству ежегодныхъ вѣдомостей о поступающихъ на службу въ губерніи молодыхъ дворянахъ и прочихъ лицахъ, пользующихся по учебнымъ аттестатамъ правомъ на классные чины отъ 14-го до 10-го включительно...»[1] Государю Императору благоугодно было 23 августа Высочайше утвердить это положеніе.

По этому поводу А. С. Танѣевъ въ представленной имъ всеподданнѣйшей запискѣ изложилъ слѣдующія данныя: «Учрежденіе вѣдомостей о Высочайшихъ Указахъ и повелѣніяхъ есть собственная мысль Государя Императора, и поводомъ къ сему послужили два главныя обстоятельства. Въ прежнее время многія изъ Высочайшихъ повелѣній, данныхъ по разнымъ вѣдомствамъ, оставались въ неизвѣстности, не бывъ ни гдѣ внесены. Въ 1827 году дошли до Государя Императора жалобы на неудовлетвореніе просителей, вопреки Высочайшихъ повелѣній. Когда произведены были изслѣдованія, оказалось, что Сенатъ, съ посылкою Указовъ объ исполненіи, опредѣлялъ съ тѣмъ вмѣстѣ считать дѣла конченными... Тогда Государь Императоръ возъимѣлъ мысль учредить собственно подъ Своимъ наблюде-

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 715, «Дѣла I Отд. С. Е. В. Канц. за 1860 г.», лл. 103 и 104; Полн. Собр. Зак., собраніе второе, № 36105.

ніемъ контроль Высочайшимъ повелѣніямъ, составилъ Самъ чертежи, въ какой формѣ должны быть вѣдомости, а именно: въ I-мъ Отдѣленіи должны быть вносимы всѣ въ предшествовавшемъ мѣсяцѣ поступившія Высочайшія повелѣнія, во II-мъ Отдѣленіи прежнія, по коимъ дѣла производятся, съ показаніемъ, въ какомъ положеніи они находятся, и въ III-мъ Отдѣленіи исполненныя, съ тѣмъ, чтобы исполненными считать не распоряженія, а донесенія о дѣйствительномъ исполненіи. Трудно мнѣ понять, чтобъ въ дѣлѣ, которое Государь Самъ изволилъ обдумать, предоставилъ собственному Своему усмотрѣнію и Контролю, и которое усвоилъ Своему наблюденію, чтобъ въ такомъ дѣлѣ могло быть вмѣшательство другихъ властей, которые бы дали иное указаніе, разрушающее основную мысль. Но принявъ къ надлежащему исполненію Высочайше утвержденное положеніе Комитета Министровъ, я по совѣсти считаю священною обязанностію вкратцѣ довести до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Величества обо всемъ предшествовавшемъ сему положенію... Что же касается до отмѣны симъ же положеніемъ Комитета Министровъ представленія ежегодныхъ рапортовъ о молодыхъ дворянахъ и доставленія въ 1-е Отдѣленіе Собственной Вашего Императорскаго Величества Канцеляріи копій съ Указовъ, то хотя Высочайшая воля о дворянахъ сопряжена была съ тою мыслію, чтобъ Губернаторы, видя наблюденіе Государя Императора за служебною и нравственною дѣятельностію молодыхъ дворянъ, имѣли предъ собою этотъ высокій примѣръ для неослабнаго съ ихъ стороны наблюденія, но я прейду молчаніемъ обѣ сіи статьи, такъ какъ онѣ не заключаютъ въ себѣ особой важности».[1]

Государь изволилъ начертать на этой запискѣ: «весь прежній порядокъ о свѣденіяхъ, доставляемыхъ въ I Отд. оставить безъ измѣненія, о чемъ и увѣдомить Ком. Мин.», но затѣмъ призналъ нужнымъ повелѣть, чтобы эта мѣра еще разъ была разсмотрѣна въ засѣданіи Комитета Министровъ съ участіемъ Статсъ-Секретаря

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 715, «Дѣла I Отд. С. Е. В. Канц. за 1860 г.», лл. 108 об.—112.

Танѣева. Не имѣя возможности быть лично въ засѣданіи, А. С. Танѣевъ представилъ въ Комитетъ Министровъ записку. 29 ноября А. П. Суковкинъ[1] сообщилъ А. С. Танѣеву: «Комитетъ Министровъ, въ засѣданіе 15 Ноября выслушавъ внесенную Вашимъ Высокопревосходительствомъ записку, отъ 22-го минувшаго Сентября за № 870 и, согласно Высочайшей волѣ Его Императорскаго Величества, разсмотрѣвъ вновь правила, постановленныя въ Высочайшемъ Указѣ, распубликованномъ Правительствующимъ Сенатомъ 21 Сентября 1860 г., о порядкѣ и срокахъ представленія вѣдомостей и прочихъ свѣдѣній въ I Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи, полагалъ: испросить Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на оставленіе безъ измѣненія Высочайше утвержденнаго 23 августа 1860 года положенія Комитета Министровъ по означенному предмету, распубликованнаго въ Указѣ Сената отъ 21 Сентября и въ Сенатскихъ вѣдомостяхъ отъ 23 сентября № 77. На это положеніе Комитета послѣдовала Собственноручная Его Императорскаго Величества резолюція, въ Царскомъ Селѣ 25 Ноября 1860 г.: «Согласенъ»...[2] Слѣдствіемъ этого постановленія было значительное сокращеніе круга дѣятельности I Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

По поводу отмѣны присылки копій съ Высочайшихъ указовъ въ день ихъ подписанія А. С. Танѣевъ 4 января 1861 года представилъ Государю новую записку, въ которой указывалъ на нѣкоторыя неудобства этой мѣры.

На этой запискѣ Государь изволилъ положить резолюцію: «копіи съ Указовъ по прежнему сообщать немѣдленно въ 1 Отд.»[3] Это Высочайшее повелѣніе, 5 января, было объявлено всѣмъ Министрамъ и Главноуправляющимъ отдѣльными частями. Остальныя предложенія Комитета Министровъ вошли въ силу.

---

[1] Статсъ-Секретарь, Управляющій дѣлами Комитета Министровъ.

[2] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 715, «Дѣла I Отд. С. Е. В. Канц. за 1860 г.», л. 114 и об.

[3] Тамъ же, № 726, «Дѣла I Отд. С. Е. В. Канц. за 1861 г.», лл. 24—26 об.

21 іюня 1862 года Государь изволилъ начертать на докладѣ Министра Внутреннихъ Дѣлъ: «впредь подобные доклады отсылать г.г. министрамъ въ подлинникѣ съ моими на нихъ резолюціями», что и стало съ тѣхъ поръ примѣняться, вмѣсто объявленія Управляющимъ I Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи Министрамъ однѣхъ резолюцій, какъ было раньше. [1]

Высочайше утвержденнымъ, 11 сентября 1862 года, положеніемъ Комитета Министровъ, въ обсужденіи котораго принималъ участіе А. С. Танѣевъ, было постановлено: «при введеніи въ дѣйствіе новаго порядка надзора за успѣшнымъ ходомъ арестантскихъ дѣлъ отмѣнить какъ представленіе Губернскими Прокурорами и Уѣздными Стряпчими Его Императорскому Величеству вѣдомостей объ арестантахъ, содержащихся болѣе года подъ стражею, такъ и весь нынѣ существующій порядокъ наблюденія и отчетности по арестантскимъ дѣламъ, прекративъ представленіе по симъ дѣламъ вѣдомостей Стряпчими—Губернскимъ Правленіямъ, Начальниками Губерній—Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, Губернскими Правленіями и Палатами—Правительствующему Сенату;— и по арестантскимъ дѣламъ, по которымъ послѣдовали уже Высочайшія повелѣнія, и по которымъ вслѣдствіе сего представляется уже отчетность, въ видѣ вѣдомостей, на Высочайшее благоусмотрѣніе, продолжать и представлять таковыя вѣдомости, но не ежемѣсячно, какъ нынѣ дѣлается, а два раза въ годъ къ 1-му Января и 1-му Іюля». [2]

А. С. Танѣевъ придавалъ большое значеніе этому дѣлу среди другихъ обязанностей учрежденія, во главѣ котораго онъ стоялъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ его отчетъ за 1863 годъ, въ которомъ онъ писалъ: «при разсмотрѣніи въ 1-мъ Отдѣленіи арестантскихъ вѣдомостей въ 1863 г. были, какъ и прежде, обнаружены значительнѣйшія промедленія, а общее число медленностей нѣсколько еще болѣе прежняго, не говоря о дѣлахъ, по коимъ арестанты содержатся не болѣе двухъ

---

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 734, «Исходящій журн. I Отд. С. Е. В. Канц. за 1862 г.», кн. 1, л. 295 и слѣд.

[2] Полн. Собр. Зак., собраніе второе, № 38665.

лѣтъ, и наблюденіе за ходомъ которыхъ отнесено къ обязанности мѣстныхъ начальствъ и Сената. Вообще дѣла объ арестантахъ, о которыхъ поступали свѣдѣнія въ 1-е Отдѣленіе Собственной Вашей Канцеляріи, производились медленно, что доказываетъ числительность медленностей, показанныхъ въ перечневой вѣдомости, Вашему Императорскому Величеству представляемой. Нельзя при семъ случаѣ не упомянуть, что Сенаторъ Кангеръ въ рапортѣ своемъ о произведенной имъ ревизіи во Владимірской губерніи, отдавая справедливость вообще производству дѣлъ въ Уголовной Палатѣ, указываетъ на медленность уголовныхъ дѣлъ отъ того, что огромное число ихъ находится у Слѣдователей въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ и даже нѣкоторыя съ 1861 года. Можно полагать, что такое же промедленіе происходитъ и въ другихъ губерніяхъ». [1]

Въ 1862 году Комитетъ Финансовъ, для сокращенія расходовъ, представилъ на благоусмотрѣніе Государя Императора, «что какъ въ порядкѣ судопроизводства, предположенномъ проектомъ, нынѣ уже находящимся на разсмотрѣніи, судебныя дѣла не будутъ болѣе поступать въ Коммисію прошеній, на Высочайшее Имя приносимыхъ, то въ случаѣ принятія помянутыхъ предположеній и значительнаго вслѣдствіе того уменьшенія занятій, лежащихъ теперь на обязанности Коммисіи прошеній, можно было бы, для возможнаго сбереженія въ расходахъ, соединить кругъ дѣйствій Статсъ-Секретаріата у принятія прошеній съ 1-мъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи». [2] Ближайшія соображенія по сему предмету могли бы быть, по мнѣнію Комитета, возложены на Управляющаго I Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи и на Статсъ-Секретаря у принятія прошеній, на Высочайшее Имя приносимыхъ. Предложеніе это не встрѣтило сочувствія со стороны Статсъ-Секретаря у принятія прошеній кн. А. Голицына и А. С. Танѣева; тѣмъ не менѣе уже 13 августа 1866 года была составлена по этому

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 751, «Дѣла I Отд. С. Е. В. Канц. за 1864 г.», лл. 53—54 об.
[2] Тамъ же, № 736, «Дѣла I Отд. С. Е. В. Канц. за 1862 г.», лл. 133—136.

поводу особая комиссія подъ предсѣдательствомъ Управляющаго II Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи гр. Панина, въ составъ которой вошелъ Статсъ-Секретарь С. А. Танѣевъ, управлявшій тогда I Отдѣленіемъ вмѣсто своего отца. Разсмотрѣвъ журналъ этой комиссіи, Государь 2 октября повелѣлъ «оставить устройство означенныхъ учрежденій въ нынѣшнемъ положеніи, не соединяя ихъ».

Разстроенное трудами здоровье А. С. Танѣева заставило его въ маѣ 1866 года покинуть временно управленіе I Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи. Мѣсто его занялъ сынъ его С. А. Танѣевъ, который до того времени былъ ближайшимъ сотрудникомъ своего отца. Однако, престарѣлому Статсъ-Секретарю не суждено уже было вернуться къ исполненію своихъ обязанностей.

ГЛАВА 2-я.

Время управленія Статсъ-Секретаря С. А. Танѣева до кончины Императора Александра II (1866—1881 гг.).

Начало управленія С. А. Танѣева ознаменовалось цѣлымъ рядомъ улучшеній какъ относительно дѣлопроизводства Собственной Его Величества Канцеляріи, такъ и хозяйственной части ея. Въ началѣ 1867 года С. А. Танѣеву было Высочайше повелѣно снестись съ Министромъ Финансовъ о передачѣ въ Государственный Банкъ суммъ, находившихся въ распоряженіи I Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. 13 марта С. А. Танѣевъ докладывалъ Государю о результатахъ этихъ переговоровъ, при чемъ послѣдовало Высочайшее повелѣніе: «внесть часть тѣхъ суммъ въ Государственный Банкъ на текущій счетъ 1-го Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, на которыхъ вносятся подобнаго рода вклады частными лицами, т. е. съ платежемъ опредѣленныхъ процентовъ». Того же числа это Высочайшее повелѣніе было объявлено С. А. Танѣевымъ Министру Финансовъ, при чемъ Управляющій Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріею добавилъ: «такъ какъ расходъ состоящихъ въ моемъ вѣдѣніи суммъ производится обыкновенно по волѣ Государя Императора и не терпитъ, слѣдовательно, ни малѣйшаго отлагательства, то я... позволяю себѣ покорнѣйше просить Ваше Превосходительство приказать кому слѣдуетъ, чтобы по предъявленіи чековъ 1-го Отдѣленія

Имею честь возвратить при сем препровожденный Вами экземпляр журнала Кавказского Комитета за № 11.

С. Петербургъ
1-го Декабря 1872 года.

Имею честь всеподданнейше представить Вашему Императорскому Величеству журналъ Кавказскаго Комитета 28 Ноября за № 11.

Председатель Комитета Князь Шаховской

30-го Ноября 1872 г.

№ 863.

Объявлено Высочайшее повелѣніе
управляющаго Кавказскаго Комитета
1-го Января за № 735.

въ кассу Государственнаго Банка подлежащія къ выдачѣ суммы были отпускаемы безъ замедленія».[1]

Въ это время суммы I Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи были отчасти подчинены ревизіи Государственнаго Контроля, въ которомъ въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія производилась коренная реформа. Учрежденная 31 декабря 1863 года временная ревизіонная комиссія обревизовала суммы Канцеляріи за 1864 и 1865 года. Какъ показываетъ выданная изъ временной ревизіонной комиссіи квитанція 12 сентября 1867 года всѣ денежные обороты учрежденія были признаны правильными.[2]

Въ томъ же году были сведены въ одну общую инструкцію всѣ, прежде существовавшія по Канцеляріи, правила относительно пріема, храненія и отпуска суммъ. На основаніи ея, суммы эти раздѣляются на два рода: «Однѣ, опредѣляемыя годовою смѣтою Канцеляріи (въ количествѣ 57.107 р. 86 к.), поступаютъ изъ Государственнаго Казначейства въ началѣ года; другія поступаютъ изъ иныхъ источниковъ, вслѣдствіе особыхъ Высочайшихъ повелѣній. Бо́льшая часть таковыхъ суммъ вносится, по благоусмотрѣнію Государя Императора, въ Государственный Банкъ на текущій процентный счетъ впредь до Высочайшаго востребованія» (§§ 2 и 3).[3] Инструкція эта самымъ строгимъ образомъ опредѣляетъ порядокъ храненія суммъ въ зданіи учрежденія: «по ограниченности личнаго состава 1-го Отдѣленія, ближайшее храненіе суммъ, въ вѣдѣніи сего Отдѣленія состоящихъ, поручается, по выбору Управляющаго, одному изъ Чиновниковъ Канцеляріи, который исполняетъ такимъ образомъ, сверхъ общихъ занятій по дѣламъ Канцеляріи, обязанности Казначея... Кассовый сундукъ помѣщается въ особой запертой комнатѣ, находящейся возлѣ Статсъ-Секретарскаго

---

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 770, «Исходящій журн. объявл. Высоч. повелѣніямъ за 1867 г.», л.л. 52 об., 54.

[2] Тамъ же, № 771, «Дѣла С. Е. В. Канц. за 1867 г.», л. 412.

[3] «Инструкція, опредѣляющая порядокъ поступленія, храненія и отпуска суммъ Государя Императора, находящихся въ вѣдѣніи I Отд. С. Е. И. В. Канцеляріи», хранящаяся въ дѣлопроизводствѣ по денежной и хозяйственной частямъ Собственной Его Величества Канцеляріи.

кабинета. Къ запертой двери, ведущей въ кассовую комнату, Чиновникъ-Казначей прикладываетъ свою печать, за цѣлость которой отвѣчаетъ дежурный Чиновникъ. По окончаніи присутствія, Статсъ-Секретарскій кабинетъ запирается на ключъ, который остается на рукахъ дежурнаго Чиновника. Въ кассовомъ сундукѣ хранятся, кромѣ наличныхъ денегъ, еще денежные документы и денежныя книги» (§§ 4—10). Точно также, даже въ самыхъ мелочахъ, было опредѣлено счетоводство Канцеляріи. Эта инструкція была Высочайше утверждена 8 апрѣля 1867 года.

При новомъ Управляющемъ послѣдовала перемѣна въ содержаніи вѣдомостей о недоимкахъ. С. А. Танѣевъ пишетъ по этому поводу въ своемъ отчетѣ за 1867 годъ: «По случаю введенія новой податной системы, возбуждена была, между Министрами Финансовъ, Внутреннихъ Дѣлъ и Управлявшимъ 1-мъ Отдѣленіемъ, переписка объ измѣненіи прежней формы всеподданнѣйшихъ рапортовъ Губернаторовъ о податяхъ и недоимкахъ; вслѣдствіе чего воспослѣдовало Высочайше утвержденное въ 28-й день Ноября 1866 года мнѣніе Государственнаго Совѣта, коимъ постановлено: «Отмѣнивъ приложенныя къ 679 ст. Тома II, ч. I Св. Закон. Губерн. учрежд. формы вѣдомостей о податяхъ и недоимкахъ, представляемыхъ Губернаторами при всеподданнѣйшихъ рапортахъ, дополнить означенную статью слѣдующимъ примѣчаніемъ: формы упомянутыхъ въ п. 2-мъ сей статьи полугодовыхъ вѣдомостей о недоимкахъ составляются Министромъ Финансовъ, по соглашенію съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ и Управляющимъ 1-мъ Отдѣленіемъ Собственной Вашего Императорскаго Величества Канцеляріи». На семъ основаніи 1-е Отдѣленіе составило образецъ вѣдомости для представленія непосредственно Вашему Величеству краткихъ, но отчетливыхъ свѣдѣній объ общихъ результатахъ поступленія окладныхъ и прочихъ сборовъ по губерніямъ, и за тѣмъ, по полученіи отзыва Министра Финансовъ, что ввѣренное ему Министерство не находитъ затрудненія сообщать 1-му Отдѣленію требуемыя образцовою вѣдомостію числительныя свѣдѣнія,—таковой образецъ поднесенъ былъ мною на благоусмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества. Образецъ этотъ отличается отъ прежнихъ всеподданнѣйшихъ вѣдомостей не только по формѣ,

но и по существенному смыслу внесенныхъ въ него категорій. Форма прежнихъ вѣдомостей,—которыми, вѣроятно, заключится отчетность за 1866 годъ,—основана была на сословномъ раздѣленіи податныхъ плательщиковъ на два разряда (государственные крестьяне и прочія податныя состоянія). Но такое раздѣленіе утратило въ настоящее время свое значеніе; а между тѣмъ, въ виду той цѣли, съ которою составляются такія вѣдомости, главный вопросъ заключается, мнѣ кажется, не столько въ раздѣленіи податныхъ суммъ по сословіямъ плательщиковъ, сколько въ томъ, какіе именно платежи и въ какомъ количествѣ поступаютъ въ государственную казну. Руководимый сею мыслію, я счелъ болѣе соотвѣтственнымъ включить въ поднесенный мною проэктъ новыхъ всеподданнѣйшихъ вѣдомостей, взамѣнъ прежняго раздѣленія, такія категоріи, въ которыхъ бы групировались различные виды подлежащихъ къ поступленію сборовъ. Такихъ категорій представляется 5-ть: 1., подати оброчная и подушная; 2., подати разныхъ наименованій, взимаемыя вмѣсто подушныхъ и оброчныхъ; 3., сборъ на обезпеченіе продовольствія и земскіе сборы на разныя повинности; 4., выкупные платежи, и 5., налогъ съ недвижимыхъ имуществъ».[1] Однако, вслѣдствіе крайне незначительнаго числа чиновниковъ въ учрежденіи и множества другихъ дѣлъ, С. А. Танѣевъ могъ только въ апрѣлѣ 1869 года представить по новому образцу полную вѣдомость недоимокъ за 1867 годъ. Государю угодно было начертать на ней: «благодарю за отчетливую работу» (10 апрѣля 1869 г.).[2] Дѣло осложнилось въ 1869 году, послѣ упраздненія особаго финансоваго управленія въ губерніяхъ Царства Польскаго. Свѣдѣнія о недоимкахъ по этому краю, до того времени не представляемыя по I Отдѣленію, стали съ тѣхъ поръ восходить къ Государю чрезъ это учрежденіе[3] (образецъ вѣдомости для послѣднихъ былъ утвержденъ Государемъ 1 марта 1871 года). Въ 1871 году, когда С. А. Танѣевъ представилъ Государю

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 776, «Дѣла I Отд. С. Е. В. Канц. за 1868 г.», л.л. 70 об.—73.
[2] Тамъ же, № 783, «Дѣла I Отд. С. Е. В. Канц. за 1869 г.», л. 164.
[3] Тамъ же, № 788, «Дѣла I Отд. С. Е. В. Канц. за 1870 г.», л.л. 353—354.

докладъ объ успѣхѣ собиранія податей за предшествующій годъ, Государю угодно было словесно выразить ему Свою волю, чтобы существующій порядокъ представленія докладовъ объ этомъ былъ отмѣненъ, а надзоръ за поступленіемъ недоимокъ былъ всецѣло возложенъ на Государственный Контроль.

Въ 1869 году на I Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи были возложены Государемъ Императоромъ два особыхъ порученія. Объ одномъ С. А. Танѣевъ говоритъ такъ въ своемъ отчетѣ: «въ теченіе отчетнаго года Вашему Императорскому Величеству благоугодно было удостоить меня особымъ Высочайшимъ порученіемъ по поводу измѣненія формы въ обмундированіи тѣхъ лицъ гражданскаго вѣдомства, коимъ присвоенъ мундиръ военнаго покроя. Во исполненіе таковой Монаршей воли, я имѣлъ счастіе представить Вашему Величеству составленное мною описаніе помянутымъ измѣненіямъ, а равно и изготовленные, согласно сему, пояснительные рисунки. Какъ тѣ, такъ и другіе удостоены были Высочайшаго утвержденія 28-го Іюня и, за тѣмъ, по отпечатаніи описанія и отлитографированіи рисунковъ въ потребномъ числѣ экземпляровъ,—препровождены были мною 20 Іюля подлежащимъ Министрамъ для зависящаго исполненія по вѣдомствамъ полицейскому, почтовому, телеграфному, межевому, таможенному, горному, лѣсному и путей сообщенія».[1]

Другое порученіе, относящееся къ этому времени, имѣло историческій характеръ и заключалось въ описаніи собственноручныхъ записокъ, полученныхъ отцомъ и предшественникомъ Статсъ-Секретаря отъ въ Бозѣ почившаго Императора Николая I. С. А. Танѣевъ удостоился 27 ноября и 9 декабря 1868 года представить первый отдѣлъ этого труда,[2] который и послужилъ началомъ разработки богатаго историческаго матеріала, находящагося въ архивѣ учрежденія.

Съ ходомъ этихъ архивныхъ занятій и съ затрудненіями, которыя они встрѣчали, знакомитъ всеподданнѣйшій отчетъ С. А. Танѣева за

---

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 788, «Дѣла I Отд. С. Е. В. Канц. за 1870 г.», л.л. 116—117.
[2] Тамъ же, № 783, «Дѣла I Отд. С. Е. В. Канц. за 1869 г.», л. 152.

1869 годъ: «Представленныя Вашему Величеству въ теченіе 1869 г. описанія помянутыхъ документовъ заключаютъ въ себѣ буквальные списки: 1, съ 647-ми Высочайшихъ Повелѣній и резолюцій Императора Николая Павловича, 2, съ 24-хъ проектовъ Указовъ, Рескриптовъ и Грамотъ, Собственноручно Его Величествомъ исправленныхъ, и 3, съ одного проекта Грамоты Своеручно Его Величествомъ начертаннаго. По остальнымъ бумагамъ, къ минувшему Царствованію принадлежащимъ и въ тѣхъ же описяхъ значущимся, послѣдовало 38 знаковъ Высочайшаго разсмотрѣнія. Изъ описанныхъ въ теченіе года документовъ, которые относятся къ періоду времени 1855 по 1866 годъ, сняты списки 1, съ 11-ти Собственноручныхъ Вашего Величества Повелѣній, 2, съ 55-ти Высочайшихъ резолюцій, и 3, съ 3-хъ Собственноручно Вашимъ Величествомъ исправленныхъ проектовъ Рескрипта и Грамоты. На остальныхъ бумагахъ, къ означенному періоду относящихся, значится 7 знаковъ Высочайшаго разсмотрѣнія, Вашимъ Величествомъ начертанныхъ. Описи съ слѣдующими къ нимъ приложеніями и обзорами, которые я имѣлъ счастіе поднести Вашему Величеству въ теченіе отчетнаго года, составляютъ въ общей ихъ сложности извлеченіе изъ 3.569 листовъ». «Архивныя книги», продолжаетъ С. А. Танѣевъ, «изъ коихъ извлекаются представляемыя Вашему Величеству описи и обзоры, содержатъ въ себѣ отъ 400 до 1000 и болѣе однихъ только писанныхъ листовъ, такъ что, вмѣстѣ съ бѣловыми листами онѣ представляютъ фоліанты въ нѣсколько вершковъ толщины. Такой значительный объемъ сихъ книгъ, которыя прочитываются отъ перваго до послѣдняго листа и по которымъ провѣряется, за тѣмъ, каждая статья по нѣскольку разъ, не мало затрудняетъ успѣшный ходъ работы. Сверхъ того, переписка, относящаяся къ дѣламъ, распредѣленнымъ по этимъ архивнымъ книгамъ, оказывается нерѣдко разбросанною въ разныхъ частяхъ книги и при томъ не въ послѣдовательномъ порядкѣ, такъ что иная бумага, которой бы слѣдовало находиться въ концѣ книги, помѣщена въ началѣ или въ срединѣ, и на оборотѣ; группировка сихъ бумагъ въ одну статью, при упомянутыхъ выше условіяхъ, требуетъ не малаго времени. За тѣмъ, самое содержаніе описывае-

мыхъ бумагъ служитъ иногда препятствіемъ къ болѣе поспѣшному ходу работъ, такъ какъ при составленіи сихъ бумагъ,—и особенно обширныхъ,—не всегда обращаемо было вниманіе на ясность выраженій и, еще менѣе, на послѣдовательное изложеніе обстоятельствъ: вслѣдствіе чего является необходимость перечитывать неоднократно одну и туже бумагу для возстановленія исторической нити ея содержанія и уясненія настоящаго смысла нѣкоторыхъ оборотовъ рѣчи, что, въ свою очередь, сопряжено съ значительнымъ пожертвованіемъ времени, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится читать бумаги, писанныя почеркомъ неразборчивымъ. Наконецъ, работа эта сама по себѣ такого свойства, что она отнюдь не допускаетъ строгаго раздѣленія труда. По этому, повѣрка составляемыхъ описей и самыя исправленія редакціонныя вызываютъ неизбѣжную необходимость повторять, такъ сказать, весь процессъ работъ приготовительныхъ, прочитывая каждую бумагу и сличая ее съ проектированнымъ изложеніемъ ея содержанія. Впрочемъ, главныя трудности побѣждены: усвоенъ нѣкоторый навыкъ въ орудованіи дѣломъ и въ пріемахъ его исполненія. Мнѣ остается присовокупить, что трудъ этотъ совершается и будетъ совершаться съ тою полнѣйшею любовію къ предмету Высочайше-возложеннаго на меня порученія, какую внушаютъ высокій исторический его интересъ и постоянно милостивое Монаршее Ваше вниманіе къ самому ходу исполняемыхъ работъ». [1]

Такое изученіе этого богатаго архива являлось необходимостью въ виду интереса къ новой исторіи, который пробудился въ русскомъ обществѣ въ славное царствованіе Императора Александра II.

Въ 1872 году Министръ Народнаго Просвѣщенія графъ Д. А. Толстой сообщилъ Управляющему I Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи объ образованіи при Министерствѣ комиссіи подъ предсѣдательствомъ знаменитаго Н. В. Калачова для составленія общихъ правилъ объ управленіи государственными архивами и просилъ

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 788, «Дѣла I Отд. С. Е. В. Канц. за 1870 годъ», л.л. 120—124.

его высказаться по существу объ этомъ, а также назначить кого-нибудь изъ чиновниковъ членомъ комиссіи. Комиссіи этой предполагалось подчинить и архивъ Собственной Его Величества Канцеляріи. Однако С. А. Танѣевъ нашелъ это предложеніе неудобоисполнимымъ и по этому поводу онъ докладывалъ Государю: «Вполнѣ раздѣляя заключеніе Втораго Археологическаго Съѣзда о необходимости устройства архивовъ для достиженія возможности удобнѣйшаго извлеченія изъ нихъ не только разнаго рода канцелярскихъ справокъ, но и свѣдѣній, имѣющихъ то или другое историческое значеніе, я останавливаюсь лишь передъ вопросомъ касательно подчиненія Архива ввѣренной мнѣ Канцеляріи условіямъ предполагаемаго въ настоящемъ случаѣ порядка. По существующему издавна въ 1-мъ Отдѣленіи правилу, никакая бумага и никакое документальное свѣдѣніе не могутъ быть сообщены постороннимъ вѣдомствамъ безъ особаго на то Высочайшаго разрѣшенія. Изъ сего истекаетъ, само собою, то прямое заключеніе, что самый Архивъ Канцеляріи, въ коемъ хранится много дѣлъ и бумагъ, тайнѣ подлежащихъ, долженъ оставаться недоступнымъ. Руководствуясь симъ правиломъ, я счелъ даже нужнымъ ввести нѣкоторыя болѣе или менѣе строгія условія на случай передачи на руки самимъ Чиновникамъ Канцеляріи архивныхъ дѣлъ при встрѣчающейся надобности извлеченія изъ нихъ оффиціальныхъ свѣдѣній, или историческихъ матеріаловъ. По этому, я бы находилъ крайне неудобнымъ допустить будущую Главную Архивную Коммисію къ принятію участія не только въ завѣдываніи, но и въ ознакомленіи съ хранящимися въ Архивѣ 1-го Отдѣленія рукописями. Обращаясь, за тѣмъ, къ другому вопросу, именно къ практической и, несомнѣнно, весьма плодотворной пользѣ, которую обѣщаютъ въ будущемъ приведеніе въ порядокъ и дальнѣйшая за тѣмъ разработка архивныхъ матеріаловъ, то мнѣ кажется, что, по отношенію къ Архиву 1-го Отдѣленія, эта главная цѣль возбужденныхъ Археологическою Коммисіею предположеній вполнѣ предусмотрѣна Высочайшею Вашего Величества волею и дѣйствительно достигается на самомъ дѣлѣ по мѣрѣ составленія и представленія Вашему Величеству Описей историческимъ документамъ минувшаго

Царствованія».[1] Государю угодно было согласиться съ этимъ докладомъ.

Въ 1870 году I Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи получило, наконецъ, опредѣленный штатъ. 20 октября этого года С. А. Танѣевъ представилъ Государю докладъ, въ которомъ указывалъ на то, что чиновники ввѣреннаго ему учрежденія получаютъ меньше, нежели чиновники тѣхъ же классовъ Государственной Канцеляріи и Канцеляріи Комитета Министровъ по новымъ штатамъ, что крайне затрудняетъ ихъ существованіе при общей дороговизнѣ жизненныхъ средствъ. «Нынѣ производимое содержаніе чиновникамъ 1-го Отдѣленія и состоящему при мнѣ курьеру», писалъ онъ: «составляетъ 12.145 р., въ числѣ коихъ находятся 2 т. р. добавочнаго содержанія, Всемилостивѣйше пожалованнаго Старшему Чиновнику, на основаніи особаго Высочайшаго повелѣнія 25-го Апрѣля 1866 года.....; на уравнительное[2] увеличеніе окладовъ, производимыхъ чинамъ 1-го Отдѣленія, потребовалась бы весьма незначительная дополнительная сумма 3.955 р., такъ что общій итогъ сихъ окладовъ составилъ бы, независимо отъ означенныхъ 2 т. р. добавочнаго содержанія Старшаго Чиновника, всего 16.100 рублей. Если таковыя мои предположенія удостоятся Монаршаго одобрѣнія, въ такомъ случаѣ я бы позволилъ себѣ всеподданнѣйше ходатайствовать о разрѣшеніи мнѣ войти по сему предмету въ сношеніе съ Министромъ Финансовъ на тотъ конецъ, дабы, во 1-хъ, поставивъ его въ извѣстность о предварительно-изъявленномъ Всемилостивѣйшемъ Вашего Императорскаго Величества Соизволеніи, просить Статсъ-Секретаря Рейтерна, чтобы, въ случаѣ, если со стороны Министерства Финансовъ не встрѣтится препятствія къ осуществленію моего проекта, онъ испросилъ бы Высочайшее Вашего Величества повелѣніе объ ассигнованіи дополнительнаго по смѣтѣ 1-го Отдѣленія Собственной

---

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 801, «Дѣла I Отд. С. Е. В. Канц. за 1872 годъ», л.л. 374—375 об.

[2] Сравнительно съ чинами Государственной Канцеляріи и Канцеляріи Комитета Министровъ.

Іезуитскій домъ, гдѣ помѣщалась Собственная Его Императорскаго Величества Канцелярія. (1856—1873 гг.)

Вашей Канцеляріи кредита на содержаніе чиновъ сего Отдѣленія, со времени утвержденія новыхъ штатовъ Государственной Канцеляріи; и во 2-хъ, дабы поставить его равнымъ образомъ въ извѣстность и о томъ, что Ваше Величество Высочайше Соизволяете на сохраненіе Старшему Чиновнику,—сверхъ предполагаемаго нынѣ оклада,—того дополнительнаго содержанія, которое Всемилостивѣйше пожаловано ему, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 25-го Апрѣля 1866 года».[1] Этотъ докладъ удостоился Высочайшаго утвержденія. Послѣ переговоровъ съ Министромъ Финансовъ былъ составленъ слѣдующій проектъ штата:

Старшій чиновникъ V класса	4.500 р.
Два помощника старшаго чиновника VI класса . .	4.800 »
Младшій чиновникъ VII класса	1.800 »
Журналистъ VIII класса	1.200 »
Помощникъ журналиста IX класса	1.000 »
Два чиновника для письма и два канцелярскихъ служителя	2.500 »
Содержаніе курьера (жалованье, квартирныя и обмундировка)	300 »[2]

Этотъ штатъ былъ Высочайше утвержденъ 30 октября того же года. При этомъ нельзя не замѣтить, что С. А. Танѣевъ проявлялъ такую же заботливость о своихъ подчиненныхъ, какъ отецъ его.

Въ 1871 году Высочайшими повелѣніями отъ 27 марта и 4 апрѣля на I Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи было возложено особое порученіе,—составить списокъ всѣхъ военно-служащихъ, занимающихъ мѣста по гражданскому Вѣдомству. 25 ноября С. А. Танѣевъ представилъ Государю этотъ списокъ.[3]

Въ слѣдующемъ году на С. А. Танѣева было возложено составленіе проекта нагруднаго знака для лицъ, удостоенныхъ званія Статсъ-Секретаря Его Величества, который и былъ утвержденъ 7 февраля

---

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 788, «Дѣла I Отд. С. Е. В. Канц. за 1870 годъ», лл. 197—199.

[2] Тамъ же, л. 200.

[3] Тамъ же, № 801, «Дѣла I Отд. С. Е. В. Канц. за 1872 годъ», л. 203.

1872 года.[1] 7 ноября 1872 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе «о причисленіи къ 1-му Отдѣленію тѣхъ изъ Статсъ-Секретарей Его Величества, которые, будучи уволены отъ прежде занимаемыхъ ими служебныхъ должностей съ сохраненіемъ Статсъ-Секретарскаго званія, не принадлежатъ болѣе ни къ какому Вѣдомству. Тѣмъ же Высочайшимъ повелѣніемъ поручено 1-му Отдѣленію постоянное впредь веденіе Статсъ-Секретарскаго списка».[2]

24 числа того же мѣсяца на докладѣ Августѣйшаго Предсѣдателя Главнаго Комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія Великаго Князя Константина Николаевича Государю Императору угодно было положить такую резолюцію: «Впредь всѣ журналы Глав. Комит. представлять Мнѣ чрезъ I Отд. Моей Канцел.».[3] Подобныя же резолюціи послѣдовали на журналахъ Польскаго и Кавказскаго Комитетовъ.[4] Такимъ образомъ кругъ дѣятельности I Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи снова расширился.

Въ 1873 году прежнее помѣщеніе Собственной Его Величества Канцеляріи найдено было неудобнымъ главнымъ образомъ потому, что Канцелярія была разобщена отъ квартиры Управляющаго ею.[5] Вслѣдствіе этого Государемъ было повелѣно С. А. Танѣеву войти въ переговоры съ Великой Княгиней Екатериной Михаиловной объ уступкѣ подъ это учрежденіе части конторскаго флигеля Михайловскаго дворца. Великая Княгиня согласилась на уступку этого зданія на десять лѣтъ съ ежегодною за то платою по 15.000 р. со включеніемъ въ эту сумму отопленія и главнѣйшихъ статей на ремонтъ. О помѣщеніи учрежденія на новомъ мѣстѣ даетъ болѣе точныя свѣдѣнія докладъ С. А. Танѣева Государю 15 августа 1873 года: «При размѣщеніи 1-го Отдѣленія Собственной Вашего Императорскаго Величества Канцеляріи въ Конторскомъ Флигелѣ Михайловскаго Дворца, согласно

---

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 807, «Дѣла I Отд. С. Е. В. Канц. за 1873 годъ», л. 261 об.
[2] Тамъ же, лл. 261 об. и 262.
[3] Тамъ же, № 801, «Дѣла I Отд. С. Е. В. Канц. за 1872 годъ», л. 64.
[4] Тамъ же, лл. 66 и 67.
[5] Тамъ же, «Дѣла I Отд. С. Е. В. Канц. за 1874 годъ», лл. 266—267.

удостоенному предварительнаго Высочайшаго одобрѣнія общему плану, принято было за основаніе прежде существовавшее въ нанимаемомъ зданіи распредѣленіе его, основанное, въ свою очередь, на раздѣленіи сего зданія, по частямъ, двумя воротами и одними сквозными сѣнями, устроенными на мѣстѣ прежнихъ, третьихъ, воротъ. Такъ, Канцелярія съ приспособленными для архива двумя комнатами въ подвальномъ этажѣ будетъ находиться въ бывшемъ помѣщеніи Придворной Конторы; квартира Управляющаго—въ бывшей квартирѣ Гофмейстера Квиста. Наконецъ, свободныя отъ сихъ двухъ помѣщеній комнаты въ верхнемъ антресольномъ этажѣ, надъ Канцеляріею, предназначаются для жилья нѣкоторыхъ чиновниковъ. Что касается ближайшаго назначенія сей части зданія, то, за положительною невозможностію помѣстить здѣсь всѣхъ служащихъ въ 1-мъ Отдѣленіи лицъ, я руководствовался тою мыслію, чтобы сосредоточить при самой Канцеляріи сколь возможно болѣе рабочихъ силъ»...[1] Въ этомъ именно помѣщеніи суждено было Собственной Его Величества Канцеляріи отпраздновать столѣтній юбилей своего существованія.

Еще въ 1862 году, подъ вліяніемъ 50-лѣтняго юбилея приснопамятной отечественной войны, съ которой связано возникновеніе Собственной Его Величества Канцеляріи, возникла мысль объ изданіи историческихъ памятниковъ, хранящихся въ архивѣ I Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи, но болѣзнь А. С. Танѣева отодвинула на нѣкоторое время исполненіе этого намѣренія. С. А. Танѣевъ вернулся къ нему въ 1873 году, и 5 февраля этого года вошелъ съ докладомъ по этому поводу къ Государю. Государю угодно было указать для этой работы М. Н. Лонгинова, извѣстнаго библіофила и автора цѣлаго ряда замѣчательныхъ работъ по исторіи умственнаго развитія Россіи въ XVIII столѣтіи, который былъ въ это время Начальникомъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати. По соглашенію съ послѣднимъ, С. А. Танѣевъ выработалъ основанія новаго изданія, о которыхъ и докладывалъ Государю 26 марта

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 807, «Дѣла I Отд. С. Е. В. Канц. за 1873 годъ», лл. 61—62 об.

1873 года: «Изданіе означенныхъ историческихъ матеріаловъ предполагается печатать отдѣльными выпусками подъ заглавіемъ: «*Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ Архива 1-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи*» съ присоединеніемъ къ сему заглавію, въ особой строкѣ, словъ: «*съ Высочайшаго Соизволенія*». Въ этотъ «Сборникъ» будутъ входить всякаго рода историческіе документы, относящіеся къ различнымъ эпохамъ Царствованія Императора Александра I-го, безъ соблюденія строгой хронологической послѣдовательности... По изготовленіи первоначальныхъ проектовъ «Сборника», рукописи эти будутъ сообщаемы Тайному Совѣтнику Лонгинову какъ для просмотра предназначаемыхъ къ печатанію матеріаловъ, такъ и для пополненія сихъ послѣднихъ, въ нужныхъ случаяхъ, историческими примѣчаніями и объясненіями. Окончательно разсмотрѣнные и провѣренные проекты я буду имѣть счастье представлять на Высочайшее Вашего Величества благоусмотрѣніе, по частямъ, на случай, если бы Вашему Величеству благоугодно было лично ознакомиться съ содержаніемъ «Сборника» еще до его отпечатанія. «Сборникъ» предполагается печатать на казенный счетъ. Если на это послѣдуетъ Высочайшее Вашего Величества соизволеніе, въ такомъ случаѣ, я предполагаю войти въ своевременное сношеніе съ Главноуправляющимъ II-мъ Отдѣленіемъ Собственной Вашего Величества Канцеляріи въ видахъ испрошенія, чрезъ Министра Финансовъ, сверхсмѣтнаго кредита въ количествѣ суммы, какая окажется нужною для напечатанія «Сборника» въ извѣстномъ числѣ экземпляровъ».[1] Первый томъ этого сборника, вышедшій въ С.-Петербургѣ въ 1876 году, заключалъ въ себѣ рядъ важныхъ матеріаловъ для исторіи Отечественной войны, а также для біографій двухъ виднѣйшихъ дѣятелей царствованія Императора Александра Благословеннаго: М. М. Сперанскаго (впослѣдствіи графа) и графа А. А. Аракчеева.

---

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 807, «Дѣла I Отд. С. Е. В. Канц. за 1873 г.», лл. 277 об.—279.

Въ томъ же 1873 году Императоръ, подобно Своему Августѣйшему Родителю, изволилъ замѣтить, что во многихъ Министерствахъ засѣдаетъ большое число комиссій, работа которыхъ подвигается чрезвычайно медленно; вслѣдствіе этого 18 декабря 1873 года С. А. Танѣевъ объявилъ всѣмъ Министрамъ и Главноуправляющимъ слѣдующее Высочайшее повелѣніе: «Государь Императоръ, признавая нужнымъ ввести по Гражданскому вѣдомству тотъ же порядокъ, какой установленъ по Военному Министерству относительно всеподданнѣйшаго представленія ежемѣсячныхъ свѣдѣній о ходѣ занятій по учрежденнымъ въ томъ Министерствѣ Коммисіямъ, Высочайше повелѣть изволилъ, чтобы о положеніи тѣхъ дѣлъ, для разсмотрѣнія которыхъ Высочайше учреждаются при Министерствахъ и Главныхъ Управленіяхъ отдѣльными частями временныя Коммисіи, были подносимы Его Императорскому Величеству, къ 1-му числу каждаго мѣсяца, краткія вѣдомости, по прилагаемому при семъ образцу, чрезъ I-е Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи».[1] Вѣдомости, которыя стали съ тѣхъ поръ поступать въ I Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи, имѣли предметомъ «краткое объясненіе занятій Коммисіи въ теченіе отчетнаго мѣсяца».[2]

Переходъ въ новое помѣщеніе вызвалъ заботы С. А. Танѣева объ учрежденіи при I Отдѣленіи Собственной Его Величества Канцеляріи особаго хозяйственнаго комитета. Комитетъ долженъ былъ состоять, подъ предсѣдательствомъ старшаго чиновника, изъ его помощника и начальника счетнаго отдѣленія Комитета призрѣнія заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ.[3] Кромѣ того, С. А. Танѣевъ испросилъ себѣ право приглашать въ комитетъ архитекторовъ и другихъ спеціалистовъ и пополнять его, по своему усмотрѣнію, изъ состава служащихъ. Ввиду необходимости въ томъ, чтобы это учрежденіе вступило скорѣе въ дѣйствіе, С. А. Танѣевъ вошелъ съ докладомъ объ

---

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 806, «Исходящій журн. объяв. Высоч. повелѣніямъ за 1873 г.», лл. 494 об.—495.

[2] Тамъ же, л. 495 об.

[3] Тамъ же, «Дѣла I Отд. С. Е. В. Канц. за 1874 г.», лл. 200—201 об.

этомъ къ Государю, находившемуся въ Лондонѣ. Немного спустя онъ представилъ Государю проектъ инструкціи комитету,[1] который былъ утвержденъ 8 іюля 1874 года. 10 декабря того же года была учреждена при Комитетѣ призрѣнія заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ особая комиссія для усиленія и обезпеченія финансовыхъ средствъ Комитета, подъ предсѣдательствомъ Управляющаго дѣлами Комитета, Статсъ-Секретаря тайнаго совѣтника Ренненкампфа, изъ представителей всѣхъ Министерствъ и Главныхъ Управленій. Въ составъ ея вошелъ одинъ старшій чиновникъ Собственной Его Величества Канцеляріи.

Съ 1874 года значительное число представленій къ наградамъ по гражданскому Вѣдомству начинаетъ поступать чрезъ I Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи. 16 іюля этого года управлявшій Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ объявилъ Сенату Именной указъ отъ 13 іюля: «Государь Императоръ изъявилъ Высочайшую волю, чтобы ходатайства Высочайшихъ Особъ и представителей разныхъ благотворительныхъ обществъ о награжденіи служащихъ въ покровительствуемыхъ ими учрежденіяхъ, которыя не находятся въ прямомъ вѣдѣніи ни Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, ни другихъ отдѣльныхъ вѣдомствъ, подносимы были на Высочайшее разрѣшеніе Управляющимъ I Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи; съ тѣмъ вмѣстѣ Высочайше соизволилъ, чтобы о таковой Монаршей волѣ, послѣдовавшей въ 13-й день Іюля сего года, донесено было установленнымъ порядкомъ Правительствующему Сенату».[2] Эта обязанность I Отдѣленія была расширена Именнымъ указомъ, объявленнымъ Сенату, за Министра Юстиціи его Товарищемъ, 28 мая 1875 года, такого содержанія: «Государю Императору благоугодно было повелѣть, въ Эмсѣ, $^{17}/_{29}$ мая сего года, чтобы къ наградным представленіямъ, которыя, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 13 Іюля 1874 года, подносятся на благоусмотрѣніе Его Императорскаго Величества Управляющимъ I Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи, были относимы не только тѣ, которыя касаются лицъ, служащихъ въ благотворитель-

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., «Дѣла С. Е. В. Канц. за 1874 г.», л. 210 и об.

[2] Полн. Собр. Зак., собраніе второе, № 53727.

ныхъ обществахъ, но и тѣ, которыя касаются лицъ, служащихъ въ общеполезныхъ учрежденіяхъ, если такія учрежденія не находятся въ прямомъ вѣдѣніи Министерствъ и другихъ отдѣльныхъ вѣдомствъ».[1] Главнѣйшія изъ нихъ были слѣдующія: Главное Управленіе Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, состоящее подъ Высочайшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы, ремесленное училище Цесаревича Николая, комиссія построенія храма Св. Николая Чудотворца, С.-Петербургскій Домъ призрѣнія бѣдныхъ дѣтей, Карамзинская библіотека въ Симбирскѣ, Общество попеченія о дѣтяхъ лицъ, сосланныхъ въ Сибирь, въ Москвѣ, Русское Географическое Общество, С.-Петербургскій Домъ Милосердія, Ораніенбаумскій родильный и дѣтскій пріютъ, Крестовоздвиженская Община сестеръ милосердія, Комитетъ дѣтскаго пріюта Принца Ольденбургскаго, Покровская и Свято-Троицкая Общины сестеръ милосердія, Россійское Общество покровительства животнымъ, Кронштадтское Православное Таккеррортское Братство. Кромѣ того, къ этимъ же учрежденіямъ отнесена была бывшая въ это время въ Москвѣ Политехническая выставка.[2] Обязанности I Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи относительно этихъ общеполезныхъ учрежденій, согласно Высочайшей волѣ, не ограничивались одними представленіями къ наградамъ, какъ видно изъ сообщенія Управляющаго I Отдѣленіемъ Военному Министру отъ 3 сентября 1877 года, по поводу ходатайства объ освобожденіи отъ воинской повинности нѣкоторыхъ лицъ, служащихъ въ Покровской Общинѣ сестеръ милосердія; въ этомъ сообщеніи говорится: «22-го Декабря 1875 г. Государю Императору благоугодно было повелѣть, чтобы всеподданнѣйшія представленія по предметамъ, требующимъ испрошенія Высочайшаго соизволенія, или утвержденія, и касающимся интересовъ тѣхъ благотворительныхъ обществъ и общеполезныхъ учрежденій, кои, не состоя въ прямомъ вѣдѣніи Министерствъ и Главныхъ Управленій, изъяты по ходу и направленію дѣлъ изъ общеустановленнаго порядка,

[1] Полн. Собр. Зак., собраніе второе, № 54710.

[2] «Особыя дѣла по С. Е. В. Канц. за 1874 годъ», № 17.

подносимы были Его Императорскому Величеству чрезъ Управляющаго 1-мъ Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи».[1] Въ уваженіе услугъ, оказанныхъ этому учрежденію С. А. Танѣевымъ и старшимъ чиновникомъ Канцеляріи статскимъ совѣтникомъ Бѣляевымъ, Августѣйшей Покровительницѣ Общины Великой Княгинѣ Александрѣ Петровнѣ угодно было предоставить имъ званіе его почетныхъ членовъ (24 и 25 апрѣля 1877 года).

Въ царствованіе Императора Александра II вообще уменьшилось количество представленій Министровъ, поступавшихъ въ I Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ прежнія письменныя представленія были замѣнены личными докладами. Относительно письменныхъ заявленій Государю угодно было неоднократно повторять Свою волю, чтобы они шли черезъ I Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи. Такъ 13 января 1875 года Онъ изволилъ обратить вниманіе на то, что многія дѣла по Министерствамъ, не требующія особой спѣшности, присылаются непосредственно къ Нему и во всякое время. Вслѣдствіе этого Онъ повелѣлъ С. А. Танѣеву повторить всѣмъ Министрамъ и Главноуправляющимъ собственноручно начертанное въ Бозѣ почившимъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ Высочайшее повелѣніе 10 мая 1826 года о томъ, чтобы всѣ пакеты съ дѣлами различныхъ Вѣдомствъ были присылаемы не непосредственно къ Государю во всякое время, а ежедневно по утру въ 8 часовъ на Имя Его въ Собственную Его Величества Канцелярію. Исключеніе Государю угодно было сдѣлать для Статсъ-Секретаріата у принятія прошеній, доклады котораго должны были быть представляемы Его Величеству прежнимъ порядкомъ, т. е. непосредственно въ комнаты Его Величества.[2] Что касается до времени отбытія Его Величества изъ столицы, то всякій разъ Управляющій I Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи подносилъ на Высочайшее утвержденіе про-

[1] «Особыя дѣла по С. Е. В. Канц. за 1877 годъ», № 34.
[2] «Особыя дѣла по С. Е. В. Канц. за 1875 годъ», № 20.

Нынѣшнее помѣщеніе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.
(Съ 1873 г.; бывшій Михайловскій дворецъ.)

екты конфиденціальныхъ циркулярныхъ повелѣній, по «буквальному» смыслу которыхъ всѣ эти доклады должны были восходить чрезъ I Отдѣленіе.[1] Пакеты, присылаемые изъ провинціи, обыкновенно вскрывались Управляющимъ I Отдѣленіемъ, при чемъ отчеты Губернаторовъ представлялись Государю, а другія бумаги отсылались подлежащимъ Министрамъ. Исключеніе представляли пакеты отъ Финляндскихъ Начальниковъ губерній, которые подавались обыкновенно Государю запечатанными.[2]

12 декабря 1877 года исполнилось, какъ извѣстно, столѣтіе со дня рожденія Императора Александра I. Основатель С.-Петербургскаго Археологическаго Института, историкъ русскаго права, Сенаторъ Н. В. Калачовъ, пожелалъ ознаменовать этотъ день выпускомъ въ свѣтъ сборника документовъ, извлеченныхъ изъ разныхъ архивовъ и относящихся къ царствованію Императора Александра I. Онъ обратился и къ С. А. Танѣеву съ просьбой сообщить ему нѣкоторые матеріалы изъ архива Собственной Его Величества Канцеляріи, а также ознакомить его съ содержаніемъ самаго архива. По этому поводу С. А. Танѣевъ докладывалъ Государю: «Предупредивъ Сенатора Калачова, что я не признаю себя въ правѣ удовлетворить его желаніе безъ особаго Высочайшаго разрѣшенія, считаю долгомъ повергнуть означенное ходатайство на Монаршее Вашего Величества благоусмотрѣніе. На случай же Всемилостивѣйшаго на то Соизволенія, осмѣливаюсь всеподданнѣйше при семъ представить копіи съ четырехъ документовъ, выборъ коихъ казался бы соотвѣтственнымъ по особенному ихъ интересу, такъ какъ документы эти состоятъ изъ проектовъ Высочайшихъ указовъ, собственноручно исправленныхъ Императоромъ Александромъ. Что же касается просимаго Тайнымъ Совѣтникомъ Калачовымъ обзора архива, то я полагалъ бы ограничить таковое сообщеніе самымъ сжатымъ и общимъ очеркомъ.» С. А. Танѣевъ остановился на слѣдую-

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., «Всеподданнѣйшій докладъ съ обзоромъ по Канцеляріи за 1881 годъ», стр. 26.

[2] Тамъ же, стр. 28.

щихъ Собственноручно исправленныхъ Императоромъ Александромъ I указахъ: 1) С.-Петербургскому Генералъ-Губернатору Вязмитинову по поводу его мѣръ, вызванныхъ недостаткомъ хлѣба въ Петербургѣ (5 декабря 1817 года), 2) Главнокомандующему арміей генералъ-фельдмаршалу князю Барклаю-де-Толли относительно размѣщенія артиллеріи въ мирное время (5 декабря того же года), 3) Бѣлорусскому Военному Губернатору Герцогу Александру Вюртембергскому (3 февраля 1819 года) и 4) Генералъ-Губернатору Тульскому, Орловскому, Тамбовскому, Воронежскому и Рязанскому генералъ-адъютанту Балашеву (2 марта 1823 года), касательно управленія ихъ областями. Государь изволилъ на это представленіе выразить свое согласіе (1 ноября 1877 года).[1]

30 января 1878 года Государь, находясь въ Ливадіи, удостоилъ С. А. Танѣева слѣдующей телеграммы: «Условься съ г.г. Министрами, чтобы доклады посылались ко Мнѣ, сколько возможно, равномѣрно съ тремя фельдъегерями, отправляемыми сюда еженедѣльно, а то они почти всѣ скопляются къ субботнему, между тѣмъ прибывшій вчера, отъ понедѣльника, не привезъ мнѣ ни одной бумаги».[2] По этому поводу С. А. Танѣевъ имѣлъ сношенія со всѣми Министрами и Главноуправляющими.[3]

Послѣ усмиренія польскаго возстанія въ 1866 году Статсъ-Секретаріатъ Царства Польскаго былъ переименованъ въ Собственную Его Величества Канцелярію по дѣламъ Царства Польскаго, въ которой сосредоточились важнѣйшія дѣла по управленію краемъ. Это учрежденіе было упразднено 26 августа 1876 года. До упраздненія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по дѣламъ Царства Польскаго, ежегодно ассигнуемая по смѣтѣ ея въ непосредственное Высочайшее распоряженіе сумма 150.000 р. находилась въ Госу-

[1] «Особыя дѣла С. Е. В. Канц. за 1877 годъ», № 39.

[2] Собственная Его Императорскаго Величества Библіотека, «Отчетный обзоръ дѣятельности 1 Отдѣленія Собственной Вашего Императорскаго Величества Канцеляріи съ 1855 по 1880 гг.», листы не нумерованы.

[3] «Особыя дѣла по С. Е. В. Канц. за 1878 годъ», № 39.

дарственномъ Казначействѣ. Послѣ закрытія этой Канцеляріи, эти 150.000 р. были переданы въ вѣдѣніе I Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи. Государю Императору благоугодно было повелѣть, чтобы названная сумма, по ассигнованіи ея въ смѣту I Отдѣленія, не оставалась въ Государственномъ Казначействѣ, а была ежегодно передаваема, подобно суммамъ, состоящимъ на диспозиціи Его Величества, въ Государственный Банкъ для приращенія изъ процентовъ на особомъ текущемъ счетѣ. Государь Императоръ изволилъ повелѣть, чтобы, кромѣ ежемѣсячно подносимой на Высочайшее благоусмотрѣніе отчетности въ расходованіи 150.000 р., была представляема Его Императорскому Величеству, по временамъ, еще краткая записка о состояніи этой суммы, по примѣру той, какая подносится о суммѣ, состоящей на диспозиціи Его Величества. Во исполненіе таковой Высочайшей воли Статсъ-Секретарь Танѣевъ составилъ проектъ записки съ обозначеніемъ въ ней: 1) количества израсходованной съ начала года суммы какъ на постоянныя, такъ и на единовременныя выдачи; 2) наличнаго остатка за произведенными выдачами; 3) приблизительнаго количества денегъ, подлежащихъ отпуску до истеченія года; 4) ожидаемаго къ концу года остатка, и 5) суммы произведенныхъ по Высочайшимъ повелѣніямъ и подлежащихъ возмѣщенію расходовъ. Проектъ означенной записки былъ удостоенъ Монаршаго одобренія 12 іюня 1878 года.

Новыя обязанности I Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи были вызваны смутами конца славнаго царствованія Царя Освободителя. Мѣры къ прекращенію преступной дѣятельности террористическихъ организацій подвергались два раза обсужденію: въ засѣданіи Комитета Министровъ 12 іюля 1879 года и особаго совѣщанія 23 іюля того же года. Государь изволилъ начертать на относящемся сюда журналѣ Комитета: «Исполнить, съ тѣмъ, чтобы о ходѣ разработки возбужденныхъ вопросовъ было мнѣ доносимо ежемѣсячно чрезъ 1 Отд. Моей Канцеляріи». Поступившія, на основаніи этой резолюціи, вѣдомости просматривались, обыкновенно, Государемъ и направлялись Имъ чрезъ I Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго

Величества Канцеляріи въ Комитетъ Министровъ. Тамъ обсуждались они въ ближайшемъ засѣданіи, а копіи съ нихъ оставались въ архивѣ Канцеляріи.[1]

Въ послѣдніе два года царствованія Императора Александра II получили особенно значительное развитіе въ I Отдѣленіи Собственной Его Величества Канцеляріи доклады на Высочайшее Имя и переписки по дѣламъ различныхъ благотворительныхъ и общеполезныхъ учрежденій. Такъ, 8 мая 1878 года Государю Императору благоугодно было изъявить Высочайшее соизволеніе на всеподданнѣйшій докладъ Управляющаго I Отдѣленіемъ, въ коемъ повергалось на Монаршее воззрѣніе ходатайство Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княгини Александры Петровны, Августѣйшей Покровительницы Покровской Общины сестеръ милосердія, о томъ, чтобы о назначеніи и увольненіи занимающихъ въ Управленіи означенной Общины должности IV и низшихъ классовъ было отдаваемо въ приказахъ по I Отдѣленію Собственной Его Величества Канцеляріи, и чтобы въ этомъ же Отдѣленіи сосредоточены были вообще всѣ оффиціальныя свѣдѣнія о личномъ составѣ Покровской Общины.[2] 27 апрѣля 1880 года С. А. Танѣевъ испрашивалъ, согласно желанію Великой Княгини Екатерины Михаиловны, Высочайшее разрѣшеніе на то, чтобы, въ ознаменованіе 25-лѣтія царствованія Его Императорскаго Величества «I., устроить при Елисаветинской Клинической больницѣ для малолѣтнихъ дѣтей таковую же Амбулантную подъ наименованіемъ «Александро-Маріинской Лечебницы для приходящихъ дѣтей», а къ существующимъ въ женской больницѣ при Крестовоздвиженской Общинѣ сестеръ милосердія 16-ти кроватямъ присоединить еще четыре кровати, присвоивъ сей больницѣ наименованіе «Александро-Маріинской»,—и II., учредить: а., въ Маріинскомъ женскомъ Институтѣ и въ Училищѣ Св. Елены по одной безплатной вакансіи для бѣдныхъ дѣвицъ,

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., «Всеподданнѣйшій докладъ съ обзоромъ по Канцеляріи 1881 года», стр. 45.

[2] С. Е. И. В. Библіотека, «Отчетный обзоръ дѣятельности I Отдѣленія Собственной Вашего Императорскаго Величества Канцеляріи съ 1855—1880 г.г.».

б., въ Повивальномъ Институтѣ—одну безплатную вакансію для слушательницъ повивальнаго искусства, и в., въ Максимиліановской лечебницѣ—одну безплатную кровать въ Отдѣленіи постоянныхъ кроватей,—съ присвоеніемъ всѣмъ этимъ вакансіямъ наименованія «Александро-Маріинскихъ». Государю было угодно начертать на этомъ докладѣ: «Со—ъ и повторяю Мою благодарность».[1]

Во исполненіе Высочайшей Воли Государыни Великой Княгини Цесаревны, изъясненной въ отношеніи I Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи отъ 9 октября 1880 года, образована была, по соглашенію Попечительства Гольдингенскаго Покровскаго Православнаго Братства и Совѣта Прибалтійскаго Спасскаго Братства, комиссія изъ представителей этихъ Братствъ (по четыре члена отъ каждаго Братства), для опредѣленія основаній къ сліянію ихъ въ одно учрежденіе, ввиду однѣхъ и тѣхъ же задачъ, ими преслѣдуемыхъ.[2] 30 ноября того же года С. А. Танѣевымъ было испрошено Высочайшее Государя Императора разрѣшеніе на учрежденіе стипендій Имени Его Императорскаго Высочества Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, въ ознаменованіе 50-лѣтняго юбилея государственной дѣятельности Его Высочества: 1) при Свято-Троицкой Общинѣ сестеръ милосердія для содержанія и обученія одной воспитанницы на пожертвованные дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Мезенцовымъ 2.300 р. и 2) при 4-хъ-классной школѣ той же Общины на содержаніе приходящей ученицы на пожертвованные дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Гуро 1.000 р.[3]

Такова въ общихъ чертахъ дѣятельность I Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи при жизни Царя Освободителя. Она лучше всего характеризуется словами С. А. Танѣева въ его: «Отчетномъ обзорѣ дѣятельности I Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи съ 1855 по 1880 г.г.», представленномъ имъ Государю ко дню двадцатипятилѣтія Его царствованія: «Хотя I Отдѣленіе Собственной

[1] «Особыя дѣла по С. Е. В. Канц. за 1880 годъ», № 52.
[2] Тамъ же, № 91.
[3] Тамъ же, № 102.

Вашего Императорскаго Величества Канцеляріи какъ по свойству своихъ занятій, такъ и по цѣли его учрежденія оставалось непричастнымъ къ дѣлу сотрудничества въ реформахъ, увѣковѣчившихъ славу Вашего Имени, тѣмъ не менѣе оно пользовалось, по милости Вашего Величества, инымъ высокимъ и поистинѣ завиднымъ преимуществомъ, будучи, такъ сказать, непосредственнымъ свидѣтелемъ, если не всѣхъ, то весьма многихъ и при томъ ежедневныхъ трудовъ Вашего Императорскаго Величества по управленію государственными дѣлами».

ГЛАВА 3-я.

Біографія Статсъ-Секретаря Александра Сергѣевича Танѣева.

Статсъ-Секретарь А. С. Танѣевъ происходилъ изъ небогатаго, но стараго дворянскаго рода, представители котораго упоминаются въ числѣ стольниковъ и воеводъ еще въ XVI вѣкѣ. При Петрѣ Великомъ одинъ изъ предковъ Статсъ-Секретаря А. С. Танѣева состоялъ при Кабинетѣ Великаго Государя и, по Его приказанію, исполнялъ серьезныя порученія за границей. Ему, напримѣръ, поручено было наблюденіе за границей за извѣстнымъ племянникомъ Мазепы Войнаровскимъ, котораго Государь назвалъ «зѣло опаснымъ» врагомъ. Отецъ А. С. Танѣева—генералъ-маіоръ въ отставкѣ Сергѣй Михайловичъ Танѣевъ былъ близко извѣстенъ графу А. А. Аракчееву и пользовался уваженіемъ лицъ, занимавшихъ высокое общественное положеніе. По поводу смерти его знаменитый Дибичъ писалъ Аракчееву 31 мая 1825 года: «Извѣстіе о кончинѣ высокопочтеннаго Сергѣя Михайловича Танѣева получилъ я съ сердечнымъ прискорбіемъ. Будучи ему и всему почтенному семейству сему обязанъ истиннѣйшею благодарностью, я увѣренъ, что и вашему сіятельству потеря сія была весьма чувствительна по дружескому вашему расположенію къ покойному».[1] Родился А. С. Танѣевъ

[1] Н. Дубровинъ, «Письма главнѣйшихъ дѣятелей въ царствованіе Императора Александра I (съ 1807—1829 годъ)», стр. 434.

около 1787 года. Какъ значится въ его формулярѣ, онъ въ 1796 году «былъ записанъ въ Лейбъ-Гвардіи Преображенскій полкъ сержантомъ, но за малолѣтствомъ исключенъ». Образованіе, какъ въ то время водилось, онъ получилъ въ одномъ изъ частныхъ пансіоновъ и владѣлъ прекрасно языками, вслѣдствіе чего во время службы въ Кабинетѣ Его Величества ему поручались весьма отвѣтственные и трудные переводы. А. С. Танѣевъ началъ службу въ этомъ учрежденіи съ канцелярской работы, поступивъ въ Кабинетъ на должность регистратора, и дослужился тамъ до чина коллежскаго ассесора. Когда Аракчеевъ сдѣлался Военнымъ Министромъ, то, зная хорошо семью молодого чиновника, онъ опредѣлилъ его въ Департаментъ Военнаго Министерства переводчикомъ 27 марта 1808 года «съ назначеніемъ находиться при Военномъ Министрѣ, при коемъ и употребленъ былъ по части иностранной переписки и переводовъ», какъ сказано въ формулярѣ. Графъ Аракчеевъ быстро оцѣнилъ способности и трудолюбіе своего новаго подчиненнаго, о чемъ свидѣтельствуетъ формуляръ послѣдняго. За два года пребыванія въ Военномъ Министерствѣ Танѣевъ былъ дважды награжденъ бриллiантовыми перстнями «за отличную дѣятельность и труды». Когда покровитель А. С. Танѣева сдѣлался Предсѣдателемъ Департамента Военныхъ Дѣлъ Государственнаго Совѣта, то и онъ перешелъ въ Государственную Канцелярію, съ жалованіемъ въ 500 р., на мѣсто, равнозначущее тому, которое занималъ въ Военномъ Министерствѣ.

Въ 1812 году приступлено было къ образованію Собственной Его Величества Канцеляріи, куда Аракчеевъ подбиралъ лично ему съ хорошей стороны извѣстныхъ работниковъ; сюда былъ прикомандированъ и А. С. Танѣевъ (26 іюля 1812 г.). Въ этомъ учрежденіи, съ которымъ суждено было А. С. Танѣеву и его роду неразрывно связать свое имя, началась его плодотворная дѣятельность на пользу меньшей братіи. Александръ Сергѣевичъ заслужилъ вскорѣ полное довѣріе какъ со стороны своего главнаго начальника, такъ и со стороны самого Государя. Вслѣдствіе этого ему были поручаемы разслѣдованія такихъ дѣлъ, которыя въ особенности требовали милосердія и

Статсъ-Секретарь Танѣевъ I

Статсъ-Секретарь
А. С. Танѣевъ
Управляющій I Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.
(1831 — 1866 гг.)

безпристрастія. Такъ, въ февралѣ мѣсяцѣ 1816 года, онъ былъ командированъ для разслѣдованія на мѣстѣ жалобъ поселенныхъ близъ Ораніенбаума кронштадтскихъ колонистовъ на злоупотребленія инспектора ихъ Буника, а также по поводу недостатка земли. Жалобы эти оказались неосновательными. Въ іюнѣ того же года по случаю усмотрѣннаго самимъ Государемъ дурного положенія казенныхъ красносельскихъ крестьянъ, приписанныхъ къ бумажной фабрикѣ Полторацкаго, по Высочайшему повелѣнію Танѣевъ былъ посланъ для изслѣдованія истинной причины упадка благосостоянія крестьянъ; данныя разслѣдованія были изложены въ запискѣ, внесенной по Высочайшему повелѣнію въ Комитетъ Министровъ.[1] Въ томъ же году онъ, также по Высочайшему повелѣнію, разслѣдовалъ дѣло крестьянъ деревни Гарболовой, принесшихъ жалобу на чрезмѣрныя угнетенія и обременительные поборы со стороны ихъ помѣщицы Лумборсъ; по изслѣдованію этому крестьяне получили удовлетвореніе, при чемъ выяснилось, что ни помѣщица Лумборсъ, ни мужъ ея не имѣли права на владѣніе ими. Въ 1817 году камеръ-юнкеръ Танѣевъ былъ посланъ съ Курскимъ Вице-Губернаторомъ Кожуховымъ вести слѣдствіе въ Дмитріевскомъ уѣздѣ по жалобѣ крестьянъ маіорши Масловой на различныя жестокости, которыя совершалъ надъ ними управлявшій ея имѣніемъ сожитель ея докторъ Лорбееръ. Нѣкоторыя изъ обвиненій оправдались: оказалось, что крестьяне совершенно не имѣли свободнаго времени для работы на себя. Другія показанія оказались вымышленными, напримѣръ, будто бы Лорбееръ велѣлъ вырвать зубы нѣсколькимъ дѣвушкамъ для того, чтобы вставить ихъ себѣ. Во всякомъ случаѣ обнаружилось, что уѣздный судъ потворствовалъ Лорбееру, вслѣдствіе чего Вице-Губернаторъ представилъ Губернатору о необходимости отдать всѣхъ членовъ суда подъ судъ и на ихъ мѣсто назначить другихъ. Имѣніе Масловой было взято въ опеку и крестьяне ограждены отъ

[1] Формуляръ А. С. Танѣева въ архивѣ Государственнаго Совѣта; арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 15, л. 153.

притѣсненій.[1] Въ томъ же году Танѣевъ посланъ былъ съ Московскимъ Гражданскимъ Вице-Губернаторомъ разбирать въ высшей степени любопытное въ бытовомъ отношеніи дѣло крестьянъ казенной Шубинской волости (Бронницкаго уѣзда): часть крестьянъ обвиняла волостного голову Маркова въ различныхъ злоупотребленіяхъ и незаконныхъ поборахъ, вслѣдствіе чего онъ и былъ отданъ подъ судъ. Между тѣмъ враждебная Маркову партія, безъ соблюденія закономъ установленныхъ правилъ, выбрала въ головы главнаго противника Маркова—крестьянина Никонова. Выборы эти были отмѣнены Губернскимъ правленіемъ, и Никоновъ, не желавшій сдать должность, былъ арестованъ. Крестьяне принесли жалобу въ Сенатъ; Сенатъ предписалъ Военному Генералъ-Губернатору допустить Никонова, по отбытіи имъ наказанія, къ исполненію своей должности, если большинство крестьянъ его желаютъ. Между тѣмъ земскій судъ не переставалъ оказывать давленіе на крестьянъ въ томъ смыслѣ, чтобы они выбрали другого голову и произвели снова повѣрку денежной отчетности Маркова, хотя послѣдній былъ уже учтенъ и уличенъ въ растратѣ суммы свыше 34.000 р. Крестьяне принесли жалобу на Высочайшее Имя. По Высочайшему повелѣнію, объявленному Аракчеевымъ 9 декабря 1817 года, Московскій Гражданскій Губернаторъ Дурасовъ отправился съ камеръ-юнкеромъ Танѣевымъ на мѣсто. Здѣсь правильно произведенные выборы въ ихъ присутствіи рѣшили дѣло въ пользу Никонова, а земскому суду было строжайше запрещено оказывать давленіе на крестьянскіе выборы.

Въ 1817 году въ бытность Канцеляріи въ Москвѣ, по случаю пребыванія тамъ Государя, А. С. Танѣеву поручено было принимать прошенія, на Высочайшее Имя приносимыя, а также производить дѣла по Комитету 18 августа 1814 года (нынѣшній Комитетъ о раненыхъ). Высокія цѣли этого учрежденія требовали мягкосердечія и отзывчивости къ положенію ближнихъ, которыми А. С. Танѣевъ отличался всю свою жизнь.

---

[1] Формуляръ А. С. Танѣева; арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 39, «Гражд. дѣла за декабрь мѣсяцъ 1817 года», л. 320 и слѣд.

Съ 26 августа по 24 декабря 1818 года онъ удостоился находиться при Особѣ Его Императорскаго Величества на конгрессѣ въ Ахенѣ и во время Высочайшаго путешествія по Германіи до самаго возвращенія въ С.-Петербургъ для исправленія дѣлъ по гражданской части. 21 января 1820 года онъ былъ назначенъ помощникомъ Статсъ-Секретаря Государственнаго Совѣта по Департаменту Военныхъ Дѣлъ и съ этого времени имѣлъ личный докладъ у Государя по дѣламъ Собственной Его Величества Канцеляріи, когда отсутствовали графъ Аракчеевъ и Н. Н. Муравьевъ. Въ 1824 году А. С. Танѣевъ удостоился новыхъ знаковъ Высочайшаго довѣрія: въ августѣ онъ имѣлъ отъ Государя Императора порученіе изслѣдовать вмѣстѣ съ генералъ-маіоромъ Клейнмихелемъ состояніе умственныхъ способностей графа Д. М. и донести Его Величеству; по разсмотрѣніи доклада объ этомъ въ Комитетѣ Министровъ, послѣдовало распоряженіе объ отдачѣ имѣнія графа Д. М. въ опеку. Въ ноябрѣ того же года А. С. Танѣевъ посланъ былъ по секретному дѣлу отъ Его Императорскаго Величества въ Рязань.

Такая разносторонняя и усердная служба А. С. Танѣева не оставалась безъ милостиваго поощренія со стороны Государя: въ 1817 году онъ былъ пожалованъ въ званіе камеръ-юнкера Двора Его Императорскаго Величества, а въ 1821 году въ камергеры. Однако, живя исключительно жалованьемъ, А. С. Танѣевъ въ это время нуждался матеріально. Въ 1825 году, потерявъ отца, онъ писалъ Аракчееву (13 мая 1825 года): «часъ лютѣйшаго для насъ прискорбія наступилъ. Батюшки не стало сегодня въ 6 часовъ утра. Третьяго дня, будучи въ полной памяти и самъ заливаясь слезами, благословилъ онъ все семейство свое, увѣщевалъ каждаго, простился съ родными, потомъ упоминалъ о близкихъ сердцу его людяхъ и, начавъ съ вашего сіятельства, поручилъ матушкѣ передать всѣ его чувства вамъ. Исполнивъ сіе, онъ приказалъ подать себѣ изготовленное за нѣсколько дней до того письмо на Высочайшее Имя и, подписавъ его въ присутствіи всѣхъ насъ, возложилъ именно на меня доставить оное къ вамъ, сіятельнѣйшій графъ, съ просьбою не оставить семейство такого

человѣка, который всѣмъ сердцемъ былъ преданъ и любилъ его до послѣдняго издыханія, да надѣется, что и графъ противъ него ничего не имѣетъ и желаетъ ему добра».[1] Матеріальныя затрудненія явились сыну помѣхой даже отдать послѣдній долгъ покойному такъ, какъ подсказывало ему его любящее сердце. По этому поводу онъ пишетъ графу Аракчееву: «благочестивый архимандритъ, видя недостатокъ моихъ способовъ и истинное желаніе помочь монастырю по силѣ моей возможности, согласился положить батюшку въ паперти за 500 руб., и я, вспомня о вашемъ сіятельствѣ и представя себѣ, что вы бы, конечно, побранили меня, если-бъ я изъ 300 руб., составляющихъ всю разницу между мѣстами, не избралъ лучшаго по святости своей мѣста для того, который истинно достоинъ онаго по святости своей жизни, вознамѣрился предать его землѣ въ самой паперти собора съ лѣвой стороны, противъ средняго окошка... Что-жь касается до вѣчнаго поминовенія, какъ по обыкновенію вносится для сего капитала не менѣе 1.000 руб., дабы проценты могли обращаться въ пользу монастыря, то я уже, не имѣя откуда и занять и не забывая, что какъ и въ прежнихъ моихъ нуждахъ, такъ и въ главныхъ обстоятельствахъ моей жизни, я находилъ всегда пособіе въ васъ, сіятельнѣйшій графъ, рѣшился и въ настоящемъ горестномъ случаѣ къ вамъ обратиться и со всею откровенностью смѣю сказать, что остаюсь въ полной надеждѣ на отеческое попеченіе вашего сіятельства».[2] Графъ оказалъ помощь А. С. Танѣеву, и къ чести послѣдняго нужно отмѣтить, что изъ всѣхъ лицъ, облагодѣтельствованныхъ графомъ Аракчеевымъ, онъ одинъ и навсегда оставался ему благодаренъ.[3] Сохранилось преданіе, что графъ Аракчеевъ предлагалъ впослѣдствіи А. С. Та-

---

[1] Н. Дубровинъ, «Письма главнѣйшихъ дѣятелей въ царствованіе Императора Александра I (съ 1807—1829 годъ)», стр. 428.

[2] Тамъ же, стр. 435, 436.

[3] Н. Н. Муравьевъ, всѣмъ обязанный Аракчееву, не преминулъ впослѣдствіи бросить въ него камень, какъ видно изъ его недавно изданныхъ записокъ («Сборникъ Новгородскаго общества любителей древности, выпускъ II, Новгородъ, 1909 г.»).

нѣеву сдѣлать его своимъ наслѣдникомъ съ тѣмъ, что онъ приметъ его фамилію, но послѣдній, со свойственнымъ ему безкорыстіемъ, отклонилъ это предложеніе. Къ чести сотрудника трехъ Государей служитъ также и то обстоятельство, что онъ, самъ пройдя трудную школу нужды, всегда впослѣдствіи принималъ горячее участіе въ нуждающихся. Дѣла Собственной Его Величества Канцеляріи за время его управленія наполнены его ходатайствами передъ Государями за служащихъ въ Канцеляріи. Онъ никогда не упускалъ случая обратить вниманіе Монарха на ихъ заслуги и нужды. Какъ показываютъ его письма къ графу М. А. Корфу, находящіяся въ Собственной Его Величества Канцеляріи, онъ постоянно рекомендовалъ ему молодыхъ людей и, не ограничиваясь этимъ, продолжалъ интересоваться ихъ дальнѣйшей судьбой. Какъ человѣка, лучше всего характеризуетъ А. С. Танѣева слѣдующій случай: когда Танѣевъ былъ уже Управляющимъ Собственной Его Величества Канцеляріей, канцелярскій чиновникъ для письма Кошкаровъ въ припадкѣ меланхоліи опасно поранилъ себѣ горло бритвой и лежалъ при смерти въ больницѣ. Императоръ Николай I относился всегда очень строго къ самоубійствамъ; А. С. Танѣевъ представилъ ему докладъ, въ которомъ утверждалъ, что Кошкаровъ находился въ болѣзненномъ состояніи, являвшемся результатомъ прежнихъ его, крайне тяжелыхъ, жизненныхъ условій. Государь написалъ на докладѣ: «жаль стараго служаку» и повелѣлъ выдать его семьѣ годовое жалованье. А. С. Танѣевъ и впослѣдствіи принималъ участіе въ семьѣ погибшаго.

Широкое государственное поприще открылось для А. С. Танѣева въ царствованіе Императора Николая I. Уже въ 1828 году онъ былъ пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники «въ воздаяніе отличнаго усердія къ службѣ». Въ 1828 году на долю его выпало сопровождать Государя въ армію и на возвратномъ пути онъ имѣлъ Высочайшее порученіе по тракту отъ Одессы до С.-Петербурга осмотрѣть во всѣхъ городахъ тюремныя заведенія, а также собрать изъ судебныхъ мѣстъ свѣдѣнія о содержащихся въ нихъ арестантахъ. Въ результатѣ явился обширный докладъ А. С. Танѣева, въ которомъ онъ пред-

ставилъ Государю обстоятельный отчетъ о состояніи видѣнныхъ имъ тюремъ; онъ писалъ: «тюремныя зданія найдены вообще не въ томъ состояніи, въ какомъ бы желательно ихъ видѣть. Причиною сему можетъ быть и недостатокъ суммъ, и то, что какъ Городничіе, такъ и Губернскія Начальства, къ руководству своему не имѣютъ опредѣлительной Инструкціи. Извѣстно, что послѣ того, какъ Блаженной Памяти Государь Императоръ осмотрѣлъ остроги Московскій и Калужскій, предположено было сообщить описаніе ихъ во всѣ Губерніи для руководства; но изъ трехъ Губернскихъ городовъ, кои я проѣхалъ, въ двухъ, именно въ Житомирѣ и Могилевѣ, объ упоминаемомъ описаніи сихъ двухъ остроговъ Губернаторы не знали. Полученныя ими въ недавнемъ времени циркулярныя правила относятся лишь къ построенію остроговъ. Въ острогахъ вообще: арестанты не раздѣлены по разрядамъ. Печи топятся снутри и по большей части изъ арестантскихъ, гдѣ арестанты варятъ себѣ даже и кушанье. Вездѣ нары. Воздухъ тяжелый. Нечистота въ бо́льшей или мѣньшей степени. Бани, за исключеніемъ малаго числа, остаются безъ употребленія за поврежденіемъ печей, а иногда и по опасенію, чтобъ острогъ не загорѣлся. Кромѣ военнаго караула никого уже нѣтъ при арестантахъ, развѣ одинъ сторожъ. Больницъ особыхъ нѣтъ. Лѣкаря не получаютъ особой платы за пользованіе больныхъ. Въ большей части остроговъ кухонъ нѣтъ. Во многихъ изъ нихъ отхожихъ мѣстъ нѣтъ. Не примѣтно, чтобъ мыли полы, высыпали ихъ пескомъ, окуривали комнаты и отпирали форточки. На арестантахъ бѣлье не моютъ. Библіотекъ и работъ для занятій арестантовъ, какъ было, кажется, въ предположеніи,—вовсе нѣтъ. Арестанты живутъ совершенными тунеядцами и многими замѣчено, что отъ долговремяннаго сидѣнія въ праздности и бездѣйствіи физическое ихъ сложеніе весьма много терпитъ». Танѣевъ предлагалъ какъ неотложныя мѣры: «за негодностію нужно построить новыя зданія: въ Житомирѣ или томъ Губернскомъ городѣ, который для Волынской Губерніи избранъ будетъ, въ Могилевѣ Бѣлорусскомъ, въ Махновкѣ, Бердичевѣ и въ Великихъ Лукахъ. Перестроить необходимо на счетъ подрядчика острогъ въ Брацлавѣ. Чтожъ касается до прочихъ остро-

говъ, то, не упоминая о поправкахъ, кои обыкновеннымъ ходомъ чрезъ Начальства должны разрѣшаться, по мнѣнію моему, нужно, хотя исподоволь, перестроить печи такимъ образомъ, чтобъ онѣ топились не изъ арестантскихъ, а изъ корридоровъ. Пока будутъ существовать нары, нельзя надѣяться, чтобъ была въ комнатахъ чистота, и потому я полагалъ бы нары замѣнить кроватями. Для чистоты весьма желательно бы было, чтобъ въ острогахъ непремѣнно самихъ же арестантовъ заставляли мыть полы по крайней мѣрѣ два раза въ недѣлю, чтобъ полы усыпали пескомъ, форточки отворяли, въ комнатахъ по нѣскольку разъ въ день курили и сверхъ того врѣзали въ окна вентиляторы. Въ иныхъ городахъ есть готовая одежда и обувь, какъ для пересылочныхъ, такъ и на случай, естьлибъ чего недостало у содержащихся арестантовъ. Въ другихъ же городахъ вовсе нѣтъ такого запаса. Желательно, чтобъ повсемѣстное сдѣлано было распоряженіе о снабженіи всѣхъ городовъ по соразмѣрности бывающихъ арестантовъ одеждою и обувью для мужчинъ и женщинъ. Лѣкарямъ нужно бы опредѣлить нѣкоторую плату за лѣченіе арестантовъ... Весьма полезнымъ считалъ бы я составить отъ Министерства изъ существующихъ постановленій объ острогахъ и арестантахъ инструкцію и, напечатавъ, разослать ее не только по Губернскимъ, но и по Уѣзднымъ городамъ, съ тѣмъ, чтобъ Городничимъ поставлено было въ непремѣнную обязанность ни мало не отступать отъ предписанныхъ правилъ». Въ заключеніе онъ писалъ: «независимо отъ дѣлъ арестантскихъ, заслуживали бы вниманія, по мнѣнію моему, слѣдующія обстоятельства: во 1-хъ По Нижнимъ Судамъ случается, что и Предсѣдатель и Засѣдатели или Члены всѣ въ разъѣздахъ по Уѣзду подъ предлогомъ слѣдствій, дослѣдованій и тому подобныхъ дѣлъ, и такимъ образомъ Суды нерѣдко остаются безъ присутствія. Нужно, чтобъ оставался всегда хотя одинъ Членъ и Секретарь. Во 2-хъ для слѣдствій и дослѣдованій передаются часто подлинныя бумаги и дѣла Засѣдателямъ, что противно закону. Дѣла сіи остаются у нихъ на дому по нѣскольку мѣсяцевъ безъ всякаго исполненія и, кромѣ того, что они подвергаются утратѣ, повѣрка теченія ихъ дѣлается невозможною, естьли въ

отсутствіи Засѣдатель. Въ 3-хъ. Случается, что арестантовъ присылаютъ безъ бумагъ, и они сидятъ въ тюрьмѣ, не зная, за что содержатся. Сіе противно Указу 1819-го Марта 28-го, коимъ именно велѣно Губернскимъ Начальствамъ такъ распоряжаться, чтобъ сообщенія объ арестантахъ могли быть на мѣстѣ получены, прежде нежели прибудутъ туда арестанты».[1] Государь написалъ на этомъ докладѣ: «Г. Танѣева весьма благодарю за исправное исполненіе возложеннаго на него порученія».

Вслѣдствіе этого доклада 14 ноября 1828 года Н. Н. Муравьевъ объявилъ Управляющему Министерствомъ Юстиціи князю Долгорукову Высочайшее повелѣніе: «Государю Императору угодно было, чтобъ на возвратномъ пути изъ Одессы въ С.-Петербургъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Танѣевъ осмотрѣлъ въ городахъ по предлежавшему ему тракту Тюремныя заведенія и получилъ изъ подлиннаго производства дѣлъ въ судебныхъ мѣстахъ нужныя по дѣламъ объ арестантахъ свѣденія. Его Императорское Величество, получивъ нынѣ записку о томъ, что Г. Танѣевымъ въ каждомъ городѣ найдено, и вѣдомость о замѣчательнѣйшихъ мѣдленностяхъ по производящимся въ Судебныхъ мѣстахъ дѣламъ, Высочайше повелѣть изволилъ препроводить къ Вашему Сіятельству извлеченіе изъ оной записки и упомянутую вѣдомость, изъявивъ Высочайшую Свою Волю, чтобъ немедленно приступлено было къ исправленію замѣченныхъ упущеній, чтобъ по дѣламъ о мѣдленностяхъ Вы, Милостивый Государь, предписали кому слѣдуетъ о скорѣйшемъ ихъ окончаніи и чтобъ виновные въ невыполненіи предписаннаго къ наблюденію подвергнуты были должному взысканію. Государь Императоръ, усмотрѣвъ въ тоже время изъ всеподданнѣйшаго донесенія Г. Танѣева, что въ нѣкоторые города арестанты присылаются безъ сообщеній и безъ дѣлъ, въ противность Указа 1819—Марта 28, коимъ рѣшительно повелѣно Губернскимъ Начальствамъ такъ

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 320, «Дѣло о произведенномъ осмотрѣ дѣйств. статск. совѣт. Танѣевымъ тюремныхъ заведеній и арестант. дѣлъ по тракту отъ Одессы до С.-Петербурга въ 1828 г.», лл. 62 об.—65.

распоряжаться, чтобъ сообщенія могли придти въ городъ прежде арестанта, Высочайше соизволяетъ, чтобъ со стороны Вашего Сіятельства сдѣлано было распоряженіе о повсемѣстномъ подтвержденіи, дабы сила сего Указа неослабно наблюдалась».[1] Такимъ образомъ военныя заботы не отвлекали вниманія Императора отъ судьбы Его подданныхъ, находившихся въ тяжеломъ положеніи.

Докладъ А. С. Танѣева составляетъ эпоху въ исторіи тюремнаго дѣла въ Россіи; съ этого времени правительство все болѣе и болѣе обращаетъ вниманіе на это дѣло, а, какъ справедливо сказалъ Дизраэли, культурный уровень государства познается лучше всего по тому, въ какомъ состояніи находятся въ немъ тюрьмы. А. С. Танѣевъ не получилъ спеціальнаго юридическаго образованія, но онъ всю жизнь пополнялъ свои познанія въ этой области. Современниками онъ считался авторитетомъ по тюрьмовѣдѣнію.

Въ 1829 году, какъ и въ предшествующемъ, А. С. Танѣевъ имѣлъ счастіе сопровождать Государя. Въ Кіевѣ Императоръ повелѣлъ ему осмотрѣть учрежденія приказа общественнаго призрѣнія, какъ будто онъ это дѣлаетъ по собственному почину. А. С. Танѣевъ нашелъ ихъ въ порядкѣ и прибавилъ только: «желательно бы было, чтобъ вмѣсто деревянныхъ низенькихъ строеній, въ коихъ помѣщается большая часть заведеній Приказа, устроено было бы прочное зданіе, которое могло бы въ одно время соединять въ себѣ всѣ заведенія и служить украшеніемъ и городу. Жаль еще, что въ ближайшемъ надзорѣ за сими заведеніями встрѣчается неудобство, ибо Главный Надзиратель, обязанный жить въ городѣ, какъ въ центральномъ мѣстѣ, и ежедневно рапортовать Губернатору о состояніи заведеній, не можетъ быть въ нихъ такъ часто, какъ бы должно. Кириловскій Монастырь, около коего почти всѣ заведенія Приказа, разстояніемъ отъ Печерской части по крайней мѣрѣ верстъ 8-мь, а рабочій домъ находится въ противуположную сторону въ 3-хъ верстахъ отъ города. А для такихъ большихъ разъ-

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 311, «Исходящій журн. объявл. Высоч. повелѣніямъ за 1828 г.», кн. 5, лл. 35 и 36.

ѣздовъ Главному Надзирателю и экипажа не положено; онъ даже и квартиры казенной не имѣетъ».[1] Вслѣдствіе этого всѣ почти служащіе получили награды, а на постройки приказа общественнаго призрѣнія были отпущены 20.000 р. изъ Кабинета Его Величества въ распоряженіе Губернатора.

Довѣріе Государя къ вѣрному слугѣ все болѣе и болѣе возрастало. Въ 1830 году, когда былъ отданъ подъ судъ Управляющій дѣлами Комитета Министровъ Ѳ. Ѳ. Г., то бумаги его поручено было разобрать флигель-адъютанту графу Строганову и А. С. Танѣеву. Разборъ этотъ обнаружилъ цѣлый рядъ подлоговъ. Въ это время Н. Н. Муравьевъ по болѣзни часто отсутствовалъ, и его обязанности исправлялъ А. С. Танѣевъ. 2 ноября 1831 года послѣднему было пожаловано званіе Статсъ-Секретаря Его Императорскаго Величества, а въ слѣдующемъ году (2 апрѣля) онъ былъ назначенъ членомъ Комитета призрѣнія заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ. Въ концѣ этого года онъ принялъ отъ Муравьева окончательно управленіе Собственной Его Величества Канцеляріею, а 6 апрѣля 1835 года получилъ чинъ тайнаго совѣтника. Въ это время вліяніе А. С. Танѣева еще болѣе возрастаетъ. Освѣдомленный современникъ пишетъ: «графъ Адлербергъ и тайный совѣтникъ Танѣевъ имѣли сношеніе непосредственно съ Самимъ Императоромъ, и ихъ мнѣніе имѣетъ въ Его глазахъ большой вѣсъ».[2] Извѣстно, что Императора Николая I со дня Его вступленія на Престолъ занималъ крестьянскій вопросъ, который Онъ желалъ обсуждать «келейно» (Его собственное выраженіе). Съ этой цѣлью въ 1839 году Имъ былъ учрежденъ секретный комитетъ, въ числѣ членовъ котораго былъ и А. С. Танѣевъ.[3] Точно также онъ былъ членомъ комиссіи, которой было поручено разобрать оставшіяся послѣ смерти знаменитаго графа М. М. Сперанскаго бумаги[4] († 11 фев-

[1] Арх. I Отд. С. Е. В. Канц., № 339, «Дѣла I и II Отд. С. Е. В. Канц. за 1829 г.», лл. 166 об. и 167.

[2] «Русская старина», 1900 г., кн. 11, стр. 486.

[3] Семевскій, «Крестьянскій вопросъ въ Россіи», т. II, стр. 29.

[4] «Русская старина», 1893 г., кн. 11, стр. 319.

раля 1839 года). 1 января 1840 года А. С. Танѣеву повелѣно было присутствовать въ Сенатѣ.

Какъ человѣка и государственнаго дѣятеля, А. С. Танѣева характеризуетъ съ самой выгодной стороны записка, внесенная имъ въ Комитетъ Министровъ въ 1845 году. А. С. Танѣевъ всегда былъ горячимъ защитникомъ законности и, пройдя чиновную іерархію съ самаго низа до верху, не могъ не видѣть, какъ часто въ тѣ времена служащіе терпѣли отъ произвола своего начальства. Положить предѣлы этому и имѣла цѣлью записка, внесенная А. С. Танѣевымъ въ Комитетъ Министровъ, по поводу изданія уложенія о наказаніяхъ 15 августа 1845 года; въ этой запискѣ выдвигались такія положенія: «1).... чиновники, исключенные и отрѣшенные безъ суда и узаконеннаго изслѣдованія, считаются отставленными отъ службы, но о правѣ сихъ лицъ, касательно вступленія въ службу, въ уложеніи ничего не постановлено; 2).... отставленіе чиновниковъ отъ службы безъ суда, составляя посему только административную мѣру, принимаетъ во множествѣ случаевъ видъ какъ бы обыкновеннаго, т. е. легкаго наказанія; 3).... такое наказаніе представляется въ существѣ значительнымъ, если принять въ соображеніе, что отставленный по неблагонадежности отъ службы подвергается сему не по судебному разсмотрѣнію степени его вины и при томъ лишается возможности принести какое либо въ огражденіе своей правоты оправданіе, и 4).... необходимо постановить впредь правиломъ, по точному смыслу закона, чтобы лицъ, признаваемыхъ начальствами ихъ заслуживающими исключенія изъ службы, ни въ какомъ случаѣ безъ суда отъ оной не отставлять, а только отрѣшать ихъ, на время суда, отъ должностей, дабы такимъ образомъ сохранить обвиняемымъ право оправданія и не лишить ихъ вовсе средствъ къ честному существованію».[1] Въ Комитетѣ Министровъ эта записка осталась безъ послѣдствій. Интересны доводы, которые выставляли про-

[1] «Журналъ Высочайше учрежденной при Государственномъ Совѣтѣ Коммисіи для пересмотра устава о службѣ гражданской» (подъ предсѣдательствомъ Статсъ-Секретаря Перетца), стр. 100 и 101.

тивники ея: они указывали на то, что для отданія подъ судъ необходимы твердо установленные факты и недостаточно одного внутренняго убѣжденія начальства въ негодности или неблагонадежности чиновника. Между тѣмъ «начальству трудно и часто почти невозможно доказать даже преступленія и проступки чиновниковъ по службѣ, не только одну неблагонадежность ихъ, тогда какъ оно явно видитъ и замѣчаетъ, что чиновникъ по своей неблагонадежности и неспособности не заслуживаетъ довѣрія и потому не можетъ оставаться при занимаемой должности»...[1] Во всякомъ случаѣ записка Статсъ-Секретаря А. С. Танѣева должна занять мѣсто въ исторіи законодательства о правахъ личности въ нашемъ отечествѣ.

Еще болѣе широкая дѣятельность открылась для А. С. Танѣева въ 1846 году. 21 іюня этого года Государь вызвалъ его въ Петергофъ и обратился къ нему со слѣдующими словами: «гражданскіе чины производятся въ чины до 6-го класса Сенатомъ, Я долженъ подписывать Указы о каждомъ Коллежскомъ Совѣтникѣ и выше; опредѣленіе, увольненіе, перемѣщеніе чиновниковъ дѣлается произвольно. Отнынѣ Я предоставляю Себѣ производство въ чины, опредѣленіе на службу, увольненіе отъ оной и перемѣщеніе посредствомъ Высочайшихъ Приказовъ по образцу военныхъ, и Приказы сіи замѣнятъ уже и Указы, подписываемые на чины 6-го класса и выше. Дѣло это Я принимаю подъ Собственное Свое руководство. Новое устройство этой части требуетъ, что бы завѣдываніе личнымъ составомъ Гражданскихъ чиновъ отошло отъ Герольдіи, и вамъ поручаю Я составить на сихъ основаніяхъ образованіе имѣющаго учредиться при I-мъ Отдѣленіи Собственной Моей Канцеляріи Департамента, примѣняясь къ правиламъ о перемѣнахъ въ личномъ составѣ военныхъ чиновъ, какъ они вносятся въ Приказы, и къ штату Инспекторскаго Департамента Военнаго Мини-

[1] «Журналъ Высочайше учрежденной при Государственномъ Совѣтѣ Коммисіи для пересмотра устава о службѣ гражданской», стр. 102.

стерства съ тѣмъ, чтобы Департаментъ сей имѣлъ обязанность составлять Высочайшіе Приказы, наблюдать за правильнымъ совершеніемъ всѣхъ перемѣнъ по службѣ Гражданскихъ чиновъ, и чтобъ всѣ дѣла относительно ихъ восходили ко Мнѣ чрезъ посредство сего Департамента. Я Военному Министру приказалъ поставить васъ въ извѣстность о порядкѣ производства дѣлъ въ Инспекторскомъ Департаментѣ».[1]

1 іюня 1847 года А. С. Танѣевъ удостоился слѣдующаго Высочайшаго рескрипта: «постоянно отличаясь примѣрно ревностнымъ исполненіемъ возлагаемыхъ на Васъ обязанностей, Вы въ продолженіе 22-хъ лѣтней полезной службы Вашей въ Собственной Нашей Канцеляріи всегда обращали на себя Наше вниманіе. Въ ознаменованіе сего и во изъявленіе особеннаго Нашего благоволенія за успѣшное образованіе и устройство ввѣреннаго Главному Вашему Начальству Инспекторскаго Департамента Гражданскаго Вѣдомства, Мы признали справедливымъ Всемилостивѣйше пожаловать Васъ Кавалеромъ Ордена Святого Равноапостольнаго Князя Владимира 1-й степени...» 1 января 1850 года Именнымъ Высочайшимъ указомъ Государственному Совѣту А. С. Танѣевъ былъ назначенъ Членомъ Государственнаго Совѣта съ оставленіемъ въ прежнихъ должностяхъ и званіяхъ. Черезъ три года онъ былъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники и назначенъ Старшимъ Членомъ Комитета призрѣнія заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ, а вскорѣ затѣмъ дѣйствительнымъ членомъ Совѣта Императорскаго Человѣколюбиваго Общества. Это была послѣдняя милость къ нему Императора Николая I.

Съ новымъ царствованіемъ началась эпоха великихъ реформъ. Будучи убѣжденнымъ защитникомъ начала неприкосновенности имущественныхъ правъ частныхъ лицъ, А. С. Танѣевъ держался этой

---

[1] Цитированная выше Записка А. С. Танѣева 1857 года въ архивѣ Комитета Министровъ. О заслугахъ А. С. Танѣева какъ Главноуправляющаго Инспекторскимъ Департаментомъ сказано выше.

точки зрѣнія и въ крестьянскомъ вопросѣ, что дало поводъ извѣстному Сенатору Я. А. Соловьеву считать его даже крѣпостникомъ и защитникомъ узко-дворянскихъ интересовъ. Въ запискахъ послѣдняго сообщается: «Раскрывая собраніе законовъ»,—писалъ Танѣевъ къ предводителямъ,[1]—«я вижу, что въ 1816 и 1817 годахъ, когда дарована свобода лифляндскимъ, эстляндскимъ и курляндскимъ крестьянамъ, т. е. крестьянамъ присоединеннаго къ Россіи края, всѣ права дворянства сохранены, что вся земля остается собственностію помѣщиковъ. Тѣмъ болѣе для коренного русскаго дворянства можно ожидать той же милости». Въ этихъ же письмахъ онъ приводитъ циркуляръ Ланского, при вступленіи его въ 1855 году въ управленіе Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, въ которомъ Ланской, между прочимъ, писалъ, что онъ не можетъ не гордиться тѣмъ, что съ званіемъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ соединена высокая обязанность быть представителемъ у Престола доблестнаго россійскаго дворянства. Выписавъ все содержаніе циркуляра, Танѣевъ прибавилъ: «столь торжественный обѣтъ даетъ право дворянству испрашивать у Министра Внутреннихъ Дѣлъ, какъ назначеннаго Государемъ Императоромъ представителемъ дворянства, предстательства у Монаршаго Престола о сохраненіи одного изъ важнѣйшихъ правъ дворянства—неприкосновенности поземельной собственности».[2] Однако, не надо забывать, что А. С. Танѣевъ былъ человѣкомъ начала прошедшаго вѣка, когда дворянство сжилось съ крѣпостнымъ строемъ, и, по выраженію академика Я. К. Грота, всѣ лучшіе русскіе люди были крѣпостниками. Впрочемъ, привыкшій быть безпрекословнымъ исполнителемъ предначертаній Русскихъ Государей, Танѣевъ впослѣдствіи, въ званіи Члена Государственнаго Совѣта, съ обычнымъ усердіемъ принималъ участіе въ великой реформѣ. Государь Александръ II, оказывая вѣрному Своему сотруд-

[1] Трехъ уѣздовъ Новгородской губерніи, гдѣ у А. С. были имѣнія.

[2] «Русская старина», 1881 г., кн. 4, стр. 755.

нику всевозможные знаки вниманія, 26 августа 1862 года пожаловалъ ему табакерку съ портретами тѣхъ Государей, при которыхъ онъ служилъ. На склонѣ лѣтъ здоровье Александра Сергѣевича все болѣе и болѣе слабѣло, и онъ былъ принужденъ часть управленія передать своему сыну Сергѣю Александровичу, въ которомъ нашелъ превосходнаго помощника. 17 іюня 1866 года его не стало.[1]

[1] Матеріалы для біографіи Танѣева: его доклады въ архивѣ Собственной Его Величества Канцеляріи; формуляръ—въ архивѣ Государственнаго Совѣта; переписка съ графомъ М. А. Корфомъ въ Собственной Его Величества Библіотекѣ; «Русская Старина», цитированныя книжки; Н. Дубровинъ, «Письма главнѣйшихъ дѣятелей въ царствованіе Императора Александра I».

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Царствованіе Императора Александра III.

ГЛАВА 1-я.

Обзоръ дѣятельности Собственной Его Величества Канцеляріи. Учрежденіе Инспекторскаго Отдѣла и Комитета о службѣ чиновъ гражданскаго Вѣдомства и о наградахъ (1881—1894 гг.).

Въ началѣ царствованія Императора Александра III изъ II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи образованъ былъ Кодификаціонный Отдѣлъ при Государственномъ Совѣтѣ. Вслѣдствіе этого Высочайшимъ указомъ 22 февраля 1882 года I Отдѣленіе Канцеляріи было переименовано въ Собственную Его Императорскаго Величества Канцелярію.[1]

Представляя отчетъ по Собственной Его Величества Канцеляріи за первыя восемь лѣтъ царствованія Императора Александра III, С. А. Танѣевъ такъ раздѣлилъ кругъ дѣлъ, входившихъ въ ея компетенцію:

I, часть инспекторская;

II, повѣрка вѣдомостей о неисполненныхъ Высочайшихъ повелѣніяхъ и числительные выводы по провѣркѣ помянутыхъ вѣдомостей;

[1] Арх. С. Е. В. Канц., дѣла за 1882 г., № 37.

B. MATЭ

III, дѣлопроизводство по наградным ходатайствамъ;

IV, дѣлопроизводство по другимъ предметамъ, касающимся интересовъ нѣкоторыхъ благотворительныхъ и общеполезныхъ учрежденій;

V, составленіе отзывовъ по передаваемымъ на заключеніе Управляющаго дѣламъ и вопросамъ;

VI, числительные выводы о ходѣ занятій въ Высочайше учрежденныхъ комиссіяхъ;

VII, движеніе суммъ, состоящихъ въ непосредственномъ Его Величества распоряженіи;

VIII, разсмотрѣніе ходатайствъ о денежныхъ пособіяхъ;

IX, дѣятельность хозяйственнаго комитета;

X, архивные труды.[1]

Дѣлопроизводство по инспекторской части, которая въ это время стала пріобрѣтать преобладающее значеніе въ дѣятельности Собственной Его Величества Канцеляріи, какъ видно изъ этого отчета, заключало въ себѣ слѣдующіе предметы:

А., Поднесеніе проектовъ указовъ и приказовъ о Высочайшихъ назначеніяхъ на высшія должности, веденіе формулярныхъ списковъ Министровъ и Главноуправляющихъ, поднесеніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ проектовъ приказовъ о Всемилостивѣйшемъ пожалованіи высшимъ должностнымъ лицамъ наградъ.

Б., Дѣлопроизводство по вопросамъ гражданской службы, имѣющимъ значеніе общихъ мѣропріятій.

В., Занятія, относящіяся до веденія общихъ и формулярныхъ списковъ Статсъ-Секретарей Его Величества, а также другія распоряженія, относящіяся до этихъ лицъ.

Г., Завѣдываніе личнымъ составомъ Канцеляріи.[2]

Сверхъ того, въ приказы по Собственной Его Величества Канцеляріи начинаютъ входить пожалованія наградъ такимъ лицамъ, которыя

---

[1] Арх. С. Е. В. Канц., «Всеподданнѣйшій докладъ по Собственной Вашего Императорскаго Величества Канцеляріи съ 1881—1888 гг.»

[2] Арх. С. Е. В. Канц., «Всеподданнѣйшій докладъ по Собственной Вашего Императорскаго Величества Канцеляріи съ 1881—1888 гг.»

не могли быть отнесены къ какому-нибудь опредѣленному вѣдомству, или же удостаивались поощреній, изъ ряда выдающихся. Изъ такихъ случаевъ заслуживаютъ упоминанія слѣдующіе: основатель лицея Цесаревича Николая въ Москвѣ, извѣстный публицистъ М. Н. Катковъ былъ пожалованъ въ Тайные Совѣтники, минуя чинъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, въ виду его особенныхъ заслугъ. Во всеподданнѣйшемъ докладѣ С. А. Танѣева приведено слѣдующее описаніе службы, публицистической дѣятельности и заслугъ Каткова: «Статскій Совѣтникъ *Катковъ* поступилъ въ 1845 году въ Московскій Университетъ профессоромъ философіи. Въ 1850 году, за упраздненіемъ этой каѳедры, назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при Министрѣ Народнаго Просвѣщенія. Въ 1856 году вышелъ въ отставку и открылъ изданіе «Русскаго Вѣстника», а въ 1863 году Комитетъ Министровъ Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ призналъ за его общественною дѣятельностью государственную пользу. Въ 1866 году, когда чрезъ столкновеніе съ бывшимъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ прекратилась его дѣятельность, какъ публициста, ему отъ Высочайшаго Имени предложено было мѣсто Попечителя Учебнаго Округа, но вскорѣ выражено было Высочайшее желаніе, чтобы онъ продолжалъ свою газету, а также доставлялъ откровенныя записки по законодательству и управленію; въ 1868 году онъ, вмѣстѣ съ профессоромъ Леонтьевымъ, основалъ Лицей Цесаревича Николая, съ университетскимъ отдѣленіемъ и учительской семинаріей. Не только не пользуется онъ доходомъ отъ Лицея, но постоянно жертвуетъ на него и платитъ за обученіе тамъ своихъ дѣтей. По смерти Леонтьева, онъ одинъ, уже около 3-хъ лѣтъ, занимаетъ въ Лицеѣ должность Директора, въ IV классѣ. Оцѣнка его службы, по Лицейскому уставу, принадлежитъ непосредственно Его Величеству. Неоднократно покойный Императоръ выражалъ Высочайшее благоволеніе Каткову, за его общественную дѣятельность». [1] Точно также въ приказѣ по Собственной Его Величества Канцеляріи была

[1] Арх. С. Е. В. Канц., дѣла за 1882 г., № 24; «Всеподданнѣйшій докладъ по Собственной Вашего Императорскаго Величества Канцеляріи съ 1881—1888 гг.»

объявлена Монаршая признательность Главноуправляющему Кодификаціоннымъ Отдѣломъ, Дѣйствительному Тайному Совѣтнику Старицкому за весьма полезные труды и особыя заслуги по званію предсѣдателя расчетной комиссіи по дѣламъ съ контрагентами и комиссіонерами бывшей дѣйствующей арміи. Подобное же изъявленіе Монаршей воли послѣдовало, въ апрѣлѣ 1888 года, при объявленіи Высочайшей благодарности Министру Финансовъ, Тайному Совѣтнику Вышнеградскому за понесенные имъ труды по комиссіи о женскомъ образованіи, въ бытность его членомъ Совѣта Министра Народнаго Просвѣщенія.

Упорядоченіе дѣла испрошенія Высочайшихъ наградъ весьма озабочивало Императора Александра III. Эта задача была возложена на учрежденныя съ начала Его царствованія при Собственной Его Величества Канцеляріи двѣ комиссіи изъ представителей всѣхъ вѣдомствъ подъ предсѣдательствомъ Статсъ-Секретаря С. А. Танѣева. Первая изъ нихъ была образована Высочайшимъ повелѣніемъ 30 апрѣля 1881 г. и имѣла цѣлью разсмотрѣніе узаконеній о награжденіи медалями, такъ какъ Его Величествомъ было усмотрѣно, что существующія узаконенія оказываются недостаточно полными и «что встрѣчаются даже случаи, возбуждающіе положительное сомнѣніе на счетъ самаго существованія нѣкоторыхъ видовъ медалей». Другая комиссія была вызвана обращеніями къ Управляющему Собственной Его Величества Канцеляріи Военнаго Министра генералъ-адъютанта П. С. Ванновскаго. Обсужденію ея подлежали вопросы объ удлиненіи междунаградного срока и о срокѣ для пожалованія наградъ послѣ удостоенія Высочайше жалуемыми обыкновенными подарками и денежными выдачами.[1]

Комиссія о медаляхъ, собравъ статистическія свѣдѣнія объ этого рода наградахъ съ 1871 по 1880 годъ и приступивъ къ разсмотрѣнію постановленій о нихъ, пришла къ заключенію, «что постановленія эти съ одной стороны представляются весьма неполными и лишенными систематическаго изложенія, а съ другой заключаютъ въ себѣ много

[1] Арх. С. Е. В. Канц., «Всеподданнѣйшій докладъ по Собственной Вашего Императорскаго Величества Канцеляріи съ 1881—1888 гг.»

частностей, потерявшихъ въ настоящее время свое значеніе». Такъ, комиссія признала устарѣлымъ различіе, которое проводилось въ правилахъ о пожалованіи медалей между купцами и лицами податныхъ сословій: первые представляются прямо къ высшимъ медалямъ (шейнымъ), а вторыя къ младшимъ. Въ своемъ докладѣ Статсъ-Секретарь С. А. Танѣевъ указалъ, между прочимъ, на то, «что при реформахъ, послѣдовавшихъ въ минувшее царствованіе, законодательство наше стремилось къ уравненію всѣхъ вообще сословій, какъ напр. по земству, городскому самоуправленію и наконецъ по отбыванію воинской повинности». Въ обсуждаемомъ вопросѣ «таковое уравненіе было бы справедливо въ томъ отношеніи, что при равносильныхъ полезныхъ заслугахъ и пожертвованіяхъ, сдѣланныхъ купцомъ или лицомъ податнаго сословія, они могутъ быть удостоиваемы одинаковой медали, тогда какъ при нынѣшнемъ порядкѣ награжденія медалями, за однѣ и тѣ же заслуги купечество получаетъ высшія, сравнительно съ податными сословіями, медали, что оказывается очевидною несправедливостью въ отношеніи послѣднихъ. По всѣмъ симъ соображеніямъ Комиссія полагала опредѣлить: 1., роды и виды медалей и 2., численность и порядокъ постепенности общеустановленныхъ медалей съ надписью: «за усердіе» или «за полезное», безъ указанія сословія лицъ, коимъ жалуются таковыя медали, и съ предоставленіемъ начальствамъ въ случаяхъ, заслуживающихъ особаго вниманія, и съ точнымъ описаніемъ заслугъ, представлять къ этимъ медалямъ съ нѣкоторымъ отступленіемъ отъ порядка постепенности (ст. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 29 и 30 вновь составленнаго проекта)». 14 августа 1882 года законопроектъ этотъ былъ переданъ на уваженіе Государственнаго Совѣта.[1]

Что касается второй комиссіи, то она возникла по почину Военнаго Министра. Генералъ-адъютантъ П. С. Ванновскій усмотрѣлъ, что количество наградъ по военному Вѣдомству принимаетъ слишкомъ большіе размѣры и что поэтому установленный трехлѣтній междунаградной срокъ необходимо увеличить. Такъ какъ этотъ вопросъ касался и граждан-

[1] Арх. С. Е. В. Канц., дѣла за 1881 г., № 40, л.л. 292 и 293; «Всеподданнѣйшій докладъ по Собственной Вашего Императорскаго Величества Канцеляріи съ 1881—1888 гг.»

скихъ Вѣдомствъ, то онъ обратился къ Статсъ-Секретарю С. А. Танѣеву съ просьбой дать его предположенію направленіе въ установленномъ порядкѣ. По докладу С. А. Танѣева, Государю угодно было подвергнуть этотъ вопросъ обсужденію въ особой комиссіи изъ представителей всѣхъ Вѣдомствъ подъ предсѣдательствомъ Статсъ-Секретаря С. А. Танѣева (7 декабря 1882 года). Затѣмъ Военнымъ Министромъ возбужденъ былъ вопросъ о томъ, должны ли денежныя пособія и Высочайше жалуемые обыкновенные подарки вліять на удлиненіе междунаградного срока. Вопросъ этотъ былъ предложенъ на заключеніе всѣмъ Министрамъ и Главноуправляющимъ отдѣльными частями, но такъ какъ между ними согласія не послѣдовало, то онъ былъ также переданъ въ комиссію, засѣдавшую подъ предсѣдательствомъ Статсъ-Секретаря С. А. Танѣева. Послѣдній вопросъ былъ окончательно разрѣшенъ въ томъ смыслѣ, что Высочайше жалуемые денежныя выдачи и подарки составляютъ «родъ пособія къ получаемому содержанію, въ большинствѣ случаевъ крайне недостаточному... Съ распространеніемъ на денежныя выдачи междунаградного срока почетныя награды сдѣлались бы исключительною принадлежностью людей состоятельныхъ, для которыхъ обыкновенные подарки и денежныя выдачи не представляютъ существеннаго значенія; люди же даровитые и усердные, но матеріально необезпеченные, не могли бы пользоваться наградами, дающими служебныя преимущества. По всѣмъ симъ соображеніямъ комиссія не считала цѣлесообразнымъ и справедливымъ измѣненіе дѣйствующихъ постановленій, на основаніи коихъ Высочайше жалуемые обыкновенные подарки и денежныя выдачи не должны служить препятствіемъ къ удостоенію наградъ ранѣе установленнаго междунаградного срока».

Относительно вопроса о продленіи междунаградного срока, Статсъ-Секретарь С. А. Танѣевъ докладывалъ 16 ноября 1885 года: «Послѣ подробнаго и всесторонняго разсмотрѣнія подлежащаго разрѣшенію вопроса, комиссія пришла къ убѣжденію относительно необходимости принятія такихъ мѣръ, которыя съ одной стороны способствовали бы болѣе равномѣрному распредѣленію наградъ между служащими, а съ

другой ограничили бы возможность частыхъ представленій къ наградамъ однихъ и тѣхъ же лицъ. По мнѣнію большинства членовъ комиссіи, вполнѣ цѣлесообразною мѣрою въ семъ случаѣ было бы установленіе болѣе продолжительнаго срока для представленія къ наградамъ, чѣмъ нынѣ существующій. Въ связи съ этимъ предположеніемъ въ средѣ комиссіи были возбуждены вопросы о необходимости и другихъ измѣненій въ наградныхъ правилахъ. Нѣкоторые изъ означенныхъ вопросовъ имѣютъ прямое отношеніе къ трудамъ Высочайше учрежденнаго Особаго Секретнаго Совѣщанія какъ относительно упраздненія гражданскихъ чиновъ съ замѣною ихъ соотвѣтствующими должностями, такъ и о пересмотрѣ узаконеній, коими предоставлено право пріобрѣтенія дворянства путемъ пожалованія чиновъ и орденовъ. Предположенія Особаго Совѣщанія, какъ по первому, такъ и по второму предмету, внесены, по Высочайшему повелѣнію, на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта и, въ случаѣ Высочайшаго утвержденія выработанныхъ Совѣщаніемъ предположеній, проектированныя имъ мѣропріятія неминуемо должны будутъ отразиться и на дѣйствующихъ нынѣ наградныхъ правилахъ, въ коихъ существенное значеніе имѣютъ производство въ чины за отличіе и пожалованіе орденами, и тѣмъ самымъ вызвать необходимость общаго пересмотра законоположеній о наградахъ. Въ виду сего было бы, кажется, несвоевременнымъ касаться нынѣ нѣкоторыхъ постановленій о наградахъ, каковыми представляются правила о междунаградномъ срокѣ, о порядкѣ производства въ чины за отличіе и пожалованія орденовъ, дающихъ жалуемымъ особыя права и преимущества. По всѣмъ симъ соображеніямъ представляется болѣе удобнымъ и цѣлесообразнымъ дальнѣйшія работы Высочайше учрежденной наградной комиссіи пріостановить впредь до окончательнаго разрѣшенія въ законодательномъ порядкѣ вышеуказанныхъ предположеній Особаго Секретнаго Совѣщанія».

Затронутъ былъ въ царствованіе Императора Александра III и вопросъ о форменномъ одѣяніи чиновниковъ. Государь изволилъ найти неудобнымъ, что нѣкоторымъ чинамъ гражданскаго Вѣдомства былъ присвоенъ мундиръ военнаго покроя. Вопросъ о замѣнѣ этой формы

болѣе подходящей для гражданскихъ чиновниковъ былъ переданъ, по Высочайшему повелѣнію, въ особое совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ С. А. Танѣева, учрежденное при Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи (15 февраля 1885 года). 4 декабря того же года Статсъ-Секретарь С. А. Танѣевъ представилъ на Высочайшее усмотрѣніе результаты работъ особаго совѣщанія. Государь изволилъ разсматривать рисунки формъ и Собственноручно сдѣлать нѣкоторыя измѣненія, «состоящія въ томъ, чтобы шинель и укороченное пальто (кафтанъ) были не чернаго сукна, какъ было первоначально проектировано, а *темносиняго*, и чтобы мерлушковая шапка у всѣхъ, безъ исключенія, чиновъ была *съ суконнымъ* донышкомъ.[1] По поводу доклада Танѣева о сохраненіи плечевыхъ знаковъ, присвоенныхъ воспитанникамъ нѣкоторыхъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній гражданскаго Вѣдомства, Государю угодно было начертать: «Оставить плечевые знаки воспитанникамъ заведеній, которымъ присвоены они, а проч. не нужно».[2] Наконецъ въ Собственной Его Величества Канцеляріи былъ составленъ сводъ изданныхъ въ разное время правилъ относительно ношенія гражданской формы. Во всемъ этомъ сказалась любовь къ строгому порядку, которая была отличительной чертой Императора Александра III.

Еще при Императорѣ Александрѣ II Собственная Его Величества Канцелярія сдѣлалась мѣстомъ средоточія всѣхъ данныхъ, касающихся службы Статсъ-Секретарей Его Императорскаго Величества. Пожалованія этимъ званіемъ въ царствованіе Императора Александра III были немногочисленны: до 1888 года удостоились его только одиннадцать лицъ. Относительно Статсъ-Секретарей состоялись слѣдующія Высочайшія повелѣнія, объявленныя С. А. Танѣевымъ: 4 апрѣля 1881 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы Статсъ-Секретари, пожалованные въ это званіе въ минувшее царствованіе,

---

[1] Арх. С. Е. В. Канц., «Всеподданнѣйшій докладъ по Собственной Вашего Императорскаго Величества Канцеляріи съ 1881—1888 гг.»

[2] Тамъ же.

продолжали носить статсъ-секретарскіе знаки съ вензелевымъ изображеніемъ Имени въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра II; 1 апрѣля 1882 года повелѣно было, чтобы Статсъ-Секретари, отъѣзжающіе въ отпускъ по болѣзни или домашнимъ обстоятельствамъ, не являясь къ Его Величеству ни при отъѣздѣ, ни по возвращеніи, когда отпускъ взятъ на два мѣсяца; а при болѣе продолжительномъ отсутствіи они должны являться только по возвращеніи; командированные же по дѣламъ службы представлялись бы какъ при отправленіи, такъ и по возвращеніи. 27 февраля 1883 года Государь Императоръ изволилъ повелѣть Статсъ-Секретарю С. А. Танѣеву сообщить другимъ Статсъ-Секретарямъ, что они на время торжества священнаго коронованія приглашаются прибыть въ Москву, если собственныя ихъ дѣла и обстоятельства не препятствуютъ этому. 18 мая 1884 года С. А. Танѣевъ объявилъ всѣмъ Статсъ-Секретарямъ слѣдующее Высочайшее повелѣніе: «Государь Императоръ Высочайше соизволилъ повелѣть, впредь до изданія установленнымъ порядкомъ общаго для всѣхъ должностныхъ лицъ закона о несовмѣстимости государственной службы съ занятіями въ акціонерныхъ, промышленныхъ, торговыхъ и кредитныхъ обществахъ и товариществахъ, объявить, между прочимъ, всѣмъ Статсъ-Секретарямъ Его Величества: а., что Его Императорскому Величеству не благоугодно, чтобы сіи высшія должностныя лица занимали какія бы то ни было должности въ правленіяхъ и совѣтахъ акціонерныхъ, промышленныхъ, торговыхъ и кредитныхъ обществъ и товариществъ; при чемъ тѣ изъ нихъ, которыя занимаютъ нынѣ указанныя выше должности, имѣютъ сохранить таковыя впредь до избранія на ихъ мѣсто другихъ лицъ въ первомъ, по уставамъ подлежащихъ обществъ, для сего положенномъ общемъ собраніи, и б., что Его Величеству, равнымъ образомъ, не благоугодно, чтобы поименованныя лица участвовали въ учрежденіи означенныхъ обществъ и товариществъ, кромѣ впрочемъ обществъ и товариществъ, предметъ дѣятельности которыхъ ограничивался бы исключительно обработкою на мѣстѣ сельско-хозяйственныхъ произведеній принадлежащихъ тѣмъ лицамъ имѣній и эксплоатаціею минеральныхъ богатствъ въ тѣхъ же имѣ-

Лист №.

Краткій
наградный списокъ

по Россійскому Обществу Краснаго Кре-
ста, состоящему подъ Высочайшимъ
Ея Императорскаго Величества
покровительствомъ.

Испрашиваемая награда.

Орденъ Св Станислава 2ой степени.

Должность, чинъ, званіе, имя и фамилія; знаки отличія.	Съ какого времени.		Классъ должности.	Когда и какую получилъ послѣднюю награду.	Къ чему представляется.	
	Въ чинѣ.	Въ должности.				
Смотритель С. Петербургскаго Рождественскаго бараннаго лазарета въ память почившей въ Бозѣ Государыни Императрицы Маріи Александровны, отставной Губернскій Секретарь Петръ Подберезскій. Имѣетъ Орденъ Св. Станислава 3ей ст.	Съ 11го Января 1868 г.	Съ 15го Іюня 1878 г.	—	15го Мая 1883 г. Орденъ Св. Станислава 3ей ст.	Къ Ордену Св. Станислава 2ой ст. онъ правимъ.	Статскій Секретарь Подберезскій Статскій, 21 Декабря 1886 года.

ніяхъ».[1] 9 февраля 1885 года былъ, съ Высочайшаго соизволенія, установленъ знакъ для ношенія Статсъ-Секретарями, пожалованными при Императорѣ Александрѣ III съ вензелевымъ изображеніемъ Имени Его Императорскаго Величества, которое было установлено для ношенія на погонахъ и эполетахъ генералъ-адъютантами приказомъ по военному Вѣдомству отъ 19 марта 1883 года.[2]

На основаніи Высочайшаго повелѣнія отъ 16 января 1887 года въ Собственной Его Величества Канцеляріи были собраны точныя свѣдѣнія о служебной дѣятельности Министровъ и Главноуправляющихъ отдѣльными частями, по поводу чего и было сдѣлано надлежащее сношеніе о доставленіи въ Канцелярію ихъ формулярныхъ списковъ, а равно и дополнительныхъ свѣдѣній о могущихъ произойти въ нихъ перемѣнахъ.[3] На основаніи этихъ данныхъ Собственная Его Величества Канцелярія стала подносить Государю, по мѣрѣ происходящихъ перемѣнъ, особые списки Министровъ и Главноуправляющихъ отдѣльными частями.

Особенно многочисленный разрядъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ Собственной Его Величества Канцеляріи, составили дѣла благотворительныхъ и общеполезныхъ учрежденій, не входившихъ въ составъ какого-либо опредѣленнаго Вѣдомства. Обезпеченіе правильнаго разрѣшенія этихъ дѣлъ потребовало особыхъ заботъ о приведеніи въ порядокъ представленій къ наградамъ лицъ, служащихъ въ названныхъ учрежденіяхъ. 27 апрѣля 1881 года Государь соизволилъ повелѣть, чтобы впредь, при испрошеніи наградъ по благотворительнымъ и общеполезнымъ обществамъ, тщательно былъ наблюдаемъ установленный порядокъ постепенности, за исключеніемъ лишь случаевъ чрезвычайныхъ, дающихъ право на особое отличіе и поощреніе. Сильно затрудняло Собственную Его Величества Канце-

[1] С. Е. В. Канц., «Исходящій журналъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи за 1884 г.»

[2] Арх. С. Е. В. Канц., «Всеподданнѣйшій докладъ по Собственной Вашего Императорскаго Величества Канцеляріи съ 1881—1888 гг.»

[3] Тамъ же.

лярію обыкновеніе благотворительныхъ обществъ дѣлать представленіе къ наградамъ безъ приложенія требуемыхъ закономъ пояснительныхъ документовъ. Такъ какъ лица, руководившія этими обществами, имѣли очень недостаточное знакомство съ наградными правилами, то Управляющій Собственной Его Величества Канцеляріей счелъ нужнымъ составить въ Канцеляріи сводъ главныхъ наградныхъ правилъ и разослать ихъ для руководства. 24 февраля 1883 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе, установившее слѣдующія правила, касающіяся дѣлопроизводства по наградамъ такого рода: «1., чтобы всѣ Управленія и Канцеляріи благотворительныхъ и общеполезныхъ учрежденій въ своихъ сношеніяхъ съ прочими вѣдомствами и отдѣльными Управленіями, а также съ мѣстными Губернаторами, купеческими и ремесленными управами, по предмету доставленія свѣдѣній о неимѣніи препятствій къ испрошенію награжденій, всегда сообщали имъ съ точностію, какія именно награды предположено испросить представляемымъ къ нимъ лицамъ; 2., чтобы, вмѣстѣ съ тѣмъ, означенныя Управленія и Канцеляріи просили подлежащія вѣдомства, а равно начальниковъ губерній, о присовокупленіи, въ отвѣтныхъ своихъ отзывахъ, ближайшихъ свѣдѣній и указаній, не представлено ли уже данное лицо къ предположенной для испрошенія наградѣ за предыдущую его службу въ томъ или другомъ вѣдомствѣ, или за исполненіе въ одномъ изъ нихъ какихъ либо порученій и командировокъ и 3., чтобы отъ купеческихъ и ремесленныхъ управъ, на кои возложена обязанность веденія списковъ о купцахъ и ремесленникахъ, требовались свѣдѣнія о томъ, не состоитъ ли представляемое къ наградѣ лицо купеческаго и ремесленнаго званія членомъ или сотрудникомъ еще въ какомъ либо благотворительномъ или общеполезномъ учрежденіи, не сдѣлало ли оно какихъ либо пожертвованій, или не производило ли построекъ церковныхъ, городскихъ или общественныхъ, и не представлено ли за оныя къ наградѣ, и къ какой именно».[1] Наконецъ 24 марта 1883 года при Собственной Его Величества Канцеляріи основана была подъ предсѣдательствомъ

[1] Арх. С. Е. В. Канц., «Всеподданнѣйшій докладъ по Собственной Вашего Императорскаго Величества Канцеляріи съ 1881—1888 гг.»

Статсъ-Секретаря С. А. Танѣева особая постоянная наградная комиссія для разсмотрѣнія наградныхъ представленій по благотворительнымъ обществамъ и другимъ общеполезнымъ учрежденіямъ, не подвѣдомственнымъ какому-нибудь опредѣленному государственному учрежденію. Въ составъ этой комиссіи вошли: Статсъ-Секретарь Реннекампфъ, генералъ отъ инфантеріи Гедеоновъ и тайные совѣтники Оомъ и Ермаковъ.[1]

Со времени учрежденія постоянной наградной комиссіи послѣдовало нѣсколько Высочайшихъ повелѣній по наградной части, «имѣвшихъ предметомъ возвышеніе значенія и пользы государственной службы». Изъ нихъ заслуживаетъ особаго вниманія послѣдовавшее 22 ноября 1885 года воспрещеніе благотворительнымъ учрежденіямъ «представлять къ наградамъ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ въ правительственныхъ установленіяхъ, за услуги, оказанныя таковыми лицами вышеозначеннымъ учрежденіямъ», съ изъятіемъ, однако, изъ этого ограничительнаго правила «тѣхъ служащихъ въ благотворительныхъ учрежденіяхъ лицъ, которыя состоятъ въ оныхъ на службѣ по опредѣленію правительства».[2]

Кромѣ наградныхъ дѣлъ по благотворительнымъ учрежденіямъ, не входящимъ въ составъ опредѣленнаго Вѣдомства, чрезъ Собственную Его Императорскаго Величества Канцелярію восходили и другія представленія на Высочайшее Имя, касавшіяся интересовъ этихъ учрежденій. С. А. Танѣевъ докладывалъ Государю въ 1888 году: «До введенія сего порядка, большинство учрежденій изъ числа благотворительныхъ и общеполезныхъ не имѣло предъ собою, такъ сказать, опредѣленнаго пути для вознесенія всеподданнѣйшихъ представленій, не смотря на то, что они, по своему административно-іерархическому положенію, пользовались нѣкоторою долею самостоятельности. Съ другой стороны, самое дѣлопроизводство по такого рода представле-

[1] С. Е. В. Канц., «Исходящій журналъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи за 1883 г.»

[2] Арх. С. Е. В. Канц., «Всеподданнѣйшій докладъ по Собственной Вашего Императорскаго Величества Канцеляріи съ 1881—1888 гг.»

ніямъ, въ виду многочисленности упомянутыхъ, вполнѣ разрозненныхъ учрежденій и замкнутаго характера ихъ внутренняго быта, лишено было должнаго единства, въ особенности со стороны предварительной разработки дѣлъ. Между тѣмъ, разрѣшеніе возникающихъ по отдѣльнымъ учрежденіямъ вопросовъ, часто весьма схожихъ между собою, всегда нуждалось и нуждается, прежде всего, въ строгомъ и точномъ сообразованіи съ тѣми Монаршими указаніями, которыя преподаны по представленіямъ однороднаго съ ними свойства». Среди этихъ учрежденій занимали главное мѣсто учрежденія просвѣщеннаго филантропа Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, въ особенности же Покровская Община сестеръ милосердія, учрежденная Великой Княгиней Александрой Петровной. Уже 8 мая 1878 года, согласно желанію Августѣйшей Основательницы, послѣдовало Высочайшее повелѣніе, чтобы въ I-мъ Отдѣленіи Собственной Его Величества Канцеляріи сосредоточены были, вообще, всѣ оффиціальныя свѣдѣнія и переписка о личномъ составѣ означенной Общины.[1] При Общинѣ былъ учрежденъ безплатный родильный пріютъ, для обученія въ немъ повивальному искусству слушательницъ медицинскаго курса въ училищѣ Общины. Въ сентябрѣ 1881 года послѣдовалъ первый выпускъ слушательницъ, сдавшихъ весьма удовлетворительно экзаменъ по теоретическому и практическому акушерству, вслѣдствіе чего изъ многихъ земствъ поступили ходатайства о присылкѣ этихъ слушательницъ въ провинцію на выгодныхъ для нихъ условіяхъ. Расширеніе этого полезнаго учрежденія осложнило дѣлопроизводство о немъ въ Собственной Его Величества Канцеляріи. Пересмотръ устава Покровской Общины, равно какъ и дѣтскаго пріюта Принца Ольденбургскаго, заставилъ Управляющаго Собственной Его Величества Канцеляріей ходатайствовать предъ Его Императорскимъ Величествомъ объ основаніи для этой цѣли особой постоянной комиссіи при Собственной Его Величества Канцеляріи, по образцу наградной.

[1] С. Е. В. Канц., «Исходящій журналъ I Отд. Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи за 1881 г.»

11 января 1888 года на это ходатайство послѣдовало Высочайшее соизволеніе.

Въ Собственную Его Величества Канцелярію продолжали поступать: 1) третныя вѣдомости о дѣлахъ, производящихся въ Гражданскихъ Департаментахъ Правительствующаго Сената, и о дѣлахъ административныхъ, поручаемыхъ подлежащимъ Министерствамъ, и 2) полугодовыя вѣдомости о дѣлахъ уголовныхъ, на предыдущее движеніе коихъ уже было обращено Высочайшее вниманіе, а также вѣдомости о положеніи дѣлъ, по коимъ подсудимые находятся въ заключеніи болѣе двухъ лѣтъ и по коимъ вовсе еще не послѣдовало Высочайшихъ повелѣній. 25 мая 1881 года Государю Императору благоугодно было повелѣть Статсъ-Секретарю С. А. Танѣеву, чтобы выписки изъ этихъ вѣдомостей объ обнаруженныхъ замедленіяхъ по уголовнымъ и арестантскимъ дѣламъ прямо были препровождаемы отъ Высочайшаго Имени къ Министру Юстиціи, для соотвѣтственныхъ съ его стороны распоряженій.

Въ числѣ дѣлъ Собственной Его Величества Канцеляріи за указанное время заслуживаетъ упоминанія негласное дѣлопроизводство по поступающимъ просьбамъ о пособіяхъ. Во всеподданнѣйшемъ докладѣ 1888 года Государю Императору С. А. Танѣевъ пишетъ: «Согласно установленному порядку, собираемыя по симъ ходатайствамъ свѣдѣнія о просителяхъ соображаются съ приводимыми въ просьбахъ основаніями, а за тѣмъ, по мѣрѣ накопленія таковыхъ просьбъ, составляются списки просителямъ съ краткимъ описаніемъ затруднительнаго ихъ положенія, какъ-то многосемейности, неимѣнія средствъ къ жизни, неспособности къ труду по болѣзни, или преклоннымъ лѣтамъ, и тѣхъ несчастныхъ обстоятельствъ, въ коихъ находятся просители. Руководствуясь таковыми данными, я назначалъ, за истекшія 7 лѣтъ, по спискамъ пособія и, на основаніи сихъ назначеній, выдаваемы были предписанія о зачисленіи назначенныхъ пособій въ дѣйствительный расходъ, о чемъ я имѣлъ счастье доводить до Высочайшаго Вашего Величества свѣдѣнія во всеподданнѣйшихъ моихъ запискахъ о состояніи суммъ Вашего Величества. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда положеніе просителей требо-

вало неотложной помощи, денежныя вспомоществованія были назначаемы и выдаваемы немедленно». Отпускаемыя пособія состояли большей частью изъ мелкихъ выдачъ, отъ 10 до 25 рублей. Такимъ образомъ въ продолженіе первыхъ восьми лѣтъ царствованія Императора Александра III было роздано 12.445 рублей.[1]

21 ноября 1888 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе, чтобы въ Собственной Его Величества Канцеляріи сосредоточивались всѣ данныя, касающіяся службы Министровъ, Главноуправляющихъ и Членовъ Государственнаго Совѣта, какъ это было раньше установлено относительно лицъ, удостоенныхъ званія Статсъ-Секретарей Его Величества.

Однако самымъ важнымъ событіемъ въ исторіи Собственной Его Величества Канцеляріи было возникновеніе при ней особаго Комитета о службѣ чиновъ гражданскаго Вѣдомства и о наградахъ и Инспекторскаго Отдѣла. 7 февраля 1892 года Министромъ Императорскаго Двора и Канцлеромъ Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ орденовъ графомъ Воронцовымъ-Дашковымъ объявлено было Управляющему Собственной Его Величества Канцеляріей Статсъ-Секретарю К. К. Ренненкампфу слѣдующее Высочайшее повелѣніе: «Государю Императору благоугодно было обратить вниманіе на неудовлетворительность существующаго порядка представленій къ Высочайшимъ наградамъ и возложить на меня, съ участіемъ Вашего Высокопревосходительства, выработать проэктъ правилъ о представленіи къ Высочайшимъ наградамъ вообще». При этомъ были указаны замѣченные недостатки въ существующихъ на практикѣ представленіяхъ къ Высочайшимъ наградамъ: «1., Отступленіе отъ существующихъ правилъ награжденія: представленіе къ наградамъ высшимъ помимо низшихъ, представленіе къ такимъ Орденамъ, которыхъ нельзя испрашивать въ данномъ классѣ должности, или такихъ чиновниковъ, которымъ по чину еще вовсе нельзя назначать Орденовъ. Отступленіе отъ существующей нормы наградъ и т. п.

[1] Арх. С. Е. В. Канц., «Всеподданнѣйшій докладъ по Собственной Вашего Императорскаго Величества Канцеляріи съ 1881—1888 гг.»

2., Разнообразіе въ оцѣнкѣ заслугъ со стороны Министровъ, что зависитъ отъ разнообразія взгляда ихъ на дѣятельность подчиненныхъ имъ учрежденій, напр. въ одномъ вѣдомствѣ представляютъ къ наградамъ, въ особенности высшимъ, крайне щедро, минуя промежуточныя, а въ другомъ—слѣдуютъ строгой постепенности, такъ что является какъ бы привиллегированное положеніе извѣстныхъ вѣдомствъ, вовсе не вытекающее изъ характера служебной заслуги вообще. 3., Отдѣльныя представленія къ Высочайшимъ наградамъ, поступающія по разнымъ вѣдомствамъ, не проходя предварительно чрезъ какую-либо провѣрку, требуютъ непосредственнаго личнаго разсмотрѣнія ихъ Его Императорскимъ Величествомъ, чѣмъ составляютъ излишнее обремененіе Высочайшей власти». Въ результатѣ совѣщаній между Министромъ Двора и Управляющимъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріей послѣдовалъ докладъ Его Императорскому Величеству графа Воронцова-Дашкова и Статсъ-Секретаря Ренненкампфа 23 февраля 1892 года. Въ докладѣ этомъ сначала исчислялись виды Высочайшихъ наградъ: «Высочайшія награды, къ которымъ за отличіе по службѣ могутъ быть представляемы служащіе, суть: 1., Высочайшія благоволенія; 2., Чины; 3., Ордена; 4., аренды и земли; и 5., подарки отъ Имени Вашего Величества (ст. 662 Т. III Св. Зак. Гражд. изд. 1876 г.)». Государь подчеркнулъ слово «земли» краснымъ карандашомъ и написалъ на поляхъ: «больше нѣтъ». Затѣмъ въ докладѣ указывалось на разнообразіе въ порядкѣ представленія къ наградамъ: «Представленія къ награжденію Орденами, исключая заслугъ и достоинствъ лично извѣстныхъ Вашему Императорскому Величеству, согласно ст. 172 Учр. Орд. изд. 1876 г., восходятъ нынѣ на Высочайшее усмотрѣніе: 1., *Чрезъ Кавалерскія Думы* (награды Орденами по Статутамъ). 2., *Чрезъ Комитетъ Министровъ* (награды гражданскихъ чиновниковъ за службу, а равно и другихъ лицъ—за отличія неслужебныя Орденами, въ порядкѣ постепенности, не выше Ордена Св. Анны 2 степени, а также медалями). 3., *Непосредственно чрезъ Министровъ и Главноуправляющихъ* награды гражданскихъ чиновниковъ Орденами первыхъ степеней, а равно и военныхъ чиновъ, состоящихъ на службѣ въ другихъ вѣдом-

ствахъ, Орденами всѣхъ степеней. Кромѣ того къ сему же порядку представленія относится и удостоеніе Орденомъ Св. Владиміра, который, какъ изъятый изъ порядка постепенности Орденовъ, хотя и жалуется по Собственному усмотрѣнію Вашего Величества, но Министрамъ и Главноуправляющимъ дозволяется вносить представленія о наградѣ симъ Орденомъ, не выходя изъ общей нормы наградъ (ст. 169 Учр. Орд.). Равно тѣ же лица представляютъ и о награжденіи медалями. Изъ дѣлъ Капитула Орденовъ видно, что наибольшее число наградъ по Орденамъ испрашивается сими двумя послѣдними способами, т. е. чрезъ Министровъ и чрезъ Комитетъ Министровъ, на долю же Статутныхъ наградъ приходится около $^1/_8$ части всего числа жалуемыхъ Орденовъ. Что касается прочихъ наградъ, то, за исключеніемъ Высочайшихъ благоволеній и награжденія землями (каковыя зависятъ, согласно 686 и 694 ст. Т. III Свод. Зак. Гражд., отъ непосредственнаго усмотрѣнія Вашего Величества), всѣ представленія къ инымъ наградамъ, т. е. чинамъ за отличіе, подаркамъ и арендамъ, восходятъ на Монаршее воззрѣніе: 1., *Чрезъ Комитетъ Министровъ*—о гражданскихъ чиновникахъ, награждаемыхъ по правиламъ Устава о службѣ гражданской (675 ст. Т. III Свод. Зак. Гражд. по продолж. 1886 года). 2., *Чрезъ Министровъ и Главноуправляющихъ*—о всѣхъ служащихъ, награждаемыхъ *внѣ правилъ*, а также о представляемыхъ къ чинамъ выше Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника (ст. 679 Уст. о службѣ Т. III Св. Зак. Гражд. изд. 1876 г.). Кромѣ того награды какъ чинами, такъ и Орденами и медалями подносятся на Высочайшее усмотрѣніе и чрезъ Управляющаго Собственною Вашего Императорскаго Величества Канцеляріею, а именно: ходатайства Высочайшихъ Особъ и представителей разныхъ благотворительныхъ Обществъ и Общественныхъ Учрежденій о награжденіи служащихъ въ покровительствуемыхъ ими заведеніяхъ, которыя не состоятъ въ прямомъ вѣдѣніи Министра Внутреннихъ Дѣлъ и другихъ отдѣльныхъ вѣдомствъ (2 примѣч. къ ст. 667 Т. III по продолж. 1883 г.)». Изъ этого усматривались слѣдующія неудобства: «а) *Обремененіе Высочайшей власти разсмотрѣніемъ представленій къ награжденію орденами первыхъ степеней, орде-*

23 Декабря 1893 г.
Батюшкова

Съ Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества соизволенія, имѣю честь всеподданнѣйше представить при семъ справку, касающуюся учрежденія и упраздненія Инспекторскаго Департамента гражданскаго вѣдомства.

Статсъ Секретарь Семякинъ

16

22 „ Декабря 1893 г.

комъ Св. Владиміра, высшими гражданскими чинами, а также иными наградами, внѣ правилъ назначаемыми, такъ какъ подобныя представленія восходятъ къ Его Величеству непосредственно, не пройдя предварительно чрезъ коллегію, которая разсматривала бы вопросъ о соблюденіи въ каждомъ данномъ случаѣ наградныхъ правилъ и входила бы въ ближайшую оцѣнку заслугъ представляемыхъ къ наградамъ лицъ. б) *Разбросанность представленій по разнымъ вѣдомствамъ* (каждое Министерство въ отдѣльности, Собственная Его Величества Канцелярія, Комитетъ Министровъ), затрудняющая возможность предупреждать случаи уклоненія отъ установленныхъ наградныхъ нормъ по каждому вѣдомству. в) *Отступленія отъ существующихъ правилъ о наградахъ,* какъ-то: представленія къ орденамъ высшимъ противъ тѣхъ, кои представляемое лицо имѣло бы право получить по закону, удостоенія къ орденамъ тѣхъ, которые по чину или классу должности вовсе еще не могутъ быть жалуемы орденомъ; несоблюденіе при представленіи къ наградамъ установленныхъ сроковъ. г) *Отступленія отъ предписаннаго закономъ порядка представленія къ наградамъ,* которыя выражаются, напримѣръ, въ томъ, что Министры и Главноуправляющіе, вопреки существующему закону (4 п. 26 ст. Учр. Комит. Министр. изд. 1886 г.), входятъ съ непосредственнымъ къ Его Величеству докладомъ не только о награжденіи внѣ правилъ и высшими орденами и чинами, какъ это разрѣшено 679 ст. Т. III Свод. Зак., но и о награжденіи такими орденами и чинами, представленія о которыхъ подлежатъ по закону внесенію въ Комитетъ Министровъ; и д) *Разнообразіе въ оцѣнкѣ заслугъ со стороны Министровъ, въ зависимости отъ разнообразія взгляда ихъ на дѣятельность подвѣдомственнаго Учрежденія»,* на что уже было указано въ обращеніи графа Воронцова-Дашкова къ Статсъ-Секретарю Ренненкампфу. Для прекращенія такого безпорядка въ докладѣ предполагалось сосредоточить въ одномъ Комитетѣ всѣ наградныя дѣла, кромѣ тѣхъ, которыя касаются несостоящихъ на службѣ иностранцевъ, духовенства и лицъ, служащихъ въ военномъ и морскомъ Министерствахъ. Противъ этихъ словъ Государь изволилъ начертать: «Только о гражданскихъ чинахъ, а военные черезъ Командующаго Император-

ской Квартирой». Комитетъ этотъ долженъ былъ состоять изъ предсѣдателя и пяти членовъ, назначаемыхъ Именными указами по усмотрѣнію Его Императорскаго Величества. Сюда должны были поступать всѣ представленія Министровъ и Главноуправляющихъ отдѣльными частями о награжденіи чиновниковъ. Прежняя наградная комиссія при Собственной Его Величества Канцеляріи подлежала упраздненію. Въ заключеніе доклада говорилось: «Дѣлопроизводство по проэктируемому Комитету можетъ быть возложено или на Собственную Вашего Императорскаго Величества Канцелярію, или на Капитулъ Орденовъ». Противъ этого Государь изволилъ начертать: «въ моей Канцеляріи».[1]

27 февраля послѣдовалъ указъ Сенату, положившій начало проектируемому Комитету, съ тѣмъ только измѣненіемъ, что въ составъ его вошли: Предсѣдатель—Канцлеръ Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ орденовъ графъ Воронцовъ-Дашковъ, Управляющій Собственной Его Величества Канцеляріей Статсъ-Секретарь К. К. Ренненкампфъ и *четыре* члена: Сенаторъ, генералъ-отъ-инфантеріи Гедеоновъ, Членъ Государственнаго Совѣта, генералъ-адъютантъ Розенбахъ, Управляющій дѣлами Капитула орденовъ Пановъ и въ званіи камергера Высочайшаго Двора А. С. Танѣевъ, занимавшій должность помощника Управляющаго Собственной Его Величества Канцеляріей; эту должность Государь призналъ тогда же нужнымъ учредить. Государю Императору угодно было Всемилостивѣйше повелѣть, чтобы въ Комитетѣ, за отсутствіемъ Канцлера Россійскихъ орденовъ, предсѣдательствовалъ Управляющій Собственной Его Величества Канцеляріей.

Въ указѣ, положившемъ начало Комитету, значится: «Всѣ представленія о награжденіи, какъ по правиламъ, такъ и внѣ правилъ, чинами за отличіе, орденами и медалями, Нашими благоволѣніями и подарками вносятся Министрами и Главноуправляющими Отдѣльными частями въ упомянутый Комитетъ. Нынѣ существующій порядокъ пред-

[1] С. Е. В. Канц., дѣло № 17, 1892 г., «Комитетъ для разсмотрѣнія представленій къ Высочайшимъ наградамъ», лл. 1—7.

ставленія къ наградамъ сохраняется лишь въ отношеніи пожалованія орденовъ по статутамъ, арендъ, а также награжденія: а, лицъ духовнаго сана, б, лицъ военнаго и морскаго званій, состоящихъ на дѣйствительной службѣ въ военномъ или морскомъ вѣдомствахъ, и в, иностранцевъ, не находящихся на службѣ въ Россіи...; съ учрежденіемъ нынѣ образуемаго Комитета: а, отмѣняется порядокъ представленій къ наградамъ чрезъ Комитетъ Министровъ, и б, упраздняется постоянная Наградная Комиссія, состоящая при Собственной Нашей Канцеляріи, съ тѣмъ, однако, чтобы ходатайства Высочайшихъ Особъ и представителей разныхъ благотворительныхъ Обществъ и общеполезныхъ учрежденій о награжденіи служащихъ въ подвѣдомственныхъ имъ заведеніяхъ, которыя не находятся въ прямомъ вѣдѣніи ни Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, ни другихъ отдѣльныхъ вѣдомствъ, поступали по прежнему къ Управляющему Собственною Нашею Канцеляріею, который вноситъ означенныя ходатайства въ Комитетъ для разсмотрѣнія представленій къ Высочайшимъ наградамъ». По этому поводу Предсѣдатель Комитета Министровъ Н. Х. Бунге обратился къ Предсѣдателю вновь учрежденнаго Комитета съ письмомъ, въ которомъ просилъ испросить Высочайшія указанія о порядкѣ дальнѣйшаго направленія неупомянутыхъ въ указѣ представленій, вносившихся въ Комитетъ Министровъ до настоящаго времени Министрами и Главноуправляющими отдѣльными частями и имѣющихъ также характеръ наградъ за служебныя и неслужебныя отличія, а именно: 1) предоставленіе правъ государственной службы лицамъ, этими правами не пользующимся, 2) зачетъ въ таковую службу времени частныхъ занятій въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, 3) несчитаніе судимости препятствіемъ къ наградамъ и другимъ служебнымъ преимуществамъ, 4) пожалованіе личнаго и потомственнаго почетнаго гражданства 5) выдача денежныхъ наградъ и 6) награжденіе почетными кафтанами.

По докладу графа Воронцова-Дашкова Государю угодно было повелѣть дѣла эти передать во вновь учрежденный Комитетъ (5 марта 1892 года). На него же по Высочайшему повелѣнію было возложено

составленіе дополнительныхъ правилъ о наградахъ, которыя и воспріяли дѣйствіе съ 9 іюля 1892 года.

21 декабря 1892 года Государь изволилъ приказать: при журналахъ наградного Комитета прилагать на небольшомъ особомъ листкѣ записку о лицахъ, представляемыхъ къ орденамъ 1-хъ степеней. (Это Высочайшее повелѣніе записано рукою Министра Императорскаго Двора на листкѣ бумаги съ помѣткой «Гатчина»).

18 мая 1893 года генералъ-адъютантъ графъ Воронцовъ-Дашковъ и Управляющій Собственной Его Величества Канцеляріей обратились къ Его Величеству со слѣдующимъ ходатайствомъ: «Изъ числа членовъ Комитета для разсмотрѣнія представленій къ Высочайшимъ наградамъ нѣкоторые участвуютъ въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ и пользуются вакантнымъ временемъ. Вслѣдствіе сего казалось бы желательнымъ озаботиться усиленіемъ состава Комитета, хотя бы однимъ членомъ. Независимо отъ означеннаго повода, представлялось бы полезнымъ привлечь къ занятіямъ Комитета, въ качествѣ члена, Герольдмейстера Департамента Герольдіи Правительствующаго Сената,[1] какъ лица, по свойству занимаемой имъ должности, близко знакомаго съ чинопроизводствомъ и другими вопросами, касающимися формальныхъ условій гражданской службы и также имѣющими тѣсную связь съ наградным дѣломъ». На ходатайство это воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе. Въ маѣ 1894 г. наградной Комитетъ, въ связи съ учрежденіемъ Инспекторскаго Отдѣла, былъ преобразованъ въ Комитетъ о службѣ чиновъ гражданскаго Вѣдомства и о наградахъ. Преобразованію этому предшествовали слѣдующія обстоятельства. Въ концѣ 1893 года Статсъ-Секретарю Ренненкампфу повелѣно было представить Его Величеству докладъ о причинахъ учрежденія и упраздненія Инспекторскаго Департамента Гражданскаго Вѣдомства, что послѣднимъ и было исполнено 22 декабря того же года. Содержаніе этого доклада было слѣдующее: «Инспекторскій Департаментъ Гражданскаго вѣдомства учрежденъ Именнымъ Указомъ, дан-

[1] Должность эту въ то время занималъ г. Непорожневъ.

нымъ Сенату 5-го Сентября 1846 года...[1] На основаніи Высочайше утвержденнаго положенія Инспекторскій Департаментъ состоялъ подъ главнымъ управленіемъ Статсъ-Секретаря, Управлявшаго бывшимъ 1-мъ Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи, изъ Товарища его, который въ то же время былъ Директоромъ Департамента, Вице-Директора, 4-хъ дѣлопроизводителей, 14-ти столоначальниковъ и другихъ младшихъ чиновъ и писцовъ (всего 92-хъ лицъ). Статсъ-Секретарю по завѣдыванію Инспекторскимъ Департаментомъ никакого содержанія присвоено не было (онъ получалъ содержаніе по должности Управляющаго Собственною Канцеляріею Государя). На содержаніе же прочихъ чиновъ Департамента отпускалось изъ Главнаго Казначейства 48.299 рублей въ годъ. Въ завѣдываніе Инспекторскаго Департамента входили всѣ предметы личнаго состава гражданскихъ чиновъ, какъ-то: 1., Опредѣленіе на службу всѣхъ классныхъ чиновниковъ и имѣющихъ право на классный чинъ, 2., производство въ чины, 3., увольненіе вовсе отъ службы классныхъ чиновниковъ, 4., увольненіе въ отпускъ въ такихъ случаяхъ, кои превышаютъ власть, данную Министрамъ, 5., опредѣленіе къ должностямъ, отнесеннымъ по росписанію къ первымъ 6-ти разрядамъ, увольненіе отъ сихъ должностей и перемѣщеніе, 6., переименованіе изъ военныхъ въ гражданскіе чины, 7., принятіе въ Россійскую службу иностранцевъ, давшихъ присягу на вѣчное подданство, 8., исключеніе изъ списковъ выбывающихъ изъ службы чиновниковъ, увольненіемъ отъ оной или смертію, 9., разрѣшеніе носить мундиры въ отставкѣ, 10., содержаніе въ надлежащей полнотѣ формулярныхъ списковъ всѣхъ классныхъ чиновниковъ, 11., веденіе общаго списка всѣмъ состоящимъ въ службѣ класснымъ чиновникамъ, 12., составленіе формулярныхъ списковъ о службѣ лицъ, не имѣющихъ надъ собою высшаго начальства, и 13., наряды чиновниковъ на церемоніи. О всѣхъ перемѣнахъ въ составѣ гражданскихъ чиновъ объявлялось въ Высочайшихъ Приказахъ. Упраздненіе Инспекторскаго Департамента гражданскаго вѣдомства послѣдовало по Имен-

[1] Пропущено содержаніе указа, приведенное въ своемъ мѣстѣ.

ному Указу, данному Сенату 6 Іюня 1858 г. Въ Указѣ этомъ было изложено, что со времени учрежденія Департамента послѣдовали разныя измѣненія въ постановленіяхъ о службѣ гражданской и, послѣ допущенныхъ Указомъ 28 Января 1852 года о сокращеніи переписки облегченій, а въ особенности съ изданія Указа 9 Декабря 1856 года, коимъ установлены одинакія для всѣхъ состоящихъ въ гражданской службѣ сроки на производство въ чины, самый порядокъ производства дѣлъ по завѣдыванію гражданскими чинами значительно упростился. Вслѣдствіе сего, признавая, что обязанности, на Инспекторскій Департаментъ Гражданскаго вѣдомства возложенныя, въ настоящее время могутъ быть безъ затрудненія распредѣлены между надлежащими начальствами, съ установленіемъ вмѣстѣ съ тѣмъ и новаго порядка о производствѣ за выслугу лѣтъ, утвержденія въ чинахъ и переименованія въ чины,—Повелѣваемъ Инспекторскій Департаментъ Гражданскаго вѣдомства упразднить и возложенныя на него обязанности распредѣлить между подлежащими начальствами».

На этомъ докладѣ Государю Императору благоугодно было начертать слѣдующую резолюцію.

«Весьма жаль, что Департаментъ былъ упраздненъ, много болѣе порядка было-бы теперь».

Затѣмъ Государь повелѣлъ, чтобы вопросъ о возстановленіи Инспекторскаго Департамента подвергся всестороннему обсужденію въ комиссіи, образованной подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта графа Воронцова-Дашкова, съ участіемъ Статсъ-Секретаря Ренненкампфа, Статсъ-Секретаря Фриша, Герольдмейстера дѣйствительнаго статскаго совѣтника Непорожнева и камергера А. С. Танѣева съ возложеніемъ на послѣдняго и обязанностей дѣлопроизводителя. Результатомъ этого совѣщанія былъ всеподданнѣйшій докладъ, представленный комиссіей на Высочайшее усмотрѣніе 6 мая 1894 года. По мнѣнію комиссіи, необходимость сосредоточенія дѣлъ, касающихся личнаго состава чиновъ гражданскаго Вѣдомства, въ одномъ учрежденіи вызывалась «разнообразіемъ во взглядахъ и въ способахъ примѣненія дѣйствующихъ законоположеній относительно опредѣленія въ службу и къ должностямъ.

Весьма естественно, что при этихъ условіяхъ допускаемы бываютъ отступленія отъ общеустановленнаго порядка, которыя до извѣстной степени ослабляютъ значеніе и достоинство чина и должности, предоставляемыхъ на службѣ государственной въ отличіе отъ всякой другой общественной дѣятельности».

Комиссія находила необходимымъ сохранить за подлежащими начальствами, коимъ по закону предоставлено замѣщеніе подчиненныхъ имъ должностей, неотъемлемо имъ принадлежащее право назначать на должности тѣхъ лицъ, кои, по ихъ усмотрѣнію и выбору, признавались бы ими наиболѣе для сего пригодными. Равнымъ образомъ комиссіи казалось необходимымъ допустить, чтобы относительно предположеній о назначеніи такихъ лицъ, которыя опредѣляются Высочайшею властью, Министры и Главноуправляющіе входили и впредь предварительно со всеподданнѣйшими докладами, поднося на Высочайшее благоусмотрѣніе списокъ намѣченныхъ ими кандидатовъ. Но оставляя, такимъ образомъ, назначенія на должности, по существу, всецѣло на отвѣтственности подлежащихъ Начальствъ, комиссія полагала желательнымъ установить, чтобы вообще предположенія о назначеніяхъ вносимы были въ Собственную Его Величества Канцелярію для разсмотрѣнія вопроса *о соотвѣтствіи предположеннаго назначенія* съ установленными для данной должности требованіями закона. А такъ какъ ненарушимость постановленій о службѣ гражданской достижима лишь при условіи соблюденія должнаго единообразія, то комиссія находила необходимымъ, чтобы провѣрка *формальной стороны* назначеній была сосредоточена въ одномъ центральномъ учрежденіи и чтобы самыя назначенія публикуемы были во всеобщее свѣдѣніе въ одномъ по Имперіи Высочайшемъ приказѣ. «Польза отъ проектируемаго мѣропріятія», значилось въ докладѣ комиссіи, «обнаружилась бы несомнѣнно не только въ отношеніи доставленія фактической возможности для провѣрки чинопроизводства и назначеній, въ соотвѣтствіи съ дѣйствующими законоположеніями, но также и въ томъ, что со временемъ въ архивѣ предполагаемаго центральнаго учрежденія оказались бы собранными возможно полныя и точныя свѣдѣнія о прежней службѣ должностныхъ лицъ, налич-

ность каковыхъ свѣдѣній устраняла бы случаи встрѣчаемыхъ нынѣ нерѣдко недоразумѣній при назначеніяхъ. Съ устройствомъ дѣлопроизводства о службѣ гражданской на изъясненныхъ основаніяхъ, завѣдываніе общимъ составомъ гражданскихъ чиновъ вновь поступило бы, какъ при дѣйствіи Инспекторскаго Департамента, подъ Монаршее руководство. Принявъ въ соображеніе... что... въ Собственной Вашего Величества Канцеляріи оказываются сосредоточенными уже нѣкоторые предметы вѣдомства, однородные съ тѣми, кои предполагалось бы нынѣ сосредоточить въ одномъ центральномъ учрежденіи, Комиссія пришла къ тому заключенію, что и дѣлопроизводство по общему составу гражданскихъ чиновъ могло бы быть возложено на Собственную Вашего Величества Канцелярію, съ тѣмъ, чтобы всѣ представленія по инспекторской части вносимы были на разсмотрѣніе Комитета для представленій къ Высочайшимъ наградамъ, съ переименованіемъ его въ *Комитетъ о службѣ чиновъ гражданскаго вѣдомства и о наградахъ*, и съ соотвѣтственнымъ усиленіемъ личнаго состава Канцеляріи. По мнѣнію Комиссіи, означенный Комитетъ долженъ въ прежнемъ его составѣ находиться подъ предсѣдательствомъ Канцлера Императорскихъ и Царскихъ Орденовъ, который по дѣламъ, имѣющимъ отношеніе до устройства предполагаемаго учрежденія, а равно по другимъ принципіальнымъ вопросамъ, могущимъ возникнуть въ Комитетѣ, имѣетъ входить къ Вашему Императорскому Величеству со всеподданнѣйшими докладами». Въ кругъ дѣятельности возстановляемаго учрежденія должны были войти всѣ служебныя перемѣны, касающіяся лицъ, служащихъ въ гражданскихъ Вѣдомствахъ, а также составленіе Общаго Росписанія классныхъ должностей въ Имперіи, списковъ чинамъ первыхъ четырехъ классовъ, изданіе Адресъ-Календаря, и сообщеніе отзывовъ по возбуждаемымъ въ Министерствахъ и Главныхъ Управленіяхъ вопросамъ и мѣропріятіямъ, касающимся гражданской службы. Противъ заключительныхъ словъ доклада: «повергая всѣ вышеизложенныя предположенія на благоусмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества, комиссія считаетъ долгомъ на случай, если бы означенныя предположенія удостоены были Высочайшаго Вашего Величества утвержденія, испра-

шивать указаній Вашего Величества относительно дальнѣйшаго направленія настоящаго дѣла», Государь изволилъ начертать: «Прямо объявить Указомъ Сенату».

Вслѣдствіе этого, 6 мая 1894 года, былъ объявленъ Сенату Высочайшій указъ, въ которомъ значится: «По упраздненіи Инспекторскаго Департамента, обязанности онаго распредѣлены были между Правительствующимъ Сенатомъ, центральными и губернскими учрежденіями, и такимъ образомъ прекращено было общее наблюденіе за точнымъ исполненіемъ устава о гражданской службѣ и за примѣненіемъ относящихся къ сему предмету постановленій, а потому естественно устранилось и однообразіе въ направленіи дѣлъ, касающихся службы гражданскихъ чиновниковъ. Послѣдствіемъ указанной мѣры, какъ усмотрѣно Нами изъ восходящихъ до Насъ дѣлъ, явился цѣлый рядъ уклоненій отъ дѣйствующихъ правилъ о прохожденіи гражданской службы и такія измѣненія, которыя, находясь въ противорѣчіи съ основными постановленіями законодательства о службѣ, вносятъ въ таковое непредусмотрѣнныя имъ начала. Въ виду всего вышеизложеннаго, Мы признали необходимымъ подчинить непосредственному Нашему руководству и наблюденію всѣ дѣла, касающіяся завѣдыванія гражданскими чинами Имперіи въ полномъ ихъ составѣ, сосредоточивъ дѣлопроизводство по симъ дѣламъ въ Собственной Нашей Канцеляріи, съ тѣмъ, чтобы всѣ представленія по Инспекторской части вносимы были на разсмотрѣніе Комитета для представленій къ Высочайшимъ наградамъ, которому впредь именоваться Комитетомъ о службѣ чиновъ гражданскаго вѣдомства и о наградахъ. Утвердивъ нынѣ препровождаемое при семъ Положеніе о производствѣ дѣлъ по Инспекторской части гражданскаго вѣдомства, а также Штатъ Инспекторскаго Отдѣла Собственной Нашей Канцеляріи, Повелѣваемъ привести его въ дѣйствіе съ 1-го Ноября сего года».

По поводу распубликованнаго при этомъ указѣ Положенія объ инспекторской части Министры Внутреннихъ Дѣлъ, Финансовъ и Юстиціи высказались въ томъ смыслѣ, что Положеніе это вызываетъ рядъ вопросовъ, а именно: «а, объ удовлетвореніи содержаніемъ лицъ,

назначенныхъ Министерскою властью, но впослѣдствіи неутвержденныхъ въ должности Высочайшимъ Приказомъ; б, о зачетѣ этимъ лицамъ на чинопроизводство и на пенсію времени, истекшаго между увольненіемъ ихъ и Высочайшимъ Приказомъ; в, о порядкѣ преданія суду; г, о порядкѣ представленія Комитету требуемыхъ закономъ свѣдѣній; д, о правѣ начальства увольнять чиновниковъ безъ прошеній и о помѣщеніи этихъ распоряженій въ Приказахъ, и е, о томъ, изъемлются ли, съ изданіемъ Положенія, должностныя лица изъ вѣдѣнія подлежащихъ начальствъ?» Всѣ указанные вопросы были разрѣшены Высочайше утвержденными «Дополнительными правилами о производствѣ дѣлъ по Инспекторской части Гражданскаго вѣдомства» (4 іюля 1894 года).[1]

Это было послѣднимъ дѣломъ Императора Александра III по упорядоченію строя гражданской службы: 20 октября 1894 года Царя Миротворца не стало.

Резолюціи Императора Александра III по награднымъ дѣламъ чрезвычайно интересны для характеристики Самого Государя. Строгій къ Себѣ, Онъ проявлялъ мудрую воздержность и въ пожалованіи наградныхъ милостей. Почти на всѣхъ докладахъ значится Его рукою: «по отмѣткамъ». Государь очень часто отмѣчаетъ: «рано» или «совершенно довольно» (низшей награды). На представленіяхъ къ наградамъ внѣ правилъ, Онъ часто пишетъ: «поступить по правиламъ». Однажды Военный Губернаторъ Кронштадта вице-адмиралъ Шварцъ ходатайствовалъ о пожалованіи ордена Св. Станислава третьей степени одному англичанину за услуги, оказанныя имъ Кронштадтскому благотворительному обществу. Комиссія при Собственной Его Величества Канцеляріи обратила вниманіе на то, что англійское правительство не дозволяетъ своимъ подданнымъ, не состоящимъ на государственной службѣ въ иностранныхъ государствахъ, принимать и носить иностранные ордена. Государь положилъ резолюцію: «Англичанамъ разъ

[1] Арх. С. Е. В. Канц., дѣло № 25, 1894 г., «Объ учрежденіи Инспекторскаго Отдѣла и о переименованіи Комитета для разсмотрѣнія представленій къ Высочайшимъ наградамъ въ Комитетъ о службѣ чиновъ гражданскаго вѣдомства и о наградахъ».

навсегда никакихъ орденовъ Я приказалъ не давать».[1] Въ другой разъ Государь изволилъ начертать: «Не нахожу никакой причины давать награды черезъ орденъ внѣ правилъ лицамъ, не несущимъ государственной службы» (за отличія неслужебныя).[2] Одно лицо представлялось къ ордену Св. Станислава второй степени внѣ правилъ за службу по благотворительному обществу,—Императоръ начерталъ: «Св. Анны третьей степени достаточно. Это не государственная служба». Одинъ изъ членовъ общества покровительства животнымъ представлялся къ наградѣ за услуги этому обществу медалью—Государь положилъ резолюцію: «за покровительство животныхъ никакихъ медалей и крестовъ не давать: просто смѣшно за собакъ награждать медалями и крестами». Встрѣчаются очень строгія резолюціи, въ родѣ слѣдующей: «Не даютъ себѣ труда даже прочесть хорошенько правила!» (резолюція относилась къ начальству, представлявшему къ наградѣ). Приведенные примѣры краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о постоянномъ стремленіи Государя къ справедливости, точной оцѣнкѣ наградъ въ соотвѣтствіи съ заслугою и возвышенію значенія государственной службы.

Въ дѣятельности Собственной Его Величества Канцеляріи за время царствованія Императора Александра III заслуживаютъ вниманія и труды по изданію ея драгоцѣннаго архива. Извѣстно, какъ Императоръ Александръ III интересовался прошлымъ родной земли и какъ каждое историческое изысканіе находило въ Немъ самую горячую поддержку. Съ интересомъ относился Онъ и къ изученію историческаго матеріала, находящагося въ архивѣ Собственной Его Величества Канцеляріи. Съ этой цѣлью, 24 марта 1883 года, былъ приглашенъ, съ Высочайшаго соизволенія, тайный совѣтникъ Д. Ѳ. Кобеко; къ сожалѣнію, предсѣдательствованіе его въ двухъ комиссіяхъ Министерства Финансовъ принудило его отказаться отъ этого лестнаго приглашенія. Вслѣдствіе этого 11 января 1888 года былъ допущенъ къ занятіямъ

[1] Арх. С. Е. В. Канц., «Всеподданнѣйшіе доклады съ особыми Высочайшими резолюціями 1880—1886 гг.»

[2] Тамъ же, 29 декабря 1886 г.

въ архивѣ извѣстный русскій историкъ генералъ-маіоръ Н. Ф. Дубровинъ,[1] оставившій неизгладимый слѣдъ въ наукѣ рядомъ замѣчательныхъ трудовъ, относящихся къ новой русской исторіи. Подъ его редакціей вышли двѣнадцать томовъ «Сборника историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи», заключающіе богатый матеріалъ для исторіи прошедшаго столѣтія.

[1] Арх. С. Е. В. Канц., «Всеподданнѣйшій докладъ по Собственной Вашего Императорскаго Величества Канцеляріи съ 1886—1888 гг.»

ГЛАВА 2-я.

Біографія Статсъ-Секретаря Сергѣя Александровича Танѣева.

Сергѣй Александровичъ Танѣевъ, сынъ Статсъ-Секретаря А. С. Танѣева, родился въ 1821 году. Окончивъ блестяще курсъ въ Императорскомъ Училищѣ Правовѣдѣнія, онъ въ іюнѣ 1842 года былъ опредѣленъ въ Канцелярію I Департамента Правительствующаго Сената, а 6 сентября того же года помѣщенъ на вакансію младшаго помощника секретаря. Въ іюлѣ слѣдующаго года ему за усердіе по службѣ объявлена признательность Управляющаго Министерствомъ Юстиціи; 7 февраля 1844 года С. А. Танѣевъ, съ Высочайшаго соизволенія, командированъ къ миссіи нашей въ Неаполѣ, съ оставленіемъ въ Вѣдомствѣ Министерства Юстиціи и съ производствомъ ему изъ Государственнаго Казначейства, сообразно получаемому имъ окладу содержанія, по 343 р. 10 к. въ годъ; 6 апрѣля 1846 года онъ былъ пожалованъ въ званіе камеръ-юнкера Двора Его Императорскаго Величества, а 18 декабря того же года перешелъ старшимъ чиновникомъ въ I Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи, въ которой протекла вся его дальнѣйшая дѣятельность. Онъ быстро сдѣлался ближайшимъ сотрудникомъ своего отца, въ то время Управляющаго Собственной Его Величества Канцеляріей. Послѣ 1858 года престарѣлый Статсъ-

Секретарь вслѣдствіе болѣзни часто бывалъ въ отлучкахъ, и въ такихъ случаяхъ его обыкновенно замѣнялъ сынъ.

Шестидесятые годы прошлаго вѣка, какъ извѣстно, являются эпохою въ исторіи народнаго просвѣщенія въ Россіи. Въ это дѣло пришлось внести свой вкладъ и С. А. Танѣеву. Съ 30 апрѣля 1859 года по 4 сентября 1860 года онъ находился за границей по Высочайше возложенному на него порученію, имѣвшему предметомъ изученіе въ иностранныхъ государствахъ народно-учебнаго устройства; 6 октября 1860 года онъ снова отправился за границу для окончанія Высочайше возложеннаго на него порученія. Порученіе свое С. А. Танѣевъ исполнилъ блестяще, и на докладѣ Министра Народнаго Просвѣщенія о результатахъ его командировки Государь изволилъ начертать: «прошу его благодарить отъ Меня» (28 января 1861 года).

За границей С. А. Танѣевъ остановился преимущественно на изученіи прусской и саксонской народныхъ школъ, что и понятно: извѣстно выраженіе, что въ битвѣ при Садовой побѣдилъ прусскій школьный учитель; точно также Саксонія была классической страною народной школы еще со времени Лютера и его покровителя Фридриха, справедливо названнаго современниками «мудрымъ». Въ результатѣ этихъ занятій С. А. Танѣевъ напечаталъ за границей книгу «Очеркъ народно-учебнаго устройства въ Королевствахъ Прусскомъ и Саксонскомъ» (Лейпцигъ, 1862 г.). Содержаніе этой книги строго фактическое. Самъ авторъ въ предисловіи говоритъ, что онъ воздержался высказывать собственныя сужденія о прусскомъ и саксонскомъ школьномъ законодательствѣ «въ той надеждѣ», что и въ этомъ видѣ трудъ его «окажется не безполезнымъ для тѣхъ изъ нашихъ соотечественниковъ, которые сочувствуютъ духовному развитію народа, которые видятъ въ этомъ святомъ дѣлѣ одну изъ посылокъ той нравственной величины, которая составляетъ народное и государственное благосостояніе». Отношеніе автора къ народной школѣ лучше всего характеризуется словами Роберта Моля, поставленными эпиграфомъ ея: «Die Schule ist eine Einrichtung des geselligen Lebens im Staate und hat sich dem Zwecke der bürgerlichen Gesellschaft zu fügen».

По Высочайшему повелѣнію, объявленному Управляющимъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія А. В. Головнинымъ отъ 30 декабря 1861 года, С. А. Танѣевъ былъ снова командированъ въ Германію, Бельгію, Францію и Швейцарію. Цѣль своей командировки онъ самъ опредѣляетъ такъ: «По всеподданнѣйшему докладу г. Министра Народнаго Просвѣщенія, мнѣ было поручено въ началѣ минувшаго года[1] предпринять поѣздку въ чужіе краи съ цѣлью предъявленія педагогамъ Германіи, Франціи и Бельгіи проектовъ учебныхъ уставовъ, составленныхъ въ виду предполагаемыхъ по сей части преобразованій. Съ тѣмъ вмѣстѣ, мнѣ было вмѣнено въ обязанность сообщить Министерству письменные отзывы тѣхъ изъ иностранныхъ спеціалистовъ, которые бы согласились удовлетворить желанію нашего правительства доставленіемъ ему своихъ мнѣній».[2]

Въ обществѣ ходили упорные слухи, что С. А. Танѣевъ, какъ знатокъ школьнаго дѣла, займетъ постъ Товарища Министра Народнаго Просвѣщенія, но это назначеніе не состоялось, такъ какъ престарѣлый Статсъ-Секретарь А. С. Танѣевъ нуждался въ помощникѣ. 26 августа 1862 года по случаю пятидесятилѣтія Собственной Его Величества Канцеляріи С. А. Танѣевъ былъ Всемилостивѣйше пожалованъ въ Статсъ-Секретари Его Императорскаго Величества и въ томъ же году ему повелѣно было быть Дѣйствительнымъ Членомъ Совѣта Императорскаго Человѣколюбиваго Общества и Помощникомъ Главнаго Попечителя его, съ оставленіемъ при I Отдѣленіи Собственной Его Величества Канцеляріи (4 декабря).

Отчетъ о послѣдней заграничной командировкѣ С. А. Танѣева былъ напечатанъ въ С.-Петербургѣ въ слѣдующемъ 1863 году подъ заглавіемъ: «Записка Статсъ-Секретаря Танѣева 2-го о заграничной его дѣятельности въ теченіи 1862 года». Эта книга поучительна до сихъ поръ, такъ какъ представляетъ собою сводку мнѣній авторитетнѣйшихъ

---

[1] То есть 1862; авторъ, конечно, говоритъ не вполнѣ точно, какъ видно изъ формуляра его.

[2] «Записка Статсъ-Секретаря Танѣева 2-го о заграничной его дѣятельности въ теченіе 1862 года», СПБ., 1863 г., стр. 3.

Статсъ-Секретарь

К. К. Ренненкампфъ

Управляющій Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріей

(1889 — 1896 гг.)

ученыхъ и педагоговъ того времени объ элементарномъ образованіи, объ учительскихъ институтахъ, о среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и, наконецъ, объ университетахъ.

Самую лучшую характеристику труда С. А. Танѣева дала умѣренно-либеральная газета: «Голосъ». «Нельзя не отдать справедливости труду г-на Танѣева въ двоякомъ отношеніи—какъ по исполненію возложеннаго на него порученія разузнать мнѣнія иностранныхъ ученыхъ насчетъ нашего учебнаго проекта, такъ и по составленію отчета объ этихъ мнѣніяхъ. Въ томъ и другомъ случаѣ видны полное знакомство съ предпринятымъ дѣломъ, вѣрно опредѣленная задача и строгая послѣдовательность и систематичность. Какъ собиратель отчетовъ, г. Танѣевъ назначилъ планъ для своего труда въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ; онъ успѣлъ войти въ сношеніе со всѣми главнѣйшими представителями иностранной науки, мнѣніе которыхъ, какъ теоретиковъ или какъ практическихъ дѣятелей, можетъ имѣть значеніе и цѣну въ рѣшеніи вопроса о народномъ образованіи, и затѣмъ онъ весьма удачно составилъ сводъ мнѣній. Несмотря на свой объективный характеръ, этотъ сводъ нисколько не страдаетъ безжизненностью и сухостью; напротивъ, онъ интересенъ, отъ начала до конца. Результатъ дѣла представленъ какъ нельзя болѣе рельефно, осязательно, и читатель, даже неспеціалистъ, усваиваетъ себѣ этотъ результатъ, не путаясь предварительно, какъ это нерѣдко бываетъ при офиціальныхъ отчетахъ, въ излишнихъ мелочахъ и подробностяхъ. Здѣсь все ясно, послѣдовательно, все на своемъ мѣстѣ. Сущность дѣла, и, притомъ, дѣла весьма сложнаго и разнообразнаго, извлечена съ большимъ умѣньемъ... Авторъ «записки» оканчиваетъ свой трудъ собственными замѣтками насчетъ мнѣній, высказанныхъ иностранными учеными по поводу главнаго начала, принятаго въ основу проекта объ устройствѣ *общеобразовательныхъ* учебныхъ заведеній—начала *свободы обученія*. Онъ цитируетъ мнѣніе нѣмцевъ, французовъ и бельгійцевъ и, на основаніи собранныхъ письменныхъ данныхъ, бесѣдъ съ представителями науки, литературы и государственной дѣятельности и, наконецъ, личныхъ наблюденій, опредѣляетъ господствующій въ той или другой

Статсъ-Секретарь

С. А. Танѣевъ

Управляющій I Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи

(1866 — 1882 гг.)

Управляющій Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріей.

(1882 — 1889 гг.)

странѣ взглядъ на помянутый весьма важный вопросъ, съ объясненіемъ причинъ, обусловливающихъ существованіе такого взгляда. Въ Германіи и Бельгіи общественное мнѣніе—въ пользу свободы обученія; во Франціи рѣшительно противъ. Французы и слышать не хотятъ о свободѣ обученія и даже не понимаютъ возможности ея существованія безъ революціи. Эти заключительныя страницы самыя интереснѣйшія въ «запискѣ», и мы жалѣемъ, что по недостатку мѣста не можемъ указать здѣсь на нѣкоторые изъ выводовъ автора».[1] Послѣднее относится къ сдѣланной С. А. Танѣевымъ блестящей характеристикѣ упадка учебнаго дѣла во Франціи во время второй Имперіи. Будучи горячимъ сторонникомъ свободы обученія, С. А. Танѣевъ предостерегалъ однако отъ крайностей ея, въ которыя впадали многіе бельгійскіе дѣятели, какъ, напримѣръ, извѣстный Молинари.

Не мало энергіи положилъ С. А. Танѣевъ на приведеніе въ порядокъ дѣлъ Императорскаго Человѣколюбиваго Общества. Здѣсь ему пришлось выдержать упорную борьбу съ бюрократической рутиной. Онъ старался внести въ дѣло начало гласности и привлечь къ участію въ немъ общественныя силы. Онъ говорилъ въ засѣданіи Московскаго Попечительнаго Комитета въ іюнѣ 1864 года: «Мы должны стараться не только не скрывать, но, сколь возможно, оглашать всѣ наши дѣйствія и предположенія. Составляя сами общество, съ человѣколюбивою цѣлью основанное и организованное въ смыслѣ вѣдомства правительственнаго, мы не можемъ отказаться отъ принятія одного изъ тѣхъ началъ, которыя отличаютъ образъ дѣйствія нынѣшняго Правительства, и которыя... удовлетворяютъ съ тѣмъ вмѣстѣ духу времени. Среда общественная, которой мы служимъ, должна знать, что мы дѣлаемъ, и какъ мы дѣлаемъ. Мы не можемъ не давать ей отчета въ нашихъ распоряженіяхъ. Въ противномъ случаѣ, мы рискуемъ утратить ея довѣріе; а безъ этого довѣрія всѣ наши начинанія, сколько бы они ни были полезны, не достигнутъ своей цѣли. Къ числу условій, содѣйствующихъ сему довѣрію и самому успѣху

[1] «Голосъ», 1863 г., № 126.

управленія, надо отнести стараніе сблизиться съ публикою въ лицѣ лучшихъ общественныхъ дѣятелей. При этомъ случаѣ, я не могу скрыть желанія, чтобы Комитетъ искалъ привлечь къ сотрудничеству такихъ лицъ, которыя, пользуясь общественнымъ довѣріемъ и уваженіемъ, служатъ вполнѣ достойными представителями различныхъ общественныхъ сословій. Польза, могущая произойти отъ участія таковыхъ личностей въ дѣлѣ нашего управленія, столь же знаменательна, сколько и многостороння. Съ одной стороны, пріобрѣтая въ число нашихъ сотрудниковъ личности, заслуживающія уваженіе общественной среды, мы возвысимъ этимъ путемъ нравственный кредитъ нашего вѣдомства въ глазахъ публики; съ тѣмъ вмѣстѣ, мы будемъ въ состояніи воспользоваться опытностью людей близко свѣдущихъ по нѣкоторымъ отраслямъ общественной дѣятельности, которыя тѣсно связаны съ предметами нашего же завѣдыванія. А, слѣдуя сему пути, мы будемъ имѣть возможность осуществить то раціональное раздѣленіе труда, которое, соотвѣтствуя интересамъ вѣдомства, заключаетъ въ себѣ самыя вѣрныя гарантіи полнаго успѣха. Эти послѣднія соображенія касаются преимущественно избранія Членовъ Благотворителей (или Членовъ Сотрудниковъ). Наконецъ, я бы желалъ, въ тѣхъ же видахъ всесторонней пользы,—чтобы вопросы наиболѣе важные или же сопряженные съ знаніями спеціальными,—какъ-то: по управленію частью медицинскою, учебною и другими, а также вопросы хозяйственные,—были разсматриваемы предварительно въ особо назначенныхъ Комитетомъ временныхъ Комиссіяхъ. Разумѣется, что выборъ членовъ таковыхъ Комиссій зависѣлъ бы въ подобныхъ случаяхъ отъ общаго соглашенія Г.г. Членовъ Комитета, и что тамъ, гдѣ Комитетъ призналъ бы это нужнымъ, такого рода Комиссіи были бы снабжаемы отъ него болѣе или менѣе подробными инструкціями. Словомъ, строгое соблюденіе порядка коллегіальности, сближеніе съ общественною средою, возбужденіе въ ней довѣрія откровеннымъ образомъ дѣйствій и привлеченіе къ сотрудничеству достойныхъ представителей различныхъ общественныхъ сословій—суть тѣ именно основанія, которыя должны, по моимъ понятіямъ, служить намъ главными руководительными нитями для достиженія многосторон-

ней цѣли благотворенія, составляющей исключительный предметъ нашего вѣдомства».

Въ своей запискѣ, представленной въ Общество 12 марта 1865 г., онъ пишетъ: «съ разширеніемъ круга своей дѣятельности, оно (Общество) утратило первоначальный свой характеръ общественности и общительности. Изъ учрежденія, носящаго названіе *Общества*, оно содѣлалось вѣдомствомъ почти исключительно бюрократическимъ и замкнутымъ. Вмѣсто того, чтобы сблизиться съ общественною средою, служенію коей должна быть посвящена его дѣятельность, оно удалилось отъ нея, стало какъ бы намѣренно избѣгать всякаго съ нимъ столкновенія, окружило свои дѣйствія канцелярскою тайною, перестало даже одно время сообщать во всеобщее свѣдѣніе свои годовые отчеты. Такимъ образомъ, въ ту самую эпоху, когда по всѣмъ прочимъ вѣдомствамъ проявилась необычайная жизнь, когда не только распоряженія Правительства, вошедшія уже въ силу, но самыя его намѣренія на счетъ важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ начали появляться въ печати съ цѣлію вызвать мнѣнія и оцѣнку людей свѣдущихъ, и когда, вслѣдствіи того, эти жизненные вопросы содѣлались общимъ достояніемъ, общимъ дѣломъ всей читающей и мыслящей публики, о нашемъ вѣдомствѣ не было и рѣчи; никто не зналъ, въ чемъ заключается его настоящая дѣятельность; многіе забыли даже, что оно существуетъ. Между тѣмъ стали вкрадываться въ Человѣколюбивое Общество разнаго рода злоупотребленія, которыя, если, быть можетъ, и не совершенно обезславили его доброе имя,—то набросили на него невыгодную тѣнь и, въ свою очередь, отклонили отъ него общественное довѣріе. Немногіе примѣры частныхъ благотворителей и лицъ, предлагавшихъ свои услуги нашему вѣдомству, выражали, въ большинствѣ случаевъ, простое желаніе извлечь изъ сего участія какую либо личную пользу на основаніи тѣхъ преимуществъ, коими вознаграждаются подобнаго рода пожертвованія и услуги...»

С. А. Танѣевъ старался подчинить чиновниковъ строгой отчетности и значительно поправилъ денежныя дѣла Общества. (При его предшественникѣ оказался очень значительный дефицитъ). Полезные

дѣятели въ филіальныхъ отдѣленіяхъ Общества встрѣчали въ немъ самую горячую поддержку.

Затѣмъ въ 1863 году С. А. Танѣевъ былъ назначенъ членомъ Комитета призрѣнія заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ (6 января); между тѣмъ здоровье его родителя все болѣе и болѣе ухудшалось, и 18 мая 1866 года С. А. Танѣеву было поручено управленіе I Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи на время болѣзни ея Управляющаго. 17 іюня того же года послѣдовала кончина Статсъ-Секретаря А. С. Танѣева и его обязанности перешли къ Сергѣю Александровичу. На первомъ его отчетѣ 2 января 1868 года Государю угодно было начертать: «Искренно благодарю тебя и твоихъ помощниковъ за постоянное ваше усердіе». За отличное управленіе I Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи ему въ мартѣ того же года былъ пожалованъ орденъ св. Владимира второй степени. Нѣсколько разъ С. А. Танѣевъ удостаивался Высочайшихъ благодарностей «за отчетливую работу», какъ, напримѣръ, 10 апрѣля 1869 года по разсмотрѣніи всеподданнѣйшаго доклада по I Отдѣленію съ изложеніемъ отчетности объ успѣхѣ поступленія окладныхъ сборовъ за 1867 годъ, составленнаго на основаніи всеподданнѣйшихъ донесеній Начальниковъ губерній и областей. С. А. Танѣевъ всегда проявлялъ большой интересъ къ русской исторіи, и при немъ началась научная разработка богатаго содержанія архива I Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи. Первымъ опытомъ этого была его обширная записка о Высочайшихъ повелѣніяхъ, послѣдовавшихъ на имя его отца въ разное время. Къ разработкѣ архива онъ привлекъ такихъ свѣдущихъ людей, какъ Д. Ѳ. Кобеко и Н. Ф. Дубровинъ. Въ результатѣ этихъ трудовъ было такое цѣнное собраніе историческихъ матеріаловъ, какимъ является неоднократно упомянутый «Сборникъ». Какъ дѣятель Императорскаго Человѣколюбиваго Общества и Комитета призрѣнія заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ С. А. Танѣевъ проявлялъ всегда большую отзывчивость и мягкость сердца, и, какъ показываютъ его бумаги, ему удалось утереть немало слезъ меньшей братіи. 3 декабря 1871 года онъ былъ назначенъ

членомъ комиссіи о замѣнѣ гражданскими чиновниками военныхъ чиновъ, занимающихъ мѣста по гражданскому Вѣдомству, а 9 августа 1873 года Предсѣдателемъ Высочайше учрежденной комиссіи для пересмотра нѣкоторыхъ условій въ порядкѣ представленія къ наградамъ. 17 апрѣля 1874 года Высочайшею грамотою, послѣдовавшею на его имя, во вниманіе къ постоянно-усердной службѣ и примѣрно ревностному исполненію какъ обязанностей по управленію I Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, такъ и особымъ довѣріемъ Его Величества возлагаемыхъ на него порученій, ему Всемилостивѣйше пожалованъ орденъ св. Александра Невскаго, а въ тотъ же день черезъ три года чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. Ея Императорское Высочество, Великая Княгиня Александра Петровна въ рескриптѣ Своемъ отъ 25 апрѣля 1877 года, выражая искреннюю благодарность и совершенную признательность за веденіе дѣла по разсмотрѣнію устава и штата Покровской Общины сестеръ милосердія, соизволила предложить ему званіе почетнаго члена этой Общины, на принятіе коего и послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе. 1 января 1879 года ему Всемилостивѣйше повелѣно было быть Членомъ Государственнаго Совѣта съ оставленіемъ въ занимаемыхъ должностяхъ и въ званіи Статсъ-Секретаря. 9 января 1880 года С. А. Танѣевъ получилъ новый знакъ Высочайшаго къ нему довѣрія: въ 1879 году скончался покоритель Кавказа Генералъ-Фельдмаршалъ князь А. И. Барятинскій; кончина его такъ повліяла на его супругу, княгиню Елизавету Дмитріевну (по первому браку Давидова), что она заболѣла сильнымъ нервнымъ разстройствомъ; управленіе ея имуществомъ, а также и забота о больной требовали человѣка безупречно честнаго, и выборъ Государя остановился на С. А. Танѣевѣ. Доклады его Государю свидѣтельствуютъ о томъ, какъ удаченъ былъ выборъ, какой заботливостью окружилъ С. А. Танѣевъ больную, равно какъ и о томъ, какъ неусыпно охранялъ онъ во всемъ ея интересы. О трудахъ С. А. Танѣева въ царствованіе Императора Александра III, имѣвшихъ цѣлью упорядоченіе законодательства о наградахъ, сказано выше. Въ 1883 году онъ состоялъ предсѣдателемъ

особаго совѣщанія о томъ, должно ли дворянство пріобрѣтаться служебными наградами и Высочайшимъ пожалованіемъ или только послѣднимъ. Совѣщаніе это рѣшило вопросъ въ первомъ смыслѣ, несмотря на то, что многіе вліятельные люди того времени стояли на другой точкѣ зрѣнія, желая у насъ создать аристократію въ западно-европейскомъ смыслѣ слова. 4 ноября 1883 года Государыня Императрица «въ знакъ особеннаго благоволенія къ Статсъ-Секретарю Танѣеву и признательности за участіе его по учрежденіямъ, состоящимъ подъ Августѣйшимъ Ея Величества покровительствомъ», изволила пожаловать ему Свой портретъ съ собственноручною надписью. 13 іюля 1884 года С. А. Танѣеву Всемилостивѣйше повелѣно было быть Старшимъ Членомъ Комитета призрѣнія заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ, а 1 января 1888 года ему пожалованъ орденъ св. Владимира первой степени. Это была послѣдняя милость къ нему Государя: 3 мая слѣдующаго года С. А. Танѣевъ скончался. С. А. Танѣевъ былъ всегда горячимъ защитникомъ интересовъ народнаго просвѣщенія. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно интересно его мнѣніе по поводу устава о воинской повинности (1874 года). Онъ считалъ полезнымъ, чтобы отъ воинской повинности были освобождены не только оставленные при университетахъ, но и всѣ тѣ, которые получатъ ученыя степени, не будучи оставлены для приготовленія къ профессорскому званію, и докажутъ свое желаніе продолжать научныя занятія. При этомъ С. А. Танѣевъ указывалъ на то, какъ у насъ мало ученыхъ, вслѣдствіе чего считалъ нужнымъ всячески поощрять молодежь, вступающую на это поприще. Все это заставляетъ признать въ С. А. Танѣевѣ одного изъ просвѣщеннѣйшихъ сотрудниковъ Царя Освободителя. Какъ имя отца неразрывно связано съ исторіей въ Россіи крестьянскаго вопроса и тюрьмовѣдѣнія, такъ имя сына съ исторіей просвѣщенія. Какъ начальникъ С. А. Танѣевъ оставилъ самую теплую память въ своихъ подчиненныхъ. Обладая обширнымъ образованіемъ, этотъ государственный дѣятель въ теченіе всей своей жизни восполнялъ его. Особенно занимался онъ юридическими науками, латинскимъ языкомъ и философіей. Больше всего интересовало его римское право.

Вслѣдствіе представленія диссертаціи на тему о владѣніи (de possessione) онъ былъ признанъ докторомъ права (utriusque juris) Іенскаго университета. Его салонъ за границей посѣщали и русскія знаменитости (гр. А. и Л. Толстые) и иностранныя (А. Вагнеръ, Моль и др.). Часы досуга онъ посвящалъ музыкѣ, которую зналъ теоретически. Въ числѣ сочиненій его имѣются: струнный квартетъ, изданный у Брейткопфа, два марша, анданте и фуга для органа и другія музыкальныя пьесы; замѣчательно его «Достойно», до сихъ поръ нерѣдко исполняемое въ церквахъ С.-Петербурга.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

Царствованіе Императора Николая II.

ГЛАВА 1-я.

Главнѣйшіе моменты законодательства, касающагося Собственной Его Величества Канцеляріи и службы гражданской.

Нынѣшнее царствованіе ознаменовалось немногими, но важными узаконеніями процессуальнаго и матеріальнаго характера, относящимися какъ до самаго учрежденія, такъ и до государственной службы, наблюденіе за которой сдѣлалось теперь главнымъ дѣломъ Собственной Его Величества Канцеляріи. Относительно самаго учрежденія имѣетъ особенное значеніе указъ 14 мая 1897 года. Указомъ этимъ былъ проведенъ рядъ существенныхъ измѣненій въ составѣ управленія Канцеляріею. Канцлеръ россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ орденовъ былъ освобожденъ отъ предсѣдательствованія въ Комитетѣ о службѣ чиновъ гражданскаго Вѣдомства и о наградахъ. Предсѣдательствованіе въ послѣднемъ соединено съ управленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріею, при чемъ Управляющему ею повелѣно быть

Главноуправляющимъ съ отнесеніемъ этой должности ко второму классу. «Главноуправляющему Собственною Нашею Канцеляріею», значится въ указѣ, «присутствовать въ Государственномъ Совѣтѣ и въ Комитетѣ Министровъ по разсматриваемымъ въ сихъ установленіяхъ дѣламъ о мѣропріятіяхъ, имѣющихъ отношеніе къ гражданской службѣ». Въ Канцеляріи учреждена должность Товарища Главноуправляющаго съ правами Товарища Министра, со включеніемъ занимающаго эту должность лица въ число членовъ Комитета о службѣ чиновъ гражданскаго Вѣдомства и о наградахъ, а для управленія дѣлами Комитета и для завѣдыванія, на правахъ Директора Департамента, Инспекторскимъ отдѣломъ Канцеляріи была образована особая должность Управляющаго дѣлами Комитета о службѣ чиновъ гражданскаго Вѣдомства и о наградахъ. Мѣсто Главноуправляющаго занялъ управлявшій въ то время Канцеляріею Гофмейстеръ, нынѣ Оберъ-Гофмейстеръ и Статсъ-Секретарь А. С. Танѣевъ (состоитъ и нынѣ). Должность Товарища Главноуправляющаго занимали послѣдовательно: Петръ Александровичъ Игнатьевъ (нынѣ Сенаторъ, 1897—1902 гг.), баронъ Эммануилъ Юльевичъ Нольде (впослѣдствіи скончавшійся въ званіи Члена Государственнаго Совѣта, 1902—1903 гг.) и Егермейстеръ Николай Аркадьевичъ Воеводскій (состоитъ и нынѣ).

1 августа 1898 года былъ доложенъ Государю Императору выработанный въ Инспекторскомъ Отдѣлѣ и разсмотрѣнный въ Комитетѣ о службѣ чиновъ гражданскаго Вѣдомства и о наградахъ проектъ наградныхъ правилъ, который значительно измѣнилъ дѣйствовавшія раньше правила по тому же предмету, 9 іюля 1892 года. Проектъ этотъ имѣлъ задачею, съ одной стороны, внести въ наградное дѣло желательное объединеніе и уравнительность, а съ другой—устранить рядъ несовершенствъ, «проистекающихъ во многомъ отъ разнообразія дѣйствующихъ по различнымъ вѣдомствамъ постановленій о гражданской службѣ». Прежде всего измѣненія касались объявленія Высочайшихъ благодарности и благоволенія. Для поднятія этой награды на надлежащую высоту были сдѣланы слѣдующія предложенія: а) объявленное Именное Высочайшее благоволеніе сокращаетъ на одинъ годъ всѣ безъ исключенія

междунаградные сроки, а равно срокъ выслуги на чинъ; само оно жалуется не иначе, какъ въ норму наградъ за выдающіяся отличія, но послѣ объявленія онаго не требуется истеченія какого-либо срока для представленія къ слѣдующей наградѣ за отличія по службѣ; б) Высочайшее благоволеніе не сокращаетъ никакихъ сроковъ, но съ другой стороны и не прерываетъ теченія междунаградного срока; в) Высочайшее благоволеніе изъемлется изъ числа наградъ, испрашиваемыхъ Министрами и Главноуправляющими, и жалуется не иначе, какъ по непосредственному Монаршему усмотрѣнію, при чемъ оно никакихъ сроковъ не сокращаетъ и теченія междунаградного срока не прерываетъ, и г) будучи пожаловано лицамъ съ чинами до VI класса включительно и сокращая для таковыхъ на одинъ годъ сроки на выслугу чина, Монаршее благоволеніе стоитъ для нихъ въ ряду прочихъ наградъ и дается съ соблюденіемъ общихъ наградныхъ правилъ, для лицъ же, состоящихъ въ чинахъ V и выше классовъ, оно, при пожалованіи, не прерываетъ теченія междунаградного срока. Изъ этихъ предложеній проектъ остановился на третьемъ, коимъ устранялся утилитарный характеръ указанной награды. Далѣе однимъ изъ несовершенствъ дѣйствующаго законодательства было то, что не было установлено срока со времени первоначальнаго поступленія на службу, когда служащіе могли бы быть представляемы къ наградамъ. Теперь былъ установленъ 3-хъ лѣтній срокъ. Сообразно съ выяснившимися потребностями, допущено пожалованіе потомственнаго почетнаго гражданства безъ предварительнаго пожалованія личнаго, подъ условіемъ не менѣе двадцатилѣтняго срока полезной дѣятельности на какомъ-нибудь поприщѣ, взамѣнъ установленнаго для испрошенія личнаго почетнаго гражданства десятилѣтняго срока. Дана болѣе опредѣленная, согласно указаніямъ практики, редакція статьи, касающейся зачета въ дѣйствительную службу частныхъ занятій въ правительственныхъ или общественныхъ учрежденіяхъ. Ввиду неопредѣленности прежнихъ правилъ относительно образованія лицъ, представляемыхъ къ пожалованію имъ правъ государственной службы, на которую по происхожденію они не имѣютъ права, постановлено требованіе окончанія, по крайней мѣрѣ, курса уѣздныхъ учи-

лицъ или выдержанія соотвѣтствующаго экзамена. Въ статью о порядкѣ награжденія лицъ, состоящихъ на государственной службѣ и оказавшихъ услуги постороннимъ для нихъ Вѣдомствамъ, внесены нѣкоторыя формальныя перемѣны, направленныя къ охраненію за этими случаями свойства награжденія заслугъ, имѣющихъ служебный характеръ. Устранено противорѣчіе, заключавшееся въ награжденіи лицъ, занимающихъ должности на государственной службѣ безъ правъ на чинопроизводство, въ порядкѣ, опредѣленномъ для поощренія отличій неслужебныхъ, тогда какъ отличія ихъ имѣютъ несомнѣнно служебный характеръ. Введенъ былъ въ награжденіе орденами рядъ правилъ, имѣющихъ своей задачей съ одной стороны соблюсти интересы лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, а съ другой—внести извѣстный порядокъ въ награжденіе лицъ, занимающихъ должности безъ класса. Допущено награжденіе орденами лицъ, пріобрѣвшихъ по своему образованію право на чинъ, но еще въ немъ не утвержденныхъ. Это правило хотя и не содержалось ранѣе въ законѣ, но было освящено практикой Наградного Комитета, удостоенной Высочайшаго одобренія.

Въ порядокъ вознагражденія за особенно выдающіяся служебныя заслуги были внесены слѣдующія поправки: «1) допускается сокращеніе общаго трехлѣтняго междунаградного срока не въ общей формѣ, безъ указанія, на сколько, а съ точно выраженнымъ дозволеніемъ сокращать таковой не болѣе, чѣмъ на одинъ годъ. Такое нововведеніе вызывается съ одной стороны желаніемъ избѣгнуть всякія недоразумѣнія по сему вопросу, а съ другой стремленіемъ прервать возможность слишкомъ частаго награжденія одного и того же лица, что могло бы вести къ умаленію престижа самихъ наградъ; 2) въ видахъ же возвышенія значенія пожалованія высшими орденами и во избѣжаніе коллизіи между сроками: общимъ междунаграднымъ и междуорденскимъ, признано соотвѣтственнымъ допускать при награжденіи за выдающіяся отличія сокращенія положеннаго для орденовъ св. Анны 1-й степени и св. Владиміра 2-й степени четырехлѣтняго срока всего на одинъ годъ».

Разрѣшено было пожалованіе звѣздъ отставнымъ военнымъ и гражданскимъ чинамъ III и IV классовъ за отличія неслужебныя съ нѣкоторыми ограниченіями сравнительно съ лицами, состоящими на государственной службѣ. Разрѣшенъ былъ вопросъ о награжденіи медалями женщинъ, при чемъ тѣмъ изъ нихъ, которыя принадлежатъ къ дворянскому сословію, предоставлено преимущество получать, въ видѣ первоначальной награды, прямо золотую наградную медаль на Аннинской лентѣ. Вообще въ редакцію всѣхъ статей была внесена большая ясность и точность.

На подлинныхъ правилахъ Государь Императоръ изволилъ Собственноручно начертать: «Быть по сему».

Императоръ Александръ III, какъ извѣстно, много заботился о поддержаніи значенія дворянскаго сословія. По Его стопамъ пошелъ и Его Августѣйшій Преемникъ. Въ 1897—1900 годахъ Особымъ Совѣщаніемъ по дѣламъ дворянскаго сословія, съ участіемъ Гофмейстера А. С. Танѣева, былъ разсмотрѣнъ и внесенъ на уваженіе Государственнаго Совѣта вопросъ объ условіяхъ пріобрѣтенія правъ потомственнаго дворянства.

При обсужденіи его въ Государственномъ Совѣтѣ, съ приглашеніемъ членовъ Особаго Совѣщанія, произошло разногласіе. Меньшинство (шесть лицъ) держалось той точки зрѣнія, что дворянство должно быть пріобрѣтаемо только однимъ способомъ—путемъ Всемилостивѣйшаго пожалованія; напротивъ большинство (32 члена), въ томъ числѣ и Главноуправляющій Собственною Его Величества Канцеляріею, стояло на исторической точкѣ зрѣнія, разсматривая русское дворянство, какъ по преимуществу служилое сословіе.

Заявившіе послѣднее мнѣніе полагали, что нужно сохранить пріобрѣтеніе дворянства пожалованіемъ орденовъ и чиновъ, оградивъ однако сословіе отъ чрезмѣрнаго наплыва чуждыхъ ему и недостойныхъ элементовъ.[1] Въ этомъ смыслѣ послѣдовалъ Именной Высочайшій указъ Правительствующему Сенату 28 мая 1900 года:

[1] Арх. С. Е. В. Канц., новая опись, № 11518.

Статсъ-Секретарь Танѣевъ

Статсъ-Секретарь
А. С. Танѣевъ

Управляющій Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріей
(1896—1897 гг.)

Главноуправляющій Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріей.
(Съ 1897 г.)

«Въ ряду мѣръ, Особымъ Совѣщаніемъ по дѣламъ дворянскаго сословія соображаемыхъ, былъ имъ разсмотрѣнъ и внесенъ на уваженіе Государственнаго Совѣта вопросъ объ условіяхъ пріобрѣтенія правъ потомственнаго дворянства и о порядкѣ внесенія дворянскихъ родовъ въ родословныя книги.

Утвердивъ нынѣ послѣдовавшія по симъ предметамъ заключенія Государственнаго Совѣта, Мы увѣрены, что Россійское дворянство, пополняясь и впредь лучшими людьми, съ вящшею пользою будетъ нести исконно-вѣрную свою службу Престолу и Отечеству. Посему Повелѣваемъ:

I. Дѣйствующій законъ о пожалованіи потомственнаго дворянства (ст. 19, зак. сост., св. зак., т. IX, изд. 1899 г.) изложить слѣдующимъ образомъ:

Пожалованіемъ потомственное дворянство пріобрѣтается, когда какое либо лицо возводится въ дворянское достоинство съ потомствомъ по особенному усмотрѣнію Самодержавной власти.

II. Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

1) Потомственное дворянство за служебныя отличія пріобрѣтается: а) лицами, удостоившимися на дѣйствительной службѣ, а не при отставкѣ, производства въ чины дѣйствительнаго статскаго совѣтника, полковника или капитана I ранга, или пожалованія Россійскими орденами первыхъ степеней или орденами Св. Георгія всѣхъ степеней, а Св. Владиміра первыхъ трехъ степеней, и б) лицами духовнаго званія при сопричисленіи ихъ къ одному изъ поименованныхъ орденовъ.

2) Лица духовнаго званія и лица, состоящія на службѣ гражданской или военной, чрезъ пожалованіе ихъ орденомъ Св. Владиміра 4 степени, пріобрѣтаютъ по сему пожалованію дворянство личное, если они дотолѣ не имѣли сихъ правъ или высшихъ.

3) Орденъ Св. Владиміра 3 степени, въ порядкѣ постепенности награжденія орденами, не можетъ быть испрашиваемъ лицамъ, занимающимъ должности ниже пятаго класса и состоящимъ въ чинахъ ниже дѣйствительнаго статскаго совѣтника, а военно-служащимъ — въ чинахъ ниже полковника или капитана I ранга...

III. Дѣйствующія постановленія о возведеніи въ потомственное дворянство на основаніи приносящихъ личное дворянство чиновъ, пожалованныхъ отцу, дѣду и прадѣду просителя,—отмѣнить...»[1]

На ряду съ этимъ нынѣшнее царствованіе сдѣлало дворянство доступнымъ для всѣхъ достойныхъ его, такъ какъ государственная служба перестала теперь быть достояніемъ одного сословія. Въ 1906 году Высочайше учрежденная комиссія подъ предсѣдательствомъ Товарища Министра Внутреннихъ Дѣлъ Гурко, при участіи представителя Собственной Его Величества Канцеляріи Г. В. Коробьина, разработала вопросъ объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ ограниченій въ правахъ сельскихъ обывателей и лицъ другихъ бывшихъ податныхъ состояній. Въ обсужденіи этого законопроекта въ Совѣтѣ Министровъ участвовалъ Товарищъ Главноуправляющаго Собственной Его Величества Канцеляріей Н. А. Воеводскій. 5 октября того же года послѣдовалъ Высочайшій указъ Сенату, начинающійся такими знаменательными словами: «Великое преобразованіе 19 февраля 1861 г., пріобщивъ милліоны сельскихъ обывателей къ общегражданской жизни, положило начало постепенному уравненію крестьянъ въ правахъ съ остальнымъ населеніемъ Имперіи. Нынѣ, за воспослѣдованіемъ Манифестовъ Нашихъ отъ 6 Августа и 17 Октября минувшаго года, призвавшихъ сельское населеніе къ участію въ законодательствѣ, предстоитъ завершить мудрыя предначертанія Царя-Освободителя на возвѣщенныхъ Нами началахъ гражданской свободы и равенства передъ закономъ всѣхъ россійскихъ подданныхъ...»

Въ указѣ этомъ между прочимъ значится: «Повелѣваемъ: I. Предоставить всѣмъ россійскимъ подданнымъ безразлично отъ ихъ происхожденія, за исключеніемъ инородцевъ (св. зак. т. IX, изд. 1899 г. зак. сост., ст. 762), одинаковыя въ отношеніи государственной службы права, примѣнительно къ таковымъ правамъ лицъ дворянскаго сословія, съ упраздненіемъ всѣхъ особыхъ преимуществъ на занятіе по опредѣленію отъ Правительства нѣкоторыхъ должностей въ зависимости отъ сословнаго происхожденія.

[1] «Собраніе узаконеній и распоряженій правительства, издаваемое при Правительствующемъ Сенатѣ», 2 іюня 1900 г., ст. 1282.

II. Освободить сельскихъ обывателей и лицъ другихъ бывшихъ податныхъ состояній: а) отъ представленія ими увольнительныхъ общественныхъ приговоровъ при поступленіи въ учебныя заведенія и на гражданскую службу, равно какъ и отъ исполненія личныхъ натуральныхъ повинностей и отъ несенія общественной службы на все время прохожденія курса въ учебныхъ заведеніяхъ, или состоянія сихъ лицъ въ гражданской службѣ...

III. Отмѣнить обязательное исключеніе сельскихъ обывателей и лицъ другихъ бывшихъ податныхъ состояній изъ обществъ: а) при вступленіи ихъ въ гражданскую службу, б) при производствѣ ихъ въ чины, в) при полученіи орденовъ и знаковъ отличія, г) при окончаніи курса въ учебныхъ заведеніяхъ, д) при полученіи ученыхъ степеней и званій и также е) вообще при пріобрѣтеніи ими высшихъ правъ состоянія, разрѣшивъ этимъ лицамъ оставаться въ составѣ своихъ обществъ, пользуясь, впредь до добровольнаго выхода изъ нихъ или перечисленія соотвѣтственно пріобрѣтеннымъ ими правамъ въ иное сословное общество, всѣми связанными съ принадлежностью къ своимъ обществамъ правами, а равно и неся соотвѣтственныя обязанности, причемъ въ отношеніи подсудности, наказаній и послѣдствій, опредѣляемыхъ для преступныхъ дѣяній, означенныя лица подчиняются однако узаконеніямъ, дѣйствующимъ по отношенію къ тѣмъ высшимъ сословіямъ, или званіямъ, права коихъ сіи лица пріобрѣли».[1]

Этотъ указъ осчастливилъ многія тысячи честныхъ тружениковъ.

Указъ о децентрализаціи 5 апрѣля 1904 года мало коснулся порядка представленія къ наградамъ. Какъ исключеніе, Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, указываются только три случая: «Представленія: 1) о награжденіи медалями за подвиги человѣколюбія, съ опасностью собственной жизни совершенные (учр. орд., изд. 1892 г., ст. 726, и по прод. 1902 г., ст. 755), въ тѣхъ случаяхъ, когда сіи подвиги совершены не при исполненіи служебныхъ обязанностей; 2) о

[1] «Собраніе узаконеній и распоряженій правительства, издаваемое при Правительствующемъ Сенатѣ», 6 октября 1906 г., ст. 1700.

награжденіи медалями и кафтанами какъ занимающихъ должности по общественному крестьянскому управленію, такъ и недолжностныхъ крестьянъ (учр. орд., изд. 1892 г., ст. 734—737, и по прод. 1902 г., ст. 755 и 793 и общ. пол. крест., изд. 1902 г., ст. 199), и 3) о награжденіи медалями, указанными въ статьяхъ 770, 778 и 785 учрежденія орденовъ и другихъ знаковъ отличія, изд. 1892 г., и по прод. 1902 г., вносятся непосредственно губернаторами, по принадлежности, въ Капитулъ Орденовъ или въ Комитетъ о службѣ чиновъ гражданскаго вѣдомства и о наградахъ».[1] Всѣ остальныя представленія дѣлаются по прежнему Министрами и Главноуправляющими.

4 мая 1906 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе, въ силу коего копіи формулярныхъ списковъ о службѣ Почетныхъ Опекуновъ и Сенаторовъ сообщаются въ Собственную Его Императорскаго Величества Канцелярію, и Высочайшія резолюціи о пожалованіи имъ наградъ полагаются на спискахъ, подносимыхъ Государю Императору Главноуправляющимъ означенною Канцеляріею.[2] Такимъ образомъ въ Собственной Его Величества Канцеляріи сосредоточились свѣдѣнія о службѣ всѣхъ высшихъ чиновъ государства.

Итакъ законодательство нынѣшняго царствованія о гражданской службѣ преслѣдовало три основныхъ задачи: 1) оно сосредоточило завѣдываніе ею въ одномъ учрежденіи, поставивъ послѣднее на надлежащую высоту среди другихъ высшихъ государственныхъ учрежденій; 2) внесло бо́льшую стройность и равномѣрность въ наградное дѣло и, наконецъ, 3) возвысило значеніе наградъ, сдѣлавъ ихъ въ то же время доступными, вмѣстѣ съ гражданской службой, лицамъ всѣхъ сословій.

Какъ видно изъ примѣра наградныхъ правилъ 1898 года, значеніе Комитета о службѣ чиновъ гражданскаго Вѣдомства и о наградахъ не ограничивалось однимъ разсмотрѣніемъ представленій: на обсужденіе его восходятъ и общіе вопросы, относящіеся до наградного дѣла,

[1] «Собраніе узаконеній и распоряженій правительства, издаваемое при Правительствующемъ Сенатѣ», 11 мая 1904 г., ст. 801.

[2] Дѣла по С. Е. В. Канц., 1906 г., № 125.

какъ-то—измѣненіе наградныхъ правилъ, установленіе наградныхъ нормъ и проч. Строго наблюдая за соблюденіемъ закона о представленіяхъ, Комитетъ этотъ въ уважительныхъ случаяхъ ходатайствуетъ предъ Верховною Властью о допущеніи отступленій отъ буквы закона. Ходатайства эти восходятъ на Высочайшее воззрѣніе или журналами Комитета, или же всеподданнѣйшими докладами Главноуправляющаго, когда Комитетъ предоставляетъ Предсѣдателю испрашивать Монаршихъ указаній этимъ путемъ. Во всякомъ случаѣ всѣ подобныя представленія проникнуты искреннимъ стремленіемъ оказать награждаемымъ возможную льготу. Однако, эта сторона дѣятельности Комитета не можетъ еще быть предметомъ исторіи: она имѣетъ характеръ текущей современности, а по мѣткому замѣчанію нашего извѣстнаго историка и беллетриста: «исторія не любитъ живыхъ лицъ, ибо въ ней нѣтъ лицепріятія» (Мельниковъ—Печерскій).

ГЛАВА 2-я.

Біографіи главнѣйшихъ дѣятелей Собственной Его Величества Канцеляріи въ нынѣшнее царствованіе.

Ренненкампфъ, Константинъ Карловичъ, видный государственный дѣятель нынѣшняго царствованія, происходилъ изъ остзейскихъ дворянъ и родился 5 ноября 1826 года. Окончивъ курсъ Училища Правовѣдѣнія, Константинъ Карловичъ поступилъ 27 мая 1848 года съ чиномъ титулярнаго совѣтника младшимъ помощникомъ секретаря въ I Отдѣленіе 5-го Департамента Правительствующаго Сената. Здѣсь онъ прослужилъ до 22 іюля 1852 года, когда былъ назначенъ къ исправленію должности редактора Департамента Министерства Юстиціи. Быстро подвигаясь по службѣ, онъ 24 марта 1854 года былъ назначенъ исправляющимъ должность правителя Канцеляріи Министерства Юстиціи и занималъ эту должность до 1 марта 1858 года, когда былъ назначенъ помощникомъ Статсъ-Секретаря Государственнаго Совѣта съ производствомъ, за отлично-усердную службу, въ статскіе совѣтники. Высочайшимъ указомъ, даннымъ Комитету призрѣнія заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ 28 сентября 1858 года, ему Всемилостивѣйше повелѣно быть Директоромъ Канцеляріи этого Комитета съ оставленіемъ и въ должности помощника Статсъ-Секретаря Государственнаго

Всеподданнѣйше прошу, на мѣстѣ, Полярная Звѣзда, 22 Сентября 1907 г.

Его Императорскаго Величества

ВЫСОЧАЙШИМЪ по гражданскому вѣдомству Приказомъ отъ 30 Сентября 1902 г. за № 85 состоялось производство въ чинъ Коллежскаго Регистратора, Старшаго Околоточнаго Надзирателя Варшавской городской полиціи Михаила О в ч и н н и к о в а, по выслугѣ имъ установленнаго закономъ срока и по представленіи свидѣтельства о выдержаніи общаго на первый классный чинъ испытанія.

Между тѣмъ въ слѣдующемъ же послѣ производства Овчинникова году обнаружилось, что въ дѣйствительности онъ нигдѣ испытанію на первый классный чинъ не подвергался, представивъ начальству подложное о томъ свидѣтельство.

За такое дѣяніе Овчинниковъ былъ преданъ суду, но за силою п. I ст. XIX ВЫСОЧАЙШАГО Манифеста отъ II Августа 1904 г. дѣло производствомъ прекращено.

Вслѣдствіе сего и принимая во вниманіе, что Овчинниковъ, будучи освобожденъ отъ угрожавшаго ему по суду наказанія лишь въ виду событія рожденія НАСЛѢДНИКА Престола, пользуется, однако, и по настоящее время выгодами своего преступнаго дѣянія, такъ какъ судебное постановленіе о лишеніи его чина не могло уже состояться, пріемлю смѣлость повергнуть настоящее дѣло на благовоззрѣніе ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА и всео-

Вх. № 256 ⅞.

подданнѣйше ходатайствовать о снятіи съ Овчинникова чина Коллежскаго Регистратора, особой статьею въ Приказѣ по гражданскому вѣдомству.

Временно Управляющій Собственною Вашего Императорскаго Величества Канцеляріею, Егермейстеръ Шевалужскій

"20" Сентября 1907 года.

Совѣта. 14 апрѣля 1861 года Константинъ Карловичъ получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, а 1 января 1863 года назначенъ Управляющимъ Отдѣленіемъ Дѣлъ Государственнаго Секретаря. 19 апрѣля 1864 года, по всеподданнѣйшему докладу Статсъ-Секретаря Танѣева объ отлично-усердной службѣ и особыхъ трудахъ по званію Директора Канцеляріи Комитета призрѣнія заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ, Всемилостивѣйше пожалованъ ему орденъ Св. Станислава 1-й степени. 16 апрѣля 1867 года ему повелѣно было быть Статсъ-Секретаремъ Государственнаго Совѣта съ оставленіемъ въ занимаемыхъ должностяхъ, а 6 октября того же года состоять членомъ Высочайше учрежденной при Государственной Канцеляріи Комиссіи для предварительнаго разсмотрѣнія проектовъ преобразованія гражданскихъ учрежденій Кавказскаго Намѣстничества. Высочайшимъ указомъ, даннымъ 15 марта 1872 года Комитету призрѣнія заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ, онъ былъ назначенъ членомъ этого Комитета и, на прежнемъ основаніи, Управляющимъ дѣлами его съ оставленіемъ и въ должности Статсъ-Секретаря Государственнаго Совѣта, а Высочайшимъ указомъ 1 января 1873 года, даннымъ Правительствующему Сенату, онъ Всемилостивѣйше пожалованъ въ Статсъ-Секретари Его Императорскаго Величества съ оставленіемъ въ прежнихъ должностяхъ. По должности Статсъ-Секретаря Константинъ Карловичъ нѣсколько разъ управлялъ Государственной Канцеляріей въ отсутствіе Государственнаго Секретаря. Въ это время онъ предсѣдательствовалъ въ нѣсколькихъ комиссіяхъ, а именно: 1, по вопросу о необходимости перемѣщенія архива Государственнаго Совѣта изъ зданія Сената, 2, по вопросу объ учрежденіи ссудо-сберегательной кассы чиновъ Государственной Канцеляріи, 3, для изысканія способовъ къ увеличенію и обезпеченію финансовыхъ средствъ Комитета призрѣнія заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ и для пересмотра правилъ этого Комитета и 4, по вопросу о пріисканіи и покупкѣ дома и приспособленіи его подъ помѣщеніе архива Государственнаго Совѣта (по Высочайшему повелѣнію 15 января 1875 года). Высочайшимъ указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату 19 февраля 1875 года,

Константину Карловичу Всемилостивѣйше повелѣно присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ съ оставленіемъ въ званіи Статсъ-Секретаря Его Императорскаго Величества и въ должностяхъ, на прежнемъ основаніи, члена и управляющаго дѣлами Комитета призрѣнія заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ. Онъ присутствовалъ сначала въ 3-мъ Департаментѣ Правительствующаго Сената съ 5 марта 1875 года, а затѣмъ въ 4-мъ съ 1 января 1882 года; кромѣ того онъ состоялъ Первоприсутствующимъ въ особомъ присутствіи Правительствующаго Сената для разсмотрѣнія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ съ 31 декабря 1877 года. Съ 28 августа 1880 года онъ нѣсколько разъ управлялъ, по Высочайшему повелѣнію, Собственной Его Величества Канцеляріей. 5 января 1883 г. онъ былъ Всемилостивѣйше назначенъ предсѣдателемъ Высочайше учрежденной комиссіи по устройству состоящаго въ вѣдѣніи Комитета призрѣнія заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ пріюта для вдовъ и сиротъ послѣднихъ, а вслѣдъ затѣмъ сталъ попечителемъ его (съ 9 августа того же года). Этому учрежденію К. К. Ренненкампфъ отдалъ много силъ и энергіи, такъ что оно можетъ вполнѣ считаться его созданіемъ. Въ томъ же году 18 февраля онъ назначенъ былъ дѣйствительнымъ членомъ Совѣта Императорскаго Человѣколюбиваго Общества и Высочайше учрежденной при Собственной Его Величества Канцеляріи постоянной наградной комиссіи (4 апрѣля). Филантропическіе труды К. К. Ренненкампфа отвлекли его отъ его занятій по должности Сенатора, вслѣдствіе чего онъ былъ переведенъ для присутствія въ первое Общее Собраніе Правительствующаго Сената (1 января 1884 года). Впрочемъ уже 4 іюля 1884 года онъ былъ назначенъ членомъ временнаго при Государственномъ Совѣтѣ присутствія для разсмотрѣнія всеподданнѣйшихъ жалобъ на опредѣленія Департаментовъ Правительствующаго Сената. 28 декабря 1886 года ему Всемилостивѣйше повелѣно быть помощникомъ Главнаго Попечителя Императорскаго Человѣколюбиваго Общества съ оставленіемъ во всѣхъ прочихъ занимаемыхъ имъ должностяхъ и званіяхъ; 5 апрѣля слѣдующаго года онъ пожалованъ чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и, наконецъ, 4 мая 1889 года назначенъ Управляющимъ Собствен-

Сенаторъ

П. А. Игнатьевъ

Товарищъ Главноуправляющаго Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріей.

(1897 — 1902 гг.)

ной Его Величества Канцеляріей,—должность, которую онъ и сохранилъ до смерти. Многотрудныя занятія, соединенныя съ этой должностью, заставили его просить Государя объ увольненіи его какъ отъ управленія дѣлами Комитета призрѣнія заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ, такъ и отъ должности помощника Главнаго Попечителя Императорскаго Человѣколюбиваго Общества, что и послѣдовало 8 мая 1889 года и 25 января 1890 года; однако онъ, попрежнему, остался членомъ Комитета призрѣнія заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ, въ которомъ работалъ съ неизмѣнной энергіей 40 лѣтъ. Своей дѣятельностью въ немъ онъ составилъ себѣ извѣстность гуманнѣйшаго человѣка. Таковъ же онъ былъ и какъ начальникъ. Особенно плодотворно поработалъ Константинъ Карловичъ по устройству санаторіи Халила, которая до сихъ поръ служитъ прекраснымъ пріютомъ для лицъ, удрученныхъ болѣзнями при матеріальномъ недостаткѣ. 27 февраля 1892 года К. К. Ренненкампфу повелѣно было быть членомъ Комитета для разсмотрѣнія представленій къ Высочайшимъ наградамъ; 1 января 1895 года ему пожалованъ орденъ св. Александра Невскаго съ бриллiантовыми украшеніями; 14 мая 1896 года онъ былъ назначенъ Членомъ Государственнаго Совѣта, а уже 5 ноября того же года его не стало. Во время послѣдней своей болѣзни К. К. Ренненкампфъ удостоился милостиваго вниманія Его Величества. На прошеніи о передачѣ управленія Собственной Его Величества Канцеляріей его помощнику Государь изволилъ начертать: «Вполнѣ согласенъ, надѣюсь, что покой возстановитъ ваши нужныя для меня силы!»

Личность и достоинства К. К. Ренненкампфа мѣтко охарактеризовалъ его преемникъ по должности Статсъ-Секретарь А. С. Танѣевъ: «Вѣрою и правдою прослуживъ 4 Вѣнценосцамъ, онъ пользовался особымъ довѣріемъ въ Бозѣ почившаго Императора Александра III и нынѣ благополучно Царствующаго Государя Императора, благоволеніемъ Коего онъ былъ осчастливленъ даже тогда, когда уже лежалъ на смертномъ одрѣ. Константинъ Карловичъ обладалъ обширной опытностью въ государственныхъ дѣлахъ и замѣчательнымъ завиднымъ служебнымъ тактомъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ былъ горячо и неизмѣнно преданъ служебному долгу. Какъ человѣкъ, онъ отличался доброй, всегда

отзывчивой къ чужому горю и чужимъ нуждамъ душой. Онъ былъ всѣмъ доступенъ и простъ въ обращеніи и требовалъ такой же простоты отъ другихъ, ненавидя, такъ называемую, оффиціальность. Всѣ эти симпатичныя черты стяжали ему всеобщее уваженіе и любовь и можно сказать, что у него не было недоброжелателей».

Танѣевъ, Александръ Сергѣевичъ, Статсъ-Секретарь Его Императорскаго Величества, Оберъ-Гофмейстеръ Высочайшаго Двора, Членъ Государственнаго Совѣта, родился 5 января 1850 года, окончилъ курсъ наукъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ по юридическому факультету со степенью кандидата правъ и поступилъ на службу въ Министерство Юстиціи 3 апрѣля 1873 года. Здѣсь онъ дослужился до чина надворнаго совѣтника, занимая послѣдовательно должности младшаго помощника столоначальника Законодательнаго Отдѣленія Департамента Министерства Юстиціи и чиновника особыхъ порученій 6-го класса при Министрѣ Юстиціи. Съ 17 апрѣля 1876 года онъ состоялъ въ званіи камеръ-юнкера Двора Его Императорскаго Величества. За время службы въ Министерствѣ Юстиціи А. С. Танѣевъ находился въ цѣломъ рядѣ командировокъ: въ Царство Польское для содѣйствія Министру Юстиціи въ принятіи необходимыхъ мѣръ по введенію тамъ судебной реформы (28 апрѣля 1876 г.), въ распоряженіе Министра Юстиціи въ г. Митаву (19 іюля 1876 г.), въ Уголовное Отдѣленіе Департамента Министерства Юстиціи для занятій по производству дѣлъ по государственнымъ преступленіямъ (23 января 1877 г.), въ губерніи: Московскую, Тульскую, Калужскую, Харьковскую, Орловскую, Полтавскую и Кіевскую для содѣйствія Министру Юстиціи въ обозрѣніи, по Высочайшему повелѣнію, нѣкоторыхъ судебныхъ учрежденій округовъ Московской, Харьковской и Одесской Судебныхъ Палатъ (12 мая 1877 г.), въ Законодательное Отдѣленіе Департамента Министерства Юстиціи для занятій (15 января 1878 г.), въ Канцелярію Министерства Юстиціи (24 августа 1878 г.) и въ г.г. Кишиневъ и Измаилъ для участія въ пріемѣ отъ румынскаго правительства дѣлъ, имуществъ и учрежденій судебнаго Вѣдомства присоединяемой къ Россіи по Бер-

линскому трактату части Бессарабіи (15 сентября 1878 г.). 1 іюля 1876 г. въ Высочайшемъ приказѣ по Министерству Юстиціи ему объявлено Высочайшее благоволеніе за особые труды, на него возложенные. Досуги отъ служебныхъ дѣлъ А. С. Танѣевъ отдавалъ общественной дѣятельности: 4 марта 1875 года по докладу предсѣдателя совѣта дома призрѣнія бѣдныхъ дѣтей въ С.-Петербургѣ, онъ утвержденъ въ званіи дѣйствительнаго члена совѣта этого учрежденія, а въ 1876 году приказомъ по вѣдомству Министерства Юстиціи назначенъ почетнымъ мировымъ судьей Заславско-Острогскаго округа Волынской губерніи. Въ 1880 году А. С. Танѣевъ былъ переведенъ въ Канцелярію Комитета Министровъ на должность начальника отдѣленія ея, а 3 января 1885 года произведенъ за отличіе въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Въ томъ же году семейныя обстоятельства заставили его покинуть службу въ Канцеляріи Комитета Министровъ. 1 января слѣдующаго года онъ былъ Всемилостивѣйше пожалованъ въ званіе камергера Двора Его Императорскаго Величества, а черезъ годъ поступилъ на службу въ Собственную Его Императорскаго Величества Канцелярію, гдѣ состоялъ старшимъ чиновникомъ и членомъ постоянной наградной комиссіи. 28 февраля 1892 года А. С. Танѣевъ былъ назначенъ Помощникомъ Управляющаго Собственною Его Величества Канцеляріею, и тогда же ему было Всемилостивѣйше повелѣно быть членомъ Комитета для разсмотрѣнія представленій къ Высочайшимъ наградамъ. Затѣмъ, въ виду преобразованія этого учрежденія въ Комитетъ о службѣ чиновъ гражданскаго Вѣдомства и о наградахъ, на него возложено было, по должности Помощника Управляющаго Собственною Его Величества Канцеляріею, завѣдываніе Инспекторскимъ Отдѣломъ ея. 2 апрѣля 1895 года онъ былъ пожалованъ въ Гофмейстеры Двора Его Императорскаго Величества и въ томъ же году съ соизволенія Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны назначенъ вице-предсѣдателемъ состоящаго подъ непосредственнымъ Ея Императорскаго Величества предсѣдательствомъ Комитета попечительства о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ, а также вступилъ въ исполненіе обязанностей товарища предсѣдателя совѣта состоящаго подъ

Высочайшимъ покровительствомъ Его Императорскаго Величества пріюта въ Бозѣ почившей Великой Княгини Екатерины Михаиловны для призрѣнія дѣтей на время нахожденія родителей въ больницахъ. Во время болѣзни Статсъ-Секретаря Константина Карловича Ренненкампфа на А. С. Танѣева было возложено управленіе Собственной Его Величества Канцеляріей, а послѣ кончины послѣдняго, 6 декабря 1896 года, ему Всемилостивѣйше повелѣно было быть Управляющимъ Собственною Его Величества Канцеляріею. Тогда же онъ былъ назначенъ членомъ Комитета призрѣнія заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ и попечителемъ состоящаго въ вѣдѣніи этого Комитета пріюта для вдовъ и круглыхъ сиротъ съ возложеніемъ на него обязанности поднесенія всеподданнѣйшихъ докладовъ по дѣламъ означеннаго Комитета. 14 мая 1897 года произошло преобразованіе управленія Собственной Его Величества Канцеляріей, вслѣдствіе чего Гофмейстеру Танѣеву Всемилостивѣйше повелѣно было быть Главноуправляющимъ Канцеляріей. 13 августа 1898 года Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ благоугодно было выразить А. С. Танѣеву сердечную Ея Величества благодарность за понесенные въ теченіе трехъ лѣтъ, по званію вице-предсѣдателя Комитета, труды. Въ 1899—1901 годахъ онъ предсѣдательствовалъ въ Высочайше учрежденномъ Особомъ Совѣщаніи для пересмотра дѣйствующихъ правилъ о нормѣ наградъ за выдающіяся отличія и принималъ участіе въ трудахъ Высочайше образованной при Государственномъ Совѣтѣ комиссіи для пересмотра устава о службѣ гражданской и другихъ, относящихся до сей службы, постановленій, за что и удостоился Монаршей Его Императорскаго Величества благодарности (16 мая 1901 г.). 31 января 1901 г., согласно единогласному постановленію общаго собранія членовъ Россійскаго Общества Краснаго Креста, Высочайше утвержденному Августѣйшею Покровительницею этого общества, А. С. Танѣевъ избранъ въ почетные члены его, а 25 апрѣля 1902 г., съ Высочайшаго соизволенія Государя Императора, онъ былъ утвержденъ почетнымъ членомъ состоящей подъ непосредственнымъ Его Императорскаго Величества Государя Императора покровительствомъ

Тайный совѣтникъ

Баронъ Э. Ю. Нольде

Товарищъ Главноуправляющаго Собственной
Его Императорскаго Величества Канцеляріей.

(1902 — 1903 гг.)

Александровской Общины сестеръ милосердія «Утоли моя печали». Въ Высочайшемъ рескриптѣ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны объявлена А. С. Танѣеву благодарность Ея Величества за постоянные и неизмѣнно-ревностные труды по званію вице-предсѣдателя Комитета попечительства о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ (25 мая 1902 г.). 19 декабря 1902 года Императорская Академія Наукъ оказала вниманіе государственной дѣятельности А. С. Танѣева, избравъ его своимъ почетнымъ членомъ. 28 марта 1904 г. А. С. Танѣевъ Всемилостивѣйше пожалованъ былъ въ Статсъ-Секретари Его Величества, а со 2 апрѣля 1906 года состоитъ Членомъ Государственнаго Совѣта. Начиная съ іюня 1905 года, онъ принималъ дѣятельное участіе въ работахъ по облегченію бѣдствій, нанесенныхъ русскому обществу несчастной японской войною, какъ членъ Алексѣевскаго Главнаго Комитета по призрѣнію дѣтей лицъ, погибшихъ въ войну съ Японіей. Въ декабрѣ 1906 года Главноуправляющій Собственной Его Величества Канцеляріею былъ пожалованъ Оберъ-Гофмейстеромъ Высочайшаго Двора при слѣдующемъ рескриптѣ:

«Александръ Сергѣевичъ. Въ теченіе десяти лѣтъ управляя Моею Канцеляріею, въ коей сосредоточено высшее завѣдываніе инспекторскою частью гражданскаго вѣдомства, вы своею дѣятельностью способствуете правильной постановкѣ этой части, упорядоченіе коей озабочивало въ Бозѣ почившаго Моего Родителя Императора Александра III. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ качествѣ Вице-Предсѣдателя Комитета попечительства о трудовой помощи, вы являетесь ближайшимъ сотрудникомъ Любезнѣйшей Моей Супруги Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны въ Сердечныхъ Ея попеченіяхъ о судьбѣ обездоленныхъ тружениковъ. Желая явить знакъ Монаршаго вниманія къ отличнымъ трудамъ вашимъ, вполнѣ согласнымъ съ Моими указаніями, Я Указомъ, сего числа Правительствующему Сенату даннымъ, пожаловалъ васъ *Оберъ-Гофмейстеромъ Моего Двора.* Пребываю неизмѣнно къ вамъ благосклонный

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: «и благодарный Николай».[1]

[1] С. Е. В. Канц., формулярный списокъ о службѣ Статсъ-Секретаря А. С. Танѣева.

25 апрѣля 1912 года А. С. Танѣеву пожалованы брилліанты на орденъ св. Александра Невскаго.

Кромѣ своей служебной и государственной дѣятельности, А. С. Танѣевъ извѣстенъ какъ композиторъ. Ему принадлежатъ три симфоніи, оперы: «Месть амура» и «Метель», музыкальная поэма: «Алеша Поповичъ», три квартета и другія музыкальныя пьесы. Онъ состоитъ почетнымъ членомъ Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества и руководитъ въ Императорскомъ Географическомъ Обществѣ изученіемъ русской народной пѣсни, въ качествѣ предсѣдателя спеціальной комиссіи.

Нольде, баронъ Эммануилъ Юльевичъ, второй изъ Товарищей Главноуправляющаго Собственной Его Величества Канцеляріей, родился 27 іюня 1854 года и происходилъ изъ курляндскихъ дворянъ. Окончивъ блестяще курсъ наукъ въ Императорскомъ Училищѣ Правовѣдѣнія, баронъ Нольде первое десятилѣтіе своей службы проходилъ сначала въ Канцеляріи Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента, потомъ въ Департаментѣ Министерства Юстиціи и въ должности Оберъ-Секретаря Общаго Собранія и Соединеннаго Присутствія I-го и Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената. Въ 1884 году онъ, съ Высочайшаго соизволенія, былъ переведенъ на службу въ Кодификаціонный Отдѣлъ при Государственномъ Совѣтѣ, состоявшій подъ начальствомъ Главноуправляющаго Статсъ-Секретаря Фриша, который высоко цѣнилъ его способности и трудолюбіе. Въ должности управляющаго письмоводствомъ и старшаго чиновника Отдѣла баронъ Нольде прослужилъ до 1 января 1894 года, когда былъ назначенъ помощникомъ Статсъ-Секретаря Государственнаго Совѣта вслѣдствіе объединенія Кодификаціонной части съ Государственной Канцеляріей. Осенью того же года онъ былъ назначенъ старшимъ чиновникомъ вновь образованнаго Инспекторскаго Отдѣла при Собственной Его Величества Канцеляріи.

Кромѣ своихъ непосредственныхъ обязанностей, въ это время баронъ Эммануилъ Юльевичъ исполнялъ цѣлый рядъ важныхъ порученій. Такъ въ 1878 году онъ былъ командированъ въ распоряженіе члена Консультаціи, при Министерствѣ Юстиціи учрежденной, и

исполняющаго обязанности товарища Оберъ-Прокурора Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Сената, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Шрейбера, на время производства порученной ему ревизіи дѣлопроизводства Виленской Палаты уголовнаго и гражданскаго суда и мировыхъ судебныхъ установленій Виленской губерніи. Особеннаго вниманія заслуживаетъ дѣятельность барона, какъ дѣлопроизводителя редакціонной комиссіи для составленія проекта уголовнаго уложенія. Кромѣ того онъ принималъ дѣятельное участіе въ слѣдующихъ комиссіяхъ: для обсужденія неудобствъ въ законахъ о порядкѣ производства дознаній и слѣдствій о государственныхъ преступленіяхъ, объ измѣненіи финляндскихъ уголовныхъ узаконеній, о процессуальныхъ законахъ, опредѣляющихъ взаимныя отношенія жителей Имперіи и Великаго Княжества Финляндскаго, объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній для ссыльныхъ женщинъ, объ организаціи Кодификаціонной части въ составѣ Государственной Канцеляріи и о кругѣ дѣйствій Инспекторскаго Отдѣла и въ трудахъ II отдѣла Высочайше учрежденной при Министерствѣ Юстиціи комиссіи для пересмотра законоположеній по судебной части. Такіе разнообразные труды барона Нольде удостоивались много разъ Высочайшихъ благоволеній и отличій до ордена св. Анны I-й степени.

15 мая 1895 года онъ былъ назначенъ членомъ особой комиссіи при Комитетѣ о службѣ чиновъ гражданскаго Вѣдомства и о наградахъ для пересмотра положенія 6 мая 1894 года объ Инспекторскомъ Отдѣлѣ. 5 апрѣля 1898 года ему былъ пожалованъ чинъ тайнаго совѣтника. Въ слѣдующемъ году онъ былъ назначенъ членомъ Комитета о службѣ чиновъ гражданскаго Вѣдомства, а черезъ два года ему пожалованъ орденъ св. Владиміра 2 степени. Съ 1902 года онъ занялъ должность Товарища Главноуправляющаго Собственной Его Величества Канцеляріей. За это время онъ много разъ привлекался къ различнымъ законодательнымъ работамъ: такъ, согласно приглашенію Государственнаго Секретаря, принялъ участіе въ совѣщаніяхъ Отдѣленія Свода Законовъ Государственной Канцеляріи по кодификаціи III и IX т. Свода Законовъ (1895 г.); приглашался предсѣдателемъ

Высочайше учрежденной при Государственномъ Совѣтѣ комиссіи для пересмотра законоположеній о службѣ гражданской для представленія объясненій въ засѣданіяхъ образованнаго изъ состава комиссіи предварительнаго совѣщанія для разработки проекта новаго устава о гражданской службѣ; съ соизволенія Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, поручено было ему быть представителемъ состоящаго подъ предсѣдательствомъ Ея Величества Комитета попечительства о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ въ Высочайше учрежденной при Министерствѣ Юстиціи комиссіи для составленія предположеній о мѣрахъ борьбы съ профессіональнымъ нищенствомъ (въ маѣ 1898 г.); по Высочайшей волѣ онъ приглашался въ числѣ лицъ, принадлежащихъ къ составу редакціонной комиссіи для составленія проекта уголовнаго уложенія, для представленія объясненій въ засѣданія Высочайше учрежденнаго при Государственномъ Совѣтѣ особаго подъ предсѣдательствомъ Статсъ-Секретаря Фриша совѣщанія для предварительнаго разсмотрѣнія внесеннаго въ Государственный Совѣтъ проекта новаго уголовнаго уложенія и образованнаго для разсмотрѣнія этого проекта Особаго Присутствія Государственнаго Совѣта подъ предсѣдательствомъ Статсъ-Секретаря графа Палена (въ октябрѣ того же года); Министромъ Юстиціи приглашенъ былъ для участія въ качествѣ члена въ трудахъ Высочайше учрежденной при Министерствѣ Юстиціи комиссіи для составленія проекта дополнительныхъ узаконеній, вызываемыхъ составленіемъ проекта новаго уголовнаго уложенія (въ декабрѣ того же года); какъ представитель отъ Собственной Его Величества Канцеляріи, онъ участвовалъ въ работахъ Высочайше учрежденной при Финляндскомъ Статсъ-Секретаріатѣ комиссіи для пересмотра дѣйствующихъ въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ правилъ о службѣ чиновъ гражданскаго Вѣдомства въ Финляндіи (8 мая 1901 года); за ревностное и полезное участіе въ трудахъ Высочайше образованной при Государственномъ Совѣтѣ комиссіи для пересмотра устава о службѣ гражданской и другихъ относящихся до сей службы постановленій 16 мая 1901 года ему объявлена Монаршая Его Величества благодарность. 30 декабря 1902 года онъ перешелъ на должность Управляющаго дѣлами Коми-

Егермейстеръ

Н. А. Воеводскій

Товарищъ Главноуправляющего Собственной
Его Императорскаго Величества Канцеляріей.

(Съ 1903 г.)

тета Министровъ, которую занималъ до весны 1906 года. 11 августа 1904 года ему Всемилостивѣйше пожаловано званіе Статсъ-Секретаря Его Величества, а въ слѣдующемъ году на него были возложены обязанности замѣстителя Намѣстника Его Императорскаго Величества на Кавказѣ въ высшихъ государственныхъ установленіяхъ; эту обязанность онъ и исполнялъ до смерти. Въ качествѣ Управляющаго дѣлами Комитета Министровъ онъ принималъ ближайшее участіе въ разработкѣ всѣхъ реформъ высшихъ государственныхъ учрежденій въ 1904—1906 гг. (въ составленіи указа 12 декабря 1904 года, въ разработкѣ Учрежденія Государственной Думы 6 августа 1905 года, дѣйствующихъ Учрежденій Государственной Думы и Государственнаго Совѣта и основныхъ законовъ Россійской Имперіи и ряда другихъ актовъ государственной важности за указанные годы). Въ апрѣлѣ 1906 г., передъ самымъ упраздненіемъ Комитета Министровъ, баронъ Нольде назначенъ былъ Членомъ Государственнаго Совѣта съ сохраненіемъ за нимъ обязанностей замѣщать Намѣстника Кавказа въ засѣданіяхъ высшихъ государственныхъ установленій. Онъ скончался 14 декабря 1909 года на 55 году отъ рожденія. Репутація хорошаго юриста, блестящаго докладчика и тонкаго редактора была достояніемъ его въ продолженіе всей его карьеры. Онъ рѣдко выступалъ въ Государственномъ Совѣтѣ, но принималъ дѣятельное участіе въ работахъ комиссій, а равно 2-го Департамента, членомъ котораго состоялъ до своей кончины.

Примѣчаніе. При печатаніи документовъ строго соблюдалось правописаніе подлинниковъ.

Указатель портретовъ и рисунковъ.

Страницы.

Его Императорское Величество Государь Императоръ Николай Александровичъ—офортъ работы профессора В. В. Матэ.

Императоръ Александръ I—геліогравюра съ портрета работы Лауренса, въ Оружейной Палатѣ въ Москвѣ 1

Императоръ Николай I—геліогравюра съ портрета работы Ботмана, въ ротондѣ Зимняго дворца 139

Императоръ Александръ II—геліогравюра съ портрета работы Лаврова, въ Михайловской артиллерійской академіи 203

Императоръ Александръ III—офортъ работы профессора В. В. Матэ . 265

Д. П. Трощинскій—геліогравюра съ портрета работы Боровиковскаго, въ Русскомъ музеѣ Императора Александра III 97

Графъ А. А. Аракчеевъ—геліогравюра съ портрета работы Дау (Dawe), въ Военной галлереѣ Зимняго дворца 113

В. Р. Марченко—геліогравюра съ современной литографіи, принадлежащей Н. Н. Покровскому 129

Н. Н. Муравьевъ—геліогравюра съ портрета, принадлежащаго М. В. Муравьеву 197

В. Я. Ханыковъ—геліогравюра съ современной литографіи работы Петера, принадлежащей княгинѣ Святополкъ-Мирской 201

Страницы.

А. С. Танѣевъ—геліогравюра съ портрета работы Заряпки, принадлежащаго Статсъ-Секретарю А. С. Танѣеву 249

С. А. Танѣевъ—геліогравюра съ фотографіи 297

К. К. Ренненкампфъ—геліогравюра съ фотографіи 305

А. С. Танѣевъ—геліогравюра съ фотографіи 308

П. А. Игнатьевъ—геліогравюра съ фотографіи 317

Баронъ Э. Ю. Нольде—геліогравюра съ фотографіи 321

Н. А. Воеводскій—геліогравюра съ фотографіи 325

Зимній дворецъ въ царствованіе Императора Николая I (1840 г.)—геліогравюра съ акварели работы В. Садовникова, въ Собственной Его Императорскаго Величества библіотекѣ (Зимній дворецъ) 185

Іезуитскій домъ—геліогравюра съ фотографіи 233

Нынѣшнее помѣщеніе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи—геліогравюра съ фотографіи 241

Снимки съ нѣкоторыхъ документовъ, хранящихся въ архивѣ Собственной Его Величества Канцеляріи.

Страницы.

Указъ Императора Александра I, 26 августа 1818 года, съ Собственноручными дополненіемъ и поправкой, контрасигнированный графомъ А. А. Аракчеевымъ 33

Собственноручная резолюція Императора Александра I на таблицѣ о главнѣйшихъ въ Имперіи происшествіяхъ, составленной изъ донесеній, полученныхъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, съ 2-го по 9-е ноября 1822 года 49

Высочайшій рескриптъ графу А. А. Аракчееву, 20 сентября 1816 года, о приведеніи въ порядокъ Смоленской губерніи 65

Высочайшее повелѣніе, 28 іюля 1816 года, записанное графомъ А. А. Аракчеевымъ на докладной запискѣ послѣдняго о произведенномъ А. С. Танѣевымъ разслѣдованіи 73

Собственноручная резолюція Императора Николая I, 9 ноября 1828 года, на докладной запискѣ А. С. Танѣева объ осмотрѣ имъ тюремъ . 161

Проектъ объявляемаго Высочайшаго повелѣнія Управляющему Министерствомъ Юстиціи съ Собственноручной припиской Императора Николая I, 13 февраля 1830 года 169

Собственноручная резолюція Императора Александра II на отчетѣ I Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи за

Страницы

1855 годъ (въ документѣ упоминается о знаменательной резолюціи Императора Николая I, 3 декабря 1835 года) 217

Собственноручная резолюція Императора Александра II, 1 декабря 1872 года, на журналѣ Кавказскаго Комитета 28 ноября 225

Собственноручная резолюція Императора Александра III, 29 декабря 1886 года, на краткомъ наградномъ спискѣ по Россійскому Обществу Краснаго Креста 273

Собственноручная резолюція Императора Александра III, 23 декабря 1893 года, на справкѣ, касающейся учрежденія и упраздненія Инспекторскаго Департамента гражданскаго Вѣдомства, представленной Статсъ-Секретаремъ Ренненкампфомъ 281

Собственноручная резолюція Его Императорскаго Величества Государя Императора Николая Александровича, 22 сентября 1907 года, на всеподданнѣйшемъ докладѣ Егермейстера Н. А. Воеводскаго 313

Въ концѣ трехъ первыхъ частей помѣщены fac-simile знаковъ разсмотрѣнія въ Бозѣ почивающихъ Государей Императоровъ, а въ концѣ двухъ послѣднихъ воспроизведены ex-libris Императора Александра III и Его Императорскаго Величества Государя Императора Николая Александровича.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Страницы.

Часть первая. Царствованіе Императора Александра I.

Глава 1-я. Краткій очеркъ учрежденій, предшествовавшихъ по значенію Собственной Его Величества Канцеляріи. Общее значеніе ея во время управленія графа А. А. Аракчеева. 1

Глава 2-я. Особыя дѣла, входившія въ вѣдомство Собственной Его Величества Канцеляріи. 25

Глава 3-я. Порученія, которыя давались лицамъ, служившимъ въ Собственной Его Величества Канцеляріи 55

Глава 4-я. Черты быта учрежденія въ первый періодъ его существованія. 78

Глава 5-я. Біографическія свѣдѣнія о главныхъ дѣятеляхъ Собственной Его Величества Канцеляріи въ царствованіе Императора Александра I. 93

Часть вторая. Царствованіе Императора Николая I.

Глава 1-я. Время управленія Статсъ-Секретаря Н. Н. Муравьева (1826—1832 гг.). 139

Глава 2-я. Время управленія Статсъ-Секретаря А. С. Танѣева до кончины Императора Николая I (1832—1855 гг.) 169

Глава 3-я. Біографическія свѣдѣнія о главнѣйшихъ дѣятеляхъ Собственной Его Величества Канцеляріи въ царствованіе Императора Николая I 196

Страницы.

Часть третья. Царствованіе Императора Александра II.

Глава 1-я. Конецъ управленія Статсъ-Секретаря А. С. Танѣева (1856—1866 гг.) 203

Глава 2-я. Время управленія Статсъ-Секретаря С. А. Танѣева до кончины Императора Александра II (1866—1881 гг.) 224

Глава 3-я. Біографія Статсъ-Секретаря Александра Сергѣевича Танѣева . 247

Часть четвертая. Царствованіе Императора Александра III.

Глава 1-я. Обзоръ дѣятельности Собственной Его Величества Канцеляріи. Учрежденіе Инспекторскаго отдѣла и Комитета о службѣ чиновъ гражданскаго Вѣдомства и о наградахъ (1881—1894 гг.). 264

Глава 2-я. Біографія Статсъ-Секретаря Сергѣя Александровича Танѣева. . 293

Часть пятая. Царствованіе Императора Николая II.

Глава 1-я. Главнѣйшіе моменты законодательства, касающагося Собственной Его Величества Канцеляріи и службы гражданской 304

Глава 2-я. Біографіи главнѣйшихъ дѣятелей Собственной Его Величества Канцеляріи въ нынѣшнее царствованіе 314

Указатель портретовъ и рисунковъ 326

Снимки съ нѣкоторыхъ документовъ, хранящихся въ архивѣ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. 328